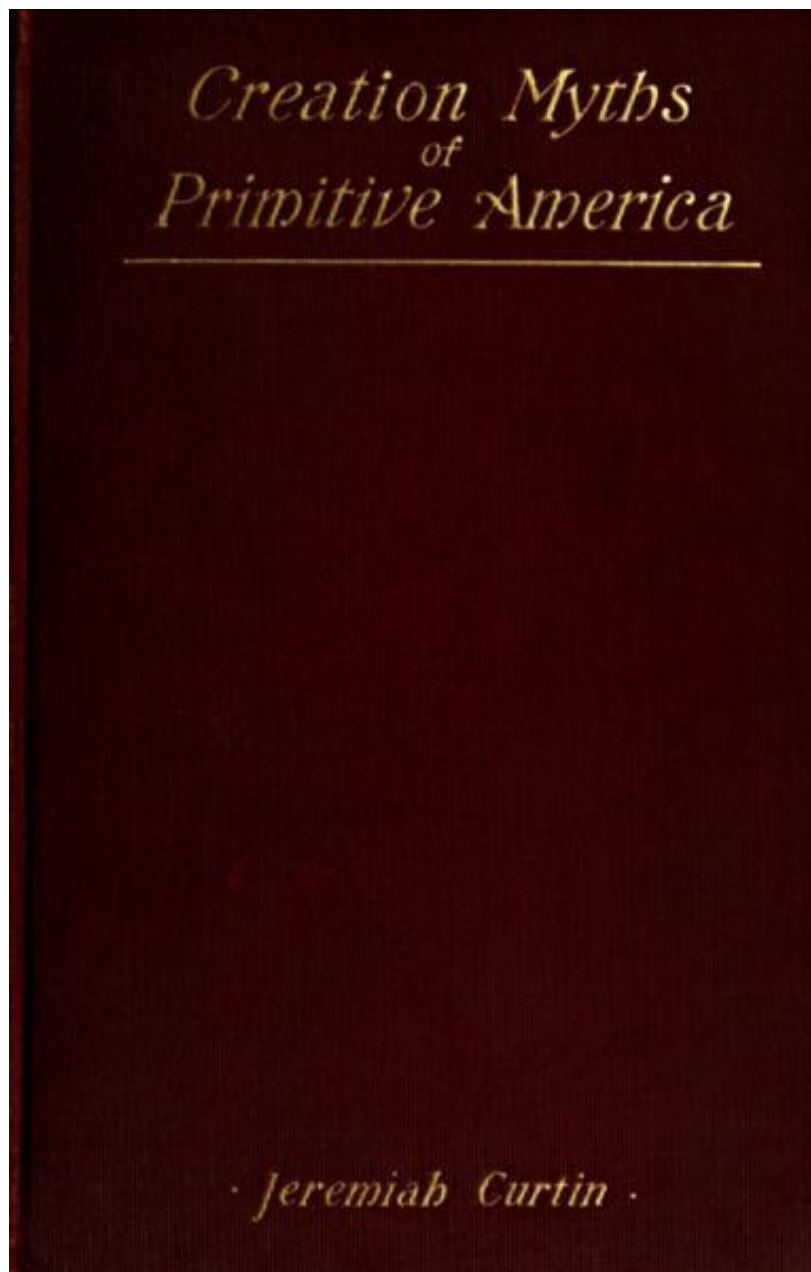

Мифы о сотворении мира первобытной Америки в связи с религиозной историей и умственным развитием человечества

Джереми Кертин

Электронная книга проекта "Гутенберг" о мифах первобытной Америки о сотворении мира

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мифы первобытной Америки о сотворении мира

Автор: Джереми Кертин

Дата выхода: 11 марта 2012 [Электронная книга №39106]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Сюзанна Шелл, Сэм У. и команда корректоров, распространяемая онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА" МИФЫ ПЕРВОБЫТНОЙ АМЕРИКИ " ***

Примечание переписчика

Большинство букв с ударением в этой книге используются для обозначения произношения. Они обычно используются во вступлении в начале каждого рассказа, но не в самих рассказах.

Примечания в конце включать в списки географических названий, некоторые из которых содержат символы, с иске (например, ä, ë, ï, ö, ÿ, Ë) или с бревисом и острым ударением (например, é, í, ý). Если эти символы отображаются неправильно, возможно, вы захотите изменить свои настройки.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА ПЕРВОБЫТНОЙ АМЕРИКИ В СВЯЗИ С *религиозной историей и умственным развитием человечества*

АВТОР : ДЖЕРЕМИ КЕРТИН

Автор книг "Мифы и фольклор Ирландии", "Мифы и сказки русских, западных славян и мадьяр", "Сказки о героях Ирландии" и др.

БОСТОН
ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ
1898

Авторское право, 1898

Год Джереми Кертиса

-

Все права защищены

Издательство Университета
Джон Уилсон и сын, кембридж, США

Работы Куртина О ФОЛЬКЛОРЕ И МИФАХ.

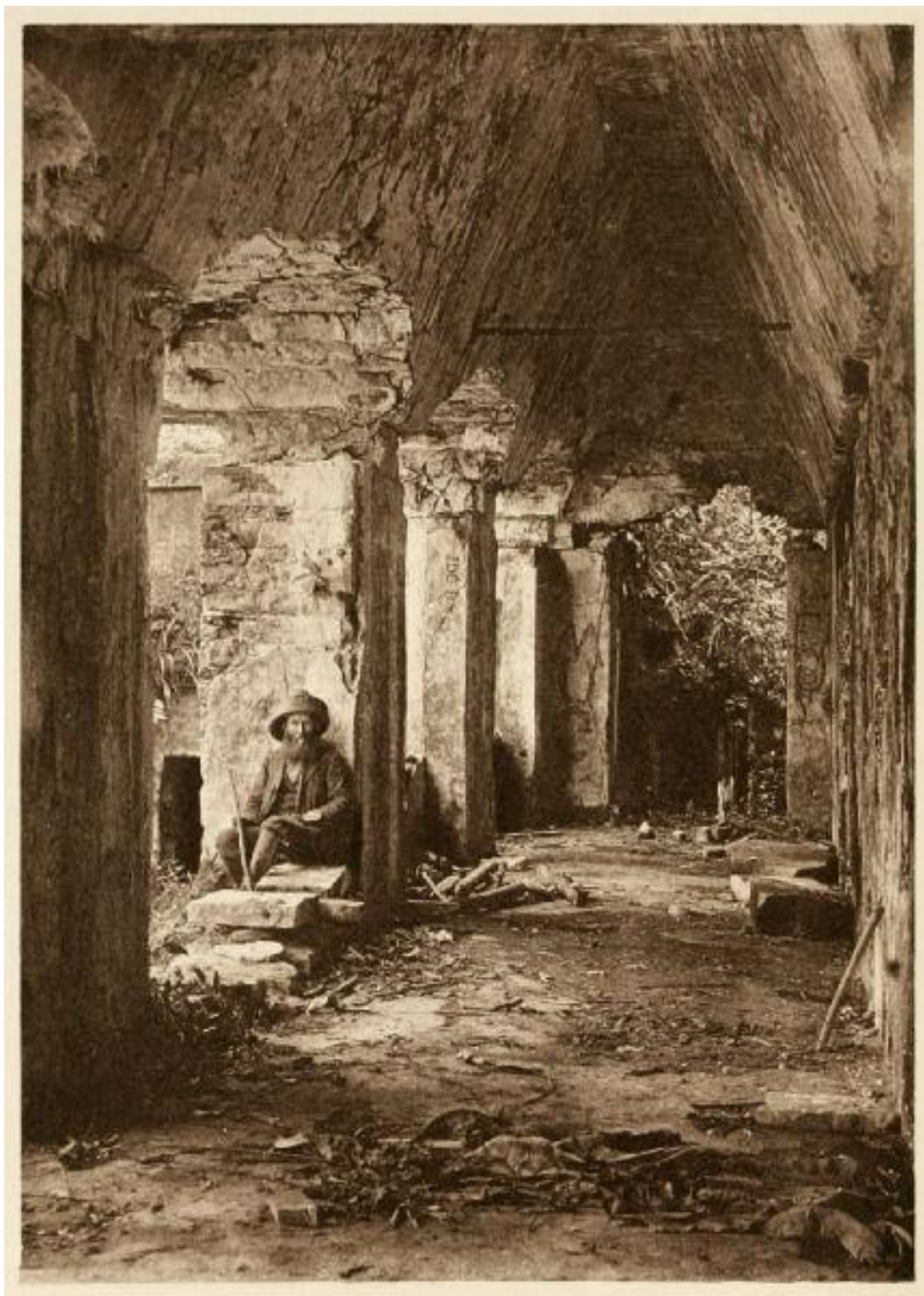
Мифы и фольклор Ирландии.

Ирландские сказки о героях.

Ирландские сказки.

Мифы и народные сказки русских, западных славян и мадьяр.

Мифы о сотворении мира в первобытной Америке.

Иеремия Куртин на руинах Паленке, Центральная Америка.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*То МАЙОРУ Дж. У. ПАУЭЛЛУ, директору Бюро этнологии Смитсоновского института,
доктору права Гарварда и Гейдельберга:*

Сэр, Вы потеряли правую руку, сражаясь за спасение единства Америки; но хотя рука покинула вас, ее хитрость осталась, а также способность планировать и приводить в исполнение.

Тот же импульс, который отправил вас на поле битвы, чтобы служить стране и миру, отправил вас в область науки, чтобы служить геологом и исследователем в величественном регионе Колорадо, и, наконец, привел вас к основанию Бюро этнологии. Благодаря вашим трудам в сочетании с трудами людей, с которыми вы сотрудничали, мир узнал о великой примитивной расе нашей страны больше, чем с момента открытия континента до того дня, когда было основано Бюро.

Я прошу подарить вам эту книгу в знак моего уважения и дружбы.

ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

Пароход “Германик”,
посреди Атлантического океана,
21 октября 1898 г..

Содержание

	Страница
Введения	xi
Олелбис	3
Олелбис и Мэм Лоймис	51
Норван	69
Тулчухеррис	121
Седит и два брата Хус	163
Хоут	177
Норванчакус и Кериха	211
Келе и Седит	243
Кол Тибичи	267
Победа Халаи Ауны над Домом Туина	281
Хакасы и тенны	297

Илхатайна	313
Хитчинна	325
Тирукала	339
Жены Суконии и сестры Ичпул	353
Обретение огня	365
Хака Кайна	373
Титинди Маупа и Пайова, младшая дочь Вакары	389
Две сестры, Хака Ласи и Цоре Джова	407
Сон о Джувайю и его путешествии в Страну Дамхауджи	425
Бегство Цануневи и поражение Хехку	445
Первая битва в мире и создание Яны	467
Примечания и названия мест	485

Введение

Мифы о сотворении мира в Америке образуют целостную систему; они дают подробный и обстоятельный отчет о происхождении этого мира и всех вещей и созданий, содержащихся в нем. В ходе различных повествований, составляющих эту мифологическую систему, нам описывается более ранний мир с порядком существования и методом поведения, по которому была построена жизнь первобытного человека в Америке.

В том более раннем мире было два периода продолжительности: один — полной гармонии; другой - насилия, столкновений и конфликтных ситуаций. Результатом второго периода стало сотворение всего одушевленного на земле, кроме человека. Человек в американской схеме сотворения стоит особняком; он совершенно одинок, своеобразен и неповторим. Прежде всего, он принадлежит этому континенту. Белый человек был неизвестен американским мифотворцам, как и люди любой другой расы и из любого региона за пределами Западного полушария.

Американская мифологическая система, кратко описанная индейцем, выглядит следующим образом: “Был мир до того, в котором мы живем сейчас; это был мир первых людей, которые совершенно отличались от нас. Эти люди были очень многочисленны, настолько многочисленны, что если бы можно было сосчитать все звезды на небе, все перья на птицах, все волосы и мех на животных, все волосы на наших собственных головах, их было бы не так много, как первых людей”.

Эти люди очень долго жили в мире, согласии, гармонии, счастье. Никто не знает, никто не может сказать, как долго они так жили. Наконец умы всех, за исключением очень небольшого числа людей, изменились; они вступили в конфликт — один оскорбил другого сознательно или бессознательно, один ранил другого с намерением или без, один хотел чего-то особенного, другой тоже хотел этого. Начался конфликт, и из—за этого наступило время активности и борьбы, которой не было конца до тех пор, пока подавляющее большинство первых людей — то есть все, за исключением небольшого числа — не были превращены в различные виды живых существ, которые есть на земле сейчас или когда-либо были на земле, кроме человека, - то есть во все виды зверей, птиц, рептилий, рыб, червей и насекомых, а также в деревья, растения, травы, камни и некоторые горы; они были превращены во все, что мы видим на земле или в небе.

То небольшое число бывших людей, которые не ссорились, те великие первые люди древности, которые оставались единомышленниками и гармоничными, “покинули землю, уплыли на запад, перешли ту черту, где небо спускается к земле и касается ее, уплыли в места за ее пределами; остались там или удалились в высшие области и жили в них счастливо, жили в согласии, живут так сегодня и будут жить так же после”.

Американская система, как мы видим, начинается с неизвестного великого, неопределенного числа несотворенных существ, другими словами, самосуществующих персонажей или божеств. Сначала эти божества были всем; не было ничего, кроме них, ничего помимо них, ничего за их пределами. Они существовали неизменными на протяжении неисчислимых периодов, или, скорее, на протяжении продолжительности, которая была бы периодами, если бы существовала мера, на которую ее можно было разделить. Они жили бок о бок в совершенном согласии, в покое первобытного хаоса покоящегося разума, который представляет собой наиболее замечательную аналогию с разреженной, неподвижной, недифференцированной материей, которая, согласно небулярной гипотезе, заполняла все точки пространства физической вселенной до того, как ей был дан первый импульс движения.

Наконец-то этот долгий период закончился, среди большинства первых людей наметились ментальные различия, сформировался и стал очевиден характер; начинаются соперничество, столкновения и конфликтные ситуации.

Американские мифы о сотворении мира, насколько мы их знаем, представляют собой просто серию рассказов о конфликтах, событиях и различных методах, с помощью которых первый мир был преобразован в существующий сейчас. Это изменение было произведено различными способами. В мифах определенных племен или наций это в основном борьба между враждебными персонажами. Один бог, обладающий огромной силой и характером, побеждает огромное количество противников и превращает каждого в какого-нибудь зверя, птицу, растение или насекомое; но всегда возникающий в результате зверь или другое существо соответствует какой-то силе разума или какому-то ведущему качеству характера богу, с позиции которого оно пало. В некоторых единичных случаях противники близко подобраны, они почти равны в бою; борьба между ними долгая, неопределенная и трудная. Наконец, когда одна сторона торжествует, победитель говорит: “Отныне ты будешь никем иным, как...”; и он говорит, кем должен быть побежденный. Но в этот момент побежденный поворачивается к победителю и посылает свой ответ, подобный парфянской стреле: “Ты будешь никем иным, как...”; и он объявляет, кем должен быть его враг. Метаморфоза происходит сразу с обеих сторон, и каждый

уходит в той форме, которую, казалось, навязал противник, но которая на самом деле принадлежала ему.

Бывают случаи, когда герой превращает многочисленных и могущественных врагов косвенно, посредством особого желания, которым он обладает. Например, некий мифический герой рассказывает о том, что большая компания первых людей приглашена на пир, и пока все с большим аппетитом едят, он выскальзывает незамеченным, обходит дом и произносит на ходу волшебную формулу: “Я хочу, чтобы стены этого дома были кремневыми, крыша тоже”. В следующий момент весь дом становится кремневым, крыша тоже кремневая. После этого он говорит: “Я хочу, чтобы этот дом был раскален докрасна”. Он немедленно раскаляется докрасна. Его враги внутри находятся в ужасном затруднительном положении; они дико мечутся, они рычат, они ищут лазейку; ее нет, они не видят выхода, они не находят выхода. Их головы лопались от жара. Из одной головы выскакивает сова и улетает через дымовое отверстие; из другой вылетает канюк, который улетает через то же место; из третьей вылетает ястреб, который следует за двумя другими; из четвертой вылетает какая-то другая птица. Таким образом, действие продолжается до тех пор, пока каждая голова в кремневом доме не раскроется и не выпустит своего обитателя. Все улетают, и таким образом вся компания претерпевает метаморфозы. Каждый превращается в то, к чему призывали его качества, чего требовала его природа; внешне и зримо он становится тем, кем прежде был внутренне и втайне.

Герой в приведенном выше случае не мог желать, чтобы его противники преображались напрямую, он не мог желать этого, когда ему заблагорассудится или где бы он ни встречался с большой компанией; он должен был заставить их войти в дом, который он своим желанием превратил в кремнь, а затем раскалил. Когда на них обрушился момент ужасной муки, истинная природа каждого из этих людей стала очевидной; каждая голова открылась, и оттуда выскочил настоящий человек.

Все те из первых людей, чей разум был изменен, кто, так сказать, внутренне специализировался, кто отличался от того, кем они были изначально, были вынуждены измениться и внешне и не могли избежать той великой силы, тень которой приближалась; их судьба была на них, и они это чувствовали.

В системе Wintu, одной из двух, изложенных в этом томе, почти все изменения были внесены Ollelbis; но есть примеры агентов с другими средствами. Тулчухеррис превращает старого Тихелиса в суслика в кульминационный момент своего вероломства. Он превращает Хоута, носильщика на опасной реке, в миногу, детей которой в будущем съедят индейцы. Старый Сас, лживый и тщеславный вождь в Саскевиле, побежден своим зятем и получает свою нынешнюю форму солнца и луны в конце долгой и ожесточенной борьбы, в которой сила, остроумие и проницательность используют самые последние свои ресурсы.

Известны случаи, когда некоторые из первых людей ментально изменялись настолько, что осознавали то, что происходило внутри них. Они готовы к переменам, они готовы претерпеть их; но нет никакого непосредственного повода, никакой надвигающейся борьбы, в которой у противника мог бы быть шанс изменить их. Эти люди преображаются, произнося желание, и производят свои собственные метаморфозы. Есть еще другие, которые знают, как и все остальные, что грядет новая раса, что они будут изменены, когда она придет, если только их не изменят некоторое время назад. Они знают, что должны измениться, как только увидят новых людей или знак их прихода. Эти неизменные первые люди, сравнительно немногочисленные,

пытаются спастись; но их попытки тщетны, их усилия бесполезны. На далеком востоке они видят дым от костров наступающего нового народа, индейцев Америки, или слышат лай собак этого народа, и в тот же миг они принимают подобающие им формы. Другие убегают на время и прячутся в темных местах; но индейцы ходят повсюду, и метаморфозы продолжаются до тех пор, пока не закончится карьера первых людей.

В данный момент я имею в виду репрезентативную картину этой последней группы людей, которые не желали подвергаться метаморфозам и стремились избежать новой расы, неизбежных индейцев. У них не было никакого желания видеть людей, и они бежали во всевозможные уединенные убежища и отдаленные лесные уголки. В определенном месте Кламата есть неровный горный склон, резко поднимающийся из воды; далеко вверху, ближе к гребню, примерно на семи восьмых пути от реки до вершины, находится громоздкий высокий камень, который издавна очень похож на статую. Сразу за ним находится другой камень, несколько меньших размеров, который наклонен вперед в позе человека, нетерпеливо спешащего. Оба белые и блестящие; они имеют вид кварцевой породы. Это были две сестры, спешащие прочь, чтобы спастись от грядущих перемен. Когда они достигли того места, где стоят сейчас, первая сестра посмотрела на восток и увидела дым; вторая не посмотрела, но услышала отдаленный собачий лай, доносившийся с того места, где был дым; обе в тот же миг превратились в камень.

С превращением последнего из первых людей или божеств, которое завершилось только тогда, когда индейцы или какие-либо их признаки появились в каждом отдаленном уголке, в котором нашли убежище остатки первых людей, нынешний порядок вещей установлен полностью. В настоящее время в мире существуют индивидуальности трех различных наборов и порядков. Во-первых, это небольшое число первых людей, чьи умы никогда не менялись, те боги, которые удалились и которые живут в своей первоначальной целостности и гармонии, которые удалились в места за пределами неба или над ним; во-вторых, подавляющее большинство богов, которые стали всем в современном мире, за исключением только индейцев. Этот цикл завершен, есть новая отправная точка, и мы встречаемся со второй группой мифов, касающихся существующего мира таким, каков он есть сейчас, с его событиями, — мифами, содержащими рассказы о конфликтах, которые постоянно повторяются, которые начались до того, как все первые люди претерпели метаморфозы, конфликтах, которые продолжаются в настоящее время и которые будут продолжаться вечно; борьбе между светом и тьмой, жарой и холодом, летом и зимой, борьбе ветров, которые дуют в противоположных направлениях, — фактически, рассказы о различных явлениях и процессах, которые привлекают внимание дикарей больше, чем другие, потому что дикари живут лицом к лицу с всегда с ними.

Эта вторая группа содержит большое количество мифов, многие из которых чрезвычайно красивы и, насколько они известны, в высшей степени приятны образованным людям. К сожалению, миру до сих пор известно лишь немного из этих мифов по той единственной причине, что у индейцев их собрано сравнительно немного.

За первым циклом мифов, то есть тех, которые относятся к сотворению мира, другими словами, к превращениям первых людей или богов во все, что есть в мире, включая сам мир, следует другой, в котором описываются различные изменения, явления и процессы, наблюдаемые в природе.

В этом втором цикле, как я только что сказал, свет и тьма, жара и холод, встречные ветры, небесные тела выступают в качестве героев и ведущих действующих лиц. Веками почтение, симпатия и энтузиазм первобытных людей проявлялись к этим героям и проявляются до сих пор каждым племенем, сохранившим свои древние верования и идеи.

В этом цикле представлена небольшая группа мифов, которые для индейцев очень священны, группа, которая во многих племенах почитается выше других. Эта группа связывает землю с небом и солнцем, рассматриваемыми как один человек, или небо и солнце, рассматриваемые как отличные друг от друга. К ним добавляются один, а иногда и два персонажа, рожденных землей. В простейшей версии этого мифа земная дева, на которую смотрит солнце, становится матерью, рождает великого героя, главного благодетеля индейцев. Этот герой наделяет расу всеми дарами, которые поддерживают существование, и именно благодаря ему люди живут и процветают. Под каким бы именем он ни появлялся этот благодетель на самом деле является тем теплым светом, который мы видим дрожащим, колышущимся и танцующим над землей в хорошую погоду. Он сын девственной земли, той матери, которая никогда не знала супруга, кроме того, кто смотрел на нее с высоты небес.

Жизнь первых людей описана в мифах о сотворении мира и представлена как образец, по которому верующие индейцы должны строить свою жизнь во все времена и в любом месте. Все институты первобытного человека в Америке были созданы по образцу институтов “первых людей”. Каждое действие индейца в мирное или военное время, как отдельного человека или члена племени, имело свою единственную санкцию в мире первых людей, американских божеств.

На этом континенте не было ни одного института, обряда, права или обычая, которые теоретически не были бы даны богом. Индейцы Америки всегда действовали предписанным образом в том или ином случае, потому что боги мира, предшествовавшего этому, действовали таким же образом в сходных условиях и обстоятельствах.

Ни один народ не мог быть более религиозным, чем жители этого континента, ибо в жизни не было ни одного действия, в течение которого они были бы свободны от религиозного руководства. Источник этой религии - в мифах и в объяснениях относительно них, данных мудрецами, другими словами, магами.

Что мы можем сказать об этой индийской системе и в чем ее ценность?

Первое, что следует сказать, это то, что она является полной и для каждого индийского верующего хорошо обоснованной и симметрично развитой. В примитивной религии Америки нет спекуляций, все является простым утверждением; здесь нет абстракций, качества всегда связаны с личностями.

Индейцы верят, что весь огромный массив мифов был передан им первыми людьми в том или ином месте. У ирокезов есть подробный отчет о том, как древнему вождю и собранию людей на круглом открытом пространстве в глухом лесу рассказывали мифы. На этом пространстве лежал большой камень в форме колеса. Из-под этого камня доносился голос, который рассказывал историю прежнего мира, рассказывал, как первые люди стали теми, кем они являются сейчас.

День за днем вождь и его люди приходили к камню, садились и слушали, пока не был рассказан весь цикл историй.

В Нижнем Кламате есть очень старое, огромное дерево, которое рассказало о первом мире и людях. Само это дерево - одно из первых, претерпевших метаморфозы людей; никто не знает, сколько ему лет. Маги ежегодно приходят к нему, беседуют, задают вопросы, получают ответы. Каждый год маленький камешек добавляется к куче, в которой, по-видимому, тысячи камешков. Эта куча стоит рядом с деревом; никому не разрешается считать камни в ней. Груда священна; как только камень будет помещен вместе с другими, он должен остаться там навсегда.

Это священное дерево рассказывало истории о первом мире, истории, известные индейцам Вайтспекана и почитаемые ими.

В Верховьях Колумбии есть большая скала, которая чем-то напоминает лося. Этот камень также является оракулом, одним из первых людей; подобно круглому камню ирокезов, он поведал о первом мире, и все его предания принадлежат шахаптианам.

Индийская система имеет свое простое и ясное откровение; для верующих она имеет осязаемую и несомненную связь с миром, предшествовавшим нынешнему. Его повествования объясняют, как в том или ином месте первые люди рассказывали историю о преобразовании мира.

Для индийца это всеобщее удовлетворение. У него есть совершенная, обширная, богатая деталями, полная интереса система, которая дает доказательства своего происхождения через свидетельства божеств. Это было открыто мудрецам, достойным людям, патриархам его расы. Чего еще он мог желать? Чего еще он мог просить? Ничего. Мудрость его народа более достоверна, чем свидетельство его собственных чувств. Его глаза и уши могли быть обмануты обманщиками, но не истиной, донесенной до великих людей из его собственного народа, свято сохраненной ими и переданной другим.

Такова позиция индийца. Он полностью верит в свою собственную систему. Как нам относиться к этой системе и ее содержанию? Что мы должны о ней думать? Как это было задумано, как разработано?

Мы не верим ни в первый мир Индии, ни в то, что предыдущие люди превратились в животных, растения, насекомых, птиц, рыб и рептилий. У нас нет предков, основавших эту систему; у нас нет традиций, которые пришли от нее, нет верований, основанных на ее учениях, нет веры в ее колдунов, нет страха перед их действиями. Любое утверждение о том, как была задумана индийская система и как она развивалась, сильно отличается по характеру от утверждения о том, что представляет собой индийская система внешне и на основе ее собственной истории.

Представляя систему с чисто формальной стороны, мы имеем дело с простыми фактами, которые собираем и упорядочиваем. Как только мы овладеем этими упорядоченными фактами, у нас появятся внешние признаки всего индийского — не только религии, но и медицины, политики, социальной жизни. Мы могли бы остановиться на этом и сказать, что это система. Но с нашей точки зрения мы вынуждены идти дальше, мы должны искать объяснения. Мы не являемся частью индийского собрания верующих, мы не верим в их систему, кроме как в то, что она показывает нам, каков индийский ум; следовательно, мы вынуждены спрашивать, как индус основал свою религию и развил ее, мы вынуждены искать ее происхождение и смысл. Мы не верим его рассказу об откровении; мы уверены, что он сам — то есть его раса - положил начало системе, что она развивалась с незначительных начал и совершенствовалась в течение длительных периодов, пока не достигла своей нынешней формы и полноты. У нас нет

подробностей о том, как он действовал, но мы знаем, с чего должен был начать мифотворец, и мы видим, чего он добился.

Физическая вселенная была для мифотворцев старого времени в Америке тем же в принципе, чем она является для нас сегодня, - видимым результатом и выражением невидимой силы и качеств. Разница между нами и ними определяется вещами, которые мы видим, и тем, как мы их воспринимаем.

Что говорили древние мифотворцы об этой вселенной и какой интерес или ценность имеют их высказывания для нас в данный момент?

Первобытные люди Америки видели перед собой леса, равнины, пустыни, горы, озера и реки различных размеров, от самых маленьких до самых больших; они жили в климате, варьирующемся от самого холодного и сурового до самого жаркого и самого невыносимого. Они видели вокруг себя со всех сторон мир, гораздо более враждебный, чем дружелюбный, — мир диких зверей, одичавших созданий, ядовитых рептилий, смертоносных насекомых. Каждое существо, каждое растение имело свой собственный фиксированный и устоявшийся характер, свою собственную цель и объект. Откуда появились животные, годные в пищу или одежду; откуда появились другие, опасные для жизни, животные, которых следует убивать или избегать? Откуда появились деревья и растения различных видов и назначений? Откуда сладость у клена или горечь и яд у другого дерева? Каково происхождение кукурузы и почему яды растут, чтобы убивать, а кукуруза - чтобы питать? Откуда взялась гремучая змея и откуда лосось? Из—за этих вопросов возникли мифы, и эти мифы давали ответы, получившие полную веру, - ответы, на которых была построена теория о том, как возник этот мир и какова истинная схема жизни.

Создатель мифов смотрел на окружающую его вселенную и видел в каждой ее части индивидуальности, обладающие качествами, желаниями и страстями в той или иной степени. Он наблюдал за этими индивидуальностями и дал подробный отчет и историю о том, как возник этот мир. Он дал эту историю, спроецировав существование в прошлое, которое было далеким и бесстрастным. Из этого гармоничного прошлого он развил нынешний мир и его порядок, описав в прошлом мире игру всех тех страстей, желаний и appetитов, которые он видел в действии в окружающей его жизни. Таков был метод, использованный при создании американских мифов о сотворении мира. Задача потребовала много времени, долгих наблюдений, тщательного обдумывания и немалой конструктивной энергии. Эти мифы о сотворении мира вместе со следующими, которые я уже упоминал и назвал мифами о действии, являются великим результатом умственного труда в старые времена на этом континенте. В этих двух наборах мифов индеец рассказал, что он думает о вселенной.

Когда европейцы пришли в это полушарие, американская система мифов была цельной и совершенной. Здесь не было второго порядка мышления. Континент не был затронут иностранными завоеваниями или идеями. Жители жили в ментальной изоляции, в абсолютной свободе от любого внешнего влияния. В истории человечества нет второго примера, когда единая система мышления развивалась на такой обширной территории. Обитаемая Америка простиралась по меньшей мере на девять тысяч миль с севера на юг, что составляло более трети земной окружности и значительно превышало диаметр земли. Эта территория, самая широкая, простиралась по меньшей мере на три тысячи миль с востока на запад, как в Северной, так и в Южной Америке. На этом огромном участке земной поверхности с ее

бесконечным разнообразием почв, климата, пейзажей и условий существования была разработана единая система первобытной философии с полнотой и богатством иллюстраций, которые не могли найти аналогов ни в одном другом месте. Результатом всего этого является то, что мы имеем в Америке памятник мысли, который абсолютно не имеет себе равных, совершенно уникален в человеческом опыте. Особая ценность этой мысли заключается, кроме того, в том факте, что она примитивна, что это мысль, возникшая задолго до тех, которые мы находим записанными в восточном полушарии либо в священных книгах, исторических трудах или литературе, либо на обожженном кирпиче, обожженных цилиндрах или папирусе.

Американская система, которая дает нам подробное описание начала всего сущего, столь же обширна, как и гипотеза туманности, или как та теория, которая указывает на общее происхождение человека и всех разумных существ.

Первобытный человек в Америке на каждом шагу сталкивался лицом к лицу с божественностью в том виде, в каком он ее знал или понимал. Он никогда не мог избежать присутствия тех сил, которые составляли первый мир и которые составляли все, что существовало в настоящем. Основные средства существования человека в большинстве стран находились на суше или в воде. Дичь и рыба всех видов находились под непосредственным божественным надзором. Невидимые силы могли очень быстро посылать дичь или забирать ее. С рыбой дело обстояло аналогично. С рыбной ловлей и охотой был связан сложный церемониал, разнообразные обряды и запреты. Каждому человеку было за чем понаблюдать как индивидууму, а также как члену своего племени или общества.

Самым важным вопросом в жизни индейцев было общение с божеством, общение с духами божественных персонажей. Ни один человек не мог общаться с ними, кроме человека, перед которым они решили проявить себя. Были определенные вещи, которые человек должен был сделать, чтобы обрести общение с божеством и получить обещание помощи; но только избранный, подходящий человек, достойный человек получал желаемую милость. Например, двадцать человек могут отправиться в горное место и тщательно соблюдать все правила, но только один человек удостоится видения, только один станет провидцем. Двадцать других могли бы отправиться в горное место, и ни один не был бы признан достойным лицезреть духа; третьи двадцать могли бы отправиться, и двое или трое из них были бы выбраны. Ни один человек не может заранее сказать, какой успех или неудача могут ожидать его. Общий метод в настоящее время следующий, такой же, как и в старые времена: —

Вскоре после достижения половой зрелости, и в каждом случае до женитьбы или знакомства с женщиной, юноша или юноша-мужчина, который надеется стать врачом, отправляется к священному горному пруду или источнику, где пьет воду и совершает омовение. После того, как он принял ванну и оделся, он обращается к духам, он молит их прийти к нему, дать ему знания, оказать свою помощь. Молодой человек не принимает никакой пищи, постится, насколько это в его силах, семь дней и ночей, иногда дольше. Все это время ему не разрешается пить ничего, кроме воды. Он спит как можно меньше. Если к нему приходят духи, у него бывают видения, он получает силу и благосклонность. Несколько духов могут посещать человека один за другим и обещать ему помощь и сотрудничество. Может прийти дух орла, дух лося или лосося - любой дух, которому нравится человек. Дух, по сути, говорит: "Всякий раз, когда ты позовешь меня по имени, я приду, я дам свою силу помочь тебе". После того, как один дух уйдет, может появиться другой, и еще один. Человек не волен отказываться от предложений спиртных напитков, он

должен принимать всех, кто приходит к нему. Поскольку с каждым духом связаны особые обряды, врач, которому помогают многие, испытывает большие трудности в своем образе жизни. Есть духи, которым не нравятся олени шкуры; человек, к которому они приходят, никогда не должен носить оленью кожу. Если человек ест пищу, противную его духу, дух убьет его. Поскольку у каждого духа есть своя любимая пища, и есть другие виды, которые ему неприятны, мы можем легко понять, что врач, у которого есть десять или двадцать духов (а у некоторых их тридцать), чтобы помогать ему, ограничен в своем образе жизни. Величие всегда имеет свою цену, за власть нужно платить в любом месте. Те, на кого духи не обращают внимания, а таких большинство, возвращаются домой без видений или надежды на помощь; духи способны смотреть прямо сквозь всех людей и сразу видят, что такое человек. Они считают, что большинство людей не соответствуют их целям, не нуждаются в помощи.

Эта подготовка к тому, чтобы стать провидцами или колдунами среди индейцев представляет очень глубокий интерес. Я привел значительное количество подробностей по этому вопросу в примечаниях к “Кол Тибици”. Дух любого растения, любой звезды или другого персонажа в творении может стать помощником человека. В нашей популярной фразеологии это называется его “лекарством”.

В мифе модоков утренняя звезда является спутницей солнца. Согласно этому мифу, солнце каждый день физически разрушается, превращается в груды пепла; но поскольку солнце имеет бессмертный золотой диск в своем теле, диск, в котором заключено все его существование, оно никогда не может погибнуть. Этот диск навсегда остается в куче пепла. Однако есть условие, связанное с воскресением солнца: оно должно быть призвано. Каждое утро кто-то должен будить его, как наемника будят для его ежедневной работы. У утренней звезды есть эта обязанность, и она никогда не освободится от нее. Пока существует солнце, утренняя звезда должна призывать его. По зову звезды золотой диск восстает из кучи пепла, солнце полностью обновляется и отправляется дальше, чтобы совершить свой забег, пока вечером снова не погаснет. Здесь Феникс восстает из пепла ежедневно, а не раз в пять столетий.

Система, изложенная в мифах, содержащихся в этом томе, относится к Винтусу и Яна, двум племенам индейцев, о которых я расскажу несколько позже.

Система Винту примечательна особым развитием главного божества, Олелбиса, называемого также Номхлиставой.

Слово “Олельбис” образовано из трех этимологических элементов: ol, вверх; el, в; bis, обитающий или сидящий, —обитающий на высоте. Номхлистава также состоит из трех элементов: ном - запад; хлиес - бросать; и тава - левша. Оба имени являются эпитетами, и винтусы забыли, кто или что является их главным божеством; по крайней мере, я не смог найти среди них человека, который мог бы дать информацию по этому вопросу. Олельбис живет в самой высокой части неба; с ним лучшие из первых людей. Из своего прекрасного дома, Олелпанти Хлут, он видит все на земле и кажется более реальным и знакомым, чем любое божество, связанное с другими племенами. Он, безусловно, более эффективен в управлении, более активен, чем любое божество других индийских акций, насколько я знаю.

Олелбис избавляется от первых встречных, за исключением нескольких случаев, и оставляет при себе тех, кто ему нравится. Он посылает на землю и преобразует тех, кого считает более полезными внизу, чем наверху, и подает пример единого правящего божества, которое, не

будучи всемогущим или премудрым, способно, благодаря знаниям и услугам других, править миром во всех местах и повсеместно.

Две старые женщины, бабушки, - интересные личности, советницы главного божества, вызывающие дождь, мудрые, знающие людей, о которых Олелбис ничего не знает, по крайней мере, так кажется. Эти старые женщины были превращены в камень, который имеет губчатый вид и выглядит как внутренняя или пористая часть костей, лишенных костного мозга.

Подавляющее большинство метаморфоз Винту происходят благодаря Олельбису. Единственными исключениями являются Сас, Хоут и Тихелис, преображенные Тулчухеррисом, и некоторые изменения, такие как изменение цвета, произведенные на большом музыкальном конкурсе, проводимом Вайд Дикит. Когда каждый играл на флейте на том состязании до тех пор, пока не выложился из всех сил, пока у него не перехватило дыхание, тогда он изменил цвет. Хотя система Винту сильно отличается в деталях от других, она прекрасно согласуется со всеми мифологическими источниками в главном пункте - метаморфозе. Через метаморфозу все вещи стали такими, какие они есть; через откровение было выяснено, что эти метаморфозы происходили и каким образом они происходили. Мы не должны рассматривать заключительный акт в целом; изменение происходило в течение длительного периода, и последние слова противников в конфликте, команды Олелбиса, решения персонажей, которые менялись при приближении индейцев или при признаках их приближения, являются всего лишь самым последним актом, заключительным инцидентом, так сказать, официальным завершением невероятно долгой карьеры в каждом конкретном случае.

Конечно, в американской этнической религии нет истинной информации о реальных изменениях, повлиявших на окружающий нас мир; но в ней, как и во всех подобных системах, есть истинная информация об истории человеческого разума. Каждая этническая религия дает нам документальные свидетельства. Она дает нам положительные факты, которые в своей собственной сфере столь же правдивы, как факты геологии в истории земной коры и поверхности. Они не рассказывают нам, что происходило во внешнем мире, в физической вселенной, у них не было средств для этого; но они рассказывают нам, что происходило в определенные периоды в мире разума, внутри человека.

Термин “этническая религия”, возможно, нуждается в некотором объяснении, прежде чем мы пойдем дальше. Этническая или примитивная религия - это религия, принадлежащая людям одной крови и языка, людям, которые росли и развивались вместе со всевозможными верованиями, которые им принадлежат. Такая религия включает в себя все виды знаний, все виды обычаев, институтов и искусств. У каждого коренного народа или человеческого потомства есть свои боги. Все люди одной крови и происхождения находятся под непосредственной заботой и надзором своих богов, поддерживают постоянную связь и беседуют с ними. Согласно их собственным верованиям, такие люди получили от своих богов все, что у них есть, все, что они практикуют, все, что они знают. Такие люди, хотя их кровь не смешана, а общество непокорено, преданно служат своим богам.

Узы, которые связывают нацию с ее богами, узы веры, и те, которые связывают индивидов этой нации друг с другом, узы крови, являются самыми сильными, известными первобытному человеку, и являются единственными социальными узами в доисторические эпохи. На этой ранней стадии оказались даже самые продвинутые группы индейцев Америки, когда был открыт континент.

В Восточном полушарии, где существовало так много рас, совершенно отличных друг от друга, завоевание одной расы другой или нескольких рас одной было частым явлением и оказало большое влияние на мышление и религию. Влияние одной религии или системы мышления на другую иногда было значительным, как интеллектуальное влияние Египта на Грецию, а иногда велико, как влияние Греции на Рим.

Физическое завоевание многих одним человеком оказало огромное политическое и социальное влияние, как в случае с Римом, который покорил Грецию, а вместе с Грецией и все, что Александр завоевал в Азии и Египте. С крушением Карфагена Рим разрушил древнюю финикийскую мысль, которая была тесно связана с древнейшим ивритом и одной из самых важных среди семитских наций. С завоеванием и ассимиляцией Трансальпийской и Цизальпийской Галлии вся древняя структура кельтской мысли на континенте дала трещину, и вскоре после этого ее основные элементы были утрачены.

Последняя из этнических религий Европы и одна из самых ценных, религия литовцев, сохранялась в идеальном состоянии до пятнадцатого века, когда ей был положен конец в результате кровопролития и насилия. Эта последняя из систем примитивной арийской мысли в Европе исчезла, оставив после себя слабые следы. Мы знаем имена некоторых из его божеств; мы знаем, что оно напоминало славянское, но было более развитым, что у него были священные змеи и жрицы, охранявшие священный неугасимый огонь; но, к великому сожалению людей науки, у нас есть лишь небольшие фрагменты этой системы, краткие и скудные описания ее.

Если мы внимательно изучим религиозную историю Восточного полушария, то обнаружим, что положение примерно следующее:

В древнейшей из версий надписей "Книги мертвых" на стенах пирамид мы находим, что религия Египта продвинулась далеко за пределы первых стадий развития. Хотя животные, птицы, рептилии и насекомые занимают видное место в египетской религии, неясно, почему они занимают это положение. Нет никаких надписей или книг, которые могли бы сообщить нам об этом. Самая ранняя стадия египетской религии утеряна для нас. Египетские жрецы, когда их упрекали в национальном поклонении различным животным, птицам, рептилиям и насекомым, существам мерзким, полезным, чистым или нечистым, в зависимости от обстоятельств, были неспособны назвать причину такого поклонения. Они не смогли этого сделать по той причине, что мифологическое повествование было им неизвестно, или было утеряно, или не принималось во внимание; какова бы ни была причина, ни папирус, ни надпись не объясняют этого.

Главные боги жреческого Египта в точности соответствовали индийским божествам из второго класса мифов Америки, тех, которые я назвал мифами действия. Среди них солнце и земля занимали очень видное место. О самых ранних богах Египта, тех, которые соответствовали "первым людям", или божествам в американских мифах о сотворении мира, мы до сих пор не находим упоминаний. Если бы у нас был такой рассказ, это объяснило бы, почему в египетской религии есть животные, рептилии и насекомые.

В Греции были затемнены те фрагменты древнейшей мифологии, которые не были утрачены. Древние мифы о сотворении мира были либо неправильно поняты, либо были неизвестны образованным людям в тот период, от которого до нас дошли первые литературные памятники. Гесиод расположил греческую мифологию так, чтобы она подходила ему и его аудитории, так

что узнать у этого автора, какими были первобытные мифы Греции, совершенно невозможно. Если бы его привели к нему, он, несомненно, посмотрел бы на них так же, как некий французский исследователь алгонкинов и ирокезов из Канады смотрел на мифы Америки. Этот человек обладал обширными познаниями в алгонкинских и ирокезских словах, но крайне презирал индейскую мысль и вообще ничего о ней не знал. Когда я упомянул индийскую мифологию, он воскликнул: “Да, месье, это кельк выбрал Абсурд”.

Несомненно, самые ранние мифы о сотворении мира были хорошо известны по всей сельской Греции среди неграмотных, но в то время не было философа, который знал бы их ценность. Не было человека, который мог бы с ними считаться.

Римская мифология, так же как и греческая, подверглась литературной обработке, и только собирая отдельные фрагменты и факты примитивного мышления во всей области классической литературы, мы можем выйти за рамки официальной религии утонченного общества Греции и Рима.

От крушения древней кельтской и тевтонской мысли многое было спасено на двух островах, Ирландии и Исландии. Благодаря этому, вместе с американской системой и мифологическим наследием славянского мира в Восточной Европе, мы, возможно, сможем получить материалы для объяснения самой ранней эпохи арийской мысли, эпохи, которая соответствует по развитию миру американских мифов о сотворении мира. В этом случае мы получим связный взгляд на арийскую спекуляцию и ее методы с тех ранних времен, когда не существовало страсти или качества, отделенных от личности, когда символы, метафоры и персонификации были в далеком будущем. Вся проблема заключается в том, чтобы связать представления об этом континенте с представлениями об остальном человечестве, но особенно и превыше всего с арийскими и семитскими его разделениями.

Следует сожалеть, что семитские верования первобытного периода не дошли до нас в более широком количестве; например, верования финикийцев, древнейших евреев и других родственных народов. К счастью, арабы, самые поэтичные представители этой расы, ее рыцарские представители, оставили нам в своей истории один факт, имеющий огромную ценность. Незадолго до установления Мухаммедом новой религии в Мекке насчитывалось более трехсот арабских божеств животного, растительного и минерального происхождения. Мы едва ли можем сомневаться в том, что до-мусульманская арабская религиозная система была той, которая в свое время принадлежала всей семитской расе, отличаясь, конечно, в деталях от некоторых ее подразделений, но по существу везде одинаковой. Это утверждение об арабском состоянии содержит факт огромной важности. Оно указывает на систему, в точности подобную американской. До-мусульманский арабский язык был самым великолепным и важным пережитком примитивной религии среди всех исторических рас Восточного полушария.

Здесь уместно объяснить положение духов в индийских системах. Все первые люди считались имеющими тела, а также духов. Когда мы говорим о духе, явившемся колдуну или “доктору”, подразумевается, что этот дух временно покинул свое тело и вернется в него. Нет духов без тел, за исключением немногих исключительных личностей, которые во время метаморфозы первых людей потеряли тела, принадлежавшие им в их первобытном состоянии, и не получили новых тел при своем падении. Эта потеря тел была нанесена в качестве наказания. Эти опустошенные бестелесные духи сейчас бродят по горам и безлюдным странным местам. Сверхъестественные по характеру, они встречаются редко, и то только колдунами.

В последнее время миру было уделено много внимания мифологии способными писателями, которые с хорошими материалами достигли бы хороших результатов; но поскольку материалы, находящиеся в их распоряжении, небыстречны, большая часть их работ, при всей их остроте, в основном является постоянным переливанием пустого в пустоту.

Мы видели попытки показать, что настоящие боги были созданы дикарями из их собственных мертвых вождей-дикарей. Такого никогда не делалось с тех пор, как зародилась человеческая раса, и это никогда не могло быть вообразимо ни одному человеку, который знал идеи примитивных рас из реального опыта или компетентных свидетельств. Самое поразительное во всех верованиях дикарей - это низкая оценка человека без помощи божественной, нетварной силы. По верованиям индейцев, каждый объект во вселенной божественен, кроме человека. Божества обладают огромным диапазоном могущества, существует неисчислимая разница между величайшими и наименьшими из них — некоторые обладают непостижимой силой и знаниями, в то время как другие неизмеримо слабы и обладают ограниченным интеллектом, — но все принадлежат к одной категории, все божественны, все нечеловеческие.

Так называемые растительные боги подвергались насмешкам со стороны авторов мифологии. Насмешка беспочвенна, ибо первые люди превращались или сами превращались в деревья и различные растения так же часто, как в зверей и другие существа. Кукуруза или индийская кукуруза - это преображенный бог, который отдал себя на съедение, чтобы спасти человека от голода и смерти. Когда испанские священники увидели, как индейцы церемониально едят маленькие лепешки, и когда последние сообщили им, что они едят своего бога, добрые священники сочли это дьявольской насмешкой над Святым Таинством и богохульной уловкой сатаны, направленной на то, чтобы погубить бедных невежественных индейцев.

У меня есть миф, в котором главный герой - вспыльчивый старик, безжалостный и разрушающий веру, который без конца наносит ущерб, пока, наконец, добрый герой не загонит его в угол и не превратит в дикого пастернака. До трансформации этот старый пастернак мог быстро передвигаться, но теперь он должен оставаться на одном месте и, конечно, убивает людей только тогда, когда они его съедают.

Сокровище, сохраненное для науки первобытной расой Америки, уникально по ценности и высокой значимости. Первый результат этого - перенести нас назад через неисчислимые столетия к той эпохе, когда человек дал самое раннее коллективное и последовательное объяснение этой вселенной и ее происхождения.

Занимая эту выгодную позицию, мы теперь можем пролить поток света на все те мифологии и этнические религии или системы мышления, из которых частично, в большой или малой степени, утеряны материалы, необходимые для доказательства основания и истоков каждой из них. В таком состоянии находятся все древние зарегистрированные религии, будь то Греция, Рим, Египет, Халдея, Персия или Индия.

Благодаря удивительной способности первобытного человека на этом континенте сохранять или, возможно, из-за его неспособности измениться или идти вперед, он сохранил систему мышления, которая была уже древней во времена появления первых клинописных букв и самых ранних надписей на камне или папирусе. И открытие нашей системы почти совпадает с моментом, когда Америка после столетия с четвертью свободной политической деятельности и беспрецедентно плодотворного интеллектуального труда занимает должное место в качестве

мировой державы и вступает в близкие и ищущие отношения не только с Европой или какой-то одной частью человечества, но и со всем человечеством, где бы оно ни находилось.

ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

Вашингтон, округ Колумбия, США,
11 октября 1898 г.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

В
ПЕРВОБЫТНОЙ АМЕРИКЕ

ОЛЕЛЬБИС

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя зверя, птицы или предмета, в которые впоследствии был превращен персонаж. Имена, в которых не расставлены ударения, подчеркиваются предпоследним. Названия мест объясняются в примечаниях. Кимила и Херит означают “старый” и “молодой” соответственно; они применяются к лицам мужского пола. Покайла и лоймис применяются к самкам; первое означает “старая”, второе “молодая”.

Бисус, норка; **Чалилак**, гусь; **Чулул**, луговой жаворонок; **Докос**, кремь; **Хау**, рыжая лисица; **Хесси**, томтит; **Хилит**, домашняя муха; **Хлихли**, желудь белого дуба; **Хус**, канюк-индюк; **Кахит**, ветер; **Кахсуку**, облачный пес; **Кайсус**, серая белка; **Кар**, серая цапля; **Карили**, енот; **Каткатчила**, стремительный; **Катси**, ястреб-куропатка; **Кау**, белый журавль; **Кирю**, гагара; **Клабус**, крот; **Клак**, гремучая змея; **Кунтиле**, ястреб-рыба; **Лутчи**, колибри; **Мем Лоймис**, вода; **Мем Тулит**, бобр; **Мин Тайтай**, сосунки; **Мойхас**, белоголовый орлан; **Пакчусо**, камень пакчу; **Пацотчет**, барсук; **Похарамас**, падающая звезда; **Сас**, солнце; **Седит**, койот; **Сосини**, маленькая перепончатопная птичка; **Сутунут**, черный орел; **Теде Вию**, маленькая птичка; **Тиличи**, водоплавающая птица; **Тиликус**, пожарная драль; **Титчелис**, суслик; **Токо**, рыба-солнце; **Торихас**, голубой журавль; **Царарок**, зимородок; **Цароки Сакал**, зеленая змея; **Цурат**, дятел; **Вель Дилидили**, бегун по бездорожью; **Вима Лоймис**, медведь гризли; **Воквук**, крупная птица, вымершая; **Йилахл**, суслик; **Йохольмит**, лягушка; **Йонот**, куст бакай.

Первое, что мы знаем об Олельбисе, - это то, что он был в Олельпанти. Жил ли он в другом месте, неизвестно, но вначале он был в Олельпанти (на верхней стороне), самом высоком месте. Он был в Олельпанти еще до того, как здесь, на земле, что-то появилось, и с ним всегда

были две старые женщины. Этих старух он называл бабушками, и каждую из них мы зовем Пакчусо Покайла.

До этого был мир, в котором мы сейчас находимся. Тот мир просуществовал очень, очень долго, и в нем жило много людей до того, как появился нынешний мир и мы, нынешние люди.

Однажды люди того первого мира, которые жили тогда в стране примерно здесь^[1] говорили о тех, кто жил в одном месте и в другом. На юго-западе жил человек по имени Каткатчила. Он великолепно убивал дичь, но никто не знал, как ему это удавалось, и никто не мог этого выяснить. Он убивал не так, как это делали другие; у него было что-то, во что он целился и бросал; он тыкал полой палкой, которая у него была, и что-то вылетало из нее и убивало дичь. В то время в том месте, где мы сейчас находимся, жило очень много людей, и их вождем был Торихас Кимила; эти люди собирались вместе и говорили о Каткатчילה.

^[1] То есть в Верхней части долины Сакраменто.

Кто-то сказал: “Интересно, поднялся бы он сюда, если бы мы послали за ним”.

“Давайте пошлем за ним, - сказал Торихас. - давайте попросим его прийти; скажите ему, что у нас будут великолепные танцы. Завтра мы пошлем кого-нибудь пригласить его.

На следующее утро Торихас послал гонца пригласить Каткатчилу; он послал Цароки Сакала, очень быстрого путешественника. Хотя это было далеко, Цароки отправился туда за один день, передал приглашение и рассказал о Торихасе и его народе.

“Я согласна, ” сказала Каткатчила. - Я поеду утром.

Ночью Цароки вернулся домой и сказал людям, что Каткатчила придет на следующий день.

“Что нам делать?” - спросили они.

“Сначала мы потанцуем одну ночь, - сказал вождь, - а потом возьмем его на охоту и посмотрим, как он убивает тварей”.

У Каткатчила была сестра, у нее были муж и один ребенок. Сама она никогда не выходила на улицу. Она всегда была дома. Никто никогда не видел ни эту женщину, ни ее ребенка.

Когда Каткатчила был готов отправиться в путь, он сказал своей сестре, что уходит, и сказал своему шуруну: “Я ухожу. Ты должна оставаться дома, пока меня не будет.

Сестру звали Йонот. Ее мужем был Тиликус.

Каткатчила пришел сюда, на вершину холма, и сел. С холма он мог видеть лагерь людей, которые пригласили его. Он пробыл там некоторое время и увидел множество танцующих людей. Это было летом, примерно в середине дня. Наконец Каткатчила спустился туда, где они танцевали, и остановился немного поодаль. Торихас, наблюдавший за происходящим, увидел его и сказал: —

- Иди сюда, Каткатчила, и сядь рядом со мной.

В этот момент Олельбис, оторвав взгляд от Олельпанти, сказал пожилым женщинам: “Мои бабушки, я вижу, что на земле собралось много людей; они собираются что-то сделать”.

Каткатчила сел и стал смотреть. Вскоре все люди перестали танцевать и разошлись по домам. Торихасу принесли еду для Каткатчилы после его путешествия. Пока он ел, Торихас сказал ему:

“Мой внук, я и весь мой народ живем здесь очень долго. Мой народ хочет танцевать и охотиться. Я послал одного из них попросить тебя подняться сюда. Сегодня вечером они будут танцевать, а завтра отправятся на охоту.

Тогда Торихас встал и сказал:—

“Вы, мой народ, сегодня вечером мы все будем танцевать, а завтра утром отправимся на охоту. Никто из вас не выходите из дома. Пусть все останутся. У нас будет отличная охота. Каткатчила, ты останешься с нами? - спросил он. - Я буду рад, если ты поедешь и поохотишься с нами.

“Я пойду с тобой, ” сказала Каткатчила. - Я рада пойти.

Они танцевали всю ночь. На следующее утро, после того как они поели и собирались отправиться на охоту, вождь сказал своим людям:

- Я отправлю своего внука с Каткатчилой, а некоторые из вас, мои сыновья, останутся рядом с ним.

Одни говорили другим: “Когда Каткатчила застрелит оленя, давайте сразу подбежим и вынем из оленя предмет, которым он его убил, и тогда мы не вернем его ему”.

“Ты тоже останешься с ним”, - сказал Торихас Кайсусу, который был быстрым бегуном.

Вся группа, очень много людей, отправилась в Хау-Були на охоту. Когда они поднялись на гору, то увидели десять оленей. Каткатчила выстрелил без промедления; как только он выстрелил, олень упал, и Кайсус, который был наготове, бросился к оленю, но Каткатчила оказался там раньше него и выхватил оружие.

Он убил всех десять оленей одного за другим, и Кайсус каждый раз бежал первым к упавшему телу, но Каткатчила всегда опережал его. Когда они вернулись домой, Кайсус взял с собой одного оленя и рассказал обо всем, что они сделали, сказав:

Теперь вы, люди, идите и приведите других оленей. Я не верю, что среди нас есть человек, который может бегать так же быстро, как Каткатчила; он замечательный бегун. Я не знаю, чем он убивает дичь, и не думаю, что мы сможем отобрать это у него.

В ту ночь Хау поговорил со своими друзьями и сказал: “Завтра я пойду с Каткатчилой и посмотрю, что можно сделать”.

В тот вечер очень многие говорили о Каткатчипе, говоря:

“Мы не думаем, что он когда-нибудь придет к нам снова, поэтому мы все должны сделать все возможное, чтобы заполучить его оружие, пока он здесь”.

Каткатчила был готов отправиться домой после охоты, но Торихас уговорил его, сказав:

“Останься еще на один день. Поохотишься с нами завтра.

Каткатчила согласилась остаться. На следующее утро они отправились на охоту. Хау отправился туда в числе других и все время оставался рядом с Каткатчилой.

На горе они снова увидели десять оленей. Каткатчила отступил, чтобы выстрелить. Хау был готов броситься вперед за оружием. В тот момент, когда оружие было выпущено, Хау побежал изо всех сил, первым добрался до оленя, выхватил оружие и спрятал его у себя в ухе.

В этот момент рядом оказался Каткатчила. “Ты забрал мой кремь!” - крикнул он. “Отдай его!”

“Я этого не брал”, - сказал Хау. “У меня нет ничего вашего. Я только что пришел”.

“ Оно у тебя. Я видела, как ты его взял, - сказала Каткатчила.

“ Я ничего не брал. Я только положил руку на голову оленя.

- Я видел, как ты его взял.

“ Нет, ты этого не делал. У меня его нет.

Каткатчила весь день просил свой кремь, но Хау не хотел ни возвращать его, ни признаваться, что он у него есть. Наконец, когда солнце почти село, Каткатчила повернулся к Хау и сказал:

“ Я видел, как ты взял мой кремь. Для тебя было бы лучше вернуть его мне, лучше для тебя и намного лучше для твоего народа. Хочешь оставить кремь себе - что ж, оставь его. За это тебе кое-что заплатят, кое-что, чему ты не обрадуешься.

Он оставил охоту и ушел в сильном гневе, путешествовал всю ночь и на следующее утро был дома.

Люди Торихаса вернулись с охоты, и Хау присоединился к остальным. Он зашел в парилку, вынул кремь из уха и держал его на ладони. Все подходили и смотрели на него. Это была всего лишь мелочь.

“Когда я взял это, - сказал Хау, - Каткатчила очень рассердился; он оставил нас на горе и пошел домой”.

Все люди стояли вокруг и смотрели на кремь в руке Хау.

“Вы поступили неправильно, люди”, - сказал Пацотчет. “Каткатчила очень силен и быстр; вы увидите, что он сделает. У него огромная сила, больше, чем вы думаете, и он отомстит. Он заставит нас ужасно страдать. Он сильнее нас. Он может все. Скоро ты увидишь нечто ужасное”.

- А теперь, мои люди, - сказал Торихас, - идите в парилку, и мы посмотрим, что можно сделать с этим кремем.

Все вошли внутрь. Хау вошел последним, потому что у него был кремь. Он протянул его, показал снова и сказал: “Я взял это, потому что вы, люди, хотели этого”.

Они передавали кремь друг другу; все смотрели на него, все изучали. Один старик сказал: “Дай это мне сюда, дай я посмотрю”. Он взял это в руку и сказал: “Теперь все выходите из парилки”.

Это был Хилит Кимила. Они вышли, оставив его одного. Пацотчет продолжал повторять: “Каткатчила зол, он злобный; скоро мы увидим, что произойдет”.

Как только Хилит остался один в парилке, он начал тереть камень руками и перекачивать его ногами (впоследствии Хилит превратился в домашнюю муху, и именно поэтому домашние мухи по сей день трутся лапками друг о друга). Он хотел сделать камень большого размера. После того, как он всю ночь раскатывал и тер камень, он достиг четырех или пяти футов в длину и такой же толщины и ширины. Он уронил блок на землю, и тот произвел сильный шум, очень громкий шум; люди слышали его на большом расстоянии. Тогда Хилит вышел и сказал: —

- Идите все внутрь и посмотрите на этот хороший камень.

Они пошли и посмотрели. В то время уже почти рассвело, и каждый из них сказал: —

“Ну, я не знаю, что лучше всего сделать; возможно, было бы лучше отправить это письмо. Возможно, для нас будет плохо хранить его здесь; плохо для нас хранить его в парилке или в деревне”.

Они не знали, кто сможет нести большую глыбу, настолько она была тяжелой. “Возможно, Пацотчет сможет нести ее”, - сказали они.

Торихас вышел на улицу и позвал Пацотчета, сказав: “Зайди ненадолго в парилку. Ты приходишь редко, но приходи сейчас.

Пацотчет вышел из своего дома, который был неподалеку, и направился в парилку.

“Что ты собираешься делать?” - спросил он. “Сейчас слишком поздно что-либо предпринимать. Я давно знаю о Каткатчиле. Он очень силен. Он сделает что-нибудь ужасное, как только рассветет.

“ Пацотчет, ” сказал Торихас, “ ты хороший человек. Я бы хотел, чтобы ты взял этот большой камень и унес его далеко на север”.

“ Я не хочу его брать, ” сказал Пацотчет. - Он слишком тяжелый.

Торихас пошел к Карили, которая жила неподалеку, и сказал: “Зайди в парилку. Я хочу поговорить с вами.

Карили вошла. “Возьми этот блок”, - сказал Торихас. “Никто не хочет его уносить, но ты сильный. Отнеси это для меня на север”.

Карили взял камень, но, когда он вынес его из дома, сказал: “Я не могу нести это. Он слишком тяжелый. Я не в состоянии нести это”.

Торихас позвал Тихелиса и сказал: “Дядя, ты отвезешь меня на север?”

“Почему другие не возьмут это? Почему они не хотят нести это?” - спросил Тихелис. “Хорошо, я возьму это”, - сказал он, немного подумав, и приготовился.

“Возьми это и отправляйся прямо сейчас”, - сказал Торихас. “Скоро рассветет. Иди прямо. Я тоже пойду, и когда я буду на вершине Торихам Пуи Торор, я крикну и покажу вам, куда поставить блок”.

Тихелис взвалил камень на спину и поспешил с ним прочь.

Когда Каткатчила вернулся домой, он рассказал своему шуруну Тиликусу, брату своего шурина Похарамасу и Йонот, своей сестре, о том, что у него украли кремьень. - Шурин-шурин-шурин-шурин-шурин-шурин

Это было незадолго до восхода солнца. Тиликус и Похарамас вышли перед домом и чисто и гладко подметили место; затем они побежали на восток и набрали сосновой смолы столько, сколько смогли найти. Они принесли много этого, раскололи очень мелко и сложили большую кучу на ровном месте.

Как раз в это время люди Торихаса находились в его парилке и обсуждали кражу. “Ничего не случится, ” говорили большинство из них. “ Старый Паочет всегда так говорит, предвещая неприятности. Сегодня мы будем танцевать. Тихелис унес эту штуку далеко-далеко; теперь все будет хорошо”.

УЙонот, сестры Каткатчилы, был один ребенок, маленькая крошка, которую она назвала Похила (дитя огня). Женщина никогда не выходила из дома сама и никому не позволяла выносить ребенка.

“Теперь, сестра моя, - сказала Каткатчила, - приведи сюда своего ребенка; выведи моего племянника и положи его на то красивое, гладкое место, которое мы чисто вымели; ему там будет приятно”.

Она вынесла мальчика, положила его на ровное место. Похарамас был готов на юго-восточной стороне, а Тиликус - на юго-западной. Как только Йонот опустил ребенка на землю, они подтолкнули к нему смоляные сосновые палочки. В тот же миг вспыхнул костер. Когда огонь хорошо разгорелся, Похарамас взял большую горящую сосновую головешку и помчался на юго-восток; Тиликус взял другую и побежал на юго-запад. Похарама, когда он достиг юго-востока, где небо соприкасается с землей, побежал на север, близко к небу; он держал острие своего горящего факела на земле и на бегу поджигал все вокруг. Когда Тиликус достиг юго-запада, в том месте, где небо соприкасается с землей, он побежал на север, почти касаясь неба. Два брата быстро ушли, оставляя за собой полосу пламени, и вместе с огнем облаком поднялся дым.

После того, как эти двое тронулись в путь, Йонот схватила Похилу, и когда она подняла мальчика, на том месте вспыхнуло огромное пламя. Она вбежала в дом со своим сыном и положила его в корзину, где держала до того утра.

Люди Торихаса начали танцевать. Через некоторое время после восхода солнца они увидели большой костер далеко на востоке, а также на западе.

“О, посмотрите на огонь с обеих сторон!” - сказал один.

“Он далеко и сюда не доберется”, - сказал другой.

- Я уже чувствую жар! - воскликнул третий.

Вскоре все увидели, что огонь надвигается на них с востока и запада, как волны прилива, и линия его быстро уходит на север. Огонь издавал ужасный рев, когда горел; вскоре все вокруг бурлило. Повсюду люди пытались спастись, все устремлялись на север. К середине полудня жар и жжение были настолько сильными, что люди начали падать с криками: "

“О, мне жарко! Ах, мне жарко!”

Торихас бросился на север и достиг вершины Торихам Пуи Торор. Когда он увидел, что огонь подбирается совсем близко, он крикнул Тихелису, который с трудом тащил на спине огромный кусок кремня:

“ Берись за кремень! Давай, давай, огонь далеко отсюда, далеко позади нас!

Тихелис слышал крики, но ничего не сказал; он упорно продолжал двигаться на север. Когда он был к северо-востоку от Богемп-Пуюка, он увидел, как огонь приближается очень быстро, мощное пламя с ревом поднималось к небу. Оно приближалось с юга, востока, запада. Тихелис не мог идти дальше; на поверхности не было места для побега; огонь скоро доберется до того места, где он был. Кремень сильно раскалился от горения; он бросил его; он содрал кожу со спины, такой он был горячий и тяжелый. Он забежал под землю, забрался так далеко, как только смог, и затаился там. Вскоре он услышал, как над ним ревет огонь, земля горела, он был едва жив; вскоре все вспыхнуло - земля, камни, все.

Тихелис поднялся в пламени и дыму к небу.

Когда братья Тиликус и Похарамас пронесли огонь по всему миру и встретились на севере, как раз на полпути между востоком и западом, они чиркнули своими факелами и бросили их на землю. За мгновение до того, как они присоединились к горящим головням, между ними выбежали два человека. Один был Клабус, а другой Цароки, которые привезли приглашение от Торихаса в Каткатчилу. Они просто сбежали.

Кремень, который уронил Тихелис, до сих пор лежит там, где упал, и когда народу Винту нужен черный кремень, они находят его в том месте.

Похарамас и Тиликус побежали домой, как только зажгли свои факелы.

У Каткатчилов был маленький брат. Он посадил мальчика себе на спину и отправился за пределы неба, туда, где оно касается земли на юге.

Йонот, мать Похилы, взяла своего сына и отправилась за небо; ее муж, Тиликус, отправился с ней. Похарамас отправился в Олелпанти. Он полетел туда, где находится Олелбис.

Олелбис посмотрел вниз, на пылающий мир. Он не видел ничего, кроме волн пламени; горели камни, земля, все горело. Поднимались огромные валы и кучи дыма; огонь взлетал к небу в виде пламени, огромных искр и головешек. Эти искры стали колчитух (небесными глазами), и все звезды, которые мы сейчас видим на небе, появились в то время, когда был сожжен первый мир. Искры прочно застревали в небе и оставались там со времен вакпохаса (мирового пожара). Кварцевые породы и огонь в скалах относятся к тому времени. До вакпохи в скалах не было огня.

Когда Клабус сбежал, он отправился на восток, за пределы неба, в место под названием Пом Вай Худи Пом. Цароки поднялся на восточной стороне неба, выбежал наружу.

Перед тем, как начался пожар, Олелбис обратился к двум пожилым женщинам и сказал: “Мои бабушки, идите работать на меня и сделайте фундамент. Я хочу построить парилку”.

Они выкопали и расчистили место для парилки за день до того, как начался мировой пожар. Олельбис построил его таким образом: когда две женщины выкопали фундамент, он спросил:

“Какое дерево мне взять для центральной колонны дома?”

“Поезжайте далеко на юг, - говорили старые бабушки, - и возьмите большой молодой белый дуб, вырвите его с корнями, принесите и посадите посередине, чтобы поддерживать дом”.

Он пошел, нашел дерево и принес его.

“Итак, мои бабушки, что мне делать дальше?”

“Отправляйся на север и принеси черный дуб с корнями. Тогда иди на запад, протяни руку, и там ты коснешься дуба, отличающегося от других”.

Он пошел на север и запад и принес два дерева.

- А теперь, - сказал Олельбис, - мне нужно дерево с востока.

“Иди прямо на восток, к месту, где растут живые дубы, ты можешь увидеть его отсюда, возьми один из этих живых дубов”. Он принес его с корнями и сказал: "

“Теперь я хочу еще два дерева”.

“Идите на юго-восток, - сказали они, - где растут белые дубы, и возьмите два из них”.

Он пошел и взял два огромных белых дуба, вырвал их с корнями, принес со всеми ветвями, которые были усыпаны желудями.

Олельбис поставил большой белый дуб с юга посередине в качестве центральной колонны; затем он поставил северный черный дуб с северной стороны; он поставил его наклонно, так что его ветви были с южной стороны дома; напротив этого он поставил юго-восточный белый дуб с таким же наклоном, так что его верхушка выходила с северной стороны. Западный дуб он посадил с западной стороны, наклонившись так, что его ветви свисали с восточной стороны; затем он посадил два белых дуба с юго-востока на восточной стороне: всего шесть деревьев. Верхушка каждого дерева находилась снаружи, напротив его корней; желуди с него падали на противоположную сторону. Олельбис хотел крепко скрепить деревья вместе, чтобы они никогда не ослабевали.

“Остановись, внук”, - сказала одна из старух. “Как ты будешь завязывать верх?”

“Мне нечем это связать”, - ответил Олельбис.

Она протянула руку на юг, и на ней появился гумус корилули (растение с красивыми цветами). Она взяла его вместе с корнями, стеблем и цветами и сделала длинную узкую циновку, где стебель и корни были сплетены вместе внутри, а цветы снаружи. “Вот, внучек, - сказала она, - обвяжи этим крышу дома и крепко привяжи им деревья”.

Он сделал это. Переплет получился красивым и очень ароматным. Он обернул им деревья там, где они сходились на крыше дома внутри.

Теперь две старые женщины сплели четыре очень большие циновки, по одной для каждой стороны дома. Сначала они сплели циновку из есоу (растения высотой около фута, у которого нет ветвей и только гроздь красных цветов на верхушке). Когда они закончили, то велели Олельбису поставить его с северной стороны дома.

“А теперь, мои бабушки, - сказал Олелбис, - мне нужна обложка для ист-сайда”.

“Внук мой, - сказали друг другу, - нам жаль, что ты один, жаль, что у тебя нет никого, кто помог бы тебе построить этот дом. Теперь возьми этот коврик и положи его с восточной стороны”.

Они дали ему циновку из того же растения, которое использовалось для крепления крыши дома.

- Теперь мне нужно прикрытие для южной стороны.

Старухи протянули руки на восток, и к ним подошло растение высотой в фут с белыми цветами, очень сладко пахнущее. Этого растения набралось много, и они сделали из него циновку. Они разложили все цветы снаружи. Циновка покрывала южную сторону.

- Итак, как мне прикрыть западную сторону?

“У нас здесь уже есть покрытие из кин-текчи-лули” (растения с голубыми и белыми цветами).

Они положили этот коврик с западной стороны, развернув цветы наружу.

Теперь старухи дарили ему всевозможные красивые растения и цветы, чтобы они образовали большую гряду у подножия парилки. Все виды цветов, какие только есть в мире сейчас, были собраны у подножия этой парилки, огромная их россыпь; здесь были все прекрасные цвета и все сладкие ароматы в мире.

Когда они вошли в парилку, запах был восхитительный. Две старухи сказали тогда:

“Все люди, которые придут в нижний мир, будут говорить об этом доме и называть его Олелпанти Хлут, когда будут рассказывать о нем и восхвалять дом на небесах”.

Олелбис сказал: “Я хочу положить что-нибудь вдоль каждой стороны двери. Что мне взять?”

Эти двое сказали: “Мы приготовим сау” (желудевый хлеб, выпеченный в виде большого круглого рулета, похожего на ствол дерева).

Они достали сау и положили по рулону с каждой стороны двери; эти рулоны были положены туда, чтобы люди могли сидеть.

Олелбис обошел вокруг, осмотрел все и сказал:

“Я хочу, чтобы этот дом рос, был широким и высоким, чтобы в нем могли разместиться все, кто когда-либо придет в него”.

Затем дом начал расширяться и становиться шире и выше, и он стал замечательным по размерам и великолепию. Как только рассвело, дом был закончен и готов. Он стоял там на утренней заре, гора прекрасных цветов и дубовых ветвей; все краски мира были на нем,

снаружи и внутри. Дерево в середине было намного выше крыши дома и усыпано желудями; несколько из них упало со всех сторон.

Эта парилка была установлена там навечно, это самое большое и красивое здание в мире, как вверху, так и внизу. Ничего подобного больше никогда не будет построено.

“Теперь, внук мой, - сказали старухи, - дом построен и достроен. Этот дом понравится всем людям в мире. Они будут говорить об этом, и всегда отзываться о нем хорошо. Этот дом будет стоять вечно, и эти цветы будут цвести вечно; корни, из которых они растут, никогда не умрут”.

Мировой пожар начался на следующее утро после завершения строительства парилки. Во время пожара они не могли видеть внизу ничего, кроме пламени и дыма. Олельбису это не понравилось.

“Внук, ” сказали старухи, - мы расскажем тебе, что нужно сделать, чтобы потушить этот ужасный вакпохас. Есть очень старый человек, Кахит Кимила, и он живет далеко на севере, на востоке, за пределами первого неба. Он живет там в одном маленьком местечке; он совсем один и всегда в одном и том же месте. Скажи ему, что делать, и он это сделает. Если тебе не нравятся огонь и дым внизу, скажи старику, чтобы он повернулся к тебе лицом, пошел сюда и привел с собой Мем Лоймис. Он сидит, обхватив голову руками, лицом к северу, и никогда не поднимает глаз. Место, где он сидит, называется Вайкен Пом Пуи Хумок Пом”.

Первым человеком, пришедшим в Олелбис в день пожара, был Кириу Херит. Он пришел на рассвете.

- Ты закончил парилку, племянник мой, - сказал он.

- Да, - ответил Олелбис, - но у нас будут неприятности, и ты, дядя, поднимись на западную сторону парилки, осмотри все вокруг и скажи мне, что ты видишь.

Кириу поднялся на крышу дома и посмотрел. Вскоре подошел другой человек и сказал: “Брат мой, ты закончил парилку”.

“Да, - сказал Олельбис, - а ты, брат мой, поднимись на восточную сторону дома, встань там и позови Кахита”.

Это был Луччи Херит. Подошли еще двое и отдали честь Олелбису. “ Иди в парилку, ” сказал он. Это были два брата, Тиличи. Пришел пятый человек, Кунтихле, а затем шестой, Сутунут, великий человек. Луччи продолжал метаться вокруг, глядя на север и крича: “Кахит не может взять меня! Кахит не может взять меня!” К этому времени Кахит разозлился и решил обернуться и посмотреть на Луччи, потому что, хотя и был далеко, он слышал шум его метаний и его крики. “Этот старый Кахит может выйти, но он не сможет поймать меня!” - кричал Луччи, метаясь вокруг, всегда поглядывая на север.

Тогда Олелбис позвал Луччи и Сутунута и сказал: “Вы, Луччи, идите на север, поднимите небо и подприте его; вот небесный шест и небесная подпорка”. Повернувшись к Сутунуту, он вырвал по перышку из каждого его крыла и сказал: “Отправляйся к Кахиту в Вайкен Пом Пуи Хумок Пом; скажи ему, чтобы он шел на юг с Мем Лоймис. Она живет недалеко от него. Ее дом в земле. И скажи ему, чтобы он дул в свисток изо всех сил. Прикрепи эти два перышка к его щекам прямо перед ушами.

Луччи шел быстро. Никто не мог двигаться так быстро, как он. Он достиг неба на севере, поднял и подпер его. Сутунут передал сообщение Кахиту, который медленно поднял голову, зажатую между ладонями, и повернулся к югу. Затем Сутунут воткнул перья ему в щеки, как приказал Олельбис.

Один человек, Сотчет, живший к югу от Кахита, теперь заговорил и сказал:

“ Иди вперед, Кахит. Я спешу увидеть своего отца, Олельбиса. Я последую за тобой. Я пью молоко своей матери”. (Он делал это, чтобы принести побольше воды.) Его матерью была Мем Лоймис.

“Пойдем со мной, Мем Лоймис”, - сказал Кахит матери Сотчета. “Когда я начну, иди немного впереди. Я помогу тебе двигаться вперед”.

Олельбис наблюдал за происходящим и подумал: “Кахит готов начать, и Мем Лоймис с ним”.

Олельбис смастерил тогда дубовое весло и швырнул его туда, где был Сотчет. Сотчет поймал весло, сделал из него хвост, надел его и поплыл, шлепая по воде. Недалеко от Кахита жила пожилая женщина, Йохолмит Покаила. Она сплела корзину из белой ивы и закончила ее как раз к тому моменту, когда Мем Лоймис была готова начать. На том же месте была Сосини Херит, готовая к переезду. В одной руке он держал лук и стрелы, другой ему предстояло плыть.

Олельбис видел все это, видел и знал, что люди делают или готовятся сделать. “Бабушки, ” сказал он, “ Мем Лоймис готова к переезду. Кахит готов. Все окружающие последуют за ними”.

Великий огонь пылал, ревя по всей земле, сжигая камни, землю, деревья, людей, сжигая все.

Мем Лоймис вздрогнула, а вместе с ней и Кахит. Вода хлынула через открытое место, созданное Луччи, когда он поднял небо. Он хлынул, как поток рек, покрыл землю и потушил огонь, продолжая двигаться на юг. Снаружи было так много воды, которая не могла проникнуть внутрь, что она поднялась до самого неба и устремилась к Олельпанти.

Олельбис поднялся на крышу парилки и остановился, глядя на север. Сула Кимила и Токо Кимила пришли этим утром. “Займите свои места к северу от парилки”, - сказал Олельбис, и они так и сделали. Олельбис видел все, что приближалось к нему по воде с севера, всевозможных людей, которые умели плавать. Их было так много, что никто не мог сосчитать. До того, как он построил парилку, две бабушки сказали Олельбису: “Отправляйся далеко на юг и собери пилкок, высокое растение с прочным волокном, и сделай веревку”. Он так и сделал и скрутил из пилока прочную веревку. Из нее он сделал пращу. Он протянул руку на запад, и на нее наткнулся килсон - круглый белый камень дюйма полтора в диаметре. Он положил камень в пращу, обвязал пращу вокруг головы и всегда держал ее там.

Теперь он взял пращу в руку и стоял, наблюдая, готовый бросить камень во что-то, приближающееся по воде. Олельбис бросил левой рукой. Он был левшой, и по этой причине его называли Номхлестава (бросающий на запад левой рукой).

Мем Лоймис пошла вперед, и вода поднялась горами. По пятам за Мем Лоймис шел Кахит. Во рту у него был свисток; когда он двинулся вперед, то дунул в него изо всех сил и издал ужасный звук. Свисток был его собственным; он был у него всегда. Он прилетел и стал дуть. Он был похож на огромную летучую мышь с расправленными крыльями. Когда он полетел на юг, к другой

стороне неба, два его щечных пера выпрямились, стали необычайно длинными, махали вверх-вниз, росли до тех пор, пока не смогли коснуться неба с обеих сторон.

Пока Кахит летел дальше и дул в свой свисток, старая Йохольмит лежала в своей корзинке; она плыла в ней высоко по огромным волнам, смеялась и кричала: “Хо! хо!”

“Как рада моя тетя увидеть воду; послушай, как она смеется!” - сказал Олельбис. И он дал ей два новых имени: Сурут Вомульмит (женщина с поясом для волос) и Мем Хлосмульмит (женщина с водяной пеной). “Посмотри на мою тетю”, - снова сказал Олелбис. “Она рада видеть воду!”

Пока Йохольмит смеялся и кричал, она крикнула: —

“Вода, будь большой! Все время расти! Будь глубокой, чтобы я мог плыть и плыть дальше, плыть всю свою жизнь”.

Олельбис внимательно наблюдал за происходящим. Сосини Херит приближался. В одной руке он держал лук со стрелами, а другой плыл. Он был следующим после старого Йохольмита.

“Посмотри на моего брата Сосини, посмотри, как он плавает”, - сказал Олелбис. Когда горы воды быстро приблизились, Олелбис сказал двум старухам: “Идите в парилку”. Два брата, Кунтиле и Теде Вью, тоже вошли. Олельбис стоял, готовый пустить в ход пращу. Когда Йохольмит приблизилась, он запустил в нее камнем. Он не попал в нее. Он не хотел попадать в нее. Он ударил по корзинке и отправил ее далеко на восток, пока корзина не ударилась о небо.

Когда вода достигла Токо, она разделилась, пошла на восток и запад, не продвинувшись дальше на юг в Олельпанти. В это время Олелбис увидел идущее с севера полое бревно. На нем сидели несколько человек из племени Теде Мемтулит и Бису. Сразу за бревном появился кто-то с большой ивой во рту, плывущий то на восток, то на запад. Он шлепал по воде своим новым хвостом, издавая громкий звук. Это был Сотчет, сын мэм Лоймис. Олельбис ударил по бревну камнем из пращи и отбросил его далеко на запад вместе со всеми Мемтулитами, кроме одного, который пришел в парилку и сказал:

“Брат мой, я хотел бы остаться здесь с тобой”. Это был Теде Мемтулит.

- Оставайся здесь, - сказал Олелбис.

Следующим был Воквук. Он был большим и красивым, и у него были очень красные глаза. Когда Кахит полетел к парилке и был все еще к северу от нее, Олелбис крикнул ему:

- Дядя мой, у нас было достаточно ветра и воды; неужели ты не можешь остановить их?

Кахит улетел на восток и отправил Мем Лоймис обратно. “Мэм Лоймис, ” сказал он, “ ты очень большая и очень сильная, но я сильнее. Возвращайся! Если нет, я остановлю тебя. Иди домой!”

Мем Лоймис вернулась на север, зарылась в землю, где жила раньше. Кахит пошел на восток, затем повернулся и пошел на север, туда, где был сначала, и снова молча сел, обхватив голову руками.

Когда Мем Лоймис и Кахит ушли домой, вся вода исчезла; повсюду снова было спокойно, сухо и прозрачно. Олельбис посмотрел вниз, на землю, но ничего не увидел: ни гор, ни деревьев, ни земли, ничего, кроме голых, чисто вымытых скал. Он встал и посмотрел во все стороны,

посмотрел на восток, север, запад, юг, может быть, найдет что-нибудь. Он ничего не нашел. Через некоторое время он увидел в бассейне большой скалы немного воды, все, что там осталось. Скала находилась в Царау Херил.

“Мои бабушки, ” спросил Олелбис, “ что мне теперь делать? Посмотрите повсюду, внизу в мире нет ничего, кроме голых скал. Мне это не нравится”.

“Подожди немного, внук”, - сказали они. “Мы поищем, может быть, где-нибудь что-нибудь найдем. Возможно, у нас получится”.

На этой земле не было ни реки, ни ручья, ни какой-либо другой воды, кроме той, что была в Царау Херил. Это было на следующее утро после того, как Мем Лоймис ушла домой.

Теперь в Олельпанти с востока пришел человек, Клабус Херит. “Дядя мой, ” сказал Олельбис Клабусу, “ я осматриваю весь мир внизу, но ничего не вижу на нем. Знаете ли вы какое-нибудь место за пределами неба на севере, юге, востоке или западе, где есть земля?

“Я не знаю места, где есть земля”, - сказал Клабус.

Вскоре с запада был замечен еще один человек, Йилахл Херит. Когда он подошел, Олелбис спросил: —

- Дядя, ты знаешь о земле, или деревьях, или людях где-нибудь за пределами неба?

“Я не знаю”, - ответил Йилахл. “Но у вас здесь все в порядке?”

- Мы целы и невредимы, - ответил Олельбис.

“ Как ты сюда попал? Каким путем ты пришел? Где ты жил, чтобы тебя не сжег мировой пожар?” - спросил Клабус у Илаля.

“Я расскажу тебе”, - сказал Йилахл. “Когда начался пожар, я пошел на запад, я прошел под небом, где оно соприкасается с нижним миром, я вышел на другую сторону. Огонь не добрался туда. Теперь в этом месте есть земля”.

“Дяди мои, - сказал Олелбис, - я хочу, чтобы вы оба спустились вниз, отправились на запад и добыли для меня эту землю”.

“Я пойду”, - сказал Клабус и, повернувшись к двум старухам, сказал: “Дайте мне две корзины, очень большие круглые корзины”.

Старухи сплели две очень большие корзины. Клабус взял их и отправился на запад с Йилахл. Как только они тронулись в путь, Олелбис взял огромную небесную сеть (колчи коро), и она раскинулась; она доходила до краев неба во всех направлениях; она была полна маленьких, тонких отверстий, как сито. Он разложил его в Олельпанти; поместил под своей парилкой. Он еще над этим миром, но мы не можем его видеть.

Клабус и Йилахл отправились на запад, туда, где находилась земля. Клабус выкопал его и быстро наполнил корзины; пошел к северной стороне парилки и бросил землю в большую сеть, затем поспешил обратно, принес еще земли и бросил ее в сеть. Оно прошло сквозь сеть и упало сюда, упало на камни в этом мире, как дождь.

Клабус очень быстро бегал взад-вперед, неся по корзинке в каждой руке. Он уходил и возвращался в течение пяти дней и пяти ночей; все это время сыпалась мелкая земля, пока не покрылись камни, и повсюду было много земли.

Йилал не оказал никакой помощи. В первый раз он спустился вниз вместе с Клабусом, показал ему землю и остался там, но не помогал таскать землю или копать ее.

Когда Клабус засыпал все камни хорошей землей, Олельбис велел ему отдыхать.

“Отправляйся на запад и скажи Йилаху, чтобы он помог тебе”, - сказал Олельбис Клабусу на следующее утро, после того как он отдохнул. “Скажи ему, чтобы он работал с тобой, приводя в порядок землю, которую ты сбросил. Идите оба; сделайте горы, возвышенности и выровняйте местность; все приведите в порядок”.

Нигде не было видно огня; все было потушено наводнением, которое началось после того, как Луччи подпер небо. Йилахл вышел в этот нижний мир из-под края неба на западе, а Клабус вышел из-под него на востоке. Оба встретились и принялись за работу. Йилахл создал небольшие холмы и зафиксировал холмистую местность. Клабус воздвиг великие горы и горные хребты. Пока еще не было ничего, кроме земли и камня; за работой не было людей, только эти двое, Клабус и Йилахл.

Олельбис стоял и смотрел; он смотрел пять дней, но нигде не нашел огня. На следующий день он увидел небольшой дымок на юго-западе, поднимающийся прямо вверх, как будто через небольшое отверстие. На голове у Олельбиса был Винишуйт, завязанный в волосы, и Винишуйт сказал ему:

“Брат мой, посмотри: далеко на юге горит небольшой костер; у женщины там в маленькой корзинке огонь”.

Этой женщиной была Йонот, мать Похилы, которая вернулась жить в свой старый дом.

“Брат мой, ” сказал Олельбис, поворачиваясь к Теде Виу, “ видишь вон то место? Пойди и принеси из него огонь”.

Теде Виу быстро направился к тому месту, где Олельбис увидел дым. Он нашел дом и, заглянув в щель, увидел отблески огня, но не сам огонь.

Теде Виу оставался на страже пять дней и ночей. Он не мог попасть в дом, где стояла корзина. Тот дом был плотно закрыт, и в нем не было двери. Наконец он вернулся в Олельпанти без огня.

“Я бы хотела поймать рыбу, которая, как я вижу, прыгает в этих южных водах, - сказала Кунтихле, - но мы не смогли бы приготовить рыбу, даже если бы она у нас была, потому что у нас нет огня”.

- Тебе лучше пойти самому и попытаться добыть огонь, - сказал Олельбис.

Кунтихле пошел и наблюдал пять дней. Он не мог попасть в дом, и огонь не вспыхнул. Он вернулся в Олельпанти.

“ Нам нужен огонь, ” сказал Олелбис, “ но как мы его добудем? Пойди еще раз и попробуй, - сказал он Теде Виу. - смотри, пока огонь не погаснет, или войди и возьми немного.

Клабус и Йилахл все еще были на работе.

Тогда мы пошли, прокрались под дом, наблюдали пять дней и ночей, оставались прямо под корзиной, в которой была Похла. На шестое утро, очень рано, как раз на рассвете, выпала искра из костра. Теде Вью поймал искру, быстро сбежал к Олельбису и отдал ее ему.

Теперь в Олельпанти горел огонь, и они были рады. Ни Йонот, мать, ни Тиликус, отец Похилы, не знали, что огонь был перенесен в Олелпанти.

Клабус и Йилахл все еще работали над созданием гор и долин и почти закончили.

Теперь, когда в Олелпанти разгорелся пожар, Кунтихле сказал: “Я пойду и посмотрю на эту рыбу. Тилитчи, ты пойдешь со мной?”

Тиличи ушел. Прежде чем они отправились в путь, Олелбис подарил им рыболовную сеть. Они поймали рыбу и вернулись, одели, приготовили и съели ее.

“Это хорошая рыба”, - сказал Олельбис. “Как она попала в эту воду?” Этот пруд в скале маленький и круглый; в него нет воды, чтобы в него попасть. Бабушки, что нам делать с этим прудом и рыбой в нем?”

“Мы вам расскажем”, - сказали старухи. “Иди на запад под небо, отломи полоску неба, принеси ее сюда и сделай из нее заостренный шест”.

Клабус и Йилахл как раз возводили вершину Богемп-Пуюк; все остальные горы в мире были закончены.

Олелбис отправился на запад, взял небесный шест и направил один его конец. Он воткнул шест у подножия Богемп-Пуюк и провел его острием на юг, проделав глубокую борозду. Затем он воткнул шест далеко на север и проделал вторую борозду, чтобы присоединиться к восточному концу первой. Воды ни в одной борозде еще не было, и Олелбис сказал:

“Итак, мои бабушки, что мне делать дальше?”

“Возьмите этот виноградный корень”, - сказали они. - Брось его в то место, куда ты воткнул шест у подножия Богемп-Пуюк.

Он бросил корень. Один его конец уходил в гору, другой свисал наружу; из него текла вода.

“Это будет называться Вини Мем”, - сказали бабушки. “Страна вокруг него будет хорошей; многие люди переедут туда, чтобы жить в будущем”.

Бабушки дали второй корень, корень туле, и Олельбис забросил его далеко на север, где один конец воткнулся в землю, как корень виноградной лозы, а с другого конца потек Пуи Мем — в верховьях Пуи Мем и по сей день много туле.

Олельбис снова взял свой небесный шест и проложил глубокие борозды к югу от Богема Мем, большие для больших рек и поменьше для ручьев. Вода текла и заполняла борозды, текла на юг, пока не достигла места, где Кунтихле нашел первую рыбу; и когда большая река достигла этого маленького пруда, рыба ушла из него в реку, а из реки - во все ручьи и речушки.

Когда реки закончились и в них потекла вода, Олельбис увидел на востоке, за пределами неба, желудевое дерево. Он посмотрел на северную сторону дерева и увидел, как кто-то стучит

молотком. Он метнул камень из пращи, сбил человека с ног и послал Тилитчи привести его. Его привел Тиличчи.

“Из какого народа эта?” - спросил он у старух.

“Он из хорошего народа”, - ответили они. “Поставьте его на центральную колонну парилки; мы называем его Цурат”.

Цурат был только оглушен. Когда Цурата подвели к центральной колонне, он взобрался на нее, время от времени останавливаясь и стуча молотком. Звук, который он издал: “Йа-тук! йа-тук!” - был слышен за пределами парилки, — хороший звук; всем нравилось его слушать.

Олельбис увидел на том же дереве другого представителя того же семейства. Когда его привели, старухи сказали: “Это Мин Тайтай; положите его на землю к востоку от костра” — костер был посередине.

Мин Тайтай начал разговаривать сам с собой. Они могли расслышать два слова: “Вит, вит!” (возвращается, возвращается).

Олельбис оглушил третьего человека, которого привел Тилитчи. Старухи сказали: “Он тоже из хорошего народа, он Хессиха; пусть он будет с Мин Тайтай и поставь рядом с ними корзину с красной землей и водой”.

Мин Тайтай говорил сам с собой: “Остроумие, остроумие!”

- Кто такой “Вит, вит”? - спросила Хессиха.

“Сас” (солнце), - ответил Мин Тайтай, - “садились, а теперь возвращается; вот кто такой ”Вит, вит””.

“Кто возвращается?” - спросила Хессиха.

“Sas возвращается”.

“Сас не вернется, он идет дальше”.

(Зимой Сас отправляется на юг, а летом возвращается на север. Мин Тайтай говорил, что Сас возвращается на север. Хессиха подумала, что он говорит, что Sas спустился на запад, а теперь возвращается на восток, не заходя на посадку.)

“Вит, вит” (возвращается, возвращается), - сказал Мин Тайтай.

“Череп, череп!” (продолжаю, продолжаю), сказала Хессиха.

Вскоре они подрались, начали драться; во время драки Хессиха брала красную грязь из корзины и бросала ее. Мин Тайтай тоже взяла грязь и бросила ее в Хессиху. Вскоре обе были покрыты грязью и водой.

Клевер, прекрасные травы и всевозможные растения росли вокруг парилки в Олельпантис. Все вокруг утопало в цветах. “А теперь, мои бабушки, ” сказал Олельбис, - скажите мне, что вы думаете. Вся эта земля под нами голая; на ней ничего нет. Что мы можем для этого сделать?”

“Внук мой, к юго-востоку от этого места есть дом, в котором живут люди. Место называется Хлихли Пуи Хлаттон [восточная парилка из желудей]. Там живет старик. Пошли Цурата привести к нам этого старика.

“Я так и сделаю”, - сказал Олелбис; и он послал Цурата, который привел Хлихли Кимилу, который всю свою жизнь прожил в этой восточной парилке. Когда Олелбис посмотрел на старика, он сказал Цурату: “Отправляйся в мир под нами вместе с Хлихли. Пронесите его через все это — на север, юг, восток и запад”.

Снаружи Хлихли был похож на старый, изъеденный червями желудь; внутри он был как мука или нюхательный табак, и когда он двигался, это внутреннее просеивалось из него. У него была дочь Хлихли Лоймис, и у нее было много сыновей.

Цурат возил Хлихли по всему миру, и когда он нес его пять дней, повсюду из пыли, которая с него падала, выросли маленькие дубовые кустики. Они взяли семена клевера, растущие вокруг парилки в Олельпанти, и разбросали их; клевер рос повсюду. Олельбис разбросал все виды цветочных семян с цветов, цветущих в Олельпанти.

Немного восточнее парилки Олельбиса жил Седит. Во время пожара он пробежал под небом на юге и поднялся по небу в Олельпанти. Он оставался там с Олельбисом, пока огонь и вода не прекратились. Затем он прошел небольшое расстояние на восток и построил себе дом. Во время великой воды Седит поймал Воквука, а потом построил для него дом рядом со своим собственным.

К востоку от дома Седита был большой камень. Олелбис увидел Чулула, сидящего на этом камне, и он сказал: —

“Брат мой, я посадил на землю клевер. Я хочу, чтобы ты спустился туда и остался с этим клевером, всегда оставайся с ним. Это хорошее место для тебя”. Это место было в Токустоне на Пуи Мем. “Возьми эту пончеучи [повязку из росы], надень ее на голову, носи всегда, охраняй клевер, прячь голову среди его листьев и все время сохраняй траву и клевер влажными и зелеными. Я возьму этот камень возле дома Седита и положу его на землю для тебя”. (Сейчас камень возвышается примерно в пятидесяти милях над Паспуисоно. Он называется Пуи Толесон — скала, наклоняющаяся на восток.)

Воквук во времена великой воды потерял средний и самый длинный палец на одной руке; он ушел далеко на север и через некоторое время превратился в оленя, и от этого оленя произошли все олени в мире после пожара. Когда Кахит и Мем Лоймис по дороге домой отправились на восток, Воквук потерял маленькое перышко над одним из своих глаз. Оно отправилось на запад и превратилось в прекрасную ракушку тсантерис. Он также потерял два шейных пера. Они отправились на запад и стали каласами, а оттуда появились все жемчужные раковины. Он потерял кончик мизинца. Она полетела на запад и стала птицей Воквук здесь, внизу. У него пропало немного слюны. Она полетела на восток по воде и превратилась в синие бусинки, такие люди носят сейчас на шее. Воквук потерял небольшую часть своего кишечника. Он отправился на юг по воде и стал мемпаком; из этого вышел весь мемпак (водяная кость). Он потерял часть своего позвоночника. Он поплыл по воде на восток и превратился в лося, и от этого лося произошли все лоси.

Однажды Седит сказал Олельбису, когда все рассказывали Олельбису, что они собираются делать: “Внук, я собираюсь снять свою кожу и отправить ее в нижний мир”.

- Сделай это, - сказал Олелбис.

Седит снял с себя кожу, как снял бы пальто, и бросил ее в этот мир.

“Теперь там повсюду будут осадки”, - сказал он.

Пока Олелбис собирал в Олелпанти всех людей со всех концов этого неба над нами, Мин Тайтай и Хессиха спорили и кидались друг в друга красной грязью.

Олельбис собирал людей со всех сторон, пока не собрал их всех у себя дома. Они были там толпами, тысячами, пели и разговаривали внутри и снаружи, повсюду в Олельпанти.

Однажды утром Олельбис сказал старухам:

“Мои бабушки, я не могу сказать, что делать и как получить то, что я хочу, но далеко к западу отсюда есть горный хребет, который тянется с юга на север, и по этому хребту какие-то люди приходят с юга и спешат на север; они делают это каждый день; они идут на север вдоль этого хребта, и я не знаю, что это за люди. Когда они оказываются на вершине хребта, то очень быстро бегут на север. Как только Клабус и Йилахл закончили с ровной местностью и холмами в мире внизу, эти люди начали путешествовать по хребту таким образом, и с тех пор они идут на север”.

“Вы не знаете этих людей, ” сказали старухи, “ но мы их знаем, братья Каткатчила знают их; это Кахсуку, облачные псы, облачные люди. Если вы хотите узнать больше об этих облачных людях, спросите старейшину Каткатчилу; он знает их; в настоящее время он живет далеко на западе; идите и спросите его, идите сами”.

Олельбис отправился в путь на следующее утро рано, и как раз перед тем, как он добрался до дома Каткатчилы на западе, он наткнулся на кого-то, кто, наклонившись, смотрел на юг. Это был старейшина Каткатчила, который наблюдал за облачными людьми.

“Остановись, брат мой, - сказал Каткатчила, - и смотри вместе со мной”.

Они вдвоем посмотрели вдоль хребта на юг — тогда было еще до восхода солнца — и увидели, как какой-то человек прошел немного в поле зрения, затем повернулся и пошел обратно. Он не подошел ближе, потому что увидел Олельбиса. Облачный народ очень робок; они могут видеть на большое расстояние и обладают очень острым нюхом. Увидев Олельбиса, этот человек убежал домой.

“Брат мой, ” сказал Каткатчила Олелбису, - мы наблюдали здесь, чтобы отогнать этих облачных людей. Мы наблюдали день и ночь, я и мой младший брат. Мой брат находится недалеко от восточного склона этого хребта, который тянется с севера на юг; он остается там и наблюдает.

“Что вы подразумеваете под людьми из облаков?” - спросил Олелбис. “Что это за люди? Я видел только голову и шею одного из них; то, что я увидел, выглядело хорошо. Я бы хотел, чтобы вы, братья мои, поймали одного из этих людей, если сможете”.

“Как получилось, что ты не знаешь этих людей?” - спросил Каткатчила. “Вы должны знать их; вы видели каждое место, каждого человека, все; вы должны знать этих людей. Я расскажу вам, как они пришли. Мы с сестрой разожгли великий мировой огонь; мы разожгли вакпохи, потому что Торихас и его люди украли мой кремьень. Я был зол. Я сказал сестре, чтобы она вынесла своего ребенка за пределы дома. Мы обложили его сосновой смолой, и из младенца вырвался огонь. Когда огонь горел по всей земле и было великое пламя и дым, поднялась большая вода и сильный ветер; вода наполнила весь мир паром, и ветер погнал пар и дым от великого пожара и унес их далеко на юг, где они стали народом — облачным народом. Эти люди красные, белые или черные, все они, и они всегда идут на север. У них хорошие головы и длинные шеи”.

“Я бы хотел постоять рядом с некоторыми из этих людей и посмотреть на них”, - сказал Олелбис.

“Мне не нравится видеть, как они идут на север”, - сказал Каткатчила. “Мы с братом здесь, пытаемся отогнать их назад, но они идут на север вопреки нам. Мой брат находится на другом склоне, чтобы отпугнуть их, но они немного поворачивают на восток и обходят его”.

- Приведи сюда своего брата, - сказал Олельбис.

Каткатчила привел своего брата, и они вдвоем сказали:

“Эти облачные люди очень дикие; мы не можем приближаться к ним. Но мы хотели бы отогнать их назад или поймать”.

“Идите на запад, братья мои, ” сказал Олелбис, - и раздобудьте что-нибудь, чтобы перекрыть ту брешь на востоке, где облачный народ проходит мимо вас и направляется на север. Перекройте это отверстие на востоке и перекройте также западный склон, оставив для них только узкое место. Соберите тисовое дерево, соорудите из него очень высокий забор и ограничьте восточный склон”.

Они привезли тисовую древесину и соорудили очень высокую изгородь на восточном склоне, а затем еще одну на западном, оставив открытой лишь узкую щель.

“Теперь отправляйся на восток, ” сказал Олельбис, “ собери кацау, крепкое волокнистое растение, и сделай из него нити. Сделай из бечевки веревку и поставь силок в проеме изгороди на западном склоне, чтобы поймать этих облачных людей.

Старший брат находился на гребне у западного склона, а младший - на гребне у восточного склона. Братья смастерили ловушку и установили ее на западном склоне. Оба наблюдали и ждали, когда набегут облака.

“Теперь, брат мой, - сказал Олельбис, увидев эту работу, - хорошенько следи за этими людьми, напугай их и замани в ловушку, а я вернусь в Олельпант”.

На следующее утро рано два брата наблюдали и очень скоро увидели, что приближается великое множество облачных людей. Оба брата лежали плашмя на середине хребта, так что облака не могли их видеть. Облака внимательно наблюдали. Они подошли к тому месту, где всегда поворачивали на восток, чтобы пройти мимо литтл-Каткатчилов; они наткнулись на забор и не смогли пройти. Они повернулись и направились на запад, чтобы пройти на север вдоль центрального хребта; но когда оба брата встали, облака устремились к западному склону и попали в ловушку.

Олельбис увидел это и сказал: “Сейчас мои братья загонят их внутрь. Я должен пойти и посмотреть!” И он быстро убежал.

“О, брат мой, ” сказали каткатчилы, когда он пришел, “ мы поймали одно облако. Все остальные улетели через забор. Они сломали его — мы поймали одного; остальные разбежались”.

Олелбис посмотрел на облако и сказал:

“Это черный! Они сломали забор и убежали! Они сильный народ”.

“Теперь, брат мой, ” сказал старший Каткатчила, “ мы снимем шкуру с этого облака, и ты можешь взять шкуру. Мы отдадим ее тебе”.

- Я буду рад получить это, - сказал Олельбис.

Они сняли шкурку с облака, и, отдавая ее Олельбису, старший сказал: “Ты должен тщательно загорать это”.

“Сделай еще один забор, ” сказал Олелбис, “ но покрепче. Ты поймаеть больше этих людей”.

“Сегодня очень много облаков прорвалось сквозь нашу ограду и унеслось на север. Другие улетели до того, как мы построили ограду. Скоро мы увидим этих людей”, - сказал Каткатчила. (Он имел в виду, что облака останутся на севере и станут другими людьми; останутся там навсегда.)

Олельбис взял шкуру, повернул к дому и отправился дальше. Он растирал ее в руках, дубя на ходу. Братья положили тело в яму и похоронили, не заботясь о плоти. Им нужна была только кожа.

Олельбис продолжал дубить кожу черного облака, и он ходил повсюду, пока загорал. Он ушел на запад, потом на север, потом на юг, потом на восток. Наконец он вернулся домой с хорошо загорелой кожей. Он расправил ее и разгладил. Двум братьям Каткатчила пока не удалось поймать еще одного облачного человека, но они все время работали над этим. После того как Олельбис расстелил шкуру на земле, он поднял ее и сказал одной из старух:

“Моей бабушке всегда холодно; давайте отдадим ей эту шкурку”, - и он отдал ее ей. Каждая из двух старух сказала:

“ Внук мой, мы рады, что у нас есть эта шкура. Теперь мы будем спать в тепле.

“Я должен идти, ” сказал Олелбис, - и посмотреть, как мои братья пригонят еще облачных людей”. И он пошел.

“Мы не можем поймать эти облака, ” сказал старший брат. “ Они проходят через нашу изгородь, они убегают, мы не можем их поймать; они ушли на север, они останутся там и станут новым народом. Мы поймали только одно, белое облако. Те, кому удалось спастись, станут новым народом; они будут Йола Ка” (снежные облака).

Каткатчилас сняли кожицу с белого облака и отдали ее Олельбису. Он обошел север, юг, восток и запад, загорая так же, как до этого загорал черную кожу. После того как он хорошенько загорел, он расправил шкурку, растянул ее, расправил; затем он отдал ее другой бабушке.

Теперь обе старухи обрадовались. Обе сказали: “Теперь мы всегда будем спать в тепле”.

На следующий день два брата поймали третье облако, красное, но шкурку оставили себе. Они не отдали ее Олелбису, потому что он велел им сохранить ее. Сейчас мы видим эту кожу достаточно часто, потому что братья вешают ее, когда им заблагорассудится, на западе, а иногда и на востоке.

“Теперь, ” сказали две старухи, “ у нас есть эта белая кожа и эта черная. Когда мы повесим белую шкуру перед этим домом, от нее уйдут белые облака — уйдут на юг, где начал жить ее народ, а затем они придут с юга и отправятся на север, чтобы принести дождь. Когда они вернутся, мы вывесим черную шкуру, и из нее выйдет великое множество черных дождевых облаков, и из этих облаков проливной дождь обрушится на весь мир внизу”.

С тех пор старухи вывешивают две шкуры, сначала белую, потом черную, и когда с них спадает достаточное количество облаков, они снова относят шкуры в парилку; и из этих двух шкур идет весь дождь для людей в этом мире.

“Облачный народ, ушедший на север, останется на северо-западе, - сказал Олелбис, - и от них людям впредь будет приходить снег”.

Все это время люди в Олельпанти пели и разговаривали. Любой мог услышать их на расстоянии. Олелбис привел с собой очень много разных людей, другие пришли сами, и еще прибывали другие. После дубления двух облачных шкур пришел человек и занял свое место над дверью парилки, и сел там лицом на восток. Это был Кар Кимила. Сразу после него пришел Царарок и занял свое место рядом с Каром. Следующим был Кау; затем пришли два брата Хус и Вель Дилидили. Все эти люди в парилке и вокруг нее спрашивали друг друга:

- Что нам делать? Где мы будем жить? Мы хотели бы знать, что Олельбис сделает с нами.

“Очень скоро вы узнаете, куда мы направляемся”, - сказали Токо и Сула. - Олельбис расставит нас по местам; он главный над всеми.

На следующее утро Олелбис сказал: “Итак, мои бабушки, что, по-вашему, лучше всего? Что нам делать со здешними людьми? Может, им лучше остаться в Олельпанти?”

“Внук наш, - ответили старухи, - отправь все, что здесь не нужно, в нижний мир; преврати их во что-нибудь хорошее для людей, которые скоро придут, — для тех, кто подходит для этого места здесь, наверху. Великих людей, лучших из них ты оставишь в Олельпанти и отправишь вниз лишь малую часть каждого из них, чтобы они превратились во что-то в нижнем мире и были полезны тамошним людям”.

Олелбис позвал всех, кто был в парилке, выйти и начал рассаживать их по местам.

Кару он сказал: “Иди и живи на Вини Мем. Будь там серой цаплей; это хорошая страна для тебя”. (До прихода белых людей на этой реке было много этих птиц.)

Токо он сказал: “Отправляйся в Кавикен на Пуй Мем. Будь солнечной рыбой и живи там всегда. Ты, Сула, отправляйся на юг от Богемп-Пуюк на Вини-Мем. Будь форелью и живи в Суланхарасе”.

Торихасу он сказал: “Ты будешь голубым журавлем”, а Чалилаку: “Ты будешь гусыней. У вас обоих будет два места для проживания, одно на юге, а другое на севере. Весной ты отправишься на север и проживешь там все лето; осенью ты отправишься на юг и проживешь на юге всю зиму. Делай это всегда; путешествуй этим путем каждый год”.

Кириу он сказал: “Иди и живи у воды. Ты будешь гагарой и всю свою жизнь будешь ходить вверх и вниз по большим рекам”.

Катси он сказал: “Ты будешь ловцом рыбы, будешь ловить рыбу и есть ее, жить вдоль рек”.

Олельбис сорвал маленькое перышко с шеи Мойхаса. Он бросил его и сказал: “Будь орлом и живи на высоких горах”. Все белоголовые орланы на земле произошли из этого пера, но великий Мойха остался наверху с Олельбисом, где он и находится сейчас.

Из Лутчи Олелбис вырвал одно перышко, бросил его на землю и сказал: “Ты будешь колибри. Летайте вокруг весной, когда появляется зеленая трава и распускаются деревья и цветы. Вы будете на бутонах и повсюду будете перелетать от одного к другому. ” Сам Луччи остался в Олельпантис.

Олельбис вырвал у Кау перо, бросил его на землю и сказал: “Ты будешь летать вдоль рек, будешь белым журавлем и всегда будешь жить рядом с ними”. Великий Кау остался в Олельпантис вместе с Олельбисом.

У старшего Гуса брат Олелбис выдернул перо из правого бока, опустил его на эту землю и сказал:

“Будь там канюком, а весной поднимайся на Вини Мем и ищи мертвого лосося и другую рыбу вдоль Пуи Мем, Богема Мем и других рек, ешь мертвого лосося и другую рыбу. Когда люди убивают змею или что-то еще, что им не нравится, вы пойдете и съедите змею или другое мертвое существо. Винту, грядущий народ, всегда будут кормить вас тем, что мертво”.

Тилитчи послали за тремя людьми, и теперь он привел первого.

“Кто это?” - спросил Олельбис у старух.

“Это Докос, - сказали они, - он плохой”.

Докоса разместили немного к северо-востоку от парилки. Он сидел, глядя на запад. Тиличи привел второго и третьего человека.

- Кто это? - спросил Олелбис.

“Они оба плохие люди”, - сказали старухи. “Это Вима Лоймис и Клак Лоймис”.

“Положи их с Докосом”, - сказал Олелбис. После того, как он вызвал всех людей из парилки, чтобы отправить их по своим местам, Олелбис намазал им чем-то зубы, чтобы сделать их безвредными.

“ Подойди сюда, Вима Лоймис, ” позвал Олельбис. - У меня есть кое-что, чем можно смазать твои зубы, чтобы они никому не причинили вреда.

“Я не хочу, чтобы у меня что-нибудь было на зубах”, - сказала Вима Лоймис. “Если бы на них что-нибудь положили, я бы не смогла есть”. Он спросил снова, но она покачала головой, сказав: “Я не хочу, чтобы у меня что-нибудь было на зубах, я не смогла бы есть, если бы на них что-нибудь намазали”.

“Если она не придет, приходи ты, Клак Лоймис. Клак Лоймис не пошел бы к нему.

“Почему бы тебе не прийти, когда я позову тебя?” - спросил Олелбис.

“Моя сестра Вима не пойдет. Она говорит, что не смогла бы есть, если бы к ее зубам прикоснулись. Я ничего не хочу на своих зубах. Боюсь, я не смогу есть”.

“Очень хорошо, - ответил Олелбис, - ты, Вима, и ты, Клак, хотите отличаться от других. Подойди, Докос, я потрогаю твои зубы.

“Мои сестры, Клак и Вима, не хотят, чтобы у них были зубы. Я не хочу, чтобы у меня были зубы. Я зол на своих сестер; мое сердце ненавидит их. Я не хочу быть хорошей. Я зла на своих сестер. Я буду такой же злой, как и они”. Затем, повернувшись к своим сестрам, он сказал: “Через некоторое время люди будут использовать меня против вас всякий раз, когда они будут сердиться на вас. Всякий раз, когда вы кусаете людей или причиняете им боль, они будут звать меня сражаться против вас, и я пойду с ними. Я войду в ваши тела и убью вас. Тогда ты пожалеешь о том, что сделал сегодня. Олелбис просил тебя быть хорошим. Он хочет, чтобы ты был хорошим, но ты не хочешь. Я буду плохим, если накажу тебя”.

Когда обе женщины услышали эти слова, они заплакали, и Вима сказал: “Ну, брат мой, мы еще можем чем-нибудь намазать зубы”.

Докос обхватил голову руками и некоторое время сидел в такой позе. Затем он выпрямился и сказал: —

“Вы двое достаточно наговорили; вам лучше остановиться. Вы не похожи на меня; я сильнее вас обоих и всегда буду таким. Ты, Вима, и ты, Клак, будете ненавидеть только людей, но я буду ненавидеть все живое. Я буду ненавидеть вас, ненавидеть каждого; убью вас, убью всех. Мне ничего ни от кого не нужно. Мне ни в каком месте не нужен друг”.

“Что ж, - сказал Олелбис, - иди таким, какой ты есть”.

“Я пойду первым”, - сказал Докос.

“Ступай, ” сказал Олелбис, “ в Койхам Номдалтопи, стань там кремнем и рассыпь его повсюду. Ты, Клак Лоймис, отправишься в Клак Кьюилтон, станешь там гремучей змеей, увеличишься и распространишься повсюду. Я отправлю тебя, Вима, в Вима Вай Цараутон; ты будешь там медведем гризли. Через некоторое время от тебя произойдет большая семья, которая распространится по всей стране. Ты будешь плохим; и, Клак, ты будешь плохим, но, Докос, ты будешь худшим, всегда готовым причинить боль и убить; всегда злым, всегда ненавидящим своих сестер и всех живущих.

“Ты, Клак, и ты, Вима, когда вы увидите людей, вы будете кусать их, и люди будут брать Докос, чтобы убить вас, и Докос войдут в ваши тела, и вы умрете. Вима, ты пожалеешь, что не

позволила мне поменять тебе зубы. Ты, Клак, пожалеешь. Ты будешь кусать людей, и они убьют тебя, потому что ты не сможешь убежать от них. Твое мертвое тело будет лежать на земле, и его съедят канюки.

“Докос, ты пойдешь к себе и будешь расти. Люди придут туда и заставят тебя убить своих сестер и других людей для них, и когда ты доставишь им удовольствие и убьешь всех людей, которых они хотели, чтобы ты убил, когда ты им больше не будешь нужен, они швырнут тебя на камень и разобьют на куски, тогда от тебя ничего не останется. Ты будешь мертв навсегда. А теперь уходи!”

Всем тем, кто позволил обеззаразить свои зубы, Олелбис сказал: “Вы пойдете туда, куда я вас пошлю, — один здесь, другой там”. И он распределил их места для всех. Некоторым он сказал: “Через некоторое время новые люди будут использовать вас в пищу”, а другим он сказал: “Новые люди будут использовать ваши шкуры, и вы будете им полезны, вы будете им полезны”.

Первым человеком, которого привели в парилку Олельбиса, был Цурат; и теперь Олельбис заговорил с Цуратом последним и сказал:

“Вырви одно перо из своей спины”.

Цурат сорвал его.

Олельбис бросил перо на землю и сказал:

“Место, где это упадет, будет называться Цурат-тон Мем Пуйсоно. Это перо превратится в дятлов, и их место будет там. Их красные перья будут прекрасны, и всем понравятся их красные скальпы, и они будут использовать их для повязок на голову. Дятлов будут также называть ”Топи чильчихл” (бисерные птицы).

Всех людей, которые были хороши только на этой земле, полезны только здесь, Олельбис ниспослал вниз, чтобы они стали зверями, птицами и другими созданиями. Могущественных и великих людей, которые были хороши в Олельпанти и полезны там, он оставил при себе и послал только перо или часть каждого из них, чтобы они стали чем-то полезным здесь, внизу. Сами хорошие люди, великие, остались наверху, где они сейчас с Олельбисом.

ОЛЕЛЬБИС И МЕМ ЛОЙМИС

Один персонаж этого мифа имеет большое значение в реальных индийских верованиях - хлахи, или доктор, колдун. Положение и сила хлахи подробно объясняются в примечаниях к этому тому. Санихас Юпчи, лучник Дневного Света, - это Цароки Сакал, посланец, посланный Торихасом пригласить Каткатчилу на охоту; он также выступает как друг и посланник Вайды Дикит, которая организовала всемирный концерт, в котором Хоут проявил себя величайшим музыкантом.

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя зверя, птицы или предмета, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Хубит, оса; **Хус**, канюк; **Кахит**, ветер; **Кайсус**, серая белка; **Кирю**, гагара; **Копус**, мелкорогая сова; **Кунтихле**, мелкая ястребиная рыба в мутной воде; **Кут**, неизвестный; **Лутчи**, колибри; **Мем Лоймис**, вода; **Моихас**, белоголовый орлан; **Пакчусо**, камень пакчу; **Паткилис**, джек кролик; **Пори Кипанамас**, другое название **Копус Сутунут**, черный орел; **Саныхас**, дневной свет; **Сотчет**, бобр; **Токо**, рыба-солнце; **Цароки Сакахл**, зеленая змея; **Царорок**, ястреб-рыба; **Цуди**, мышь; **Цурат**, красноголовый дятел; **Винишуют**, предвидение; **Воквук**, неизвестно.

ОДНАЖДЫ вечером в Олельпанти пришла женщина. Ее звали Мем Лоймис.

- Почему ты здесь? - спросил Олельбис. - и откуда ты пришел?

“Я пришел из своего дома на земле, чтобы спросить, могу ли я жить с тобой. Я пришел с севера”.

“Ты можешь жить здесь”, - сказал Олельбис, и она осталась там. Она жила с Олелбисом, стала его женой, и у них родилось двое сыновей: первого звали Воквук, второго Кут.

Кут была еще маленькой, когда однажды женщина отошла немного в сторону от дома, чтобы что-то взять, и к ней подошел мужчина и сказал: “Пойдем со мной — пойдем прямо сейчас!” И он взял ее, быстро взял, повел на север, туда, где находится Кахи Хлут. Этого человека звали Кахит, и Кахи Хлут был его домом.

Олельбис не знал, куда ушла его жена; он не знал, в какую сторону она пошла; он не видел, как она выходила, и не видел ее потом. Он расспросил каждого, кто жил в Олельпанти. Все, что они знали, это то, что она немного проехала на запад, чтобы что-то купить.

В течение пяти лет после того, как женщину унесли, у людей в Олельпанти не было воды для питья. Эта женщина дала им воды, а теперь кто-то забрал ее, и без нее не было воды.

“Я не знаю, что делать без воды”, - сказал Олелбис. “Я не думаю, что мои дети смогут жить без воды. Я не знаю, какому япайту понравилась моя жена, и он увел ее”.

Люди в Олельпанти и его окрестностях много говорили о Мем Лоймис.

“Я не знаю, как нам теперь жить”, - сказал Токо Кимила Олелбису. “Кто-то увез твою жену. Я больше не могу жить без воды”.

Другой мужчина, лежавший в парилке в вест-энде, старик, встал и сказал:

“ Я не знаю, что люди будут делать без воды. Я не знаю, как ты, Олельбис, будешь жить без нее. Я не смогу жить, если у меня не будет воды. Я очень сухой. Почему ты не попытаешься снова добыть воду? В Хлихли-Пуи-Хаттоне есть человек по имени Копус. Отсюда вы можете увидеть его дом. Он великий Хлахи. Он поет и танцует каждую ночь. Пусть он приходит сюда петь и танцевать. Возможно, он сможет вернуть нам воду”.

Стариком, который это сказал, был Хьюбит. Он так сильно страдал от жажды, что обвязал свою талию поясом из сухожилий и затянул его так туго, что чуть не перерезал надвое.

Олельбис поднялся на крышу парилки и обратился ко всем людям.

“Мы должны послать за этим Хлахи”, - сказал он. “Пусть он придет сюда петь и принесет нам воды. Кто-нибудь из вас, молодых людей, которые быстро ходят, должен завтра отправиться за ним.

В тот вечер они говорили о человеке, который должен уйти. Один сказал второму: “Ты быстро ходишь; тебе следует уйти”.

“Я ” нет, - сказал второй, - но ты быстро ходишь. Ты тот человек, который должен идти”.

И так они говорили один за другим, пока, наконец, Луччи не сказал: “Я не могу идти быстро, но я пойду”.

Рано утром следующего дня он поднялся на крышу парилки и сказал: “Я ухожу!” - и помчался на юго-восток.

Он нашел старого Хлахи. Он еще не закончил свою ночную работу. Этим Хлахи был Копус Кимила.

“Старик, ты должен ненадолго остановиться”, - сказал Луччи. “Олельбис потерял свою жену, Мем Лоймис, много лет назад. У него двое детей, и он, и все остальные люди очень сухие; они страдают от жажды, они умирают от нехватки воды. Он хочет, чтобы вы пришли и спросили, не можете ли вы сказать нам, что делать, чтобы вернуть воду в Олельпанти. Олельбис даст вам пять мешков желудей в качестве платы. Ты должен спеть пять вечеров для этих пяти мешков. Это старые желуди”.

“Я сделаю это”, - сказал Копус. “Я пойду с тобой”.

Луччи вернулся в Олелпанти с Копусом, которого также звали Пори Кипанамас, что означает человека, носящего повязку из свежих дубовых листьев с двумя зелеными желудями, воткнутыми с каждой стороны. Его лицо было разрисовано плесенью желудей. Там ждало великое множество людей, все очень сухие, измученные жаждой, — все надеялись на воду.

“Я послал за тобой, - сказал Олелбис, - и ты должен прочитать”^[2] пять ночей. Все мои люди, все мои дети иссыкли. Я сам иссыкаю. Я потерял свою жену пять лет назад. Я не знаю, куда она ушла, и у нас нет воды с тех пор, как она ушла от нас. Я хочу, чтобы ты пел и танцевал. Я хочу, чтобы ты выяснил, где моя жена”.

^[2] Hlaha означает “выступать в качестве Hlahi, или врача”.

Когда наступила ночь, Олельбис дал Копусу трубку, набитую табаком, и сказал: “Теперь ты должен хлаха”.

Копус закурил, стал туниндили, то есть одержимым. К нему подошел цуди япайту и начал петь. Япайту, говоря через Копуса, сказал: "

“Я объездил весь мир, я искал везде; каждый запах доходил до моего носа, каждое зрелище - до моих глаз, каждый звук - до моих ушей, но сегодня вечером до меня ничего не доходит. Я не могу видеть, я не могу слышать, я не могу обонять. И он остановился.

“Я собираюсь станцевать танец духов”, - сказал Копус. “Кто споет для меня?”

- Пусть эти две девушки-цуди споют, - сказал Олельбис.

Хьюбит лежал с восточной стороны парилки и сказал:

“Поторопитесь, девочки, и спойте для этого Хлахи. Я почти мертв, почти разрезан надвое, я такой сухой”.

В тот вечер он немного затянул пояс. Копус танцевал всю ночь, а две девушки пели для него.

“Я не выяснил, куда пошла эта женщина”, - сказал он на следующее утро.

Он танцевал пять дней и ночей, а потом сказал: “Я ничего не могу сказать. Я ничего не знаю об этой женщине, мэм Лоймис.

Каждая ГИПЕРССЫЛКА на bola heris, которая лежала внутри парилки, испытывала ужасную жажду. Один старик встал и сказал: "

[3] Бола означает “рассказывать один из мифов о сотворении мира”; болас означает “один из мифов”; бола херис - действующее лицо в любом из них, персонаж, упомянутый или описанный в мифе о сотворении мира.

“Что за Хлахи у тебя здесь? Что за Хлахи у Копуса? Он находится здесь пять дней и ночей и ничего не может сказать, ничего не знает. Если ты хочешь чему-нибудь научиться, приведи хлахи, который разбирается в воде.

“Этот старый Копус ничего не смыслит в воде, ” сказал Токо. “Старый Копус - хороший хлахи для желудей и для народа цуди и Кайсус; это все, на что он годен. Я хорошо знаю этого Копуса. Найди Хлахи, который знает больше, чем он сам”.

“Вы, бола херисы, скажите нам, - сказал Олелбис, “кто хороший хлахи по части воды, и мы добудем его. Посмотри на моих детей, они почти умирают от жажды. Скажи нам, где их мать, Мем Лоймис”.

“О, дневной свет, приезжай скорее, будь здесь немедленно! Я почти разорван надвое, я такой сухой. О, дневной свет, приходи скорее! - простонал Хьюбит.

Никто не упомянул другого Хлахи. Итак, Олелбис продолжал:—

“Все люди говорили, что Копус был хорошим Хлахи. Вот почему я взял его; но он плохой Хлахи для воды. Теперь мы возьмем Санихаса Юпчи, лучника дневного света, который живет на самом дальнем востоке, он сын Санихаса. Он маленький, но он великий Хлахи. Луччи, ты должен немедленно отправиться за Санихасом Юпчи. Вот для него сотня стрел с желтыми крыльями-молотом, все красные, и много других.

Луччи подошел к восточному концу парилки, немного потанцевал, запрыгнул на парилку, потанцевал еще немного, а затем со свистом унесся прочь по воздуху. Луччи ехал весь день и всю ночь, добрался до места на следующее утро около рассвета и сказал Санихасу:

“Олельбис послал меня сюда попросить вашего сына прийти и помолиться за него. Он посылает тебе все эти пятьсот стрел, сделанных из тростника кевит, и сотню стрел из крыльев желтого молота, чтобы ты пришел и хлаха”.

“Ты должен идти,” сказала Санихас своему сыну, “и я последую за тобой. Олельбис сам япайту; он должен знать, где эта женщина, — он думает, что знает все; но ты иди, хлаха, и послушай, что скажет тебе твой япайту.

Санихас Юпчи отправился в путь и был в парилке в Олелпанти на следующее утро, как только взошло солнце. Он пошел в парилку, и Олелбис дал ему много всего.

“Дай мне табаку”, - сказал Санихас Юпчи. “Я еду в хлаху”.

Олельбис дал ему трубку с табаком; он выкурил ее и не был одержим. Олельбис дал ему еще одну трубку, и он выкурил ее, но не был одержим. Он выкурил десять трубок, а потом люди сказали: "

“Я боюсь, что япайту не придут к нему”.

Он выкурил еще двадцать трубок, но все еще не был одержим; потом еще двадцать, не хлаха.

“Он не хлахи!” - кричали люди со всех сторон. - “Если бы это было так, япайту давно пришли бы к нему”.

“Япайту, которого он ждет, живет не рядом с этой парилкой; он очень далеко”, - сказал Токо. - Дай ему еще табаку.

Они дали ему пять полных трубок, потом четыре, потом еще одну, всего шестьдесят; после этого к нему подошел япайту.

“Япайту пришли”, - сказал Олелбис. “Я хочу, чтобы вы посмотрели повсюду и узнали все, что сможете; мои дети чуть не умерли от нехватки воды; вы должны сказать, где Мем Лоймис”.

Санихас Юпчи начал петь и сказал: “Сегодня вечером я приглашу духов танцевать; две девушки-цуди могут спеть для меня”.

Он танцевал двадцать ночей и ночей, не говоря ни слова, — танцевал еще двадцать дней и ночей. Две девушки-цуди все время пели. Затем Санихас Юпчи сел, ничего не сказав; он ничего не выяснил.

Он снова танцевал пять дней и ночей, потом четыре дня и ночи, потом еще один день и еще одну ночь. После этого он сел и сказал: "

“Я собираюсь говорить. Место, о котором я собираюсь рассказать, находится далеко отсюда, но я собираюсь говорить и позволю вам услышать то, что я скажу. Кто-нибудь видел, в какую сторону пошла эта женщина, Мем Лоймис?

Один человек ответил: “Она прошла небольшое расстояние на запад, чтобы кое-что купить. Это был последний раз, когда ее видели”.

“С той женщиной что-нибудь случилось?” спросил Санихас Юпчи. - Кто-нибудь знает?

- Да, - сказал Олелбис, - она была беременна.

- Ну, пока ее не было дома, к ней пришел мужчина и забрал ее с собой, увез далеко на север, а затем на восток, за первый Колчикен Топи, туда, где опускается небо, где находится горизонт;

он отвез ее туда, где он живет, а он живет в Вайти Кахи Пуи Хлут. Его зовут Кахит, и после того, как он забрал ее домой, они приятно жили вместе, пока не родился ее ребенок. Кахит не признал этого ребенка своим. Через некоторое время Мем Лоймис рассердилась на Кахита, оставила своего ребенка с ним и отправилась на восток, на другую сторону второго горизонта. Она пробыла там некоторое время и родила двух сыновей, детей Кахита. Затем она отправилась дальше на восток, к третьему горизонту, перешла на другую сторону этого горизонта, осталась там и живет там сейчас. Мальчика, который родился, когда она жила с Кахитом, звали Сотчет. Отцом Сотчета был Олелбис. Когда ребенок немного подрос, Кахит сказал ему: "Твой отец живет в Олелпанти".

Саныхас Юпчи рассказал все это и сказал Воквуку и Куту, двум сыновьям Олелбиса:

- Твоя мать уехала далеко отсюда. Мем Лоймис далеко от тебя. Она очень далеко на востоке. Если бы я был дома, я мог бы быстро пойти к ней, но я здесь. Теперь ты должен поехать и повидать свою мать. На дальнем востоке у тебя есть два брата, сыновья Кахита. Когда ты пройдешь три вершины Колчикена, три горизонта, ты увидишь их, и они узнают тебя. Путь к твоей матери и братьям долог. Вот что говорит мне мой япайту — мой япайту - Винишуют из Паткилиса".

Саныхасом Юпчи был Цароки Сакал, великий человек.

Воквук и Кут, двое сыновей Олельбиса от Мем Лоймис, ушли на восток. Винишуют Паткилиса, япайту из Саныхаса Юпчи, сказал, что он пойдет и будет помогать им, пока они не перейдут второй горизонт. Они не видели его. Он был невидим.

Они путешествовали один день, добрались до первого горизонта и миновали его; затем путешествовали второй день, достигли второго горизонта и миновали его. Япайту, винишуют Паткилиса, рассказал им, как пройти третий горизонт, и, дав все необходимые указания, вернулся в Саныхас Юпчи.

Саныхас Юпчи все это время ждал в Олелпанти. Старший сын Олельбиса, Воквук, перевязал волосы на макушке молодой виноградной лозой и продел в них косточку чирчихаса — эту косточку отец дал ему в самом начале. Этой костью он должен был поднять небо. Он положил ее под край неба и поднял. Когда он и его брат прошли через нее, небо обрушилось с ужасным шумом. Когда они миновали третье небо, они смогли увидеть далекий восток. Там все было красиво и выглядело чистым, точно так же, как здесь при дневном свете, когда все ярко и красиво. Пройдя небольшое расстояние, они увидели двух мальчиков, идущих им навстречу. Вскоре все четверо встретились.

- Привет, братья! - крикнули двое других.

“Кто ты?” - спросил Воквук. “Откуда ты знаешь, что мы твои братья?”

“Мы знаем, потому что наша мама всегда говорит о тебе. Сегодня утром она сказала нам, что сегодня мы должны пойти поиграть. ‘Может быть, вы увидите своих братьев,’ сказала она нам. ‘Может быть, они придут, мы не знаем’. Вы пришли, и теперь мы пойдём к нашей матери”.

Когда они добрались до дома на третий вечер, двое сыновей Олелбиса стояли у двери, в то время как двое сыновей Кахита вбежали и сказали: “Мама, пришли наши братья!”

Мэм Лоймис лежала в восточном крыле дома. Она лежала на мем тереке, водяной оленьей шкуре; ее одеялом был мем никахл, водяное одеяло.

- Что ж, скажи им, чтобы входили.

Братья вошли. Мэм Лоймис встала и сказала:

“О, сыновья мои, я всегда думаю о вас. Я живу далеко от того места, где живешь ты, и ты проделал долгий путь, чтобы найти меня.” Она расстелила мем терек на земле и сказала: “Сядь здесь и отдохни”.

“Мать моя, ” сказал старший сын Олельбиса, “ мой брат совсем высох. У нас в Олельпанти много лет не было воды. Неужели ты думал, что мы сможем жить без воды?”

“Я ничем не могла помочь вашей потере. Что я могла сделать?” - сказала Мэм Лоймис. “Меня украли и увезли далеко на север, и оттуда я попала в это место; но твой отец - мой муж. Он знает все; он может сделать все, что угодно, увидеть все, но он не знал, что я был здесь. У вас будет вода, дети мои; воды вдоволь”.

Затем она прижала корзинку к груди, набрала из нее воды, как кормящая мать набирает молоко, наполнила корзинку и раздала мальчикам. Она тоже накормила их вволю и сказала:

“Вы, мальчики, все мои дети. Вы сыновья Мэм Лоймис. Сейчас я здесь; но если возникнут беспорядки, если возникнут проблемы, мой муж Кахит приедет и заберет меня. Он так и сказал мне. Когда-нибудь мой муж Олелбис узнает своего сына на севере, который живет с Кахитом. Когда-нибудь мой муж Олельбис вспомнит обо мне; возможно, он захочет, чтобы я пришла к нему, возможно, он захочет меня увидеть”.

Воквук и Кут пробыли у своей матери пять дней, потом один день, а после этого еще один день. Санихас Юпчи, который постоянно танцевал и пел на Олелпанти, сказал после ухода мальчиков:

“Принеси мне сухи кило” (полосатую корзинку).

Олелбис принес ему сухи кило, маленькую корзинку около двух дюймов в диаметре и очень маленькую внутри. Санихас Юпчи поставил ее посреди парилки. Прошло еще девять дней, и Санихас Юпчи все это время танцевал.

В то утро Мем Лоймис сказала Куту, младшему сыну Олельбиса:

“Твой дядя Мем Хуэй, старик, который живет на первом горизонте к западу от Олельпанти, высох. Он жаждет воды. Отнеси ему воды. Твой старший брат останется здесь со мной, пока тебя не будет.

Санихас Юпчи танцевал пятьдесят девять дней. На шестидесятый вечер Мем Лоймис подарила Куту полную корзину воды для его дяди на западе.

“Иди, ” сказала она, - прямо на запад, туда, где живет старик. Когда вы доставите воду в Мемхуэй, я пойду навестить моего сына Сотчета на севере. Я все время слышу, как он плачет. У него пересохло. Я буду носить ему воду”.

Прежде чем начать, она дала Куту в сетчатом мешочке десять игорных палочек, вырезанных из виноградной лозы. Она повязала мешочек ему на шею и сказала: —

“Сын Мем Лоймис, ты будешь бола херис; ты будешь великим игроком”.

Кут был очень быстрым путешественником и мог за одну ночь пройти столько же, сколько его брат за много ночей и дней. Он тронулся в путь. В дне корзины были отверстия, и когда он летел по небу, высоко над вершиной Олелпанти Хлут, вода все капала и капала через отверстия в корзине, и незадолго до утра одна капля упала из корзины, которую нес Кут, и упала в корзину, которую Санихас Юпчи поставил посреди парилки в Олелпанти.

Никто не видел, как появилась вода, но утром маленькая корзинка была полна; ее наполнила одна капля.

“Итак, ” сказал Санихас Юпчи, “ все это время я работал Хлахи, и эта капля воды - все, что я могу получить. Ты видишь это в корзинке.

Маленькая корзинка в доме Олельбиса, наполненная одной каплей, стояла там, и Олельбис сказал:

“Теперь вы высохли, все вы, люди в этой парилке. Вы хотите пить, вам нужна вода. Вот одна капля воды. Мы не знаем, кто выпьет первым, но на западной стороне парилки есть старик, который все время плачет, плачет день и ночь, требуя воды. Пусть он придет и посмотрит на это.” Он имел в виду Хьюбита.

Хьюбит встал, подошел, посмотрел на корзину и сказал: “Какая мне от этого польза? Там всего лишь капля. Это не принесет мне никакой пользы”.

“Пейте, что есть; вы так много говорите о воде, - ответили все остальные, - что вам лучше бы выпить”.

“Эта капля никому не принесет пользы”.

- Ну, все равно попробуй, - сказал Олельбис. - тебе не повредит.

“Я не хочу пробовать, я хочу выпить”, - ответил Хьюбит.

- Тогда выпей, - сказал Олельбис.

Хьюбит начал пить. Он пил и пил, где-то в середине дня снял пояс, положил голову на край корзины и пил с утра до полудня, пил до тех пор, пока двум мужчинам не пришлось оттащить его от воды и укладывать в верхнем конце парилки.

Хотя Хьюбит пил полдня, воды в корзинке было не меньше.

Следующим пил Кириу Херит. Он пил долго, но воду не убавлял. После него Сутунут пил, пока не насытился; затем Мойхас выпил все, что хотел.

“Пусть все придут и выпьют. Когда каждый насытится, пусть отойдет в сторону”, - сказал Олельбис.

Царарок выпил, а затем Кунтихле; затем Хус и Цурат; после них выпили старухи Пакчусо Покаила, бабушки Олелбиса; затем Токо; затем Копус. Но люди роптали, говоря:

“Копус не Хлахи; ему не следует пить нашу воду. Он годится только на желуди.

Две девушки-цуди, которые так долго пели, выпили от души.

Луччи жил снаружи, к востоку от парилки; они позвали его выпить. Он сделал один глоток и вышел. Луччи никогда не любил воду.

Теперь Санихас Юпчи, принесший воду, пил ее; и последним пил Олельбис.

Когда все насытились, и Токо вернулся и улегся на свое место к северу от парилки, корзину поставили рядом с ним; и с тех пор у Токо всегда было вдоволь воды, как и у всех.

С тех пор в Олельпанти всегда было вдоволь воды на все случаи жизни; но если бы Санихас Юпчи не привез ее, все могли погибнуть от нехватки воды.

“Теперь я пойду домой”, - сказал Санихас Юпчи, выпив. Он пожелал всем всего хорошего и ушел.

Когда Кут нес корзину на запад, каждая упавшая капля образовывала источник, — куда бы ни упала капля, появлялся источник.

НОРВАН

Этот миф, напоминающий сказку о Елене Троянской, чрезвычайно интересен как с точки зрения персонажей, так и структуры. Сейчас я сделаю лишь несколько замечаний, причем тех, которые касаются только персонажей. Хлук Тикимит, дрожащий дикобраз, известный здесь как Норван, является причиной первой войны в мире. Дикобраз в американской мифологии всегда связан с солнечным светом, насколько позволяют мои исследования, а Норван связан с дневным светом, потому что она танцует весь день, никогда не останавливается, пока светло. Ее название Бастепомас, дающая пищу, также многозначительно и помогло бы показать, что она - тот теплый, танцующий воздух, который мы видим близко к земле в хорошую погоду и который необходим для роста растений. В этом мифе у нас есть еще один “светлый” персонаж, Санихас, который является светом в общем смысле, дневным светом вообще и везде. Корень Sa в Sanahas идентичен корню Sa в Sas, слову Wintu, означающему “солнце”. Sa означает “свет”, а Sas - “для света”, то есть с целью дарования света. Санихас - это свет, который дается.

В Бастепомасе, титуле, данном Олелбисом Норвану, первый слог ba означает “есть”, bas означает “для того, чтобы есть” или пищу, теп означает “давать”, а тепомас “та, кто дает”; все слово означает “та, кто дает пищу”.

Чулуп Вин Херит, великий вождь, белый заостренный камень, живущий на дне великой восточной воды, океана, муж Саныхас, имеет аналог в Титоносе, муже Эос или Авроры, в классической мифологии. У обоих были прекрасные жены, и каждую ночь они навещали их на дне океана. Трагедия Чулупа несколько серьезнее, потому что его поймал Вай Карили и разрубил на куски недалеко от нынешней горы Шаста, в то время как Титонос всего лишь превратился в сверчка. Эос, латинское Полярное сияние, рассматривалось большинством поэтов как целый день, а Саныхас в мифологии Винту - это целый день, весь свет, который дает Sas.

Была причина, по которой Норван предпочел Теде Вью Норбису, но в настоящее время мы можем только предполагать об этом. Нынешняя птица Ви коричневая и не имеет значения в этой связи, но была красная Ви, птица, в которую превратился Теде Ви, сражавшийся с Норбисом. То, что он был человеком, которому могла отдать предпочтение Норван, сама представляющая особую форму света, становится очевидным, если мы примем во внимание огромное значение в европейской традиции малиновки-краснорожки и красноголового дятла среди индейцев.

Очевидно, что за Норван, свет, дающий пищу на земле, стоило бороться.

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя зверя, птицы или предмета, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Bisus, норки; **Бокий**, осетр; **Búlibok**, малый Козодой; **Чали Докос**, обсидиан; **чати Вай Галина**, кедровых орехов ошибка; **Чир чума**, присоски; **Чо**, Черный дрозд; **Чучу**, собака; **Хулуп выиграть**, остроконечная скала; **Chutuhl**, небольшая птица, которая ходит стаями; **Докос**, Флинт; **Докос Hilit**, Флинт летают; **хамам**, самое длинное черное перо в хвосте черный гриф; **хау**, красная лисица; **горяч**, угря; **Héssiha**, синица; **Hlihli**, желудь; **Hluyuk Tikimit**, трепетную дикобраз; **Хо**, хорек; **Hokohas**, черепахе; **Гус**, гриф; **Кахи були Pokaila**, ветер горы старуха, **Кахит**, ветра; **Kaisus**, серая Белка; **Кар**, голубая цапля; **Karili**, кун; **каци**, ястреб; **Kaukau**, белая цапля; **Кавас**, корзина; **Кели**, Кремень, из которого ножи изготавливаются; **Кичи Не**, вроде стрелка; **Kíchuna**, небольшая птица, которая часто посещает пород; **Kilichepis**, --; **Кири Hubit**, вид осы; **Kobalus**, оболочка; **Коип**, небольшая птица, которая называет "коип"; **Конус**, маленькая сова; **Кот**, водолаз; **Kóyumus**, кремень смешанных цветов; **Kukupiwit**, криво груди; **Nomdal Ленас**, полосы на Западе; **Номеля Hiwili**, птица с белыми концами крыльев, который сходит с жужжанием очень быстро; **ном Sowiwi**, --; **ном Topostoni**, Запад пихты кора; **Норбис**, дома или сидя на юге; **Nórhara Chepmis**, сильный южный ветер с дождем; **Norpatsas**, Южной огонь, искры; **Norwan**, --; **Notudui Ulumus**, он наклоняется и подбирает камни; **Пай Homhoma**, он гудит в manzanita в; **Patkilis** Джек, Кролик; **Puiké ЦУМу**, темно-красный кремень; **Saiai не**, полые стрелки; **Саяс**, белый кремень; **Sánihas**, дневной свет; **САУ**, желудь хлеба; **в sawe**, смешанный белый и синий Флинта; **седит**, койот; **Séhinom Chábutu**, ястреб; **Серин Dólite**, маленький Шмель; **Siriwit**, вихрь; **Sútunut**, Черный орел; **тэдэ Опн**, маленькая коричневая птица большой англо воробей; **тенек Не**, вроде стрелка; **Tidok**, муравей; **Tsánteris**, некая оболочка; **Tsotso токос**, небольшой очень клейкая заусенцев; **Tsudi**, мышь; **Tsuini**, вид мелкой рыбы; **Tubuk**, --; **Tuichi Келис**, перьев; голова чистая; **Вай Charatawa**, --; **Waida Werris**, Полярная звезда; **Wainom Йола**, северо-западный снега; **Вай-хау**, Северная лисица; **Вай не**, северная

стрелка; **Вик**, маленький Ночной ястреб; **Вай Karili**, Северная кун; **е Уул**, Коноплянка; **Yipokus**, Черный лис.

В местечке к востоку от Пас-Пуйсоно из земли вышла женщина. Ее звали Хлук Тикимит. У нее было другое имя, Пом Норванен Питчен. Мы также зовем ее Норван.

Она появилась еще до того, как нынешний народ винту вышел из-под земли, в Царау Херил.

“Теперь я в этом мире”, - сказала себе Норван. “Я осмотрюсь повсюду, чтобы увидеть, из каких мест приходят люди”.

Она жила одна в своей парилке, которая называлась Норван Були Хлут, оставалась в доме и танцевала днем.

Олелбис посмотрел сверху вниз на эту женщину и сказал: —

“Это моя сестра, которая предстала перед новыми людьми на земле. Я пока не знаю, что она будет делать”.

Когда Олельбис строил свою парилку в Олельпанти, он отрезал кусок от белого дуба, и этот кусок скатился с неба в нижний мир, где превратился в народ в Нор Пуйкене, на юго-востоке, и этот народ жил там до того, как нынешние Винтус вышли из-под земли в Царау Херил.

“Моя дорогая сестра появилась раньше Зимы и будет с ними после, ” сказал Олельбис. “Я еще не решил, какой будет ее работа, не подготовил ее к этому”.

Затем он протянул руку на юго-восток и взял есоу (растение с красными цветами). Он отдал это растение Норвану и сказал:

“Возьми это, сестра моя, и, когда будешь танцевать, используй это как посох. На верхушке у него будет цветок, который будет цвести всегда”.

Он направился на юго—восток к тому же месту, взял маленькую птичку, вырвал по перышку из каждого крыла, отдал перья Норвану и сказал:

“Сестра моя, воткни это в свои волосы, чуть выше лба, по одному с каждой стороны. Эти перья начнут петь ранним утром; по ним ты узнаешь, в какое время тебе следует начинать танцевать”.

Он снова протянул руку на юго-восток и взял бури лули - маленький красный цветок, который растет весной на растении высотой около фута. Он отдал цветы Норвану и сказал:

“Раскатайте это в руках, разомните, нанесите сок на лицо и сделайте так, чтобы ваши щеки покраснели”.

Затем Олельбис повернулся к своим бабушкам, которые стояли неподалеку, и спросил, есть ли у них желуди.

“У нас есть”, - сказали они. “У нас много”.

Олельбис взял горсть, отдал их сестре и сказал:

“Когда вы очистите эти желуди от скорлупы, разотрите их между ладонями и держите ладони раскрытыми; сдуйте пыль, которая разлетится; вы увидите, как она поднимется высоко к деревьям, и на них появятся желуди”.

Это было в первое утро после того, как она приехала в Норван Були, Олелбис подарила Норван посох, перья, цветы и желуди. На второе утро, очень рано, запели перья; затем стаи птиц своего вида слетелись к парилке, и Норван услышала голос далеко в небе, зовущий ее и говорящий:

“ Дочь моего брата, ты пришла на землю раньше народа винту и танцуешь. Когда ты танцуешь, ты не должен смотреть ни на запад, ни на север, ни на юг, но повернись лицом и смотри в сторону Хлихли Пуи Хлаттон на юго-востоке, туда, откуда пришли твой посох и твоя краска”.

Пока этот человек говорил, Норван поднял глаза и увидел, что он сидит, закинув ногу на ногу. Он держал в руке пригоршню желудей из белого дуба и сидел над дверью парилки в Олельпанти. Это был Кар Кимила.

“Теперь, брат мой, ” сказал Олельбис Хессихе, которая жила с ним в Олельпанти, - я думаю, тебе лучше всего отправиться к нашей сестре и остаться с ней. Живи с ней всегда. Когда твои перья отпадут или их снимут в будущем, они станут такими же, как ты, и повсюду на земле будут хессихи. Наша сестра скажет тебе, что делать. Ты останешься с ней, никогда не оставишь ее. Люди будут называть нашу сестру Бастепомас, потому что она женщина, дающая пищу. Когда ты что-нибудь увидишь, дай ей знать; когда ты что-нибудь услышишь, скажи ей; когда ты захочешь что-нибудь сделать, попроси у нее разрешения”.

Хессиха перешел жить к своей сестре. На следующий день он увидел женщину, идущую с востока на запад. Он рассказал Норван, и она ответила: —

“ Следи, куда она пойдет, брат мой. Может быть, она придет к нам сюда.

Он наблюдал. Она направилась прямо к Норвану Були.

“ Моя младшая сестра, - сказала она Норвану, - я приехала на восток, но мне не нравится там жить. Я покинул это место и отправляюсь далеко на запад. Вечером посмотрите на запад, вскоре после захода солнца вы увидите красно-желто-белого человека, Номдала Ленаса Лоймиса. Я - это она. Я буду хорошо выглядеть. Вот такой я человек. Я всегда буду жить на западе, и вы будете видеть меня там в виде полос разноцветного света. В погожие дни я буду каждый вечер поворачиваться лицом к востоку, и все жители винту будут говорить, когда увидят меня: ”Винис Номдал Ленас Лоймис" (посмотрите на Номдала Ленаса Лоймиса).

- Очень хорошо, - сказал Норван, - я рад слышать то, что ты говоришь, моя старшая сестра.

Номдал Ленас уехала на запад. Она была невероятно крупной женщиной с крупным лицом, ее волосы были подстрижены на лбу, и это придавало им красивый вид. Она была первой женщиной в мире, которая постригла волосы таким образом. Ее лицо было раскрашено красными, желтыми и белыми полосами.

На следующее утро Хессиха увидела другую женщину, идущую с востока. Она остановилась в Норван—Були и сказала: -

“Моя младшая сестра, мы пришли на эту землю в одно и то же время, еще до появления народа винту. Я отправляюсь немного на запад. Я приехал на восток, но мне там не понравилось. Я еду в Богембули. Я останусь там и буду жить на северном склоне горы. Я буду горянкой. Меня зовут Кукупивит Покте.”

Она отправилась в Богембули.

Норван танцевал всегда при свете дня, никогда не останавливался днем, никогда не отдыхал до вечера.

Норбис Кимила, белый дуб, который катился на юго-восток, посмотрел на северо-запад и увидел Норвана. “Я вижу свою жену на этой земле”, - сказал он.

Однажды вечером Хессиха и Норван были в парилке, и Хессиха сказала:

“Сестра моя, сегодня я получил новости от Норбиса Кимилы. Он говорит, что ты станешь его женой.

Она ничего не сказала, и Хессиха продолжала: “Сестра моя, я слышала, как мужчина сказал, что придет повидаться с тобой. Он живет в Сономьяи — его зовут Седит, Седит из Сономьяи.

- Брат мой, - сказал Норван, - что ты хочешь мне сказать?

“Я рассказываю тебе, сестра моя, то, что я слышал. Седит приближается.

“Зачем он приходит? Он мне не нравится. У него дурно пахнет изо рта.

На следующее утро Норван встал и начал танцевать.

“Сестра моя, - сказала Хессиха в тот вечер, - я слышала, что из Чанал Пуюк приезжает человек, хороший человек. Его зовут Каукау Херит. Он придет повидаться с тобой”.

“Зачем он приходит сюда?” - спросил Норван. “У него слишком длинная шея, слишком длинные ноги”.

“Что ж, сестра моя, я слышал, что к тебе приезжает человек, который живет далеко на западе, Кобалус Херит. Он хороший человек. Он живет в Номкен Кобалус Ваймемтон.

“У этого человека кривой нос, - сказал Норван, “и кривой рот. Он мне не нравится, он весь какой-то извращенный”.

На следующий вечер Хессиха сказала:—

“Есть человек, который живет в том же месте, что и Кобалус Херит. Он хочет тебя видеть. Его зовут Цантерис Херит.

“У этого человека впалая грудь, ” сказал Норван. - Он мне не нравится.

- Человек с далекого севера приближается, Кели Херит.

“Он мне не нравится, ” сказал Норван. “от него дурно пахнет. От него пахнет землей.

- К тебе приедет человек с юга, Бисус Херит.

“О, он мне не нравится; у него слишком короткие ноги; он ест костлявую рыбу”.

- Сестра моя, к нам едет мужчина, который живет недалеко к югу от нас, с Наследством.

“Он мне не нравится; у него слишком большая грудь, она слишком сильно выпирает”.

- Моя сестра, Катси Херит, скоро придет.

“Я его знаю,” сказал Норван. - Он слишком вспыльчивый: слишком легко выходит из себя.

- Чати Вай Халина Херит придет повидаться с тобой.

- Он мне не нравится, от него всегда пахнет смолой.

- А теперь мне нужно сходить за дровами; сегодня вечером у нас нет дров,” сказала Норван и вышла за ними. Она принесла охапку и, направляясь туда же за вторым свертком, услышала, что кто-то идет. Мужчина взял ее за руку. Она обернулась и увидела Седита из Сономьяи, красиво одетого. Она оттолкнула его и побежала домой. Седит не последовал за ней.

На следующее утро рано утром она вышла и, посмотрев сбоку от двери, увидела лежащие там два камня и крючковатую палку длиной четыре или пять футов, называемую лакус, которую использовали, чтобы подтягивать к себе ветку дерева. Она разбила камни на куски, сломала палку, бросила куски в огонь и сожгла. Она знала, что какой-то мужчина положил их туда и намеревался прийти. В ту ночь она лежала с южной стороны парилки, а ее брат - с северной. Было темно, и они слышали, как кто-то приближается к дому. Незнакомец вошел, сел позади Хессихи, обхватив голову руками; его волосы торчали во все стороны и выглядели так, словно их никогда не расчесывали. Норван посмотрела на этого человека, не сводя с него глаз, но не сказала ни слова, и он ничего не сказал. Через некоторое время он встал и вышел. Уходя, он что-то бросил в сторону Норвана. Он упал рядом с ней, и она подняла его. Это был маленький сетчатый мешочек, наполовину наполненный мышами. Она бросила его вслед незнакомцу. Его звали Чати Вай Халина.

Когда наступило утро, Норван взял охапку хвороста, пошел туда, где сидел посетитель, чисто подмел место и засыпал его свежей землей.

На следующую ночь они слышали, как кто-то ходит снаружи. Вскоре вошел мужчина. В руке у него был колчан из оленьей кожи. Он огляделся, зашел за то место, где лежал Норван, и сел. Она лежала и смотрела на него. Посидев немного, он лег, просидел всю ночь и ушел только на рассвете. Это был Норбис Кимила.

Ранним утром перед танцами она развела костер снаружи и села у него. В то же утро Хессиха увидела мужчину, направлявшегося к ним с юго-востока. Когда он подошел к тому месту, где у костра сидел Норван, он сел. Его звали Серин Долит. По обе стороны головы у него были пучки свежих листьев. У него было второе имя, Пай Хомхома.

“Сестра моя, - сказал этот человек, - я пришел, потому что мой дядя послал меня сказать тебе, что люди в Хлихли Пуи Хлаттон вчера закончили разговор и собираются устроить большой пир и приятно провести время. ‘Скажи моей племяннице, - сказал он, - чтобы она пришла и потанцевала с нами’. Мой дядя - Копус Кимила. Его также зовут Пуи Улуке. Он хлахи. Он отправил весточку Норбису два дня назад, и он отправил весточку Каукау Хериту. Он разослал

весточку повсюду. В Хлихли-Пуи-Хаттоне будет очень много людей. Он отправил весточку Седиту, который живет в Сономьяи, и Катси Хериту, который живет напротив Пас-Пуйсоно, и Кобалусу Хериту, и Цантерису Хериту, и Кели Херит, и Теде Виу Хериту, который живет в Кои-Номсоно, и многим другим. Он послал к твоему брату Вайде Веррис. Вайда Веррис может прийти, а может и нет. Копус Кимила хочет, чтобы ты обязательно пришел.

- Очень хорошо, - сказал Норван, - я поеду завтра.

Серин Долит остался доволен и ушел.

“Итак, мой младший брат, ” сказал Норван Хессихе в тот вечер, “ завтра я уезжаю. Я надеюсь, ты останешься здесь. Я буду рад, если ты останешься дома и позаботишься об этом доме”.

Встав утром, она протянула правую руку на юго-восток и достала бури лули - очень красивые красные цветы. Она положила туда руку во второй раз, и в ее руке появились хаве лули, чисто-белые цветы для одежды. В третий раз она протянула руку, и на ней появились хлююк-лули, звездчатые цветы. Их она обвила вокруг головы в виде гирлянды и сделала туфли из тех же цветов. Затем она взяла свой посох, есоу.

- Брат мой, - сказала она, одевшись, - я готова идти.

“Дочь моего брата, - позвала Кар Кимила из Олелпанти, когда она начинала, “ иди и потанцуй. Я буду сидеть здесь и смотреть на тебя”. Двери парилки обычно выходят на юг, но большая дверь наверху, сделанная Олельбисом, на которой сидел Кар Кимила, имела свою дверь на востоке, потому что Олельбис брал большинство своих красивых вещей с юго-востока, и он мог смотреть в этом направлении из дверей своего дома в Олельпанти. Дверь в Хлихли-Пуи-Хлаттон была обращена на запад, потому что из этой двери они могли видеть большой дом в Олельпанти. Дом, построенный Олельбисом, был лучшим во всем мире, как наверху, так и внизу. Дом Копуса Кимила уступал ему и был лучшим в нижней земле.

Норван уехал в назначенное время, а Хессиха осталась в Норван-Були. Когда Серин Долите принес приглашение, Норван взяла с него обещание встретиться с ней по дороге.

- Ты должен прийти, - сказала она, - сообщить мне новости, прежде чем я доберусь до парилки.

На окраине местечка под названием Пуй Торор Серин Долите выбежала и встретила Норвана.

“О, сестра моя, - сказал он, - Копус Кимила прислал меня сказать тебе, чтобы ты приезжала скорее, поторопилась. Люди отовсюду сейчас там. Пришли все те, о ком я тебе говорил, кроме Норбиса и твоего брата Вайды Верриса; они еще не пришли. Кроме других, пришел Боки Кимила из Хлоп Хенменаса. Ты должен поторопиться, насколько сможешь, и приезжать как можно скорее.

Передав сообщение, он поспешил обратно и оставил Норван путешествовать в ее собственном темпе. Она поднялась на вершину Пуй-Торора и подошла к месту, откуда слышался смех и разговоры. Вскоре она увидела большую толпу играющих детей. Земля была ровной — ни камней, ни травы, просто ровная земля. Когда она подошла, дети сказали ей:

“Наша старшая сестра, мы хотим посмотреть на танец. Мы хотим пойти в парилку, но нам нечего надеть; у нас нет одежды, и мы не можем ее достать”.

Все девочки были из народа цуди, а мальчики - паткилисами. Норван огляделся и увидел на некотором расстоянии огромное количество листьев подсолнуха.

“Мы взяли вот такие листья, - сказал один из мальчиков, - и попытались сделать из них уши, но не смогли удержать”.

Норван протянула руку на юг, и серый туман, поднимающийся от воды, окутал ее. Она надела этот туман на мальчика из Паткилиса. Она протянула руку на восток, и на ней появились красные и желтые перья. Из них она сделала уши для мальчика Паткилиса. Она протянула руку на юг и нашла ивовые сережки, белые, сделала хвост и надела его на мальчика Паткилиса. Она подарила ему башмачки, сделанные из сережек. Когда этот мальчик был одет, она сказала: “Пусть все остальные будут такими же, как этот”, - и в этот момент все мальчики Паткили были похожи на него.

Теперь она взяла форму для желудей, зеленую и коричневую, и надела ее на одну из девочек-цуди. Она взяла листья есо со своего посоха (листья похожи на мышинные ушки) и надела их на девочку вместо ушей. Она взяла еще формы для желудей, растерла и раскатала ее, как маленькую палочку, и сделала хвостик. Когда одна девушка-цуди была красиво одета, она сказала: “Пусть все остальные будут такими, как эта”, - и в этот момент они были похожи на нее.

“Теперь, сестра, - сказали они, - мы готовы”.

Норван двинулась в путь, и все девочки-цуди и мальчики-паткилис последовали за ней. Подойдя к двери парилки, они огляделись и увидели, что все деревья были усыпаны свежими, красивыми желудями; крыша дома была усыпана ими. Внутри парилки и вокруг нее были груды желудей, а немного поодаль множество деревьев были увешаны фруктами.

Из Олелпанти они могли видеть Хлихли-Пуйлуттон. Все пришедшие были внутри. Норван заглянул внутрь и увидел множество людей, все смотрели в сторону двери.

“Смотрите, идет Норван”, - сказали они. “Она прекрасна, о, она прекрасна!”

Копус Кимила находился с южной стороны, недалеко от двери. Рядом с ним лежало пять мешков желудей. Он пел над ними, пел о здоровье и основательности. Когда он увидел Норвана, он сказал: —

“ Входи, входи, дочь моего брата. Ты одна из последних. Пришли все, кроме двоих.

Она прошла мимо Копуса к креслу. Молодая женщина, сидевшая рядом, поднялась и сказала: —

- Подойди, сестра моя, подойди и сядь со мной.

Это была Хлили Лоймис. Ее брат Хлили Херит всегда стоял на крыше дома Копуса и кричал: “Хай! Хай!”, что означает “Заходите! Заходите!” и поманил людей рукой, приглашая войти.

Норван села с южной стороны двери, а все дети Цуди и Паткилис заняли свои места позади нее.

“Ты пришел почти последним”, - сказал Хлихли Лоймис. “Посмотри на северную сторону дома. Посмотри, сколько там людей. Узри свет; это Наследие Каукау. Он белый и сияющий; от него исходит свет”.

- А теперь, - сказал Копус, - все вы, люди с севера, мои зятья и невестки, приготовьтесь танцевать.

Северяне поднялись по его зову и заплясали. Каукау Херит заплясал. Когда он поднялся и двинулся, это было похоже на то, как если бы в темное место внесли свет. Он протанцевал пять раз и сел.

“ А теперь, мои зятья, ” сказал Копус, “ сядьте поудобнее и смотрите. Мои зятья с запада, вы будете танцевать сейчас; танцуйте вы, Катси Херит и Седит из Сономьяи, и танцуйте вы, мои невестки”.

Западные люди танцевали; Седит, Боки, все танцевали. Во время танца они роняли красивые раковины. Эти ракушки падали с них, как снег падает с неба, и весь пол был покрыт ракушками, точно так же, как горы зимой покрыты снегом.

“Теперь сядьте поудобнее и смотрите”, - сказал Копус. Западные люди сели.

“Мои зятья и невестки, - обратился Копус к южанам, - приготовьтесь танцевать”.

Два брата Теде Вью из Кой Номсоно должны были вести южан в танце. Копус позвал пять раз; южане не двинулись с места. Затем старший Теде Вью сделал шаг и остановился; когда он поднял ногу, чтобы сделать второй шаг, все начали танцевать. Оба брата несли на руках по мемпаку, и у каждого был кремневый нож. Танцуя, они прикрепили длинные нити мемпака к одной стороне дома выше головы мужчины; они протянули нити к другой стороне и привязали их там. Они растягивали мемпак таким образом из стороны в сторону, пока танцевали, и из конца в конец, вдоль и поперек; затем они танцевали под ним. Красивые струны переливались всеми цветами радуги прямо над их головами. Музыка, мемпак и танцы были так прекрасны, что все пришли в восторг; все люди были счастливы; они едва могли усидеть на месте и смотреть на это.

Братья, пританцовывая, подошли к тому месту, где сидел Копус, сняли со своих шей и голов нитки из ракушек и мемпака и положили их перед ним; затем они положили два своих прекрасных ножа. Покончив с этим, они отошли в другой конец парилки, а затем снова поднялись туда, где стоял Копус.

Норван встала и начала танцевать, сама того не сознавая. Она не могла удержаться от танца. Все посмотрели на нее. Она танцевала с двумя братьями, отошла с ними в другой конец дома. Только через некоторое время она поняла, что танцует.

Оба брата сели; она села с ними. Затем все трое встали и вышли.

Они как раз уходили, когда вошел Норбис. Он был великолепно одет, на нем был мемпак, на голове у него была гирлянда из свежих молодых листьев, а поверх нее мемпак. Он сел и спросил кого—то поблизости:

- Где моя жена? - спросил я.

- Норван ушел с двумя братьями Теде Вью.

- Я в это не верю! - воскликнул Норбис.

Он вскочил, обошел вокруг и спросил других. Все сказали: “Она с братьями Теде Вью”.

Наконец Норбис вышел, забрав своих людей. Они зашли в дом, но не танцевали. Они последовали по его зову. Он быстро направился на северо-запад, чтобы догнать двух братьев.

Танцы подошли к концу. Все разошлись по домам. Близился рассвет.

Два брата не поехали в Норван Були Хлут, который находился дальше на север, чем Кой Номсоно. Они продержали женщину в своем доме до утра. Когда они вернулись домой, каждый из братьев сказал: "

- Мой народ, будьте готовы к большой охоте на рассвете.

Когда рассвело, старший брат сказал:

“ Пойдемте, мой народ, мы поужинаем вместе. Вы все должны поесть со мной этим утром.

Во время еды они слышали крики на западном берегу Богема-Мем и вскоре увидели двух бегущих к ним мужчин — хорошо одетых, с перьями на головах. Мужчины переправились через реку и подошли к дому Теде Вий. Это были братья Вул Вул.

“Мы здесь, чтобы сказать вам, ” сказали они, “ что Норбис очень разгневан. Он поднял всех своих людей, и они идут. Он послал нас сказать вам, что он находится за пределами Богема Мем и ждет вас. Норбис просит вас прислать к нему эту женщину.

Братья ничего не ответили.

“Если ты отдашь ее, он отправится домой; если нет, он будет драться с тобой”.

“Мы не можем отдать ее”, - сказал старший Теде Вию. “Мы пошли на танцы не ради нее; мы не забирали ее с них. Она пошла с нами по собственной воле. Если мы отдадим ее, она может сразу вернуться к нам. Она может идти, куда ей заблагорассудится, но мы ее никому не отдадим”.

Два гонца доставили этот ответ Норбису.

“Я верю, что этот человек выступит против нас”, - сказали братья. Они вошли в дом и принесли доспехи из лосиной шкуры.^[4]

^[4] Раньше индейцы использовали в качестве доспехов лосиную шкуру без дубления.

“Придите, народ мой, - сказал старец, - возьмите это, наденьте”.

Они приносили все больше и больше доспехов из недубленой лосиной шкуры, и люди начали готовиться к битве. Вскоре они увидели приближающихся двух других мужчин. Они не переправились через реку. Они стояли на западном берегу и кричали: —

“Будь готов! Готовься к битве! Норбис просит тебя подойти к реке и переправиться. Мы будем сражаться с тобой на этой стороне”.

Когда братья услышали это, их люди надели лосиные шкуры и поспешили. Братья оставили Норвана в своем доме и связали его снаружи мемпаком. Весь дом был покрыт мемпаком; никто не мог выйти, никто не мог войти, думали они.

Сделав это, братья со своими людьми переправились через реку. Они посмотрели вниз, на юг, и увидели Норбиса со своими людьми, которые двигались по западному берегу Богема Мем, и они простирались так далеко, насколько хватало глаз.

“Там нет никого, кроме Норбиса и его народа, - сказали братья Вул Вул. - они не все похожи на него, но все они его народ”.

Силы встретились, и обе стороны сразу начали сражаться, и сражались упорно. Норбис оттеснил братьев Теде Вью к кромке воды, но они собрались на берегу реки и отбросили его войска. Во второй раз Норбис оттеснил их к реке; во второй раз они сплотились и отбросили его назад, отбросили всех его людей. Они сражались весь день, каждая сторона по очереди теснила другую. Это была тяжелая и кровопролитная битва; многие были убиты с обеих сторон. Ни один из них не победил, и оба были очень разгневаны. Когда наступила ночь, братья Теде Вью сказали: —

“ На сегодня мы остановимся. Если ты хочешь сразиться завтра, мы встретимся с тобой здесь.

- Встретимся здесь, - ответил Норбис.

Братья Теде Вью отправились домой. Они нашли Норван там, где оставили ее, привязанной к мемпаку. В тот вечер, когда все собрались и разговаривали, старший брат сказал:

“Мой народ, если они хотят сражаться завтра, мы будем сражаться вместе с ними”.

Тогда он позвал посыльного и сказал:

“ Иди и скажи моему брату Сехиному Чабату, чтобы он пришел и помог мне, и чтобы приходил рано утром. Отправляйся также в Вайти Номкен, местечко в верховьях Богема-Мем, к двум женщинам Кавас Лоймис; пусть они знают, что мы сражаемся. По эту сторону от их дома живет Чир Чума, хромо́й мужчина; дайте ему знать. Напротив Пас-Пуйсоно живет Катси Херит. Скажи ему, чтобы он пришел завтра пораньше. Недалеко от Царау Херил живет Вик Херит. Скажи ему, чтобы он был здесь. Все это великие люди, и каждый приведет свой народ. Есть человек, который живет в Киличепин Кенхарас. Его зовут Киличепис. Скажи ему, чтобы он пришел со своими людьми. Есть человек, который живет в Суду Савул. Его зовут Туичи Келис. Скажи этому человеку, что я жду его рано утром со своими людьми. Все эти большие люди нам очень помогут.

Норбис разослал гонцов своим друзьям. Они отправились на юго-восток, юг и юго-запад. Он послал на юго-восток к Сайасу Сайасу Хериту и на юг к Хусу Хериту. Он послал за Карили Херит; за Ткутулом Херитом.

На следующее утро, когда рассвело, пришли друзья братьев Теде Вью. Пришли все, кого позвали, каждый привел своих людей. Друзья пришли к Норбису таким же образом; ни один из приглашенных не потерпел неудачу ни с одной из сторон.

Когда пришли все друзья Теде Вью, старший брат заключил Норвана, как в первый день. Он обвязал дом со всех сторон мемпаком. Тогда они двинулись в путь и переправились через реку со множеством людей. Пришел Чир Чума. Он был настолько хромым, что не мог ходить, и двое мужчин несли его. Это были два брата Сиравит (вихри). (Вихри в то время были людьми.)

Сиравиты несли Чир Чуму на двух палках. Он сидел на палках. Один брат держал палки сзади, а другой спереди. Они передвигались с огромной скоростью и передвигались по воде так же легко, как и по суше. Когда два брата переправились через реку, они увидели еще двух хромых мужчин, один из которых шел с севера, Чали Докос: его нес Вайнот Херит. Другим был Сави Херит; он шел с запада, его нес Кичинот Херит.

После того, как войска Теде Вью переправились через реку, братья Вул Вул пришли из Норбиса и сказали:

“Сегодня с Норбисом с юга прибудет много людей. Вам предстоит тяжелое сражение.

Сехином увидел приближающихся южан и сказал старейшине Теде Вию:

“Брат мой, я буду с тобой все время. Я буду охранять тебя”.

Трое людей Теде Вью, Вик Херит, Туичи Келис и Киличепис, сказали: —

“Мы пойдем вместе. Мы пойдем на восточную сторону, к реке, и возьмем с собой наших людей.

Уходя, они поворачивались к братьям Вул—Вул или людям Норбиса и говорили:

“Скажи Сайасу Сайасу Хериту, Коипу Хериту и Цуцу Хериту, чтобы они шли к реке. Мы будем сражаться с ними там”.

“Я буду”, - сказал старший Вул Вул; и, повернувшись к Чир Чуме, он сказал: “С юга идет человек с сетью, Карили Херит; он будет сражаться с тобой”.

Сестры Кавас теперь были на стороне Теде Вию, принесли еду, лосиные шкуры и стрелы для своего брата Сехинома Чабату. Они не пошли туда, где шел бой, а немного отошли в тыл. Теперь Вай Чаратава встал на сторону Теде Вью. Он был очень маленьким человеком и левшой, но великим вождем, братом Сехинома и Вик Херита. Волосы у него были собраны в хвост и скреплены спереди длинной костью, заостренной на одном конце.

Норара Чепмис пришла на помощь Норбису с южной стороны.

Перед началом борьбы Норбис отправил братьям сообщение с вопросом: “Готовы ли вы отдать эту женщину?”

Они отказались.

“Теперь, мой народ,” сказал Норбис, “мы собираемся сражаться. Я сделал все, что мог, чтобы убедить этих братьев отказаться от Норвана, но они отказываются, и мы собираемся сражаться во второй раз”.

В этот момент с юга пришел Кири Хубит, сильный человек. Он отправился на восточную сторону сражаться. У него была только одна стрела без наконечника.

Когда все эти силы встретились, поднялся ужасный шум.

“Сейчас, ” крикнул Уль Вул, “ идет человек с юга; он маленького роста, но храбрый и вспыльчивый, ужасный боец. Он нанесет удар по левому флангу. Его зовут Нор Патсас Херит.

Ипоку Херит, живший на северо-восточном склоне Богемп-Пуюк, должен был выйти на поле в полдень; именно ему предстояло сразиться с Нор Патсасом. Его оружием были лед и снег.

Как раз в это время Норван нашел слабое место в мемпаке и развязал его. Как только ее выпустили, она отправилась домой к Норвану Були.

Когда две армии были готовы встретиться, они увидели очень крупную женщину, идущую с северо-запада: старую женщину по имени Топослони Покайла. Она несла на спине большую корзину, величиной с дом. Эта корзина была полна толченой еловой коры, которая вызывает сильный зуд кожи и почти ослепляет все глаза, к которым прикасается.

Человек пришел с северо—запада в южную армию и сказал Уль Вулу:

“ Скажи своему человеку, Нораре Чепмис, чтобы он не ввязывался в битву; пусть он отойдет в сторону и посмотрит. Я поступлю так же, как он. Этим человеком был Вайном Йола Херит. “Если он будет сражаться на южной стороне, я сделаю то же самое на северной”.

Вул Вул передал сообщение. Норара отступила, и Вайном Йола сделала то же самое.

Две армии стояли напротив, глядя друг другу в лицо, каждая ожидая, когда другая начнет.

В этот момент братья Сиравит покинули ряды на востоке, на левом крыле северной армии, и понеслись по кругу с Чир Чумой на двух палках. Теперь Нор Патсас, маленький сварливый южанин, увидел Чир Чуму (сиравиты были невидимы) и больше не мог сдерживать свой гнев. Он бросился на хромого изо всех сил. Оказавшись прямо перед Чир-Чумой, он ударил своим клеймом по земле, и сотня людей, таких же страстных и раздражительных, как и он сам, окружили его. Но Чир Чума наехал прямо на Нор Патсаса. Сиравиты отбросили его в сторону, бросились наперерез его людям, топтали, избивали и убили их.

Братья Сиравит прошли некоторое расстояние вдоль первой шеренги, затем повернули назад и бросились туда, где упал Нор Патсас. Он снова был на ногах и во второй раз бросился на Чир-Чуму. Когда прямо перед врагом Нор Патсас ударил своим клеймом о землю, сотня человек окружила его; все бросились на Чир Чуму, но два брата разбежались и растоптали каждого из них.

Нор Патсас был в ярости. До этого дня он никогда в жизни не был так зол. Он повернулся и бросился на армию северян. Он ударил по земле раз, другой, третий своим клеймом, и три сотни разъяренных людей собрались вокруг него. На левом северном крыле началось сражение, жестокое и очень кровопролитное. Нор Патсас не нашел никого, кто мог бы сравниться с ним, пока не вернулся Чир Чума. Сиравиты несколько устали и шли медленнее, пока Чир Чума сражался с Нор Патсасом. У Чир-Чумы был красный кремений, называемый также огнем-присоской. Каждым его ударом он убивал пятьдесят, а иногда и шестьдесят человек. Когда Нор Патсас наносил удар, он убивал столько же, и каждый раз, когда он ударял своим клеймом о землю, сотня воинов подскакивала к нему на помощь.

Битва, начатая Нор Патсасом с Чир Чумой, привела к столкновению двух армий. Обе стороны отчаянно сражались, но никто не мог победить ни Патса, ни Ипоку, пока в полдень не пришел Ипоку. Он бросился на сварливого, страстного воина с оружием, сделанным изо льда и снега. В пылу битвы из них потекла вода и убила Нор Патсаса, погасив в нем жизнь. Южная армия была отброшена назад и отброшена на большое расстояние вниз по реке.

В середине дня они собрались с силами, повернулись к преследователям, погнали их на поле, откуда начали утром, и гнали их дальше, когда мимо пробежала Ном Топослони и, разбрасывая по ветру свою раздавленную кору, засыпала ею глаза многим и почти ослепила их. Она внесла беспорядок в южную армию.

Норбис, боявшийся потерпеть поражение, был готов теперь ко всему. Он позвал Норару Чепмис, которая быстро примчалась с юго-запада со своими воинами. Могучий штормовой ветер пронесся вперед вместе с Норарой. Он яростно обрушился на северную армию. Вайном Йола, видя это, бросился на южан со всеми своими людьми, и их было так много, что никто не мог их сосчитать. Они были быстры, как стрелы. Ревущий ветер сопровождал их.

Вайном Йола прорвался прямо сквозь южную армию и, развернувшись, бросился навстречу Нораре Чепмис и его воинам. Эти двое со своими армиями сражались в тот день тяжелее всех. Через полчаса в живых с обеих сторон осталось очень мало людей, а те, кто остался, были настолько слабы, что Норара Чепмис и Вайном Йола едва смогли увести их с поля боя.

В войсках братьев Теде Вью или Норбиса не было ни одного человека, который не был бы покрыт снегом и не промок под дождем; все дрожали и были при смерти.

После того дня долгое время никто не хотел драться.

Норбис отправился домой на юго-восток без Норван, женщины, которую он называл своей женой; и когда братья Теде Вью вернулись к себе домой вечером, они обнаружили, что Норван сбежала в Норван Були.

Так закончилась первая битва на земле. Никто ничего не выиграл, и многие были убиты. Позже произошла еще одна битва среди первых людей, а затем и среди многих винтусов, когда они появились.

После того, как Норван побыла некоторое время дома, она однажды сказала Хессихе:

“Брат мой, я поступил неправильно. Когда я думаю об этом сейчас, я вижу, что поступил неправильно. Сегодня я все понимаю. Я вижу, что если бы я не танцевала с Теде Вью, если бы я не пошла с ним домой, в этом мире не было бы ни драк, ни неприятностей. Если бы я пошла с Норбисом на танцы, не было бы никаких сражений, не было бы убийств; но я не хотела идти с Норбисом. Не знаю почему, но в чем-то он мне не понравился. Я танцевала с Теде Вью, и сидела с ним, и уходила с ним, прежде чем поняла, что делаю”.

Сехином Чабату после завершения первой великой битвы вернулся домой и прожил на Вини Мем пять лет, прежде чем с ним случилась какая-либо беда. Помогая Теде Вью в его битве с Норбисом, Сехином убил Сайаса Сайаса и Чучу, двух лучших бойцов в войсках Норбиса.

Все южане говорили об этих двоих и рассказывали, как они умерли. Один великий человек далеко на юго-востоке услышал об этом. Он был главным из них двоих, когда они были живы, и

звали его Чулуп Вин Херит. Он был стройным, сильным человеком. Выслушав всю историю, он сказал:

“Мне никогда не нравилось драться, не нравится мне драться и сейчас. Я никогда не был на войне, но я иду на войну сейчас. Норбис напал на Теде Вью, он дрался вместе с ним. Норбис показал мне, что такое драться, и я собираюсь драться сейчас”.

Чулуп повсюду расспрашивал, кто убил этих двоих мужчин; он хотел быть уверенным. Все люди повсюду говорили: “Это сделал Сехином Чабату”.

На самом деле их убил Чир Чума. Но Чир-Чума находилась под командованием Сехинома Чабату, и вина была возложена на Сехинома.

Они обсудили все это, проговорили целую ночь, и Чулуп отправил это сообщение Сехиному, —

“Я хотел бы тебя увидеть, я хочу, чтобы ты приехал в Миол Тапа, недалеко от Пуидал Пом. Я встречу тебя там. Если ты хочешь драться, я буду драться с тобой в этом месте”.

Посыльным был Цоцо Токос Херит. Пока Чулуп инструктировал своего посыльного, бабушка Сехинома разговаривала с ним. Эта бабушка была очень старой женщиной, Чир Покайла; ее также звали Кахи Були Покайла. Она знала, что происходит далеко на востоке и что должно произойти в ближайшее время, хотя никто ей этого не говорил: она знала своим умом.

“Внук мой, ” сказала она, “ ты сражался, ты был на войне, и люди будут много говорить о тебе. Внук мой, ты очень скоро кое-что услышишь. Ты должен делать то, что лучше всего, беречь себя. Я скажу тебе, что делать: отправляясь на охоту или рыбалку, никогда не направляйся на восток. Иди на север, запад и юг, но никогда не ходи на восток; люди на востоке говорят о тебе. Внук мой, я не знал, что ты собираешься делать то, что ты уже сделал. Когда я растил тебя, и ты был еще младенцем, я учил тебя охотиться и ловить рыбу, не более. Я не думал, что ты будешь сражаться и повергать сильных людей. Но в Норван-Були есть женщина, которая принесла в мир все эти неприятности; эта борьба началась из-за нее, и теперь она будет продолжаться всегда и везде; теперь боям в этом мире никогда не будет конца. Это место, где мы живем, было бы хорошим, если бы не та женщина. Теперь, с этого времени, все эти деревья, горы, скалы, все люди в этом мире будут плохими и будут причинять боль другим. (Это означает, что люди будут использовать камни, палки и все остальное для борьбы, когда они злы.)

“Теперь, мой внук, ты должен делать то, что я тебе говорю. Мой брат живет неподалеку, он живет в Кахи-Були, его зовут Кахит. Ходи к нему каждое утро пораньше. И есть человек, который живет немного дальше, в Вайтами. Он твой брат. Ходи к нему каждый вечер. Он великий человек, он может все. Его зовут Катси Херит. Две мои сестры живут в Вайти Номкен. Они были на войне и видели все сражения. Это сестры Кавас Лоймис.

“Внук мой, мы не можем жить так, как жили раньше. Мы должны жить по-другому. Я начинаю очень злиться. Мы не можем есть, мы не можем спать, как в старые времена. Когда вы отправились на войну, вы убили двух великих людей, двух лучших людей. Давным-давно Чулуп, великий вождь, ушел далеко на восток и с тех пор живет там. Он скоро приедет повидаться с тобой. Береги себя; будь настороже. Когда он отправился на восток, Чулуп подошел к краю великой воды и спустился к ней под землю, он прошел сквозь землю, и теперь он живет на востоке, на дне великой воды.

“Я скажу тебе, что скоро произойдет. Я начинаю злиться, а когда я рассержусь, ты почувствуешь холодный ветер, дующий с севера. Этот ветер дует, потому что я злюсь”.

Когда Сехином Чабату отправился на юг, он был еще молод, не вырос; и теперь, когда его бабушка знала, что происходит на востоке, она наставляла его. Местом, где они жили, был Дау Паки Олень, на милю выше устья Вини Мем.

Однажды утром Сехином Чабату созвал всех своих людей. Старуха знала, что кто-то придет, и в тот день пришел Цоцо Токос. Его послал Чулуп. Когда старуха узнала, что он рядом, она вошла в дом, достала колчан, полный стрел, и повесила его на дерево. Затем она взяла туйчу килис, представляющую собой сетку, покрытую белым пухом, надела ее на голову, взяла колчан и отбежала на некоторое расстояние от дома, метаясь по нему в великой ярости. Она вела себя как человек, который собирается драться. Люди наблюдали за ней.

“Что случилось с этой старой женщиной?” - спросил один человек другого.

Через некоторое время она вернулась и села. Через несколько минут с востока был замечен мужчина, вбегающий в дом, и вскоре Цоцо Токос был у дома.

“Сехином Чабату, - сказал он, - я здесь для того, чтобы рассказать тебе, что говорит Чулуп. Он говорит, что начинает сердиться; что он хочет, чтобы вы отправились в Миол Тапа завтра; что он встретится с вами там; что с ним его люди. Он собрал много людей. Он будет ждать тебя в Миол Тапа.

Сказав эти слова, Цоцо Токос ушел. Старуха встала и сказала: —

“Внук мой, не сиди долго. Встань. Случилось то, о чем я тебе говорил некоторое время назад. Я говорил тебе, что надвигается беда. Немедленно отправь весточку двум братьям Теде Вью. Отправь весточку всем своим друзьям. Скажи им, чтобы они быстро пришли тебе на помощь”.

Сехином Чабату отправил сообщение братьям Теде Вью, а второе - на северо-запад, третье - на север и четвертое - на юго-запад. На севере он послал к Сау Хериту и Кичуна Хериту, к Хокохасу Хериту из Пуидал Пома. Люди Хокохаса всегда носили доспехи из лосиной кожи; Коюмас Херит и Пуйке Цуму, великий вождь, хотя и хромым. Он послал всем, кто был с братьями Теде Вью в первой войне.

Пришли все, и к ним присоединились еще другие. Среди них был Чо Херит, у которого было очень много людей. Бабушка Сехинома была ужасно взволнована. Она безумно танцевала и бегала повсюду; она танцевала в ту ночь и на следующий день. На второе утро все пришли очень рано, чтобы присоединиться к силам Сехинома. Первый пришел на рассвете, и один народ следовал за другим весь день и следующую ночь.

Пришел Чир Чума, которого несли два брата Сиривит. Пришел Вай Карили, который жил на южном берегу Вини Мем. У всех его людей были сети. Булибок пришел из Булибок Пуюк, и когда люди на дороге сели отдохнуть, он пошел вперед и крикнул: —

“Стреляйте в меня, все вы! Я хочу увидеть, каким человеком я стану”.

Все стреляли в него. Он сидел неподвижно, но никто не мог попасть в него. И Кайсус Херит из Puidal Pom тоже вышел вперед и попросил всех стрелять в него. Очень многие пытались, но никто не смог попасть в Кайсуса Херита.

Пришел Тихелис из Пенель-Кенте со своими людьми.

“Ты мой брат, - сказал он Кайсусу. - мы пойдем вместе”.

Один седит был из Були Пуйваката, а другой - из Сономьяи.

Когда все собрались у Сехинома, Вик Херит подобрал тлеющие угли и вымазал себе лицо сажей. “Я хочу увидеть бой”, - сказал он. “Я храбрый воин. Я хочу сражаться”, - затем он надулся и стал невероятно напыщенным.

Номель Хивили, живший в Вайель Номельтос, пришел со своими людьми.

“Брат мой, - сказал он Сехиному, - я не очень силен, я многого не могу сделать, но я пойду с тобой и сделаю все, что смогу”.

Когда они подошли к месту, где должна была состояться битва, пришел гонец и сказал:

“Сайай Не унаследует тебя. У него нет сердца, и все его люди без сердец. Сайай не хочет сражаться с тобой. Кичуна из Кинвинис Пом и Хамам Херит с востока желают сразиться с вами. Все эти люди сейчас в Мемном Калаи, недалеко отсюда.

В это время они увидели, что кто-то приближается к ним с востока. Это была вторая Чир Покаила. Она была из Покаитин Мем. Когда она подошла, то сказала бабушке Сехинома:

“Сестра моя, мы поможем нашему внуку, и если он погибнет, мы будем оплакивать его вместе”.

“Сейчас самое время двигаться”, - сказал Сехином.

“Мы будем в центре армии”, - сказали братья Тедэ Вью и заняли свои места. Вай Карили отправился в южное крыло северной армии, и все его люди были с ним. Они поднялись на ровный холм и оттуда увидели людей, приближающихся с обеих сторон, с севера и юга, насколько хватало глаз. Они надвигались, как огромная вода, катящаяся вперед. Людей было столько, сколько песчинок в двух тучах песка. Две армии постепенно приближались друг к другу.

Бабушка Сехинома со своей сестрой были впереди северных войск. Она первой вступила в бой с врагом и сражалась яростно. У нее были стрелы из дерева копус, заостренные кирдоко, сделанные ею самой. Северная армия стояла лицом к востоку, а южная - к западу.

Чир Чума, которого несли Сиривиты, пришел на помощь двум своим сестрам. У всех троих были одинаковые стрелы. Они убили пятьдесят-шестьдесят человек одним выстрелом, и эти трое принесли победу левому крылу северной армии.

На правом фланге северной и левом фланге южной армии были хорошие люди, и там шли тяжелые бои. На северной стороне находился Вай Карили со своими людьми, у которых были сети, чтобы поймать врага. Затем Хокохаса и его войска, все одетые в доспехи из лосиных шкур; затем Кайсу и Тихелис со многими людьми. Между Тихелисом и центром была Кичуна. На другой

стороне, напротив Кичуны, находился Хамам, который сообщил Кичуне, что встретится с ним на поле. Напротив Седита из Сономьяи был неизвестный вождь, но очень великий боец.

Вай Карили, Хокохас, Кайсус и Тихелис со своими войсками были встречены Хоутом и Цуини, чьи люди превосходили численностью четырех противостоявших им вождей. Ястребы использовали твердые синие камни в качестве оружия. Они швыряли их с огромной силой, пробивая броню людей Хокохаса и разрывая сети людей Карили. Народ цуини обрушил ливень мелких камней из пращей на жителей Тихелиса и Кайсуса.

Битва на том фланге бушевала с яростью до вечера. Многие были убиты с обеих сторон, а вожди Хамам и Седит из Сономьяи пали. Когда наступила ночь, ни одна из сторон не одержала победы, хотя Хоут и Цуини немного выигрывали.

В центре находились великие военачальники обеих армий. Там Чулуп, поддерживаемый Сайаи Нотом, Тенekom Нотом и Тубуком, встретился с Сехином Чабату и братьями Теде Вию.

Утром Чулуп начал сражение и прорвался в центр. К середине дня он прошел половину пути через людей Сехинома. Но Сехином заставил его отступить, и в полдень Чулуп был там, откуда он начал утром. Теперь Сехином продвинулся вперед и попытался прорваться сквозь людей Чулупа. Он прошел больше половины пути, когда Чулуп собрался с силами, обхватил его, оттеснил назад и на закате бросился вперед среди воинов Сехинома.

Как раз в это время Сехином увидел в поле позади Чулупа высокую и очень красивую женщину. Это была жена Чулупа. Ее звали Санихас. Сехином Чабату быстро подбежал к этой женщине и привел ее в свой лагерь, пока Чулуп боролся с братьями Теде Вью. Солнце уже село. Наступила ночь.

Чулуп вернулся к себе. Он потерял жену и ничего не приобрел. Обе стороны ушли с поля боя и развели походные костры. Вы могли видеть две линии огня, идущие на север и юг, но не могли видеть ни одного их конца.

Чулуп поднялся на рассвете следующего утра, бросился в лагерь Сехинома и после ожесточенной и короткой схватки забрал свою жену обратно до восхода солнца. Обе стороны были очень злы и упорно сражались. В полдень южные силы имели преимущество в центре и на южном фланге и разбили бы Сехинома Чабату, если бы не его бабушка, дядя и тетя. Две женщины и Чир Чума, которых братья Сиривит несли на двух палках, побили все, что находилось перед ними.

В это время центр и фланг северных войск сильно пострадали. Вай Карили покинул бой; он был разгневан.

“Я сделаю что-нибудь получше этого”, - сказал он.

Взяв свою сеть, он отправился на юго-восток и не останавливался, пока не оказался на краю земли и не нашел отверстие, через которое проходил Чулуп, когда выходил на сушу или возвращался к себе домой по дну великой восточной воды. Он натянул сетку поперек ямы, глубоко засунул ее середину, прикрыл то, что осталось снаружи, и стал ждать, спрятавшись.

В полдень, когда Сехиному Чабату пришлось туго, и враг оттеснял его людей с поля боя, его бабушка, тетя и дядя со всей армией позади них напали на тыл войск Чулупа. Борьба началась

заново, и с тех пор до захода солнца велась самая тяжелая битва в мире до того дня. На закате им пришлось остановиться, потому что с обеих сторон осталось мало людей, и они так устали, что больше не могли сражаться.

Каждая сторона покинула поле, не сказав друг другу ни слова.

Чулуп отправил свою жену Саныхас домой другим путем, а сам направился к проходу, где прятался Вай Карили. Он вошел в отверстие. Карили натянула сеть, обернула ее вокруг Чулупа и крепко завязала. Затем он взвалил его себе на спину и отнес Чулуп в Техи-Були, на некотором расстоянии к востоку от Бохем-Пуюка. Там он насмеялся над ним, говоря:

“Итак, Чулуп, ты не брал меня, но я взял тебя. Ты не собираешься убивать меня, но я собираюсь убить тебя. Кто лучше, ты или я?” Затем он убил его и хорошенько избил его тело.

Когда Сехином Чабату вернулся домой, его бабушка сказала ему:

“Теперь, мой внук, ты становишься сильным мужчиной; ты умеешь сражаться, но люди, которые сражаются, долго не живут. Я никогда не говорил тебе сражаться, но с этого момента ты увидишь, как сражаются. Ты должен бодрствовать, мой внук. Ты должен рано вставать, ты не должен долго спать; когда-нибудь ты услышишь новости, когда-нибудь что-нибудь случится”.

После этого Сехином Чабату привез самую высокую желтую сосну из-за пределов Дау Паки Олель, ободрал всю кору и покрасил ее в белый, черный и красный цвета. Люди танцевали вокруг этого шеста, танцевали два дня.

“Сейчас мы пойдем домой, - сказали братья Теддиу, - но, возможно, что-нибудь случится позже”.

Тогда Докос сказал Вику Кимиле: “У нас были все эти бои, у нас могут быть еще бои; люди могут прийти, чтобы напасть на нас, убить тебя или меня”.

“Мой тесть, ” сказал Вай Докос Вику Кимиле, “ мы убили великого человека, Чулуп Вин Херита. Теперь я думаю, что у нас будут большие неприятности; он был вождем многих людей; они нападут на нас”.

После этого разговора все разошлись по домам. Два года люди жили в мире.

“Я пойду спать в парилку”, - сказал однажды ночью Сехином Чабату. Он пошел. Их было много в парилке, и еще больше снаружи. Обычно Чир Покайла знала все; но этой ночью старуха не знала, что надвигается беда, она спала в своем собственном доме.

Дверь парилки Сехинома была с восточной стороны, а сам он спал с северной. Незадолго до рассвета кое-кто из мужчин, лежавших снаружи, проснулся, и кое-кто в парилке тоже не спал, но никто еще не встал. Внезапно они услышали шум, крики толпы мужчин.

Когда люди вокруг парилки услышали этот крик, они схватили оружие и побежали вперед. Все, кто находился в парилке, бросились к двери, и как только они вышли, странные люди убили их.

Сехином Чабату остался в парилке. Чир Покайла несла лук и стрелы своему внуку, но когда она подошла к двери, ее убили.

Чир Чума, живший неподалеку, пришел, когда услышал шум. Сиривиты взяли его на руки, и он ходил, сражаясь то здесь, то там, многих убив.

Сехином, находясь в парилке, услышал, как кто-то снаружи спросил:

“Это дом Сехинома Чабату? Я не могу его найти. Его нет среди этих людей. Возможно, это вообще не его дом. Я хотел бы увидеть Сехинома Чабату. Если он храбрый, он выйдет. Я Сутунут”.

Другие кричали: “Я Хус!” “Я Чутул!” “Я Коип!” “Я хочу видеть Сехинома Чабату!”

Все люди снаружи были убиты, кроме Чир Чумы. Сиривиты отнесли его домой. Сехинома Чабату оставили в парилке. Была примерно середина полудня, когда все были убиты, и незнакомцы подожгли парилку. По обе стороны от двери было по бревну, на которых люди могли сидеть. Сехином зарылся в землю и вышел под бревном с левой стороны. Он копал вперед, пока огонь не переместился, пока не добрался до конца бревна. Теперь она сгорела, за исключением очень короткого куска. Под ним он остановился.

Люди Сутунута стояли вокруг, ожидая его появления.

“Мы хотели бы знать, где он”, - сказали они. “Парилка сгорела. Его там не было, иначе он выбежал бы”. Они разгребли золу — не нашли и следа его костей. “Он не может быть под этим бревном”, - сказал один человек; но он не прикасался к горящему бревну.

Наконец, около наступления темноты, когда бревно прогорело почти до самого конца, Сутунут и все его люди ушли.

Сехином Чабату слышал все, что они говорили. Когда они ушли и все стихло, он выполз из-под земли; он увидел, что его друзья лежат мертвыми, дома разрушены, а парилка сгорела дотла. Он проплакал всю ночь, оплакивая своих друзей, оплакивал до рассвета. При дневном свете он ходил повсюду; смотрел на руины; не знал, что делать; ходил снова и снова.

Перед самым восходом солнца он что-то услышал и остановился, прислушиваясь. Раздался звук, похожий на плач маленькой собачки. Он посмотрел и, наконец, увидел кусок коры желтой сосны. Шум доносился из-под этой коры.

“Что может быть под этой корой?” - подумал Сехином и, перевернув ее, увидел двух маленьких мальчиков, которые лежали в объятиях друг друга и плакали. Он наклонился и поднял их.

“Теперь, брат, - сказал один из них, - нам повезло. Мы спрятались здесь и сбежали”.

Это были мальчики-цуди. Сехином Чабату забрал мальчиков, чтобы заботиться о них. Он похоронил всех людей, которых смог найти, взял двух маленьких мальчиков и отправился в Пуй Мем за деревом копус для стрел. Он нашел дерево, принес его домой и сделал четыреста стрел. Затем он сделал пять луков из тисового дерева.

Два мальчика росли очень быстро. Сехином подарил каждому из них лук и сорок стрел и сказал:—

“Я бы хотел, чтобы ты мог что-нибудь для меня сделать, но ты такой маленький, что мне не хочется посылать тебя”.

“Мы можем пойти туда, куда ты нас пошлешь”, - сказал старший мальчик.

“Ну, мой младший брат, ” сказал Сехином на следующее утро, - пойд и скажи двум моим сестрам, Кавас Лоймис из Вайти Номкен, чтобы они пришли сюда. Скажи им, что я голоден, что мне нечего есть. Скажи, что я умираю с голоду. Скажи им, чтобы принесли мне еды. От моих сестер перейди к моему брату Кичуне; он живет в Кенвинис Пом. Затем отправляйтесь в Вай Хау, в Хау Були, затем в Номель Хивили в Вайель Номельтос. Отправляйтесь в Докос Хилит; вы найдете его дом, наведя справки; оттуда к моему тестю, Ному Совиви. Скажи этим людям, чтобы они пришли ко мне и привели все свои силы”.

Затем, повернувшись к другому брату, он сказал: “Я отправлю тебя, мой младший брат, на юг. Я хочу, чтобы ты поехал в Тидок Кимила в Тидок Вайсоно. У этого старика и его людей много боевых нарядов из перьев. Иди к братьям Теде Вью; иди к наследию Хокохаса. Идите на восток, в Докос Херит, в Докос Хлей Пуритон; идите в Кайсус в Кайсанси Харастон, скажите всем, чтобы пришли завтра и привели своих людей”.

Старший брат Цуди вернулся вечером. “Твои сестры придут завтра утром, - сказал он, - и все остальные придут”.

Младший брат вернулся чуть позже. “Все люди придут завтра утром, ” сказал он. “ все жители Хокохаса в своих лосиных шкурах, все жители тидока придут в своих головных уборах из перьев. Когда я пошел к братьям Теде Виу, они сказали: ‘У Сехинома Чабату большие проблемы’. Я сказал: “Он действительно умер; мой брат и я - это все, что у нас осталось”. “Он наш брат, - сказали они, - мы должны помочь ему”.

На следующее утро пришли две сестры Кавас и принесли много вещей. Каждая принесла по две лосиные шкуры, великое множество стрел и шкур выдры.

“Теперь, брат, поешь и накорми двух маленьких мальчиков”, - сказали они, доставая еду.

Начали прибывать люди. Они прибывали со всех сторон. Весь тот день они прибывали; вечером и ночью они продолжали прибывать. Сехиному Чабату пришлось ждать несколько дней, пока все соберутся. У сестер Кавас была еда для всех.

“Мы слышали, что тебя убили”, - сказали братья Теде Вью, когда пришли. “Мы рады видеть тебя живым”.

“Я один”, - сказал Сехином. “Я не знаю, что спасло меня. Все мои люди были убиты, кроме этих двух маленьких мальчиков.

Братья Теде Вью были первыми, кто пришел с юга. Следующими пришли люди тидок. Они приходили толпами, тысячами, и у каждого на голове была сетка из перьев. Они начали приходить утром и продолжали приходить весь день, всю ночь, на следующий день и вторую ночь, не останавливаясь. Они шли, не останавливаясь, двенадцать дней и ночей, они шли до тех пор, пока нигде вокруг для них не осталось места. Больше Тидок осталось дома, чем пришло, и пришло больше Тидок, чем всех остальных людей, вместе взятых.

“Вы, люди, ” сказал Сехином Чабату, когда все собрались, “ я не был причиной этой войны. Я не начинал. Войну развязали братья Теде Вью и Норбис.

“Итак, братья мои, ” сказал Сехином Чабату братьям Теде Вию, “ люди издали говорят обо мне; но вы стали причиной беды. Ты начал это, и ты должен сделать все возможное, чтобы помочь мне. Мы должны уехать отсюда завтра утром.

Они выступили рано утром следующего дня. Сехином Чабату отдал приказ двигаться группами. Они двинулись на юго-восток. Последний отряд первого дня ушел вечером. Когда наступила ночь, авангард армии разбил лагерь, а арьергард шел всю ночь.

Когда силы Сутунута двинулись на север от края неба на юге, чтобы напасть на народ Сехинома, они проложили путь туда и обратно. Теперь армия Сехинома следовала по этому следу. Они шли второй день, пока не достигли места стоянки возвращающейся южной армии. Там они провели ночь. В полдень третьего дня они послали Кайсуса и Булибока вперед на поиски врага. Они отправились на юг. На следующее утро они вернулись и сказали: "

- Мы нашли каньон, где они разбили лагерь; вы можете разбить лагерь там.

Армия двинулась дальше. У двух сестер Кавас было еды на всю армию; две корзины никогда не пустовали, и всем хватало.

Они пробыли в каньоне три дня, и жители тидока не переставали приходить.

“Нам предстоит долгий путь; вы должны поторопиться”, - сказал Сехином на следующий день; и силы тидоков начали продвигаться быстрее. Сехином послал вперед Гуса в качестве разведчика. Перед рассветом все встали и путешествовали до вечера. Гус вернулся и сказал: —

“Я был очень далеко внизу. Я нашел другое место, где они разбили лагерь. Тогда я пошел дальше на юг, пока не увидел вдали огонь и дым. Сегодня мы можем переночевать в их лагере.

“Спите спокойно, все вы, люди, - сказал Сехином Чабату той ночью. - завтра утром вы должны быть свежими”.

На следующее утро Гуса снова послали вперед, и вскоре после этого армия двинулась в путь. Они шли весь день. На закате Гус вернулся и сказал: "

Я нашел следующее место для стоянки; оно недалеко отсюда. Затем я долго шел на юг, пока не вышел к холму, который тянется с востока на запад. Я поднялся на вершину этого холма и посмотрел вниз. На широкой равнине я увидел костры и великое множество людей. Их лагерь очень широк с востока на запад и тянется на юг, насколько хватало глаз. Теперь, друзья наши, я увидел врага; мы должны сделать все, что в наших силах”.

Когда они добрались до места стоянки, Сехином сказал: “Мы отдохнем здесь завтра, а не отправимся в путь до следующего дня”.

На второе утро они встали рано и отправились в путь, шли медленно, время от времени отдыхая. Перед заходом солнца они подошли к холму и разбили лагерь на его северной стороне.

“Я хочу послать кого-нибудь посмотреть, сколько людей в этом лагере”, - сказал Сехином Чабату.

Булибок пошел. На конце хребта стояло дерево, одна ветка которого торчала на восток. Булибок взобрался на то дерево, сел на ветку и посмотрел вниз. Он увидел людей, которые двигались

вокруг, играли и танцевали. Он мог видеть на большое расстояние. Довольно скоро люди внизу, которые смотрели повсюду, увидели Булибока, и один из них спросил: —

-Что это там сидит на ветке? - спросил я.

“Я не знаю”, - ответил другой. “Похоже на какого-то человека. Давайте бросим в него и посмотрим, сдвинется ли он с места”.

Нотудуй Улумус, который всегда носил на голове перевязь, снял ее, положил в нее камень и сказал:

“ Там должен кто-то быть. Я никогда раньше не видел эту штуку на ветке.

“О, это ерунда, это всегда есть”, - говорили другие.

“Я никогда ничего там раньше не видел. Я брошу в него камень. Нотудуи швырнул камень, который пролетел мимо головы Булибока; он не пошевелился. Нотудуи швырнул еще один камень, едва не задел нос Булибока, но тот даже не пошевелился.

“О, это часть конечности”, - сказали некоторые люди. - “Она торчит вот так”.

“Человек сдвинулся бы с места, если бы камень пролетел так близко от него”, - говорили другие.

“Это кто-то; это кто-то наблюдает за нами”, - закричал третий участник; и они заспорили. Люди некоторое время наблюдали, но Булибок сидел неподвижно, как сук, пока они, устав наблюдать, не ушли и совсем забыли о нем. Тогда он соскользнул с дерева, пошел домой и сказал: "

“Я сидел на дереве, все видел и теперь знаю, как лучше поступить. Люди видели меня и бросали камни. Они дважды чуть не ударили меня, но я не пошевелился, и они отпустили меня”.

“Итак, мой народ, ” сказал Сехином Чабату, “ эту войну развязал не я. Мне неприятно вести тебя в место, подобное тому, что находится перед нами, но мы должны пойти туда. Я пойду первым; я пойду один и посмотрю на это место ”. Он взобрался на гребень и с вершины его спустился под землю, пока не вышел в главном доме врага. Затем, подняв голову, он посмотрел и увидел великое множество людей. Вскоре кто—то увидел его и сказал: "

“Почему вы, люди, не смотрите? Может прийти Сехином Чабату. Вы говорите, что он мертв — что вы сожгли его заживо в парилке; но я не верю, что вы его убили.

“ О, он давным-давно мертв. Мы убили его; мы сожгли его!”

Сехином высунул голову во второй раз. Снова кто—то увидел его и спросил: -

“Что это там? Может быть, это Сехином Чабату. Я думаю, он может прийти”.

“О, он давным-давно мертв. Давайте посмотрим, что это такое” .

Кто-то швырнул камень. Он задел нос Сехинома, и тот рухнул на землю. “Это всего лишь белка!” - сказали несколько человек. “Сехином Чабату мертв”.

Сехином вернулся к своему войску и сказал Ному Совиви:

“Я видел очень много людей. Это те же самые люди, которые убили наших друзей. Они убьют нас, если мы не убьем их. Мы выступим завтра на рассвете и сразимся. Брат мой, Теде Виу, ты должен найти Сутунута. Когда он пришел ко мне домой, он очень хвастался. Он сказал, что я ни с кем не могу сразиться. Я хочу увидеть Сутунута. Мы должны найти его. Не думайте о других. Давайте найдем Сутунута и Койпа Херита, которые хвастались, что убили стольких наших людей”.

“Я пойду и посмотрю на этот лагерь до наступления темноты”, - сказал Хау Херит.

Он пошел и прямо под вершиной холма нашел обломок дуплистого дуба длиной в рост человека; он медленно шел по этому сухому стволу, его голова чуть возвышалась над ним, и она была того же цвета. Он добрался до вершины хребта и спустился на небольшое расстояние по южной стороне; там не было ни деревьев, ни кустарника. Пока он стоял, оглядываясь по сторонам, склонив голову над пнем, какие—то люди внизу крикнули:

“Что это там, на холме? Я никогда раньше не видел там этой штуки.

“Я не вижу ничего, кроме пня”, - отвечали другие.

Хау оглядывался повсюду, обращая внимание на все.

- Там кто-то есть, - сказал другой мужчина.

“О, это пень. Я видел это здесь все время”.

- Что ж, давайте запустим в него камнем.

Нотудуи взял пращу и метнул камень. Хау слегка наклонил голову. Камень ударился о пень и издал громкий звук.

“О, это ничего. Ты что, не слышишь шума? Это просто пень. Мы бросим еще раз и будем уверены”.

Хау как раз высунул голову наружу, когда увидел, что летит еще один камень. Камень ударился о пень и произвел сильный шум.

“Как ты думаешь, это человек? Как ты думаешь, камень издал бы такой звук, если бы в кого-нибудь попал?”

Они больше не бросали камней. Хау дождался темноты, вернулся и все рассказал Сехиному.

“Теперь, братья мои, ” сказал Сехином Чабату двум мальчикам “цуди, - вы должны отправиться в тот лагерь. Идите прямо к центральному дому, зайдите в него вместе. Затем пусть один пойдет на запад, а другой на восток. Посмотрите внимательно и, когда увидите лук, обрежьте тетиву. Перережьте тетивы в первом доме, прежде чем разойтись, а затем перережьте поодиночке. Зайдите в каждый дом и перережьте все тетивы. Когда вы будете обходить дома внутри, кто-нибудь может увидеть вас и сказать: “Посмотри на эти цуди”, но не обращай внимания, продолжай резать”.

Два брата Цуди вместе отправились в средний дом; затем один пошел на восток, а другой на запад. Они обошли каждый дом. В одних они нашли несколько луков, в других - великое множество. Они рубили до рассвета. Затем они вернулись домой и сказали:

“Мы всю ночь резали тетивы для луков, и нам пришлось остановиться, потому что начало светать, но мы оставили неразрезанными всего несколько струн. Все спали, кроме одного человека в парилке. Мы не думаем, что он когда-нибудь спит. Он всегда говорит.

“Я знаю его”, - сказал Сехином. “Он говорит, но во время разговора он спит” (свистит). Приближается рассвет, мы должны идти. Сделайте все, что в ваших силах, сделайте все возможное, все вы.

Армия была такой большой, и тидоков было так много, что они распространились по стране подобно наводнению; они бросились через холм и побежали вниз в долину; когда люди, спавшие в домах, слышали их приближение, они вскочили и побежали за своими луками.

“О, у моего лука порвалась тетива!” - воскликнул один из них.

“О, тетива моего лука порвалась!” - воскликнул другой.

“Поклонись мне! Поклонись мне!” крикнул третий.

Это было слышно по всему лагерю; все кричали: “У моего лука порвалась тетива! Дайте мне лук!”

Армия Сехинома хлынула на них, как огромные волны воды. Сехином бросился к главному дому и закричал: —

“Где ты, Сутунут? Я хочу тебя видеть. Ты так хвастался в Дау Паки Олель, я хочу тебя видеть. Где ты, Сутунут?”

Сутунут ничего не сказал, не двигался. Он был в доме неподалеку, и кто-то другой убил его.

Южане не могли хорошо сражаться без луков и стрел; они делали все, что могли, чтобы защититься, но в полдень они были перебиты до последнего человека, ни один не спасся.

Сехином Чабату со своими главными людьми и всеми их силами отправился домой, оставив Кота и Хо Херита позади, с несколькими тидоками, чтобы поджечь все дома. Как только они все подожгли, появились новые силы южан, застали их врасплох и многих убили.

“Сехином Чабату ушел”, - сказал Хо Херит, когда увидел их. “Против нас идут новые силы. Теперь, люди тидока, вы должны хорошо сражаться”.

Новые силы преследовали Хо Херита и его людей. Тидоки храбро сражались. Многие были убиты с обеих сторон. Сам Хо Херит был убит. Новые люди с юга прибывали постоянно, в то время как у тидоков не было подкреплений. Наконец Кот Херит был убит, как и большинство тидоков, сражавшихся под его началом. Затем южане повернулись и разошлись по домам. Те немногие тидоки, которым удалось спастись, отправились на север, к себе домой.

Сехином Чабату вернулся в Дау Паки Олель и жил там. Он и те, кто вернулся домой вместе с ним, долгое время не знали о второй битве и смерти Кота и Хо Херита.

Это конец той войны. Все люди, которые вернулись с Сехином Чабату, вернулись домой в безопасности. После этого первые люди больше не сражались, потому что вскоре Олельбис превратил их в птиц, зверей и других существ.

ТУЛЧУХЕРРИС

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Ястреб, минога; **Кулитек**, белое перо в хвосте **Комоса Кулита**, черного грифа; **Номхавена**, дождевой червь; **Пом Покаила**, земная старуха; **Сас**, солнце; **Тихелис**, суслик; **Тулчухеррис**, этимологически, человек или предмет, который был выкопан; **Винишуют**, предусмотрительность.

Давным-давно жила маленькая старушка не на востоке, не на севере и не на юге, а на западе, на равнине под названием Эли-Цараутон (корневая равнина). В той квартире никто не жил, кроме этой пожилой женщины, которую звали Номхавена Покайла. Ее также звали Пом Покайла.

Эта старая женщина прожила на этой квартире десять лет и десять зим, и еще одно лето; все это время она копала там корни, потому что корни были ее пищей. Ровная площадка была широкой, и она копала, начиная с края и делая все круг за кругом, пока, наконец, не остался незатронутым только маленький кусочек, и тот находился посередине.

Однажды утром, когда она глубоко воткнула свою палку в землю, она услышала крик, похожий на крик маленького ребенка. Она остановилась и прислушалась; крик раздался далеко внизу, в земле. Она не знала, что с этим делать, но подумала: “Что бы это ни было, я это раскопаю”.

Она воткнула свою корневую палку так глубоко, как только могла, сбоку от того места, откуда раздавался шум, и усердно потрудились, выкопав много земли; затем она услышала крик немного впереди и копнула вперед. Она перешла на противоположную сторону и перерыла все вокруг крика, копала до середины дня, но ничего не нашла. Затем она снова покопалась, воткнула палку поглубже в первое место и сказала: “Я должна найти это, я должна это получить”.

Она засунула палку поглубже, но ничего не получила. Она зашла с другой стороны, засунула палку еще глубже и перевернула большой ком земли, который был посередине. Под ним она нашла маленького мальчика. В тот момент, когда она увидела его, она услышала шум, похожий на гром, далеко на востоке, в Саскевиле, месте, где живет Сас. Когда она подняла его на поверхность, то услышала этот шум во второй раз.

Голова ребенка, когда она подняла его на поверхность, была обращена на восток, ступни - на запад; под землей его голова была обращена на юг, а ступни - на север.

“Цок цо, цок цо!” (хороший малыш, хороший малыш), - сказала пожилая женщина, баюкая его на руках. Она сняла со спины фартук из оленьей кожи, расстелила его на земле, положила на него маленького мальчика и тщательно укутала его. Потом она снова погладила его, приговаривая: “Цок-цо, цок-цо!” - и сказала: “Я старая, я твоя бабушка”; и она отнесла его к себе домой. Она набрала воды и вымыла его, вымыла все его тело. Она мыла его каждое утро. Она не могла уснуть ночью, она так волновалась. Она все время наблюдала за ним. Всю ночь, весь день она наблюдала за ним, ни разу не опустила его на землю, но много мыла, приговаривая:

“Я желаю тебе быстро расти. Ты единственный человек, которого здесь видят. Я желаю тебе поскорее начать ходить”.

Через пять недель после того, как она нашла его, он уже мог немного ходить и говорить. Когда он снова смог говорить, старуха сказала: —

“ А теперь, внук мой, я расскажу тебе кое-что, что ты должен запомнить. Когда вы играете вне дома, никогда не ходите на восток, никогда не направляйтесь в сторону Саскевиля, где живет Сас. Играйте на севере, юге или западе, но никогда не идите на восток”.

Мальчик быстро рос и мог играть. Поскольку бабушка всегда говорила ему не ездить на восток, он сказал себе: —

“ Интересно, почему моя бабушка говорит мне не ехать на восток. Я хотел бы знать почему.

Однажды утром мальчик пошел поиграть, отошел на небольшое расстояние к югу от дома и услышал голос, услышал, как кто-то кричит, зовет откуда-то, он не знал, где этот голос. Он прислушался и вскоре услышал это во второй раз. Звук шел сверху, с неба. Он никого не увидел, но голос сказал: —

“Малыш, тебя зовут Тулчухеррис. Я знаю тебя, Тулчухеррис. Ты первый человек в этом месте, величайший. Ты должен делать все, что в твоих силах, чтобы выжить. Ты должен приложить все усилия, чтобы победить. Ты - Тулчухеррис”.

Мальчик услышал и понял. Он пошел домой, но ничего не сказал бабушке, ничего не сказал о том голосе с неба, который звал его.

Она снова, как и раньше, сказала ему не ехать на восток. Она говорила ему это много раз. Теперь он был почти молодым человеком, он так быстро вырос. Была почти весна, и старуха серьезно поговорила с ним. Когда он пробыл у нее всю зиму, она сказала:

“Внук мой, я полагаю, ты хочешь кое-что узнать. Я собираюсь поговорить с тобой. Скоро ты станешь совсем взрослым. Я дам вам знать, почему я так часто говорил вам не ездить на восток. Вы хотели знать, почему, теперь я вам скажу.

Давным—давно все мои люди - мой сын, мой брат, мои родственники — ушли на восток и больше не возвращались. Я остался здесь один. Там, на востоке, есть большой дом, называется Сасквил. В нем живет большой старик Сас со своей женой и двумя дочерьми. Все мои родственники отправились в то место и были там убиты. Когда кто-нибудь входит в Саскевиль, старуха, жена Саса, садится с восточной стороны двери, которая открыта на юг; ее дочери садятся с западной стороны. Пожилая женщина сидит спиной к стене и лицом к северу. Она

никогда не оглядывается назад, но когда посетитель ненадолго заходит внутрь и садится, она медленно поворачивается, подносит руки по обе стороны от глаз, так что кончики пальцев соприкасаются посередине лба, и смотрит на незнакомца большими глазами. Он смотрит на нее и падает замертво. В ее глазах сила, которая убивает его. У Sas что-то в носу. Он берет это, катает на колене и бросает в людей, которые приходят к нему домой. Никто не видит, как он это делает, но таким образом он убивает многих людей.

Теперь, мой внук, ты знаешь, почему я не хочу, чтобы ты отправлялся на восток. Я скажу тебе больше. Был человек, лучший из моего народа; он отправился в Саскевил, он отправился на восток и был там убит. Мне жаль его, я скорблю о нем до сих пор. Сейчас я скорблю по нему. Он был твоим родным братом, тем, о ком я скорблю больше всего. Он был моим внуком. Его звали Кулитек Херит. Теперь ты большой, достаточно сильный, чтобы услышать это, и я говорю тебе”.

После того, как старуха рассказала ему о людях, погибших по пути в Саскевиль, Тулчухеррис ответил:

“Мне жаль моего брата. Мне жаль, что его убили. Теперь, бабушка, я должен посмотреть, что я могу сделать”.

Тогда он вышел из дома, пошел на запад и нашел что-то вроде белого дерева, принес его домой и сделал стрелу — гладкую, очень маленькую стрелу; он выкрасил эту стрелу в красный, синий и черный цвета, раскрасил ее на конце и прикрепил к ней перья. Затем он сделал лук из дерева, которое нашел в том же месте, далеко на западе, и красиво раскрасил его с внешней стороны.

На следующее утро, еще до рассвета, он отошел на небольшое расстояние к югу от дома своей бабушки, взял лук и стрелы, натянул тетиву и пустил стрелу на восток.

После того, как маленькая стрела вылетела из лука, она превратилась в колибри, пролетая по воздуху. Прежде чем птица долетела до дома Саса, она снова превратилась в стрелу.

Недалеко от Саскевиля у старого Саса была парилка с единственной дверью. Эта дверь выходила на юг. Стрела упала к востоку от двери и крепко воткнулась в землю. Она упала перед рассветом, когда Sas был в парилке. Он услышал, как что-то упало за дверь, что-то ударилось о землю с тяжестью огромного камня. Он не знал, что и думать. Он никогда раньше не слышал такого шума.

Когда рассвело, старый Сас встал и вышел из парилки. Он проспал там всю ночь. Он огляделся, чтобы посмотреть, что вызвало такой сильный шум, и увидел маленькую стрелу. Он посмотрел на стрелу, подошел, схватил ее, попытался вытащить. Он крепко ухватился, изо всех сил старался, крутил и тянул, но не мог вытащить стрелу. Он отдохнул, а затем сделал все возможное. Он потянул, собравшись с силами. Его руки соскользнули, и он упал на спину.

Сасу пришлось оставить стрелу там, где она была; он не мог ее вытащить. Он пошел к себе домой, где были его жена и дочери. Две девушки были очень красивы. Сас взял свою старую деревянную трубку, набил ее табаком и начал курить.

“Моя старуха, - сказал он, - и мои дочери, я расскажу вам, что я только что видел. Я увидел нечто такое, чего не видел уже давно, очень давно. Давным-давно я привык видеть то, что только что увидел возле своей парилки. Должно быть, что-то не так. Кто-то, должно быть, думает о нас, кто-то, должно быть, думает о нашем доме. Я верю, что когда-нибудь скоро мы увидим,

как кто-то придет. Я увидел маленькую стрелу и попытался вытащить ее из земли, но не смог. Я пытался, пока не упал и не повредил спину. А теперь, дочери мои, вы можете пойти, если хотите, и посмотреть на эту стрелу.

Девочки вышли, посмотрели на стрелу и сказали: “О, какая красивая стрела”, - и попытались вытащить ее из земли. Этого не произошло, и они вернулись в дом своего отца.

“Теперь, моя бабушка, ” сказал Тулчухеррис на языке Эли Цараутон, “ я собираюсь покинуть тебя. Я уйду. Я отправляюсь на восток. Я направляюсь в Саскевиль”.

Старой женщине не хотелось терять внука.

“О, внук мой, - сказала она, - тебя убьют. Ты никогда не вернешься ко мне”.

“ Бабушка моя, я уйду, ” сказал Тулчухеррис. “Я уйду, потому что я должен идти, и я сделаю все, что в моих силах”.

Он пошел на запад и нашел кремь, надел его кусочки на каждый палец, сделал из них ногти и сделал их очень острыми. Затем он отправился на запад во второй раз, добыл костный мозг Хунхунута (сейчас никто не знает, что это за существо Хунхунут), принес домой костный мозг, растер его между ладонями, затем натер им себя, лицо, голову, все свое тело, кроме ног.

В третий раз он отправился на запад и сорвал небольшой куст, полный колючек, каждая длиной около полутора дюймов, и сшил из этого колючего куста леггинсы и рубашку. В четвертый раз он отправился на запад и подобрал в ущелье самый твердый зеленый водяной камень. Из этого зеленого камня он сделал башмаки. В пятый раз он отправился на запад и взял западную пантеру в качестве собаки. В шестой раз он пошел и взял северную лису в качестве собаки. В седьмой раз он отправился на запад, раздобыл древко небесного копья, наконечник небесного копья и небесный ремень для древка копья.

У старухи был припрятан Винишуйат, и когда она не смогла удержать своего внука, она дала ему этот Винишуйат, который он завязал под волосами на макушке. Волосы были собраны поверх него и завязаны так, что никто, кроме Тулчухерриса, не мог их развязать, и никто не мог видеть Винишуйата, который был похож на маленького человечка, размером с большой палец. Винишуйат мог поговорить с Тулчухеррисом и рассказать ему все, предупредить о любой опасности. Он всегда называл его “мой брат”. Когда Тулчухеррис был готов, он сказал: "

- Бабушка, я должен идти, а ты останешься здесь, пока меня не будет.

Тогда он встал, чтобы начать, и его бабушка сказала:

“Внук мой, я не могу пойти за дровами, я слишком стар, я слишком слаб. Я не могу принести дров, и мой огонь погаснет”.

Тулчухеррис отложил колчан с луком и пошел в лес. Он вырвал с корнем множество самых больших деревьев и связал их в пучок. Он принес вязанку в дом, подбросил веток в огонь и сказал:

- Теперь у тебя полно дров, моя бабушка, и я уйду.

Когда он отошел немного, старуха закричала: “Внук мой, вернись; огонь гаснет!”

Он положил свой колчан и лук рядом с двумя собаками, вернулся и увидел, что огонь угасает. Вся большая вязанка деревьев, которую он принес, догорела. Тогда Тулчухеррис пошел и вырвал с корнем большие деревья, больше первого, и принес две связки; положил их в огонь — очень много деревьев. Он был самым сильным человеком в мире и мог это сделать.

“Теперь я ухожу!” - сказал он. Две его собаки стояли в ожидании у лука и колчана. Он зашел дальше, чем в первый раз, примерно вдвое дальше, когда старуха закричала:

“Внук мой, пожар потушен!”

Тулчухеррис снова положил колчан и лук, оставил собак с ними и поспешил обратно. Он обнаружил, что все деревья сгорели, а костер погас. Он стоял и думал, думал. Наконец он сказал: —

“Я не знаю, что делать. Я не могу найти достаточно дров, и я не могу оставить свою бабушку без огня”.

Тогда Винишуйт сказал:—

“Тулчухеррис, если ты не знаешь, как разжечь огонь для своей бабушки, я тебе подскажу. Выходи отсюда куда угодно. Вы найдете корни дикого подсолнечника, их много. Положите одну горсть этих корней в огонь, и он больше не погаснет”.

Тулчухеррис пошел и выкопал корни; принес две пригоршни; положил их в огонь, чтобы они горели медленно, кончики касались огня. Потом он сказал: "

“ Я ухожу, бабушка. Береги себя как следует.

Он пошел туда, где лежали его колчан, лук и собаки; затем оглянулся. Его бабушка ничего не сказала. На этот раз она не окликнула его. Он пошел дальше, оглянулся, прислушался, но никакого звонка не последовало. Он прошел еще дальше, прислушался, все было тихо; прошел еще дальше, остановился, прислушался, ничего не услышал, решил, что с его бабушкой все в порядке, и шел дальше, пока не отошел на большое расстояние, прислушался в четвертый раз, ничего не услышал. После этого он быстро шел примерно до полудня, когда посмотрел вперед и увидел прямо перед собой большую скалу, маленькую наверху и очень высокую. Он посмотрел и увидел кого-то, стоящего на самой вершине. Скала была выше большой сосны. На ее вершине стоял очень старый человек.

Тулчухеррис не мог идти ни на север, ни на юг, скала стояла прямо на его пути. Он повсюду искал проход, но ничего не мог разглядеть. Он посмотрел по левую сторону, все было темно; по правую, все было темно, — темно везде. Свет был только на дороге, которая поднималась на скалу и переваливала через нее.

Старик на скале, когда Тулчухеррис приблизился, крикнул:

“Внук мой, подойди прямо ко мне; там, где ходят люди, нет другой дороги. Когда ты будешь здесь, ты легко перейдешь на другую сторону”.

“Я пойду к тебе”, - сказал Тулчухеррис.

Когда он сказал: “Я пойду к тебе”, Винишуйт, маленький человечек под его волосами, сказал: —

“Брат мой, будь осторожен, он собирается убить тебя”.

Тулчухеррис остановился.

“Здесь, ” сказал Винишуйт, - находится место, куда в прошлом приходил наш народ. Многие были убиты здесь. Они пошли к старику; он повалил их и убил. Если вы пойдете к этому старику, моему брату, он раскачает этот большой камень. В одно мгновение он швырнет тебя в темное место сбоку, где ты не сможешь увидеть дно. Быстро беги к скале, пни ее. Если нет, он убьет нас. Этот старик был послан сюда Sas, он был послан сюда, чтобы убить нас.

Тулчухеррис не взобрался на скалу, не подошел к старику; но он бросился вперед и сильно пнул скалу своим ботинком из зеленого водяного камня. Камень упал, и старик упал вместе с ним, упал в темное место. Камень так и не отскочил назад. Он оставил гладкую дорогу с гребнями по обе стороны от того места, где он был. Затем две собаки побежали вперед, и Тулчухеррис сказал старику:

“Отныне ты не будешь тем, кем был раньше; отныне ты будешь всего лишь сусликом. Ты будешь жить под камнями в земле, и грядущие люди будут звать тебя тихелис. Ты не такой, как я; я сильный. Отныне ты будешь всего лишь бедным маленьким сусликом.

Тулчухеррис последовал за собаками. Он оглянулся и прислушался; он мог слышать на большом расстоянии, он мог слышать по всему миру. Но он не услышал ни звука от своей бабушки; поэтому он шел дальше, пока не пришел к большой реке. Там он увидел стоящего человека. Тулчухеррис подошел ближе, посмотрел вверх и вниз, но не увидел места, где можно было бы перейти реку. Человек увидел его и сказал: —

“Внук, ты не можешь перейти эту большую реку; ты должен позвать кого-нибудь на помощь. Я единственный, кто когда-либо пересекал ее в этом месте. Я могу пройти вброд прямо по воде. Я поддерживаю всех, кто приходит сюда. Если ты хочешь, я отведу тебя на другую сторону; но ты никогда не смог бы пойти один, ты никогда не смог бы переступить через себя”.

Тулчухеррис не знал, что делать, и стоял в раздумье.

“Продолжай, брат мой”, - сказал Винишуйт. “Позволь ему нести тебя, хотя это одно из мест, где они убили многих наших людей, сбежавших от старика на скале. Но этот человек не может убить нас. Позволь ему нести нас”.

“Очень хорошо!” - сказал Тулчухеррис старику. “Перенеси меня, перенеси меня через эту реку”.

Старик подошел и взвалил его себе на спину. У Тулчухерриса за пазухой была заостренная кость, до которой он мог быстро добраться. Он принес эту кость от Эли Цараутона. Старик бросился в реку. Сначала было неглубоко, но на середине ручья вода доходила ему до груди и становилась все глубже. Затем она достигла его шеи и стала подниматься. Собаки перепрыгнули с одного берега реки на другой. Вода теперь была у глаз человека.

“Будь осторожен, брат мой, - сказал Винишуйт, - будь осторожен. Этот человек убивает людей таким образом — он топит их, он тут же утопит тебя, если ты ему позволишь”.

Тулчухеррис достал свою острую кость, два или три раза ударил ею мужчину в грудь, ранил его, остановил. Затем он перепрыгнул с головы мужчины на другой берег, где были его собаки. Тулчухеррис немного постоял, глядя на раненого. Потом он сказал: "

“Отныне ты не будешь тем, кем был. Ты будешь всего лишь угрем. Ты больше не будешь человеком. Ты будешь всего лишь угрем, люди, которые придут, назовут тебя хавтом и съедят тебя”.

После этого Тулчухеррис быстро пошел вперед. Две дочери Саса слышали каждый его шаг, как будто он был рядом, хотя сам он был далеко, очень далеко от них. Они всегда слышали людей, идущих с запада, всегда знали, когда они придут.

Тулчухеррис быстро шел почти до вечера, пока не добрался до высокого хребта недалеко от дома Саса. Добравшись до гребня, он услышал какой-то звенящий звук на другой стороне. Он остановился и огляделся, но никого не увидел. Он был прямо на том месте, откуда донесся шум, но поблизости никого не было видно. Горный хребет был похож на прямую стену, тянувшуюся на север и юг дальше, чем он мог видеть, и высоко поднимавшуюся вне поля зрения, и уходившую в землю. Никто не мог пройти сквозь эту стену, или обойти ее, или подкопаться под нее, или перелезть через нее. В середине гребня было отверстие, в котором стояла большая сахарная сосна, а в сосне была расщелина, достаточно большая, чтобы человек мог легко пройти. Когда кто-нибудь проходил мимо и был на полпути через расщелину, сосна сомкнулась и раздавила его. Шум производил человек, стучавший молотком прямо за стеной. Тулчухеррис заглянул внутрь и увидел руку, и пока он смотрел, его собаки прыгнули через отверстие на другую сторону.

“ Что это? ” окликнул мужчина и подошел к отверстию. “ А, вы здесь? Это ты, мой зять?”

Тулчухеррис ничего не сказал, но посмотрел и увидел внутри груды костей.

“Проходи прямо сюда, входи, мой зять”, - сказал старик. “Входите, вы не можете пройти в другом месте”.

Когда старик крикнул: “Входите, вы не можете пройти в другом месте”, Тулчухеррис сказал: “Я должен пройти здесь, но я боюсь”.

“Это путь, по которому идут все люди, зять мой. Проходи прямо, ничего не бойся, здесь нет опасности”.

Две собаки подошли к старику и понюхали его. Они зарычали, он им не понравился, и старику не понравились собаки. Этим стариком был сам Сас, тот, кто жил в Саскевиле.

“Теперь, брат мой, ” сказал Винишуйат, “ давай, проходи как можно быстрее. Если ты будешь медлить, он догонит нас. Это место, где Sas убила многих наших людей”.

Тулчухеррис взял лук и колчан в одну руку, встал на одну ногу, отклонился в сторону, сделал прыжок и в мгновение ока прошел сквозь толпу. В это мгновение дерево с громким шумом сомкнулось, став твердым.

Когда Тулчухеррис пробил мимо, он ушел далеко в поле, и Sas его не увидела, так быстро он прошел мимо. Сас услышал, как дерево приблизилось, и подумал, что Тулчухеррис запутался в нем. Он посмотрел на дерево и начал говорить.

“Что ж, мой зять, ты попался, теперь ты никто. Я Сас. Ты был слаб, я силен. На тебе был бабушкин фартук. Ты ничего не знал, я знаю все.

Тулчухеррис подошел и стоял позади, пока старый Сас говорил. Он слушал, слышал каждое слово. После того, как Sas замолчал, Тулчухеррис спросил: —

“Мой тесть, с кем ты разговариваешь? Что ты говоришь?”

“ Ха! ” воскликнул Сас, быстро обернувшись. “ Зять, я разговаривал сам с собой. Я говорил, что поступил неправильно по отношению к своему зятю. Я стар, у меня слабое сердце, голова наполовину сошла с ума. Я слеп, я не понимал, что делаю. Я говорил, что поступил неправильно. Ты мой зять. Я стар, я слаб, я слеп. Моя голова поседела. Я сейчас мало что могу сделать. Ты видишь мой дом вон там; это бедный дом; он беден, потому что я стар. Давай, заходи. Я последую за тобой, как только смогу”.

Тулчухеррис пошел впереди, а Сас медленно последовал за ним на некотором расстоянии. Собаки побежали дальше и уже были у дома. С одной стороны двери снаружи было десять медведей гризли, и десять с другой стороны. В двери и вокруг нее были гремучие змеи. Перед приходом Тулчухерриса собака-пантера убила всех медведей, а собака-лиса - всех змей и всяких ядовитых тварей. Подойдя к дому, он остановился немного поодаль и посмотрел на своих собак. Вокруг дома Саса он увидел огромные груды костей, лежащих повсюду, костей его сородичей. Он начал плакать и оплакивать их.

Когда собаки расчистили путь наружу, они вошли в дом и убили там всех гризли и гремучих змей; дом был полон ими. Тулчухеррис стоял снаружи, оплакивая останки своего народа. Когда он выплакался достаточно, он вошел. Жена старого Саса сидела с восточной стороны двери, а его дочери - с западной. Увидев Тулчухерриса, девочки расстелили циновку, сели на нее и велели ему сесть между ними.

“Теперь, брат мой, ” сказал Винишуйат, “ будь осторожен с этой старухой; многие из наших людей были убиты ею. Если их не убивали на улице, она поворачивалась и смотрела на них, и они падали замертво, когда видели ее глаза”.

Пока Тулчухеррис сидел с дочерьми Саса, на него напал большой, длинноногий, с красной спиной, очень ядовитый паук; затем еще и еще. Многие из этих пауков ползали по нему. На нем была рубашка с шипами, и они не могли отравить его; они были насажены на шипы и умерли, все до единого.

Наконец пришел старый Сас, и, войдя в дом, он взял свою трубку, набил ее табаком и несколько раз затянулся дымом. Потом он сказал: "

“ Покури, зять мой, без трубки нам не обойтись. Лучше всего сначала покурить, а уж потом говорить о делах”.

Тулчухеррис взял трубку и притворился, что курит. Он не курил; все равно шел дым, и табак догорал. Он вернул трубку Сасу. Табак Sas изготавливался из мяса людей и их тонко растертых костей.

После того, как Тулчухеррис вернул трубку, он взял свой красивый колчан, взял в руку и достал свою собственную трубку из зеленого водяного камня, цельного куска, не очень большого, но чрезвычайно тяжелого. Он взял свой табак и набил им трубку. Его табак состоял из того же костного мозга, которым он натирал лицо, и чего-то смешанного с ним (неизвестно, что это было). Тулчухеррис раскурил трубку, немного покурил и сказал:

“Вот, мой тесть, покури. Я всего лишь молодой человек. Ты стар, ты мудр, ты все знаешь. Ты говоришь, что нам лучше выйти покурить. Я молод, многого не знаю, но думаю, что эта трубка и табак предназначены для разговоров. Покури со мной”.

Сас взял трубу, но когда Тулчухеррис отпустил ее, старик не смог удержать. Она соскользнула и упала. Когда он попытался поймать ее, она упала ему на руку, отбросила его и прижала к земле.

Сас изо всех сил пытался сбросить трубу со своей руки, но у него не хватило сил. Тулчухеррис с минуту смотрел на него, затем протянул руку, взял трубку и спросил: —

“Тесть, в чем дело? Покури хорошенько. Это трубка Тулчухерриса.

Сас не мог поднять трубку. Тулчухеррис держал ее, пока старик курил. Когда Сас втянул дым и проглотил его, ему стало больно внутри. Старик задышался. Он упал на землю, чуть не угодив в огонь. У него перехватило дыхание. Тулчухеррис отложил трубку в сторону.

- О, помоги мне подняться, помоги мне, зять мой, - позвал Сас.

Тулчухеррис помогла ему подняться, а затем снова села рядом с девочками.

“Мой старый отец, Сас, ” сказала его старшая дочь, “ в чем дело? Ты так долго хотел увидеть мужчину с сильными руками. Почему бы не поговорить сейчас с этим человеком? Ты так долго ждал такого человека”.

Пока они сидели там, Винишуйат сказал: “Брат мой, присмотри за старухой. Она собирается измениться — будь настороже!”

Тулчухеррис был готов. Пожилая женщина ни разу не оглянулась с тех пор, как он пришел. Она сидела неподвижно. Теперь она начала медленно поворачиваться, и Тулчухеррис наблюдал за ней. Он сидел, согнув правую руку пополам, и прежде чем она успела взглянуть ему в глаза, он щелкнул двумя кремневыми ногтями, всадил по одному ногтю в каждый ее глаз и вынул их. Она упала замертво и покатилась в огонь.

Наступила ночь, и Тулчухеррис лег на постель, приготовленную двумя дочерьми Саса. Они заняли свои места, по одному с каждой стороны от него.

Он никогда не доставал Винишуйат, он никогда никому не давал о себе знать. Когда Тулчухеррис лежал на спине, он увидел что-то над своей головой, свисающее с крыши дома. Два обсидиановых ножа были подвешены вместе на очень тонкой веревочке из внутренней коры клена. Тулчухеррис заснул и проспал до полуночи. Тогда его разбудил Винишуйат, который сказал ему: —

“О, брат мой, проснись. Веревка, удерживающая ножи, готова порваться. Проснись, брат мой, проснись!”

Тулчухеррис проснулся.

“Перевернись! перевернись! - сказал Винишуют.

Тулчухеррис обернулся в мгновение ока. В тот же миг ножи упали, ударились о землю прямо у него за спиной и разлетелись на куски, оба ножа сразу.

Это был еще один способ убивать людей. Незнакомые люди всегда крепко спали на этой кровати с дочерьми Саса, были поражены во сне двумя ножами в сердце и умерли в тот же момент.

На следующее утро после того, как упали ножи, Сас поднялся и сказал:

“Вставай, зять мой. У меня здесь небольшая парилка. Я каждое утро хожу туда попотеть, а потом на реку поплавать. Я плаваю в реке каждое утро. Мы попотеем, а потом поплывем”.

Сас пошел вперед, он был первым в парилке. Он развел очень жаркий костер из костей людей, которых он убил, — повсюду были груды этих костей. Тулчухеррис вышел из Саскевила и направился в парилку.

“Итак, брат мой, - сказал Винишуют, когда они оказались рядом в парилке, - это то самое место, где Sas убила многих людей, которые спаслись в этом доме. Он закоптит тебя до смерти, если сможет.

Парилка была построена из костей и снаружи обмазана слизью из носа Саса, чтобы дым не проникал через щели. После того, как Тулчухеррис вошел, он увидел, как Сас разводит огонь. Старик никогда не пользовался дровами, всегда костями. Он навалился на кости; из них вышли жир и костный мозг, вспыхнули, образовался сильный дым, и запах дыма был не из приятных. Немного вспотев, Сас сказал: —

“ Я уже стар и слаб, почти ослеп. Я не могу долго стоять. У меня болит голова. Я должен выйти отдохнуть. Оставайся здесь и хорошенько попотей. Когда закончишь, выходи.

Старый Сас вышел. Дверь была маленькой, он едва мог пролезть через нее. Оказавшись снаружи, он лег поперек двери и перекрыл проход своим телом, чтобы никто не мог выйти и дым не мог вырваться наружу. Через некоторое время Тулчухеррис сказал: —

“Мой тесть, я хотел бы выйти. Отойди от двери, дай мне пройти, я уже достаточно вспотел”.

“О, я стар и слаб”, - ответил Сас. “Я лежу здесь, чтобы отдохнуть. Когда я немного отдохну, зять мой, я встану и выпущу тебя”.

Тулчухеррис помолчал еще немного. Затем он застонал: “О, я почти мертв!”

“Брат мой, ” спросил Винишуют, “ ты хочешь умереть? Ты хочешь, чтобы старый Sas убил тебя, выкурил тебя до смерти? Ты не хочешь умирать, я не хочу умирать. Мы сильные люди, сильнее Sas. Я расскажу тебе, как выйти. Возьми кость чирчихаса, которая у тебя есть, и проделай отверстие в северной стене парилки”.

Тулчухеррис проделал дыру в стене парилки. Затем он сплюнул и заговорил с плевком. “Шумите целый час, - сказал он, - и стоните так же, как я— ‘эх, эх, эх!’ Пусть Sas поверит, что я здесь, что я умираю”.

Тулчухеррис выскользнул через дыру, подошел к реке, искупался там, дочиста вымылся, вернулся в Саскевиль и сел рядом со своими двумя женами, дочерьми Саса. Сас услышал стон плевка внутри и сказал себе: “Тулчухеррис умирает”.

Спустя долгое время шум прекратился, и Sas сказал: “Тулчухеррис мертв”. Затем он пошел к реке, умылся и медленно побрел к дому. Когда он приблизился, то сказал: —

“Тулчухеррис, ты никто. Теперь я покончил с тобой. Я мудрее тебя, сильнее тебя. Ты выросла в фартуке своей бабушки.

Тулчухеррис услышал его. Когда Сас оказался за дверью, он немного постоял и продолжил: —

“Тебя выкопали из земли, Тулчухеррис”, - сказал он. “Ты никто. Я победил тебя. Ты больше никогда не побеспокоишь меня.

Он направился в дом, огляделся и увидел Тулчухерриса, сидящего с двумя своими дочерьми.

“Тесть, ты говорил обо мне? О чем ты говорил? - спросил Тулчухеррис, когда Сас вошел и сел.

“О, мой зять, я не могу сказать, что я сказал, но я думал: ‘О, я такой старый, я ничего не знаю. Я слаб, я слеп. Иногда я не ведаю, что творю. Я думаю, что поступил неправильно по отношению к своему зятю, моему бедному зятю”.

Вскоре после этого Сас вышел и сбоку от двери вырыл могилу для старухи, своей жены. Когда он выкопал яму, он похоронил ее и вместе с ней всех медведей и змей и сказал: “Это мои дети”. Он положил их в одну могилу и плакал, напевая при этом:

“Коки, коки, коки ном,
Коки, коки, коки ном”.
(Ползет, ползет, ползет на запад,
Ползет, ползет, ползет на запад.)

Когда он хоронил свою жену, медведей и змей, у него на затылке и по обе стороны лица на веревочках висели бобровые зубы. Поплакав немного, он стал танцевать и петь, и эти зубы стучали, когда его голова раскачивалась из стороны в сторону. Затем он вошел в дом, сел, посмотрел на Тулчухерриса и сказал:

“Тулчухеррис, ты мой зять; твои жены, эти две женщины, мои дочери. Есть некоторые вещи, с которыми они так давно хотели поиграть, и они умоляли меня пойти за ними, но я стар и слеп; если бы я пошел, я не смог бы получить то, о чем они просят. Моим дочерям нужны домашние животные. Мой зять, на маленьком дереве, недалеко от этого дома, есть гнездо, и в нем каждый день стрекочут молодые дятлы. Вашим женам нужны эти рыжеволосые дятлы, но я слеп и стар; я не могу залезть на дерево, но вы можете достать дятлов. Я покажу гнездо”.

- Давай, - сказал Тулчухеррис, - покажи мне гнездо.

Дерево было в миле от нас. Сас подошел к нему и остановился. Тулчухеррис стоял рядом. Оба посмотрели вверх, и Сас спросил: “Вы видите гнездо?”

Дерево было очень прямым и таким высоким, что они едва могли разглядеть его верхушку; ствол был гладким, как лед.

“Мой тесть, - сказал Тулчухеррис. “Я не думаю, что смогу подняться туда; я не верю, что смогу взобраться на дерево”.

“Ты сможешь взобраться на него, если я тебе помогу”, - сказал Сас, который достал веревку, сделанную из отдельных волос, связанных конец к концу, их было великое множество, связанных вместе, волос с голов его дочерей. Он перекинул веревку очень высоко через ветку рядом с гнездом и сказал: “Теперь, зять мой, я буду держать веревку, а ты лезь”.

Тулчухеррис начал карабкаться по веревке. Он поднимался все выше, пока не достиг ветки и не встал на нее. Сас лежал на земле, держась за другой конец веревки. Когда Тулчухеррис разжал хватку, Сас потянул веревку вниз и оставил Тулчухерриса на ветке очень высоко в воздухе. Сас повернул домой. Когда они были недалеко, он сказал:—

“Теперь, Тулчухеррис, ты никто. Твоя бабушка Номхавена стара. Она выкопала тебя из земли корневой палкой. Ты выросла в ее юбке. Ты не сильная, ты не мудрая, ты всего лишь Тулчухеррис. Я - Sas”.

Когда Тулчухеррис посмотрел вниз, он пришел в ужас, до земли было так далеко.

“Брат мой, ” сказал Винишуйт, “ мы спустимся. Удлини заостренную кость, которая у тебя есть, и поднимись выше”.

Тулчухеррис подошел к гнезду, заглянул внутрь и увидел множество голов, выглядывающих во все стороны, — все головы гремучих змей. Некоторое время он смотрел, не зная, что делать.

“Сделай кость длиннее”, - сказал Винишуйт. Тулчухеррис растянул кость. “Воткни кость в голову каждой змеи и собери их всех на ней”.

Тулчухеррис сделал это быстро; собрал их все; затем снял их и позволил упасть на землю. После этого он сел на ветку и подумал: “Что же мне теперь делать?”

“Брат мой, ” сказал Винишуйт, “ о чем ты думаешь? Почему бы тебе не попытаться что-нибудь сделать? Ты хочешь умереть? Если ты не можешь придумать, как сбежать, я подскажу тебе способ.

- Скажи мне, брат мой.

“Протяни правую руку к западу. Что-нибудь придет на нее”.

Тулчухеррис протянул руку на запад, где находилась его бабушка, и тут же что-то прилетело с жужжанием и трепыханием и уселось ему на руку, как птица. Это была небесная полоска, голубая, как само небо, узкая и очень прочная. Он прикрепил один ее конец к ветке, завязав его таким образом, что мог развязать рывком за другой конец. Он соскользнул на нее и, оказавшись на земле, рывком высвободил. Он нанизал змей на длинную кость, все они были

мертвы, и отнес их в дом Саса. Он поставил их у двери, вошел, сел, а потом сказал двум женщинам:

“ У меня есть дятлы, если ты хочешь поиграть с ними. Если они тебе не нужны, можешь послать своего отца взглянуть на них.

Девушки рассказали Сасу. Он подошел к змеям и закричал: “О, мой зять, ты убиваешь всех моих детей”. Сас похоронил их в могиле старухи и плакал, и пел над ними ту же песню, что и над своей женой и медведями. Потом он танцевал, надев бровные зубы.

На следующее утро старый Сас встал первым и сказал: “Зять мой, вставай. Мои дочери всегда хотели, чтобы я ловил рыбу и охотился; но сейчас я не могу ни ловить рыбу, ни охотиться. Я стар и слаб. У меня подкашиваются ноги, я не могу ходить; голова кружится. Но ты молод, мой зять. Ты многое умеешь. Если захочешь поохотиться, я покажу тебе, где можно найти дичь в изобилии. Когда я был молод, я часто ходил в это место и убивал всевозможную дичь.

“Я пойду”, - сказал Тулчухеррис.

Когда они были на месте, Тулчухеррис увидел только густой кустарник, сквозь который не мог пройти ни один человек. Там был только один узкий проход, одна маленькая тропинка и одно дерево в конце ее. “Встань у того дерева”, - сказал Сас. “Когда приходят олени, они всегда пробегают мимо этого дерева. Я буду загонять оленей. Ты стреляй”.

Sas отправилась на север, чтобы загнать оленей.

“Теперь, брат мой, ” сказал Винушут, “ будь осторожен. Ты видишь кости здесь. Это кости людей. Когда Sas не смог убить людей в другом месте, он привел их сюда и убил. Он пригонит десять медведей гризли, чтобы убить нас и съесть. Скажи своей собаке-пантере, что делать”.

“Ты, мой пес, ” сказал Тулчухеррис, - стой за деревом, пока не увидишь, что медведь гризли бросается на меня. Я увернусь. Он промахнется и снова повернется ко мне. Убей его, когда он повернется.

Тулчухеррис услышал, как вдалеке Sas загоняет медведей. “Ха-ха, хо-хо! Ха-ха, хо-хо! - закричал Сас.

“Будьте готовы, они приближаются!” - сказал Винушут.

Тулчухеррис услышал приближение Сас. Затем он увидел гризли, и еще одного, и еще, пока не стало видно пятерых. Немного позади них стояли еще пятеро. Когда первый медведь приблизился, он прыгнул на Тулчухерриса, Тулчухеррис увернулся. Медведь прошел приличное расстояние, а затем развернулся, чтобы отпрыгнуть назад. В этот момент собака-пантера схватила его за горло и убила. Второй медведь прыгнул на Тулчухерриса. Он увернулся; медведь прошел мимо и повернулся, чтобы вернуться. Собака-пантера схватила и убила его прямо там. Когда он загнал медведей, Сас повернул домой, говоря на ходу: —

“ Сегодня ты в хорошем месте, Тулчухеррис. Теперь ты у меня там, где мои дети убьют тебя. Я знаю больше, чем ты; я сильнее тебя. Я Сас”.

После того, как было убито десять медведей и больше никто не появился, Тулчухеррис немного постоял и, взяв медведей одной рукой за лапы, пошел с ними домой; нес их, как маленьких птичек. Он поставил их у двери Сас, вошел, сел и сказал своим женам:

- У меня есть кое-что снаружи. Ты называешь их оленями, я даю им другое имя. Но это единственный вид оленей, которого твой отец привез мне. Я полагаю, вы едите такого оленя. Пойди и посмотри на них или скажи своему отцу, чтобы он пошел.

Сас вышел и увидел десять мертвых медведей гризли. “О, мой зять, ” воскликнул он, “ ты убиваешь всех моих детей!” Затем, с песнями и слезами, он похоронил медведей.

На следующее утро Сас встал рано. “Мой зять, - сказал он, - я хотел бы, чтобы ты кое-что сделал сегодня. Мои дочери давно просили меня сделать это, но я слишком стар. Я покажу вам домик из кустарника. Я сделал его, чтобы убивать птиц всех видов и всякую дичь. Это недалеко от источника, у которого птицы собираются напиться. Пойдем, я покажу тебе дом и источник.

“Брат мой, будь сегодня осторожен”, - сказал Винишуйт, начиная разговор. “Сас везет нас в Винтубос, где он убил много людей. Поблизости от этого места нет воды, нет родника, но дом полон змей, ядовитых тварей и медведей. Возьми с собой обеих своих собак”.

После того, как Тулчухеррис и Сас отошли на небольшое расстояние, Сас остановился и сказал:
—

“Мой зять, видишь вон тот маленький домик внизу? Войди в него и подожди, пока не увидишь, что приближаются какие-нибудь красивые птицы или дичь, затем убей их. Я вернусь. Я стар и не могу стоять или сидеть здесь и ждать тебя. Я пойду домой и буду лежать, пока ты не придешь”.

Сас отправилась домой.

Тулчухеррис подошел к дому и остановился. Две собаки одним прыжком влетели в дом и убили всех змей и медведей, находившихся в нем. Когда собаки вышли, Тулчухеррис пошел посмотреть на дом и источник. Он увидел повсюду груды костей. Он заплакал, когда посмотрел на них. В источнике не было воды. Это была грязь, густая грязь, смешанная с человеческой плотью. Тулчухеррис посмотрел на восток и вдали увидел открытую равнину. Вскоре он увидел то, что сначала показалось маленьким пятнышком. Оно двигалось. Пока он смотрел, оно приближалось, и он увидел, что это человек. Теперь вдалеке он увидел что-то еще. Первый был невысоким человеком; второй еще меньше. Тулчухеррис увидел, что они бегут к нему. Они приблизились и остановились.

“Не бойся. Подойди ко мне”, - сказал Тулчухеррис.

Старший сказал: “О брат мой, брат мой, я хочу пить”.

“О, брат мой, - сказал тот, что поменьше, - мы очень хотим пить”.

Их волосы были коротко подстрижены. Тулчухеррис отступил на север, ударил каблуком о землю, и в ручье забила чистая, холодная вода. Он выпил сам и сказал: “Иди и выпей”.

Первым из этих незнакомцев был Анакурита (сирота), вторым Бяхори (одинокый мужчина); только эти двое остались из всех людей в тех краях. САС убила всех остальных. “Последний из

наших родственников был убит у этого источника”, - сказали они. “Мы остались одни. Мы возвращаемся домой”.

“Если ты придешь сюда снова, ” сказал Тулчухеррис, “ не подходи близко к источнику у дома. Это плохое место. Выпей этой хорошей воды, которую я тебе дал”.

Эти двое ушли. Тулчухеррис проткнул острым концом своей кости головы змей, которых убили собаки, их были сотни. Десять медведей гризли он нес домой в одной руке.

“У меня есть кое-что снаружи”, - сказал он дочерям Саса. “Вы, кажется, называете их птицами; это все птицы, которых я нашел в домике в кустах. Скажи своему отцу, чтобы он посмотрел на них.

Сас вышел и заплакал. Он расширил могилу своей жены и похоронил их. “Это мои дети”, - сказал он и запел и станцевал, как прежде.

На следующее утро Сас встал рано. “Зять мой, - сказал он, - твои жены просят меня добыть для них рыбы, но я слишком стар. Когда я был молод, я ловил рыбу, но теперь я ничего не вижу. Вы молоды; Я покажу вам хорошее место для ловли форели. Мой старый шест и наконечники копий там; ты можешь ими воспользоваться.

Они отправились в путь и подошли к реке, через которую был перекинут мост, сделанный из одного волоса. “Брат мой, - сказал Винишуйт, - это место, где Sas убила многих наших людей”.

“Мой зять, - сказал Сас, - перейди этот мост и налови рыбы; я пойду домой”.

“Очень хорошо”, - ответил Тулчухеррис, поставил ногу на конец моста и одним прыжком перешел его. На другом берегу он направился к рыбацкой хижине, устроенной так, чтобы человек мог смотреть вверх и вниз по реке во время рыбной ловли. У Тулчухерриса было свое собственное древко для копья, небесный шест; веревка была небесным ремнем. У него тоже был свой наконечник.

Он ждал рыбу и наконец увидел, как что-то медленно приближается с юга. Оно остановилось и посмотрело на него. Тулчухеррис увидел лицо и голову с длинными волосами, стянутыми в узел лентой из скальпов дятлов, длинной лентой, намотанной много раз. Тулчухеррис носил точно такую повязку, но скальпы были из горных дятлов.

“А, шурин мой, - крикнул человек в воде, - давай поменяемся головными уборами”.

“Мне жаль тебя, мой шурин”, - сказал Тулчухеррис. “Мне очень не хочется убивать тебя, но я должен, потому что мой тесть послал меня убить тебя”.

“Давай, давай”, - сказал Винишуйт. “Не щади его. Сас говорит, что он рыба. Это сын Саса, Супчит. Ты должен поймать его или пострадаешь”.

Супчит повернулся, так сказать, чтобы идти обратно. Тулчухеррис метнул шест, пронзив его под мышкой, и острое вошло в другой бок. Супчит с огромной силой бросился на восток. Тулчухеррис держался за копьё одной рукой, другой вцепился в траву туле, собрав всю свою силу. Затем он выпустил копьё и взялся за ремень. Хоть и сильный, он не мог остановить Супчита. Он погрузился в воду по пояс, затем по грудь и, наконец, по подбородок.

“Брат мой, ” сказал Винишуйт, “ты хочешь утонуть? Зови своего суслика, — у него в мокалинах был суслик, — пошли его завалить беглецов, заблокировать все двери в дома Супчита.

Тулчухеррис послал своего суслика заполнить каждую дырочку, все двери Супчита. Теперь Сас был дома. Он услышал шум великой борьбы и сказал:

“О, Тулчухеррис, мой сын прикончит тебя. Это твой последний день”.

Суслик закрывал все отверстия, и Супчит переходил с места на место. Все двери были закрыты. Он должен был остаться. Тулчухеррис мало-помалу выбрался из воды и тянул до тех пор, пока не вытащил Супчита на берег, где тот и умер. Он отнес его домой в одной руке, как маленькую рыбку.

“Мой тесть, - сказал Тулчухеррис, - я не видел никакой рыбы, кроме одной маленькой форели. Я проткнул эту маленькую форель копьём и принес домой”.

Сас вышел; обе сестры ушли. “Это наш брат!” - закричали они. “Это мой сын, - крикнул Сас, - лучший сын, который у меня был”.

Старик похоронил Супчита головой на север, глядя на юг, и спел ту же песню, которую он пел для своей жены и гризли. Сас и его дочери постриглись в знак скорби по Супчиту.

“Зять мой, ” сказал Сас на следующее утро рано, - вставай; я покажу тебе место, где я часто играл, когда был маленьким. Я уже стар и не могу много играть, но я покажу тебе это место и, возможно, немного поиграю с тобой”.

“Я пойду”, - сказал Тулчухеррис, и они двинулись в путь.

“Теперь, брат мой, ” сказал Винишуйт, - мы отправляемся туда, где сам Сас всегда убивал всех, кто ставил его в тупик в других местах. Ни один человек никогда не сбегал из того места, куда вас сейчас ведет Сас. Он отведет тебя к дереву; он попросит тебя взобраться на него; он согнет его и позволит ему снова взметнуться; он убьет тебя, если ты не будешь осторожен”.

Они вышли на очень широкую, ровную равнину; посреди равнины стояла огромная сосна, несколько наклонившаяся набок.

“Мой зять, - сказал Сас, - когда я был маленьким, я часто играл здесь. Сейчас я не могу много играть, но я покажу тебе, как играть”.

“Брат мой, ” сказал Винишуйт, - я скажу тебе, что делать. Теперь Сас сделает все возможное, чтобы убить нас. Не убивай его сегодня; испытывай его, веди за собой, заставляй взбираться все выше и выше на дерево и жди до завтра”.

Сас забрался на дерево на некотором расстоянии и сказал: “Теперь, мой зять, я готов!”

Тулчухеррис ухватился за верхушку дерева, немного потянул ее на себя и отпустил назад. Сас удержался и соскользнул вниз.

“А теперь, мой зять, поднимайся; поднимайся выше. Я поднимался очень высоко, когда был молод, как ты. ” Тулчухеррис отправился туда, где был Сас.

- Поднимайся выше, - сказал Сас.

“Я хотел остаться там, где ты был, - ответил Тулчухеррис, - но я поднимусь немного выше”.

Сас ухватился за верхушку дерева, прижал ее к земле и отпустил. Он взмыл обратно в небо с шумом, подобным раскату грома. Тулчухеррис удержался и невредимым соскользнул вниз.

“Что ж, тесть, - сказал Тулчухеррис, - попробуй еще раз”.

“Я не могу подняться высоко, - сказал Сас, - но я поднимусь немного выше, чем в первый раз. Не тяните дерево сильно”. Он поднялся наверх.

- Поднимайся выше, - сказал Тулчухеррис.

“Мой зять, я не могу подняться выше, я стар”.

Тулчухеррис дразнил его, пока он не поднялся немного выше; затем он дернул сильнее, чем раньше. Сас без труда удержался и соскользнул на землю.

“Теперь, ” сказал Сас, - я замахнусь на тебя”. Тулчухеррис поднялся.

“ Поднимайся выше, ” сказал Сас. Он поднялся выше.

“Поднимайся выше, ты молод”, - убеждал Сас.

“Я не люблю подниматься наверх”, - сказал Тулчухеррис. Но он поднялся немного выше.

Старый Сас сильно дернул, сильнее, чем раньше. Тулчухеррис удержался и благополучно приземлился. Отойдя в сторону, он сказал: “Ух, ух! пусть этот день станет короче!” Итак, день стал короче; скоро наступил вечер.

- Что ж, тесть, теперь попробуй ты.

“Очень хорошо, ” сказал Сас, “ потяни меня немного; мои руки дрожат; я стар. Я не могу держаться, я так слаб”. Старый Сас поднялся.

- Поднимайся выше, - сказал Тулчухеррис.

- Я не могу, я старый.

Тулчухеррис снес верхушку дерева, но не так далеко. Пока он тянул, Сас сказал: “О, мой зять, не затягивай”.

Тулчухеррис дернул так, что Сас остался на дереве, и упал невредимым.

- А теперь попробуй еще раз, - сказал Сас, - и мы отправимся домой.

“Очень хорошо”, - ответил Тулчухеррис.

“Итак, брат мой, - сказал Винишуйт, “ сегодня это в последний раз. Он изо всех сил постарается убить тебя. Спрыгивай, пока он не отпустил дерево.

Тулчухеррис преодолел две трети пути. Сас повалил дерево на землю и подумал, что наверняка убьет Тулчухерриса; но как раз перед тем, как он отпустил его, Тулчухеррис соскользнул у него за спиной и бросился прочь. Дерево взлетело на воздух с шумом сильного грома. Сас огляделся по сторонам, но не смог увидеть Тулчухерриса.

“Теперь, Тулчухеррис, - сказал он, - наконец-то я покончил с тобой. Ты никто, ты мертв”, - и он направился домой, по дороге разговаривая сам с собой.

“Тесть, что ты говоришь, с кем ты разговариваешь?”

Сас изумленно обернулся. “О, мой зять, я рад, что ты здесь. Мы должны идти домой. У нас нет дров, мы должны добыть дрова”.

Тулчухеррис подумал: “Мой тесть хочет убить меня. Завтра я сделаю все, что в моих силах, чтобы убить его. Когда моя бабушка заговорила со мной о Sas, я ничего не знал; я не обращал на нее внимания. Когда она предупреждала меня, я не слушал, я не верил; но теперь я вижу, что она говорила правду, когда рассказывала мне о доме Саса”.

Он встал ночью, повернулся к Sas и сказал: “Ух! ух! Я хочу, чтобы ты, Сас, крепко спал.

Затем он протянул правую руку на запад, к руке своей бабушки, и по ней ударила палка. Он красиво вырезал и раскрасил палку в красный и черный цвета и сделал огненное сверло. Затем он протянул левую руку на восток, и на ней появилось дерево для мокоша (выпрямителя стрел). Он сделал мокош и попросил у собаки-лисы лисью шкурку. Лиса дала ее. Из этого он сделал повязку на голову и покрасил ее в красный цвет. Все эти вещи он положил в свой колчан.

“Мы готовы, ” сказал Тулчухеррис. - А теперь, Пламенный, я хочу, чтобы ты пришел прямо сейчас, пришел быстро.

Рассвело. Сас встал, и вскоре после этого они отправились к дереву.

“Зять мой, я пойду первым”, - сказал Сас и взобрался на дерево.

“Поднимайся выше!” - сказал Тулчухеррис. “Я не буду сильно тянуть, поднимайся выше”.

Он взлетел высоко, и Тулчухеррис не стал сильно тянуть. Sas благополучно приземлился.

Тулчухеррис теперь поднялся высоко, почти на вершину. Сас посмотрел на него, увидел, что он уже почти на вершине, а затем притянул большую сосну почти к самой земле, встав спиной к верхушке дерева. Тулчухеррис спрыгнул за спину Саса и убежал в поле. Дерево с ревом взмыло в небо.

“Теперь ты убит, мой зять”, - сказал Сас. “Впредь ты меня не побеспокоишь!” Он продолжал разговаривать сам с собой и был рад.

- Что ты хочешь сказать, тесть? - спросил Тулчухеррис, подходя сзади.

Сас обернулся. “О, зять мой, я боялся, что причинил тебе боль. Мне было жаль.

“Теперь, брат мой, ” сказал Винишуйат, - Сас убьет тебя, если ты не убьешь его. В полдень он наверняка убьет тебя, если ты не убьешь его. Разве мы не так сильны, как Sas?”

“Тесть, попробуй еще раз; тогда я поднимусь на самый верх и побью тебя”, - сказал Тулчухеррис.

В то утро, когда Сас и Тулчухеррис ушли, старшая дочь Саса сказала своей сестре: —

“Сестра моя, наш отец Сас испытал всех людей и до сих пор побеждал их всех; но сегодня он не победит, сегодня он умрет. Я знаю это; не ищи его сегодня, он не вернется; он никогда не вернется к нам”.

Sas поднялась высоко. “Я убью его сейчас”, - подумал Тулчухеррис, и ему стало жаль; тем не менее он закричал: “Поднимись немного выше; я поднялся выше, в следующий раз я поднимусь на вершину. Я не причиню тебе вреда, поднимись немного выше”.

Сас поднимался все выше и выше, пока, наконец, не сказал: “Я больше не могу карабкаться, я на вершине; не тяни сильно, зять мой”.

Тулчухеррис ухватился за дерево одной рукой, потянул его так далеко, как только оно могло согнуться, потянул, пока оно не коснулось земли, а затем пустил его в полет. Когда дерево устремилось к небу, оно издало ужасный шум, и вскоре после этого раздался треск, в сто раз громче любого грома. Все живые существа услышали его. Все небо и земля содрогнулись. Олельбис, который живет на самом высоком месте, услышал это. Все живые существа сказали:

—

“Тулчухеррис убивает своего тестя. Тулчухеррис расколол Sas”.

Ужасным шумом было разделение Sas.

Тулчухеррис стоял и ждал, прождал, наверное, часа три после того, как земля перестала дрожать: затем высоко в небе он услышал голос, говоривший:

“О, мой зять, я раскололся, я мертв. Я думал, что я самая сильная сила из ныне живущих; но это не так. С этого времени я буду говорить, что Тулчухеррис - величайшая держава в мире”.

Тулчухеррис никого не видел. Он только услышал голос далеко в небе, говоривший: —

“ Мой зять, я попрошу тебя кое о чем. Ты дашь мне свою повязку из лисьей шкуры?

Тулчухеррис сунул руку в свой колчан из лисьей шкуры, вытащил перевязь и бросил ему. Он полетел прямо к Сасу, и тот поймал его. “Теперь ты отдашь мне свой мокош?” Тулчухеррис достал мокош и бросил его. “Дай мне свою пожарную дрель!” Он бросил это.

Теперь слышался другой голос, не такой громкий: “Я бы хотел, чтобы вы подарили мне ободок из белого кварца”. Этот голос был меньшей частью Sas.

Когда Тулчухеррис отдал повязку, он сказал:

“Мой тесть, ты разделен - вас двое. Большей частью вас будет Сас [солнце], меньшей частью Чанал [луна, белая]; и это разделение - это то, в чем вы нуждались долгое время, но ни у кого не было сил разделить вас. Сейчас ты в хорошем состоянии. Ты, Чанал, быстро состаришься и умрешь; затем ты оживешь и снова будешь молодым. Ты всегда будешь таким в этом мире. И, Сас, ты будешь постоянно путешествовать на запад, путешествовать каждый день, не пропуская ни одного дня; ты будешь путешествовать день за днем, не отдыхая. Ты увидишь все вещи в мире такими, какими они живут и умирают. Мой тесть, прими и это от меня”.

Тулчухеррис бросил Сасу колчан из кожи дикобраза.

“Я возьму это, - сказал Сас, - и всегда буду носить с собой”.

Затем Тулчухеррис отдал Чаналу кварцевую повязку и сказал:

“Всегда носи это на голове, чтобы, путешествуя ночью, тебя видели все люди”.

Сас накинуд на голову лисью шкуру и закрепил мокошь крест-накрест перед лбом. Огненное сверло он закрепил в волосах сзади, поставив их вертикально. На восходе солнца мы видим волосы из лисьей шкуры вокруг головы Саса, прежде чем видим самого Саса.

Следующим Тулчухеррис бросил две красные ягоды, сказав:—

“Возьми это и сделай красные щеки на каждой стороне своего лица, чтобы, когда ты встанешь утром, ты была сияющей и все вокруг было ярким”.

Тулчухеррис пошел на запад и набрал с горы несколько белых корней, бросил их Сасу и сказал: “Приложи это ко лбу”.

Затем он протянул правую руку на запад, и на его ладони появились две большие раковины, синие внутри. Он бросил их Сасу и сказал: —

“Приложи это ко лбу в качестве знака, когда проснешься утром. На востоке есть место, которое все в огне. Когда доберешься до того места, зайди и согрейся. Сейчас же отправляйся в Олельпанти. Там живет Олельбис, твой отец. Он скажет тебе, куда идти.

Сас отправился в Олельпанти, где нашел замечательную и очень большую парилку. Было уже под утро, и Олельбис лежал, укрывшись одеялом. Во сне он услышал шум, а когда проснулся, то увидел кого-то рядом с собой. Он знал, кто это был. Сас повернулся к нему и сказал: —

“Отец мой, я раздвоен. Я считал себя самым сильным человеком в мире, но это было не так. Тулчухеррис самый сильный”.

“Ну, сын мой Сас, - спросил Олельбис, - где ты хочешь быть и как ты хочешь жить?”

“Я пришел спросить тебя”, - ответил Сас.

“Что ж, - ответил Олельбис, - тебе придется все время путешествовать, и лучше, если ты поедешь с востока на запад. Если вы отправитесь на север и поедете на юг, я не думаю, что это будет хорошо. Если вы отправитесь на запад и поедете на восток, я тоже не думаю, что это будет хорошо. Если вы отправитесь на юг и отправитесь на север, я не думаю, что это будет правильно.

“Я думаю, это лучшее, что сказал тебе Тулчухеррис. Он сказал тебе идти на восток и двигаться на запад. Он сказал, что на востоке есть жаркое место, что вы должны заходить в это место и прогреваться каждое утро, прежде чем отправиться в путь. Я покажу вам дорогу с востока на запад. В одном месте прямо к югу от этого растет очень большое табачное дерево, как раз на полпути между востоком и западом. Когда вы придете с востока, сядьте в тени этого дерева, отдохните несколько минут и идите дальше. Никогда не забывайте свой колчан в виде дикобраза или другие украшения, когда путешествуете.

“Подъезжая с востока, вы увидите густой кустарник вдоль дороги с обеих сторон. В этом кустарнике живут медведи гризли, ваши дети. Будьте осторожны с ними; они убили бы вас, если бы могли. Проходя мимо, пусть ваш дротик дикобраза коснется кустов; это отпугнет медведей.

Когда вы отправитесь далеко на запад, к великой воде, прыгните в нее; все будут называть это место Сасунлуастон. Никто в мире вам не поверит, кроме Седит. Вы с Седит хотите, чтобы все умерло, когда состарится. Отправляйтесь на восток; каждое утро отправляйтесь в жаркое место. Там всегда горит огонь. Возьми посох из белого дуба, сунь конец этого посоха в огонь, пока он не превратится в один тлеющий уголек. Когда ты отправишься на запад, держи этот горящий посох в руке. Летом возьмите палочку мансаниты; положите ее в огонь и сожгите с конца. Эта палочка будет раскаляться докрасна весь день.

Теперь ты можешь отправиться на восток и начать. Ты будешь путешествовать все время, день за днем, без остановок. Все живые существа будут видеть тебя с твоим светящимся посохом. Вы увидите все на свете, но всегда будете одиноки. Никто никогда не сможет составить вам компанию или путешествовать с вами. Я твой отец, а ты мой сын, но я не мог позволить тебе остаться со мной.

СЕДИТ И ДВА БРАТА ГУС

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя зверя, птицы или предмета, в которые впоследствии превратился персонаж.

Докос, кремень; **Хус**, канюк-индюк; **Клак**, гремучая змея; **Седит**, койот; **Вима**, медведь гризли.

В Олельпанти жили два брата Хус, и Олельбис отвел им место в своей парилке. И вот, когда Олельбис решил низвести все сущее на землю, люди в Олельпанти заговорили:

Что нам теперь делать? Что будет с миром? Докос Херит, Клак Лоймис и Вима Лоймис поступили неправильно. Они злы и думают о плохих вещах. Они создадут проблемы”.

“ Пойдемте в парилку, вы, мой народ, ” сказал Олелбис, “ и поговорим. Скажи, что, по твоему мнению, лучше всего сделать.

Все, кто был в то время в Олельпанти, отправились в парилку, где проговорили пять ночей и пять дней. На шестое утро Олельбис позвал двух братьев Хус и сказал:

“У меня есть для тебя отличная работа. Спустись в Цараухерил, где первое дерево. Прямо там из земли поднимутся люди, и они скоро придут. Немного выше этого места вы, два брата, должны взяться за работу и проложить каменную дорогу от земли сюда, к Олельпанти. Вы найдете камни и сложите их плотно. Сделайте здание очень прочным. Сама дорога будет похожа на ступени, одна выше другой. Когда вы построите половину пути до Олельпанти, вы создадите место, в котором люди смогут провести ночь. Налейте туда хорошей воды. Когда вы закончите всю дорогу, люди выйдут из-под земли, и когда они выйдут, они будут ходить по земле повсюду, и жить, и стареть. Когда они состарятся, они могут пойти к началу проложенной вами дороги и

подняться по ступенькам. Когда они доберутся до воды, которая находится на полпути, они напьются из нее, отдохнут одну ночь, а на следующий день отправятся дальше, пока не придут сюда, в Олельпанти.

“ Я поставлю в этом конце два источника воды: в одном они будут купаться, в другом - пить. Если старик поднимается вверх, он напьется воды на полпути, он напьется и почувствует себя лучше, а когда он достигнет этого конца и подойдет к здешней воде, он искупается в одном источнике, напьется из другого и выйдет молодым, свежим и сильным. Если придет пожилая женщина, она напьется, искупается и выйдет молодой девушкой. Тогда они снова спустятся на землю молодыми и здоровыми. Когда они состарятся во второй раз, они поднимутся, снова будут пить и мыться, и снова станут молодыми; и так будет всегда. Никто не умрет. Ни у одного мужчины не будет жены, ни у одной женщины не будет мужа; все будут как братья и сестры. Когда деревья вырастут большими, которые сейчас маленькие, у них не будет ветвей, кроме как на верхушке, и у желудей на этих деревьях не будет скорлупы. Они будут готовы к употреблению без шелухи или раскалывания, и так будет на всех деревьях — на желудях не будет шелухи или скорлупы; никому не нужно будет карабкаться; орехи упадут, готовые к употреблению ”.

Когда Олельбис закончил говорить, он отослал двух братьев. “Теперь идите, - сказал он, - и идите той большой дорогой”.

Два брата вздрогнули. Они спустились в Сономай, огляделись и сказали: —

“Это должно быть то место, о котором нам говорил Олельбис. Это должно быть то место, где мы должны работать: мы начнем отсюда”.

“Брат мой, ” сказал старший Хус, “ я принесу тебе камни, много камней, больших камней. Ты соберешь их вместе, разложишь по порядку и сделаешь стены”.

Они приступили к работе. В первый же день они насыпали дорогу высотой с большой дом. На следующий день они копали весь день; сделали дорогу высотой с высокое дерево. На третий день она была очень высокой; на четвертый еще выше. Она поднималась очень быстро. Братья работали хорошо и обладали огромной властью. Здание уже было самым большим из когда-либо виденных на этой земле. На пятый день едва можно было разглядеть верхушку. На шестой день он коснулся облаков.

Незадолго до полудня шестого дня два брата увидели что-то движущееся с юго-запада. Когда оно приблизилось, они увидели человека с мемпаком на шее. На нем была повязка из шкуры выдры, колчан из шкуры выдры и шкура седита, которую он носил как пальто. На нем были лосины из оленьей кожи, украшенные кобалусом, а его рубашка была набита кобалусом острым концом наружу. Он был красиво одет. Когда этот человек приблизился, он наблюдал за работой двух братьев. Они не заговорили с ним.

Это был Седит. Наконец он сказал:—

“Внуки мои, прекратите работу; отдохните немного; подойдите и расскажите мне, что вы делаете. Подойдите и посидите немного здесь со мной, и мы поговорим. Когда приезжает дядя или дедушка, люди всегда прекращают работу и разговаривают со своим родственником”.

Братья ничего не ответили; продолжали свою работу; не обращали внимания на Седита.

“Внуки, - снова сказал он, - остановитесь ненадолго; подойдите и поговорите со мной; расскажите мне, что вы делаете. Я хочу учиться, приходите и расскажите мне, что вы знаете; отдохните немного. Я мог бы рассказать вам кое-что получше того, что вы знаете. Возможно, вы думаете, внуки, что я ничего не знаю. Подойди и сядь, и я скажу тебе кое-что мудрое. Если ты не придешь, я испорчу твою работу. Я уничтожу то, что ты делаешь”.

Когда два брата услышали это, они испугались; они подумали, что он может повредить их работе, и пришли. Спустившись на землю и подойдя к Седиту, они спросили:

“ Какой дорогой ты пришел, дедушка? Где ты живешь?

“Внуки мои, - сказала Седит, - я приехала из места, расположенного не очень далеко отсюда. Я ходила вокруг, чтобы посмотреть, смогу ли я что-нибудь увидеть. Вчера вечером я слышал, как люди говорили о тебе. Они сказали, что вы прокладываете дорогу, и я подумал, что мог бы приехать сюда, чтобы посмотреть на вашу работу и поговорить с вами”.

“Очень хорошо”, - сказали братья. “Эта работа, которую мы делаем, не для нас. Она для других. Возможно, вы думаете, что эта работа для нас; это не так, она выполняется по приказу другого. Эта работа для Олелбиса. Олельбис послал нас сюда, чтобы проложить эту великую дорогу.

“ Что?! - воскликнула Седит. - Ты работаешь на Олелбиса? Он послал тебя сюда, чтобы сделать это? Он сказал вам проложить эту дорогу, и вы пришли сюда, чтобы проложить ее для него, внуки мои? Вы верите тому, что Олелбис говорит вам? Вы верите тому, что он говорит другим людям? Ты возражаешь против него и работаешь на него? Я не верю в Олелбиса. Я не верю тому, что он говорит, мне все равно, что он говорит.”

“Мой дедушка, ” сказал старший Хус, “ подожди, перестань болтать. Мне не нравится слышать от вас такие слова, мне не нравится слышать, как вы говорите в таком тоне. Я собираюсь рассказать вам, зачем проделана вся эта работа, зачем проложена эта дорога. Я тебе ничего не говорил.

Седит села и сказала: “Ну, рассказывай. Я рада слышать то, что ты говоришь. Я рад слышать, почему вы прокладываете эту дорогу”.

Старший брат начал: “Олелбис говорит, что скоро на эту землю придут новые люди, что они будут жить и странствовать, а через некоторое время состарятся. Когда они состарятся, они придут на эту дорогу, чтобы отправиться в Олельпанти и снова стать молодыми. Когда они пройдут половину пути, наступит вечер. Они будут пить воду из источника и проведут там ночь. На следующий день они отправятся дальше и вечером будут в конце пути — в Олельпанти, где живет Олельбис. Они найдут там воду. Они будут пить из одного источника и купаться в воде другого. Когда они выйдут, они будут молоды. На следующий день они спустятся на половину пути, напьются воды, пробудут там одну ночь, затем спустятся на землю и будут такими же молодыми и свежими, какими были вначале.

“Ни у одного мужчины не будет жены, ни у одной женщины - мужа. Они будут друг для друга как братья и сестры. Это то, чего хочет Олельбис, и потому, что он этого хочет, он послал нас проложить эту дорогу. Когда построят дорогу в Олельпанти, где живет Олельбис, эти деревья вокруг, которые сейчас маленькие, станут большими. Они вырастут и будут очень высокими. У них не будет конечностей, кроме тех, что ближе к вершине, где ветви будут заканчиваться. На

этих ветвях вырастут желуди, но на желудях не будет скорлупы. Все они будут готовы и пригодны в пищу. Люди, которые должны выйти из земли, не смогут взобраться на эти деревья, да им и не нужно будет карабкаться, потому что желуди будут падать, и люди будут подбирать их и иметь вдоволь еды без работы, без хлопот”.

Седит выслушал и посмотрел на старшего брата Гуса. Затем он повернулся к младшему Гусу и насмешливо сказал: —

“Ху! Ты веришь всему этому? Ты думаешь, что каждое слово Олелбиса - правда? Ты думаешь, это мудро? Как вы думаете, это хорошо? Теперь, внуки мои, подождите немного, и я вам кое-что скажу. Тебе следовало бы знать, что такому старому человеку, как я, есть что сказать, что он знает что-то мудрое. Я должен сказать тебе кое-что, что лучше всего этого. Я расскажу вам, что это такое. Я расскажу вам сейчас. Предположим, старик идет по этой дороге в полном одиночестве, пьет из одного источника, купается в другом и спускается вниз молодым. Он будет совсем один, таким же, каким был, когда поднимался наверх”.

“Предположим, пожилая женщина и старик поднимаются наверх, уходят одни, друг за другом, и возвращаются одни, молодыми. Они будут одиноки, как и прежде, и состарятся во второй раз, и снова поднимутся наверхи вернутся молодыми, но они будут одиноки, точно так же, как и вначале. Им нечему будет радоваться на земле. У них никогда не будет ни друзей, ни детей; у них никогда не будет никаких развлечений в этом мире; им никогда не останется ничего другого, как идти по этой дороге старыми и снова возвращаться молодыми.

А теперь, внуки мои, я расскажу вам кое-что получше, и вам понравится то, что я вам скажу. Мне это нравится, потому что это хорошо. Я собираюсь сказать кое-что более мудрое, чем все, что Олельбис вам уже сказал. Будет лучше, намного лучше, если у деревьев будут ветви до земли, а на желудях будет шелуха. Когда у деревьев ветви доходят до земли, человек может взобраться на них, взять в руку длинную палку и сбивать желуди на землю. Другие придут под дерево и соберут их. Когда падают желуди, женщины подпрыгивают и говорят: ‘О! о!’, смеются, разговаривают, радуются и чувствуют себя хорошо. Я думаю, так лучше. Люди могут принести желуди домой и положить их на землю. Тогда они скажут: ‘Пойдем, очистим эти желуди’. Мужчины и женщины пойдут, сядут и будут чистить желуди. Делая это, они будут бросать друг в друга шелуху взад и вперед. Они будут веселиться, смеяться, будут довольны и почувствуют себя хорошо. Я думаю, что так лучше; Я знаю, что вам это понравится.

Кроме того, что люди будут есть, если ничего не умрет? Олени не умрут, рыба не умрет; пришедшие люди не смогут их убить. Что они будут есть? Им нечего будет есть, кроме желудей.

“Я думаю, что женщинам и мужчинам — молодым мужчинам и молодым женщинам — лучше жениться, жить день и ночь друг с другом. Когда они встанут утром, мужчина будет работать на женщину, женщина будет работать на мужчину, и они будут помогать друг другу. Я думаю, что так будет лучше. Если у мужчины есть жена, он будет ловить рыбу и убивать оленей, он принесет их и даст своей жене приготовить. Она приготовит их, и оба будут есть. Я думаю, что это правильный путь. Если люди живут таким образом, и у женщины есть ребенок, ее соседи скажут: ‘Вон там чудесный ребенок’, и они пойдут посмотреть на него, и скажут: ‘Какой чудесный ребенок у этой женщины!’ Я думаю, это лучше всего, что рассказал вам Олелбис.

“Когда этот ребенок вырастет и вырастет еще один ребенок, они станут мужчиной и женщиной, и эти двое поженятся и сами заведут детей, и таким образом, всегда будет много людей; новых

людей, молодежи. Когда мужчина состарится, он умрет; когда женщина состарится, она умрет. Когда они умрут, другие пойдут и расскажут об этом своим соседям, и скажут: 'Вон там умерла женщина' или 'Здесь умер мужчина. Они похоронят его завтра. Тогда все люди будут готовы помочь родственникам умершего человека; они будут плакать, родственники умершего человека будут плакать и скорбеть. Я думаю, так будет лучше. Когда человек умирает, его ближайшие родственники очень коротко подстригают волосы, красят лицо в черный цвет; и когда люди видят, что кто-то из них приходит или уходит, они говорят: 'Его отец умер', или 'Его жена умерла', или 'Его мать умерла', и они будут говорить об этом человеке и его умершем отце, или умершей матери, или умершей жене, и говорить: 'Бедняга, он потерял своего отца, или свою мать, или свою жену'. Я думаю, так будет лучше.

“Когда старая женщина умирает, она оставляет дочь, и у этой дочери будет дочь, или старик умирает, он оставляет сына, и у этого сына будет сын. Когда мужчины и женщины состарятся, они умрут, и их места займут молодые люди. Я думаю, что это правильный путь. Я думаю, что это лучший способ. Все живые существа должны идти этим путем, — все должны стареть, а затем умирать. Когда новые люди приходят на эту землю, они должны идти этим путем. Когда эти люди придут и будут жить повсюду на этой земле, они будут умирать разными способами — они будут сражаться друг с другом и умрут; когда деревья состарятся, они умрут и упадут; все умрет подобным образом.

“Когда человек умирает, его друзья надевают на него мемпак, вроде того, что у меня на шее, и повязку из шкуры выдры на голове, и дают ему колчан, одевают его, а затем предают земле. Когда человек идет в какое-то место, медведь гризли может поймать и убить его, или гремучая змея укусит и убьет его, а когда люди дерутся, они используют кремь и убивают друг друга. Люди будут злиться и драться. Когда будет собрание, кто-нибудь прибежит и скажет: 'Люди вон там дерутся'. Те, кто внутри, поспешат посмотреть, найдут убитого человека и скажут: "Хороший человек убит"; тогда они накажут других за его убийство".

Братья сидели молча.

“Что ж, внуки мои, ” продолжала Седит, - я знаю, что то, что я вам говорю, верно. Что вы об этом думаете?”

Братья сначала ничего не сказали. Они думали, думали. Через некоторое время старец посмотрел на Седит и сказал: —

“Я думаю, то, что ты говоришь, лучше. Я думаю, что это правильно. Я полагаю, что это правда. Я считаю, что ты достаточно взрослый и должен знать. Я думаю, что вы правы”.

“Дедушка, - сказал младший брат, - хотел бы ты тоже умереть, как другие, и лежать в земле, и больше не подниматься; никогда не ходить с повязкой из шкуры выдры на голове, красивым колчаном за спиной и прекрасными вещами, такими, как на тебе сегодня?” Вы хотите, чтобы умирали другие; вы хотите смерти во всем мире. Что бы вы сказали, если бы вам пришлось умереть самому? Вы хотите, чтобы все грядущие люди умерли, и все живые существа в будущем умерли и ушли отсюда. Олелбис не хочет, чтобы кто-то умер, но вы хотите, чтобы все живые существа на этой земле умерли. Ты хочешь испортить всю работу, ради которой Олельбис послал нас сюда.

Когда младший брат сказал это, они оба встали и отошли немного в сторону, и Седит сказал: —

“Внуки мои, возвращайтесь, возвращайтесь. Мы еще не закончили разговор. Мы должны поговорить еще. Мы поговорим об этом снова. Возвращайтесь, внуки мои, возвращайтесь”.

Но два брата не повернули назад; они шли дальше, всегда шли на восток, ничего не говоря. Через некоторое время они повернулись и пошли туда, куда вела их дорога. Они вытащили несколько больших камней, и вся дорога рухнула на землю.

Затем оба брата взлетели и некоторое время кружили вокруг. Они поднимались все выше и выше, пока, наконец, не исчезли и не направились к Олельпанти.

Седит увидел, как они взлетели, и смотрел им вслед, пока они не исчезли. Он долго стоял, оглядываясь по сторонам. Наконец он сказал: —

“Что же мне теперь делать? Лучше бы я всего этого не говорил, лучше бы я не говорил так много. Лучше бы я ничего не говорил”.

Он стоял там и продолжал повторять: “Что мне теперь делать? Я сожалею. Почему я так много болтал? Он спросил меня, хочу ли я умереть. Он сказал, что всем здесь, на земле, придется сейчас умереть. Так сказал Гус. Я не знаю, что делать. Что я могу сделать?”

Он огляделся и нашел растение с длинными широкими листьями, дикий подсолнух. Он нашел это растение в большом количестве и сорвал с него много листьев. Он снял всю свою красивую одежду, отбросил ее в сторону, затем воткнул листья в свое тело, по всей длине ног, туловища и рук, и сказал:

“Теперь я поднимусь в Олельпанти. Я не собираюсь оставаться здесь, внизу, где умирают люди. Я иду туда, куда пошли братья Хас”.

Он сделал хвост из листьев; затем он поднялся и летал все вокруг и вокруг, поднялся довольно высоко; листья начали сохнуть и ломаться один за другим. Через некоторое время Седит, кружась все вокруг и вокруг, с огромной силой рухнул, ударился о землю и был разлетелся на куски.

Братья Хус подошли к Олельпанти. Олельбис сказал: —

- На юге, недалеко от парилки, есть скалы; иди туда и оставайся.

Олельбис посмотрел вниз и увидел Седита, пытающегося долететь до Олельпанти; он видел, как тот упал.

“Это его собственная вина”, - сказал Олелбис. “Седит умирает первым, убитый своими собственными словами; после этого все его люди будут падать и умирать, и их будут находить мертвыми на обочинах дорог и в местах, где проходят люди. Люди, которые придут, увидят их там”.

Название места, где была разрушенная дорога, - Сономай.

Наш народ винту говорит, что с тех пор, как белые люди поселились в этой стране, они растаскивали камни, сложенные братьями Хас. Они увезли их за целых пятнадцать миль, чтобы построить дымоходы.

ХАВТ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя зверя, птицы или предмета, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Чирчихас, горная белка (красная); **Хандокмит**, полосатая змея; **Хау**, рыжая лисица; **Ястреб**, угорь; **Хус**, канюк; **Канхалас**, ласка; **Каркит**, ворон; **Кинус**, лесной голубь; **Кирю**, гагара; **Лутчи**, колибри; **Мемтулит**, выдра; **Муропе**, бычья змея; **Номхавена**, --; **Ноп**, олень; **Паткилис**, кролик джек; **Патит**, пантера; **Седит**, койот; **Тихелис**, суслик; **Цайк**, голубая сойка; **Царарок**, зимородок; **Цароки Сакал**, коричнево-зеленая змея; **Цил**, черный медведь; **Цилеу**, желторогий молот; **Цуди**, мышь; **Тунлуча**, лягушка; **Вайда Дикит**, форель Долли Варден; **Вайда Веррис**, Полярная звезда; **Вай Хау**, серебристо-серая лисица; **Вайти**, северная сторона; **Ватвут**, горная сойка; **Вима**, медведь гризли; **Ипокос**, черная лисица.

На южной стороне Богемского Пуюка находится небольшая гора под названием Теде Пуюк. Недалеко от этой небольшой горы жила Вайда Дикит Кимила. Он жил совсем один, без соседей. Рядом с его домом не было ни одного. Он долго жил в этом месте, думая, что для него лучше сделать, думая, думая. Через некоторое время он подумал: “Лучше всего было бы построить парилку”.

Он построил парилку примерно в миле к западу от того места, где жил. Закончив, он взял что-то вроде красной земли и выкрасил снаружи восточную половину дома в красный цвет. Западную половину он выкрасил в зеленый цвет краской, сделанной из листьев кустарников. После того как он покрасил западную половину, все виды кустарников, листья которых он использовал для рисования, росли с этой стороны парилки.

Теперь парилка была готова к использованию, и Вайда Дикит отправилась навестить человека по имени Цароки Сакал, который жил дальше на юг.

“Внук мой, ” сказала Вайда Дикит, - я бы хотела, чтобы ты приехал и остался в моем доме. Мне некому составить компанию. Я бы хотел, чтобы ты переехала и жила со мной”.

“Я пойду с тобой”, - сказал Цароки и ушел жить к старику.

Вайда Дикит не рассказал Цароки о парилке, он отвел его в старый дом. Через две или три ночи Вайда Дикит сказала: "

“Внук мой, что нам делать? Что бы ты хотел сделать? Что будет лучше для нас? Мы должны о чем-то поговорить. Нам должно быть о чем поговорить. Нам должно быть что сказать”.

“Что ж, - сказал Цароки, - я думаю, что ты хочешь как лучше; ты хочешь увидеть кого-нибудь, увидеть что-нибудь. Я думаю, это то, чего ты хочешь. Думаю, я знаю, чего ты хочешь. Лучший способ получить то, что ты хочешь, - это построить парилку ”.

“ Это мудрые слова, внук мой, мне приятно их слышать. Я построил парилку - все готово.

- Где это? - спросил Цароки.

“Я скоро покажу это тебе”, - ответила Вайда Дикит.

Заложив руку за спину, он взял маленькую корзинку, большим и указательным пальцами набрал желтой краски и провел желтую полосу от головы Цароки по его спине. Молодой человек был весь зеленый; теперь у него была желтая спина. Затем Вайда Дикит взяла сетку, сплетенную из волокон травы, похожую на женскую сетку для волос, и надела ее на голову Цароки. “Теперь ты готов”, - сказал он. Затем он вывел его из дома и сказал, указывая на запад:

“Смотри! Вот и наша парилка. А теперь, внук, я отведу тебя в этот дом. Восточная сторона выкрашена в красный цвет. Когда мы будем там, не подходите близко к парилке с этой восточной стороны; проходите мимо, но не слишком близко, немного в стороне. Когда мы войдем, я займу восточную половину и останусь в ней; ты возьмешь другую половину и останешься на западной стороне, где есть зеленая краска. Вот где ты должен лежать, на зеленой стороне”.

Они тронулись. Старик пошел впереди. Когда они вошли, Вайда Дикит занял восточную половину дома, а Цароки - западную. Молодой человек сел, и тогда Вайда Дикит взяла трубку, которая была в парилке.

“Внук мой, - сказал он, - ты найдешь трубку прямо там, на твоей стороне дома, и мешочек табака. Можешь курить, если хочешь”.

Цароки взял трубку, посмотрел на нее, и она ему очень понравилась. Эта трубка была от Вай Хола Пуук. Когда он втянул дым и выпустил первую струйку, весь дом был заполнен так, что в нем ничего не было видно. Вайда Дикит высунул голову за дверь. Снаружи повсюду был дым. Он ничего не мог разглядеть. Затем он обернулся и сказал: —

“Внук мой, ты хороший человек. Ты сильный человек. Ты хорошо куришь. На первый раз хватит.” Если он сделает это снова, — подумал старик, - в этом мире ничего не будет видно; все покроется дымом; и он сказал: “Ты сильный человек; на этот раз этого достаточно”.

“Хотел бы я знать, почему он говорит: ‘Этого достаточно’. Что он хочет со мной сделать?” - подумал Цароки. “Может быть, он каким-то образом испытывает меня”.

“Внук мой, - сказал старик через некоторое время, - я хотел бы кого-нибудь увидеть; я хотел бы что-нибудь увидеть, повидать людей; я хотел бы повеселиться и посмотреть на какие-нибудь игры”.

“Я бы тоже хотел их увидеть”, - ответил Цароки. - “Я бы хотел их увидеть, мой дедушка. Ты старше меня; если ты скажешь мне, что делать, я это сделаю”.

- Внук мой, ты умеешь на чем-нибудь играть?

“Я бы хотел поиграть, если бы ты научил меня”, - сказал Цароки.

Старик сунул руку за спину, в корзину с вещами, достал флейту и отдал ее Цароки, который быстро взял ее, он был так рад. Он сел, скрестив ноги, и не успел он дунуть во флейту, как только прикоснулся к ней губами, как раздались прекрасные звуки.

Молодой человек обрадовался, необычайно обрадовался. Старик, который сидел и смотрел на него, спросил:

- Как тебе нравится играть на флейте, внук мой?

“Мне это очень нравится”, - сказал Цароки.

“Я рад слышать, как ты играешь, мой внук; я рад, когда ты делаешь что-то хорошее. Когда я был молодым, я говорил хорошие вещи, я делал хорошие поступки. Теперь, внук мой, подумай, чем бы тебе больше всего хотелось заниматься”.

“Я бы хотел услышать что-нибудь приятное, послушать музыку, услышать красивые звуки”.

После того, как он взял флейту, Цароки не спал; он играл без остановки три дня и три ночи; потом он остановился и спросил:

“Что это за флейта? Из чего она сделана? Она звучит так сладко”.

“Внук мой, я скажу тебе; эта флейта сделана из дерева, из ольхи. Это ольховая флейта, но дерево - кости людей. Давным-давно жили люди, и это ольховое дерево выросло из их костей. Внук мой, ты хотел бы, чтобы с тобой был другой молодой человек, или ты хочешь побыть один? Я думаю, для тебя было бы лучше, если бы у тебя была компания.

“Дедушка, я бы хотела, чтобы со мной был другой мужчина; я могла бы поговорить с ним. Тогда я могла бы жить приятнее”.

“Внук мой, чтобы увидеть другого молодого человека, ты должен отправиться на запад; ты должен отправиться посреди ночи, когда очень темно, чтобы никто тебя не увидел. Внук мой, тебе лучше уйти сегодня вечером”.

“Куда? В какую сторону ты хочешь, чтобы я пошел, дедушка?”

“Иди отсюда на запад, подальше; ты отправишься, когда стемнеет; ты доберешься туда в темноте. Ты пойдешь туда, где живет старуха Номхавена Покаила: она твоя бабушка. Когда ты пойдешь к ней домой, спроси ее о своем брате; она скажет тебе, где он.

“Дедушка, я не верю, что смогу найти ее дом. Я не знаю, что это за дом”.

“Ты не можешь пропустить это, мой внук. Ночь будет очень темной; никто ничего не сможет увидеть, но ты не можешь пропустить дом. Это маленький дом; никто не может его увидеть, но вы не можете его не заметить. Вы пойдете туда очень быстро, хотя это далеко отсюда и ночь темная”.

Затем старик показал ему небольшую песчаную тропинку; она была яркой, точно луч света в темноте, хотя и очень узкой, толщиной с волос, и кругом была темная ночь. Старик проложил этот след намеренно.

Цароки вздрогнул и увидел тропу прямо перед собой; он преодолел ее так же быстро, как стрела вылетает из лука. Он двинулся дальше, и в конце тропы, прямо на самой тропе, стоял маленький домик из коры. Он вошел в этот дом и увидел старую женщину, лежащую там спиной к огню; она спала с южной стороны. Он вошел и встал с северной стороны. Тогда он сел и сидел так некоторое время, когда старуха проснулась, повернула лицо к огню и увидела кого-то напротив.

Она встала, помешала в камине, чтобы развести огонь, посмотрела на молодого человека и сказала:

“Я вижу там какого-то человека; кто это?”

“Моя бабушка, я Цароки Сакал. Я пришел, потому что мой дедушка, Вайда Дикит, послал меня повидаться с вами, чтобы вы могли рассказать мне о моем брате. Я хотел бы знать, где живет мой брат. Я пришел повидать своего брата и поговорить с ним”.

“ Очень хорошо, внук, я расскажу тебе. Он живет вон там, на западе.

Как только она закончила говорить, Цароки встал и направился на запад. Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел большое пространство, на котором сидело великое множество людей. В помещении было темно, но люди могли видеть друг друга. Цароки увидел всех и внимательно огляделся. Он увидел, что все были за работой, кроме одного человека, который сидел всередине на хорошем месте. Он долго смотрел, не зная, что делать, потому что Вайда Дикит сказала ему:

- Ты не должен сообщать никому, кроме своего брата, почему я послал тебя, и скажи ему, чтобы он не рассказывал другим.

Никто из присутствующих не видел Цароки, и он подумал: “Я не знаю, как мне пойти к своему брату, не поставив никого в известность”. Наконец он решил, что делать. Он спустился под землю, где сидел, и вынырнул прямо перед великим человеком, своим братом.

Люди выделывали шкуры, делали наконечники для стрел и доводили их до конца. Все были за работой, кроме человека посередине. Цароки подошел к нему и прошептал: "

“Брат мой, я пришел за тобой. Мой дедушка послал меня попросить тебя пойти к нему и никому не говорить”.

“ Это хорошо. Я пойду. Давайте начнем.

Это было все, что он сказал. Этим крупным мужчиной был Хоут. Цароки захватил с собой флейту, но не мог ею воспользоваться, потому что должен был сохранить свое путешествие в тайне и не дать себя увидеть; флейту он прятал подмышкой.

- Пойдем, - сказал Хоут. - ты иди вперед.

Цароки ушел под землю, вышел оттуда, где сначала сидел, а потом пошел в дом старухи, своей бабушки. Хоут встал, чтобы собраться в дорогу. Люди продолжали работать. Все они были из народа Хоут, и большой человек был их вождем.

Хоут оделся и взял лук со стрелами. Когда все было готово, он повернулся и сказал: —

- Народ мой, я собираюсь покинуть вас и отсутствовать два или три дня, возможно, дольше.

Это было все, что он сказал; он не сказал, куда идет и зачем. Он ушел и направился к дому Номхавены, где его ждал Цароки. Братья посидели совсем немного, когда старуха сказала им:

“Теперь, внуки мои, вы должны идти; вы должны быть у Вайды Дикит до рассвета; вы должны путешествовать, пока темно, мы не хотим, чтобы другие люди знали о вашем путешествии. Идите. Я буду в этом доме, но услышу все, что происходит у вас дома.

Они оставили старуху и добрались до дома Вайды Дикит засветло. Старик уже встал и стоял у огня посреди парилки, расчесывая свои рыжие волосы, которые касались его ног. Войдя в дом, Цароки взял свою флейту, лег на спину и начал играть. Хоут постоял немного, не зная, куда сесть. Наконец Вайда Дикит сказала ему:

“Мой внук, я живу здесь, в маленьком доме. В нем не так много места, но отойди к северу от костра и сядь там.

Как раз в тот момент, когда Хоут занял отведенное место, рассвело. Цароки играл две ночи и два дня. Хоут лежал на своем месте и слушал.

“Внук мой, ” сказала Вайда Дикит Цароки, - я бы хотела послушать, как вы оба играете. Ты должен иногда отдавать эту флейту Хоуту.

Цароки подарил флейту своему брату, и время от времени они передавали ее друг другу. Оба играли; оба создавали прекрасную музыку. Они играли день за днем, ночь за ночью, десять дней и десять ночей.

“Теперь вы оба хорошо играете, мои внуки. Разве вам не хотелось бы послушать, как играют другие люди?

“О, нам бы это очень понравилось; нам бы хотелось послушать, как играют другие люди”, - сказали Цароки и Хоут.

“Давным-давно я слушала одного своего друга, - сказала Вайда Дикит, - и он играл очень хорошо. Ты бы хотела, чтобы он поиграл с тобой?

- Да, да, может быть, он научил бы нас играть лучше.

“Мой друг уже очень стар, - сказала Вайда Дикит. - Его зовут Канхлалас Кимила”.

“Я пойду и приведу его”, - сказал Цароки.

“Иди, внук мой. Я покажу тебе тропу, но не подходи близко к восточной стороне моей парилки. Это недалеко. Канхлалас живет к северо-востоку отсюда.

Цароки нашел парилку Канхлаласа на тропе. Он услышал музыку внутри, прекрасную музыку. Он постоял немного, прислушиваясь, затем вошел и увидел старика, который, лежа на спине, играл. Старик перестал играть, но ничего не сказал. Цароки тронул его за плечо и сказал: "

“Мой дедушка, я пришел за тобой. Вайда Дикит, мой дедушка, послал меня попросить тебя навестить его”.

“Я пойду”, - вот и все, что сказал старик. Никто не задавал вопросов и не получал ответов. “Я пришел за тобой”, “Я пойду”, не более. Те люди давным-давно говорили именно так; они мало разговаривали.

Цароки пошел домой. Канхлалас собрался уходить и ушел под землю. Вайда Дикит лежал в своем доме, когда внезапно Канхлалас поднялся у его ног. Вайда Дикит сел, когда увидел его, взял трубку и сказал ему закурить. Канхлалас курил, а двое стариков долго разговаривали. Молодые люди играли, сначала один, потом другой. В парилке было темно, но после того, как пришел Канхлалас, он засиял и зажегся, как факел в темном доме. Кое-что можно было разглядеть, но не очень много. Канхлалас был дедом Вайды Уэррис.

“Я послала за вами, - сказала Вайда Дикит, - потому что подумала, что вы могли бы научить моих внуков играть лучше. Им нравится заниматься музыкой. Они ни о чем другом не думают”.

“Я стар”, - сказал Канхлалас. “Я не такой, каким был раньше. Сейчас я не могу много играть. Когда я был мальчиком, когда я был молод, я умел играть. Но я буду немного играть”.

Насчет дарка он сказал во второй раз: “Я поиграю немного”. Поэтому он лег на спину, взял свою флейту, которую принес с собой, и начал. Два брата лежали и слушали. Канхлалас не вынимал флейты изо рта с вечера до рассвета. На следующий день он играл, и снова всю ночь. Когда наступило утро, на его груди появилась светлая полоска, а когда взошло солнце, грудь его была белой, потому что дыхание почти вышло из него. В то утро старая Вайда Дикит сказала: “

“Теперь мы пригласим всех людей в мире, которые умеют играть, приехать сюда”.

“Если вы пригласите всех людей в мире, которые умеют играть, - сказал Цароки, - этот дом будет слишком мал для них”.

“Нет, - сказал старик, “ он не будет слишком маленьким. Ты найдешь его достаточно большим, когда они придут”.

Цароки был послан на северо-запад приглашать людей. Он шел очень быстро. Вскоре он был в месте, как раз по ту сторону, где небо касается земли. Он пошел в Ноп Хлут. Когда около парилки он услышал топот танцующих. Он вошел и увидел очень большой дом, полный людей, сидящих у стены. Только одна женщина и молодая девушка танцевали посреди дома, Ноп Покте и Ноп Лоймис. Девочка была очень маленькой, и ноги фаун были связаны у нее за головой. Они гремели так резко, что их можно было услышать на большом расстоянии. Когда Цароки входил через дверь с южной стороны, он увидел старика, лежащего с северной стороны. Это был Ноп Кимила, хозяин дома. Цароки подошел прямо к нему, положил руку ему на плечо и сказал:

- Я пришел за тобой.

“Какого рода звонки вы делаете?” - спросил Ноп.

“Мой дедушка собирается поиграть на флейте”.

“Я пойду”, - сказал Ноп.

“Мой дедушка приглашает людей со всего мира. Будут приглашены все, кто умеет играть на флейте”.

Сам Вайда Дикит отправился на юг, чтобы пригласить людей, живущих в воде, и послал Цароки пригласить всех сухопутных людей. Они отправились далеко и близко, чтобы пригласить всех. Через некоторое время оба устали и захотели, чтобы кто-нибудь принимал приглашения. Они

думали, кто будет лучшим в жару и холод, при свете и тьме, и думали, что Кинус будет лучшим; поэтому они позвали его и наняли, чтобы он пошел.

Кинус зашел так далеко, как только мог, обошел весь мир на расстояние, немного превышающее ту сторону, где опускается небо. Через некоторое время он вернулся и сказал: "

“Этот мир широк и велик. Я обзвонил всех людей, насколько хватило сил, но я не смог побывать везде, — этот мир простирается дальше, чем я. Целыми днями я не мог достать ни воды, ни еды, но я приглашал всех людей, которых видел”.

Итак, пока Кинус говорил, приглашенные люди слушали; а их тогда было много у Вайды Дикит. Луччи сидел в стороне и слушал.

“Есть человек, ” сказала Вайда Дикит, “ которого мы хотели бы здесь видеть. Вайда Веррис, а также человек, который живет далеко на Востоке, Паткилис; он живет за небом, за тем местом, где небо касается земли, и Седит живет с ним. Нам нужны эти трое. Теперь Кинус не может пойти к ним, никто из тех, кого мы знаем, не может пойти к ним. Что нам делать?”

Все говорили об этом. Луччи молча откинулся на спинку стула и слушал, о чем они говорят.

“Эта парилка слишком маленькая”, - сказал Канхлалас.

“Ты увидишь”, - ответила Вайда Дикит.

Парилка разрасталась, росла постепенно, росла все время по мере того, как прибывали люди. В тот день пришло очень много людей. Дом теперь простирался, насколько хватало глаз. Всякий раз, когда приходили новые люди, Вайда Дикит трубила и говорила: “Я хочу, чтобы этот дом был больше!” И дом вытянулся, стал шире, длиннее и выше. Вечером там уже было много народу.

Кинус и остальные проговорили всю ночь и следующий день. “Никто не может пойти в Вайда Веррис, Паткилис и Седит. Так они сказали”.

Они спросили всех присутствующих, и каждый ответил: “Я не могу пойти к ним”. Они говорили и говорили. Наконец один человек сказал другому: “Давай спросим вон того Луччи Херита; может быть, он сможет пойти”. Третий сказал: “Да, давай спросим его”. И все трое сказали Вайде Дикиту: “Спроси этого маленького человечка; возможно, он сможет пойти”. “Он маленький, - сказал Вайда Дикит, - но я спрошу его”. Он подошел к Луччи, тронул его за плечо и спросил:

“Внук мой, ты можешь кое-что для меня сделать? Ты маленький, но я прошу тебя”.

Луччи ничего не сказал; просто приподнял брови, что означало “Да”. Как только он это сделал, Вайда Дикит сунул руку ему под мышку, достал кунлули (нежный голубой цветок, растущий у воды) и подарил Луччи. Луччи взял его на раскрытую ладонь, посмотрел на него, растер двумя руками, поплевал на него и приготовил пасту, которая представляла собой красивую синюю краску. Затем он потер лицо, руки, грудь — он весь посинел (по сей день Луччи голубой, раньше он был белым). Тогда он вышел к народу и сказал:

“Люди, посмотрите на меня! Как я выгляжу? Разве у меня сейчас не красивый цвет лица?”

“Ты прекрасна”, - говорили люди. “Ты хорошо выглядишь”.

Это было на рассвете. Они могли видеть лишь немного света. Когда он был готов начать, Луччи сказал: —

“Я не знаю, как далеко это, но если я отправлюсь в те места, то вернусь сюда на рассвете. Если они очень далеко, я буду здесь, когда солнце поднимется выше верхушек деревьев.

“Как ты думаешь, ты вернешься к восходу солнца?” спросил Кинус. - Эти места очень далеко.

“Я знаю, что они далеко”, - сказал Луччи.

“Я объездил весь мир”, - добавил Кинус. “Меня долго не было, но эти места дальше, чем любое другое место, где я бывал”.

“Хо! Теперь я уйду!” - сказал Луччи; и он взмыл прямо в небо, затем спустился, и снова вверх и вниз. Затем он крикнул: —

“Как тебе это нравится? Ты думаешь, я могу пойти к этим людям? Вот так я путешествую”.

Он улетел на восток и вернулся. Затем он полетел на запад и в мгновение ока вернулся. Затем он повернул на север и исчез. Он никогда раньше не путешествовал по воздуху. До того утра он всегда ходил по земле, как и мы сейчас. Он направился прямо к дому Вайды Уэррис и вошел внутрь. Там было ослепительно, и ему показалось, что так же ярко, как дневной свет кажется человеку, выходящему из темного места.

Луччи увидел внутри кого-то молодого и красивого. Он не мог смотреть на его лицо, оно было таким ярким. В доме было два брата. Младшей была Уэйти, старшей - Вайда Веррис. Уэйти никогда не выходила из дома; никогда не выезжала за границу и не скиталась, все время сидела дома.

“Я пришел, - сказал Луччи, - пригласить вас познакомиться с людьми со всего мира на игре на флейте в парилке Вайды Дикит”.

“Я пойду”, - сказала Вайда Уэррис. Он знал все, что происходило. Он увидел это, когда ехал рано, еще до рассвета.

“Я сейчас уйду”, - сказал Луччи Вайде Веррис. И как только он оказался снаружи, он помчался на запад, вернулся, поднялся в воздух, спустился, а затем со скоростью молнии устремился на восток, чтобы найти Паткилиса и Седита. Вскоре он оказался на востоке, там, где небо соприкасается с землей. Он взял небесную палку, которую принес с собой, приподнял небо, немного приподнял его, а затем перешел на другую сторону. Когда небо снова опустилось позади него и ударились о землю, раздался ужасный шум, который был слышен по всему миру. Весь мир содрогнулся. Все люди в "Вайда Дикит" услышали шум и удивились.

“Что это может быть?” - спросили они. “Что это за ужасный шум?” Вайда Дикит знал, что это за шум, но никому не говорил.

Луччи шел прямо на восток с другой стороны неба и не останавливался, пока не нашел Паткилиса и Седита. Они были в другом мире, другое небо спустилось в их мир, и они жили почти на краю этого второго неба. Луччи зашел в их парилку. Они сидели сразу за дверью, один с одной стороны, другой с другой; дверь была с восточной стороны. Когда Луччи немного посидел, Седит встал и сказал:

- Внук мой, каким путем ты пришел?

“Я пришел сюда ради тебя и Паткилиса”, - ответил Луччи. “Вайда Дикит послал меня пригласить вас поиграть на флейте в его парилку. Никто другой не мог прийти к тебе, поэтому он попросил меня прийти.

“Мы рады”, - ответили они. “Мы пойдем. Ты иди вперед. Но как мы перейдем небо?”

“Я подожду тебя на краю”, - сказал Луччи и пошел дальше.

Когда Седит и Паткилис были готовы, Седит сказал: “Я бы хотел, чтобы дорога, по которой мне предстоит идти, была короткой, очень короткой”.

Они отправились в путь и обнаружили, что дорога такая короткая, что Луччи недолго ждал на краю неба, пока они были с ним. Луччи поднял небо во второй раз, и все трое прошли под ним к западной стороне. Снова раздался ужасный шум, и весь мир содрогнулся.

“Теперь я ухожу быстро; ты можешь двигаться, как тебе нравится”, - сказал Луччи. Он молниеносно устремился на запад и как раз в тот момент, когда солнце выглянуло из-за гор, вернулся к Вайде Дикит.

“Вы слышали, что происходит в этом мире, что производит такой шум?” - спросила Вайда Дикит. “Эти люди слышали ужасно сильный шум”.

“Это было мое путешествие”, - сказал Луччи. “Кинус, которого ты отправил первым, не смог пойти к тем трем людям. Я пошел. Они в пути и будут здесь через несколько дней”.

Все люди слышали это и обрадовались.

“Сейчас мы услышим великую музыку”, - сказали они.

Во время совместного путешествия Паткилис поговорил с Седитом и дал ему совет. “Когда мы будем в доме Вайды Дикит, “ сказал он, - не разговаривай много. Сядь, как мудрый человек, и смотри; молчи; не веди себя как маленький мальчик”.

Седит все время говорил. Он рассказал Паткилису, что собирается делать. Он сказал, что сделает то-то и то-то.

Прошло два дня, а эти двое мужчин так и не пришли. На третий день, ближе к середине дня, люди увидели красивую маленькую стрелу, опустившуюся прямо у дверей парилки, — яркую стрелу. Когда он ударился о землю, раздался скрежещущий звук, и они сказали:

“Это хорошая стрела. Кто послал такую стрелу?” И всем это понравилось.

В парилке была толпа людей. Некоторые из них хотели получить стрелу. “Давайте вытащим это!” - сказали они, “и посмотрим, кто это сделал”, но Вайда Дикит не позволила им дотронуться до этого. “Пусть это останется там, где оно есть. Не прикасайся к ней, - сказал он, ибо знал, что это стрела Паткилиса и что она означает: “Я иду. Я скоро буду”.

Пока люди говорили о стреле, в дверь ворвались двое мужчин. Никто не видел их лиц или голов, только ноги и тени.

“Дайте им место, впустите их”, - сказала Вайда Дикит.

- Где они могут сесть? - спросил Цароки.

“Дайте каждому место на восточной стороне”, - сказала Вайда Дикит.

Эти двое, Паткилис и Седит, перешли на восточную сторону и сели. Никто не видел, как приходил Вайда Уэррис, но он был в доме.

Уходя в то утро из дома, Вайда Уэррис сказала Уэйти, своему брату:

“ Ты останешься и будешь вести хозяйство, как всегда. Ты будешь здесь, но ты будешь видеть меня все время, ты будешь видеть меня днем и ночью. Смотрите на меня; там они будут заниматься и другими вещами, помимо игры на флейтах”.

Паткилис и Седит спросили Вайду Дикит, пришла ли Вайда Веррис.

“Я не знаю, где он”, - ответил старик. “Никто его не видел”.

“О, он не придет”, - говорили многие люди. “Что за человек Вайда Уэррис? Он никто. Чего мы от него хотим?”

Вайда Уэррис все это время сидела и слушала. Вайда Дикит хорошо знала, что он за человек, но ничего не сказала. В тот вечер, после того как пришли все приглашенные, Вайда Дикит сказала:

Послушайте, все присутствующие здесь люди. Я созвал это собрание, чтобы выяснить, кто лучший флейтист, кто может создавать лучшую музыку в этом мире. Давайте начнем. Пусть каждый играет в одиночку”.

Цароки начал испытание. “ Я начну, ” сказал он своему брату Хоуту, - а потом пусть играют остальные. Ты можешь играть, когда захочешь.

“Я удовлетворен”, - сказал Хоут. “Я буду играть последним”.

“Это хорошо”, - ответил Цароки. “Я буду играть первым, все последуют за мной, а ты можешь играть последним”.

Начал Цароки. Он играл немного, недолго; играл хорошо. Следующим играл Канхлалас. Всем понравилась его музыка. Ватвут Кимила играл третьим; играл великолепно.

“Идите вперед и играйте, все вы”, - сказала Вайда Дикит.

Цилеу Херит играл лучше всех до своего времени, играл почти до утра, незадолго до рассвета. Внутренность парилки покраснела, и кто-то спросил:

“Почему в парилке все красное?”

“Мы не знаем, - отвечали другие. - что-то делает его красным”.

Один мужчина подошел к Вайде Дикит и спросил: “Почему в парилке все красное?”

“ Я расскажу тебе. Ты видишь там Цилеу Херит? Ну, он играл всю ночь, у него перехватило дыхание, он весь красный, и вся парилка красная от него”.

Около рассвета Цилеу остановилась, а потом стало так темно, как в доме, когда ночью тушат огонь. Теперь Цайк играл весь день, и на закате солнца парилка была синей, потому что Цайк посинел.

Все играли, чтобы посмотреть, кто сыграет лучше. Играли самые разные люди. Когда кто-нибудь запыхался, он прекращал игру и получал новый цвет. Когда Муроп потерял дыхание, его заметили. Когда Хандокмит потерял дыхание, он стал полосатым. Паткилис играл три вечера и два дня, и когда он сдался после захода солнца, он был чалым. Вай Хау играл пять вечеров, а на рассвете пятого утра он был красным. Кириу Херит отыграл пять вечеров, и в середине шестого вечера у него потемнело в глазах, и он перестал дышать.

И так много дней и ночей они играли, один человек за другим, пока однажды ночью не закончили все, кроме Хоута. Хоут играл последним. Теперь все спали. Все затаили дыхание и приобрели новые краски. Цароки подошел к своему брату, жившему с северной стороны дома, и сказал: —

“Начинай, брат мой; там, у костра, есть место для тебя; иди под землю, а когда выйдешь, будешь играть”.

Хоут спустился под землю и вынырнул возле камина. Он лег на спину и начал играть. В его теле было два ряда отверстий, по одному с каждой стороны; он трогал пальцами эти отверстия, втягивал воздух через ноздри и выпускал его через отверстия с обеих сторон. Хоут играл в своем собственном теле. Сначала все люди спали, кроме одного человека, Цуди Херита. Цуди услышал Хоут, и он услышал, как в дремоте, чудесные звуки. Он долго слушал, думая, что это сон. Когда Цуди обнаружил, что не спит, он встряхнул мужчину рядом с собой и сказал:

“Просыпайся, просыпайся! Кто играет? Все играли, но я никогда не слышал такой музыки. Многие играли здесь, но никто не играл таким образом”.

Человеком, которого он разбудил, был Гус. Гус ничего не сказал, он был стар и почти лыс, он взял трубку и начал курить. Цуди будил других людей, одного за другим.

“Проснись, встань, сядь; послушай музыку, которую кто-то играет”.

Они проснулись один за другим. “Кто играет?” - спросил один. “Кто это?” спросил другой. “Мы играли много дней и ночей, но никто не играл так. У всех свои флейты. Кто бы это мог быть?”

Наконец кто-то сказал: “Я знаю, кто играет. Это Хоут”.

“Как Хоут мог играть?” - спрашивали другие. “На чьей флейте играет Хоут? У него нет своей. Каждый из нас принес по флейте, но Хоут не принес ни одной. Чья флейта у него сейчас?”

Все слышали чудесную музыку, и каждый сказал: “Хотели бы мы посмотреть на человека, который играет таким образом”.

Была ночь, и в парилке было темно. Все начали говорить, как сильно им хотелось света, чтобы увидеть, кто играет. Вайда Уэррис лежал на спине в восточной половине парилки и слышал каждое слово. Ему тоже хотелось посмотреть на игрока. Он сел, выдернул один волос из своей бороды, отдал его Цуди и сказал:

“Подойди к тому человеку, который играет, и подними этот волос, чтобы люди могли его видеть”.

Цуди взял волосы и тихо ушел. Никто его не услышал. Он поднял волосы над головой Хоута, и от них пошел свет, наполнивший весь дом. Там было светло как днем. Все люди сидели, каждый обнимал свою флейту. Ни один человек в мире ни за какие деньги не одолжил бы свою флейту никому другому. Все смотрели в ту сторону, откуда доносилась музыка. В свете они увидели человека, лежащего на спине со скрещенными на груди руками, но они не могли разглядеть, что он что-то делал. У него не было флейты, он не двигал ртом, потому что водил пальцами по бокам, как по флейте, и создавал музыку, втягивая воздух ноздрями и выпуская его через отверстия в боках.

Цуди приподнял единственный волос Вайды Веррис, и люди смотрели на Хоута, чтобы увидеть, как он создает прекрасную музыку. Он лежал на спине, издавая чудесные звуки. Он сыграл музыку к песням Цайка, к песням Вайды Веррис, к песням Цароки. Они могли слышать музыку, но рот Хоута не двигался, и они не могли видеть, как играют его пальцы. Он исполнил музыку к песням Паткилиса и Седита. Он подарил музыку к песням всех людей в парилке.

“Хоут победил мир!” - воскликнули собравшиеся. “Он может сделать больше, чем мы; мы уступаем, мы молчим. Хоут - лучший игрок в мире! Никто не может играть так, как играет он!”

Затем Хоут исполнил свою собственную музыку. Никто, кроме него, не знал эту музыку, никто, кроме него, не мог ее сыграть. Не было другой музыки, такой громкой и сильной, другой музыки, такой мягкой и низкой.

Когда люди долго смотрели на Хоута и слушали, он остановился. Тогда все закричали: —

“Хоут - единственный великий музыкант на земле!”

Цуди опустил волосы, и все оказались в темноте. Он отнес волосы назад и отдал Вайде Веррис.

Люди начали разговаривать и спрашивать друг друга: “Откуда взялся этот свет, чей он?” Один сказал, что она была у Цуди; другой сказал: “Нет, у него никогда не было такой зажигалки”. “Кто дал ему ее?” - спросил третий. “Должно быть, кто-то дал ее Цуди. Давайте спросим его об этом”.

То тут, то там люди говорили: “Только Вайда Уэррис могла зажечь такой свет. Что за человек Вайда Уэррис? Мы хотели бы увидеть Вайду Уэррис.

“Я никогда не видел Вайду Верриса, но слышал, как люди рассказывали, какой он симпатичный и что его видно издалека”, - сказал Паткилис. “Если бы он был здесь, он мог бы излучать такой свет, но его здесь нет, иначе мы все увидели бы его прямо сейчас”.

Вайда Уэррис лежала рядом с ними и слышала все, что они говорили.

“Давайте спросим Вайду Дикит”, - сказал Каркит Кимила, крупный мужчина, лежавший на западной стороне лицом к Вайде Веррис; и он начал разговаривать с Вайд Дикит.

“Народ желает видеть Вайду Уэррис”, - сказал он. “Вы пригласили всех людей в мире, и вы пригласили его. Что вы будете делать? Он здесь? Ты позволишь всем увидеть его?”

“О, нет”, - сказал один старик. “Вайда Уэррис плохая. Я не хочу его видеть”. “Мы слышали, что он хороший”, - говорили другие. “Мы хотим его увидеть”. Поэтому они разделились.

Вайда Веррис некоторое время молча курила. Наконец Вайда Дикит наклонилась к Паткилису и Седит и спросила: —

“Как ты думаешь, показывать людям Вайду Уэррис или нет?”

“Они хотят видеть его”, - ответили двое. “Вы пригласили их и пригласили его. Если люди хотят увидеть Вайду Уэррис, пусть они увидят его”.

- Где я могу позволить им увидеть его?

“Пусть все люди выйдут из парилки, - сказал Паткилис, - и встанут в два длинных ряда, по одному с каждой стороны двери, и пусть Вайда Веррис выйдет между ними. Если он выйдет на улицу, каждый сможет посмотреть на него; лишь немногие увидят его внутри дома”.

“Очень хорошо”, - ответила Вайда Дикит. “Теперь все вы, люди, выходите из дома”.

Цароки открыл дверь и вышел первым. Все последовали за ним, и каждый на ходу говорил: “Уже темно, мы не увидим Вайду Уэррис”.

“Вы можете видеть его в темноте”, - сказала Вайда Дикит. “Возьмитесь за руки, все вы, и обойдите парилку с северной стороны”.

“Иди ты, ” сказала Вайда Дикит Цуди, “ и поищи внутри. Скажи мне, когда все люди выйдут.

Цуди искал повсюду. “Все вышли”, - сказал он.

Вайда Дикит закрыла дверь и сказала: “Некоторым из вас хочется спать, но проснитесь, откройте глаза, будьте готовы увидеть — посмотрите на север”.

“Что мы можем здесь сделать? Почему мы вышли в темноте?” - спросил некий Чирчихас. “ В это время ночи мы ничего не можем разглядеть. ” и, повернувшись к Луччи, он спросил: “ Ты видел его или его брата? В каком месте они живут?

- Я не могу сказать тебе сейчас; ты скоро увидишь его.

“Будьте готовы все”, - сказала Вайда Дикит. “Посмотрите на север”.

Все посмотрели. Невдалеке, прямо перед ними, была остроконечная гора. Они видели, как маленький огонек поднимался, пока не достиг вершины этой горы; там он остановился и вскоре показался рядом с ними, всего в нескольких шагах от лиц людей. Это была Вайда Веррис. Все вокруг было словно залито дневным светом. Все могли видеть его; все смотрели на него.

- Итак, народ, перед вами Вайда Уэррис; вы видите его?

- Мы видим его.

“Отныне все люди будут видеть его там, на севере, таким, каким вы видите его сейчас”, - сказала Вайда Дикит. “Возвращайтесь в парилку, все вы”.

Цароки открыл дверь, и все вошли. “Мы поговорим, - сказал старик, - потом поедем, а после этого разойдемся”.

Наступил день — в парилке горел свет. Они услышали, что кто-то идет, и вскоре увидели в дверях старую женщину. Это была Тунлуча Покаила. Она не захотела входить, но немного постояла, держа в обеих руках две красивые корзинки с водой. Она поставила их у двери, заглянула внутрь и ушла. Вайда Дикит взяла корзинки, поставила их на землю к северу от костра и сказала:

“Вот немного воды, но приходите все и воспользуйтесь ею, умойтесь”.

Старуха была сестрой Вайды Дикит; она жила к северу от дома своего брата, недалеко отсюда. В том месте была скала, в которой бил родник. Скала была ее домом. Вода поднималась в этой скале на поверхность и снова уходила в землю в другой части того же дома. У старухи было две корзинки: в той, что поменьше, была вода для питья, в той, что побольше, - для умывания. Огромные толпы людей пили из корзинки поменьше и умывались из другой; каждый использовал то, что ему было нужно, воды никогда не становилось меньше; ее количество всегда оставалось неизменным.

- Все умылись и напились? - спросила Вайда Дикит.

- Мы все умылись и напились.

Старик убрал корзинки и выложил две другие, которые только что принесла старуха, — одну с вареной олениной, а другую - совсем маленькую корзиночку с желудевой кашей. Он поставил корзинки посреди парилки и сказал:

- А теперь, все люди, я прошу вас поесть.

“Я попробую эту еду”, - сказал Каркит. Он пошел и поел. Следующим ел Гус, затем Ипоко. С тех пор эти трое мужчин ели мясо оленя и всегда будут находить мясо по запаху — это был первый раз, когда они ели оленину. Циль и Вима, которых также звали Богемба, съели все, что смогли, из маленькой корзинки, но еды не стало меньше ни на йоту. Патит ела много. Хус ел, и Седит тоже. Все ели, сколько могли, и все равно каждая корзинка была полна. Еды становилось все меньше. Вайда Дикит продолжала говорить:—

“Эй, люди, вот еда. Мне она не нужна. Идите и ешьте, что есть.

Он послал Цуди спросить каждого мужчину, ел ли он. Все говорили, что поели, пока Цуди не обошел половину круга, когда нашел одного человека, Мемтулиту, который сказал, что не ел, но был готов поесть.

“Я съем, если увижу что-нибудь вкусное”, - сказал он.

“Что ж, иди и ешь”, - сказал Цуди.

- Какая у вас еда? - спросил я.

“Каша из оленины и желудей”.

“Я не ем такую пищу”.

“Вот человек, который ничего не ел, - сказал Цуди. - он не может есть эту пищу”.

Дальше был найден Кириу, который ничего не ел, и третий, очень молодой человек, Царарок. “Я бы хотел поесть, ” сказал он, - но я робок. Здесь так много людей, которые едят”.

- Какую пищу ты ешь, Кириу? - спросил Цуди.

“ Я не могу есть оленину. Я ем то, что живет в воде. Двое других мужчин сказали то же самое.

Вайда Дикит пошел в свой старый дом, где у него была сушеная рыба. Кроме того, он поймал сеть, полную мелкой рыбы. Он приготовил оба вида и отнес их в парилку, поставил посередине и сказал: “А теперь иди и ешь”.

Мемтулит поела, Кириу тоже. Через некоторое время пришел Царарок. Он начал есть мелкую рыбешку, другой разновидности не видел; вот почему Царарок и по сей день любит мелкую рыбешку.

Старик снова спросил: “Все поели?”

“У нас есть”, - ответили все.

В двух корзинах было столько же еды, сколько и вначале, и старик вынес их за пределы дома. Седит увидела это и рассердилась. Он сказал, что люди не должны ничего оставлять.

“ Не говори так, ” сказал Паткилис. - То, что делается, правильно.

“Вы все можете остаться подольше, - сказала Вайда Дикит, - но я полагаю, что вы хотите вернуться домой, я полагаю, вы торопитесь”.

“Почему мы должны уходить так скоро?” - спросила Седит. “Люди с запада могли бы рассказать нам то, что они знают; мы должны им что-то сказать”.

“ Молчи, Седит, ” сказал Паткилис. “ Я же сказал тебе не разговаривать. Здесь много больших людей, лучше тебя, но они не разговаривают. Вайда Дикит говорит, что мы пробыли здесь достаточно долго; вот что он имеет в виду; вы должны это знать. Он говорил так, потому что хотел сказать нам что-нибудь приятное и стать друзьями, но вы должны вести себя тихо.

Мужчина с западной стороны встал и подошел к середине дома, поближе к огню, постоял там, огляделся и сплюнул на землю. Все люди видели, как он плюнул, и в то же мгновение из плевка поднялась маленькая корзиночка. В корзинке были желуди горного дуба. Этого человека звали Патит. Он вернулся на свое место и лег. Вайда Дикит поставил корзину посреди парилки, сорвал желудь, съел его и сказал:

“Люди, приходите и ешьте. Мой друг Патит приготовил это для вас, это его еда”.

До тех пор у них никогда не было таких желудей. Ноп первым подошел к корзинке, чтобы поесть, и по сей день он любит желуди. Потом Цихл, Вима, Тихелис, Цуди и Цаик подошли к корзине и поели, и теперь все любят желуди. Сколько бы они ни брали желудей из корзины, меньше их все равно не становилось.

Седит с недовольным видом откинулся на спинку стула; он хотел, чтобы они съели все желуди. Вайда Дикит поставила корзину снаружи.

Циль встала, подошла к тому месту, куда плюнула Патит, и поставила на землю пустую корзину. Он развязал широкий ремень, или травяную косичку, которую носил на запястье, и опустил руку. Что-то вытекало из нее, как вода, пока корзина не наполнилась. Затем он снова перевязал запястье. Корзина была полна семян сахарной сосны. Вайда Дикит съела их; затем позвала всех есть. Люди приходили и ели все, что хотели. Корзина была так же полна, как и раньше. Седит был очень зол.

Хау подошел и поставил каменную чашу. Он приложил к ней ухо, почесал за ухом, и из него потекла струя ягод мансанита. Это была первая мансанита. Никто в мире раньше не видел этих ягод. Вайда Дикит съела горсть ягод и села, ничего не сказав. Все люди поспешили поесть, столпились вокруг чаши, ели, сколько могли, но не могли уменьшить количество ягод. Вскоре у Вайды Дикит начался зуд. Он не знал, что его беспокоило. Вскоре по всему его телу выступили пятна — красные, желтые и черные. Это было потому, что он съел ягоды. Его дух испугался того, что он съел. Его дух не желал, чтобы он ел ягоды, это была не его пища; и именно поэтому на нем выступили пятна. Пятна появились из-за страха его духа, и с тех пор его постоянно замечали. Он ел не потому, что хотел, а потому, что был хозяином дома. Он должен был попробовать все, иначе люди подумали бы, что это плохая еда.

Подошел Вима, поставил корзину, развязал белый браслет, который носил на запястье, опустил руку, и дикие сливы упали в корзину и наполнили ее.

На этот раз Вайда Дикит отправила Тихелиса попробовать сливы и поставила корзинку. Люди ели, но слив было столько же, сколько и раньше.

Тогда миру впервые были даны эти различные виды пищи, и именно поэтому они есть у нас сейчас.

Цайк вышел на середину парилки. Он потыкал носом землю, и оттуда вывалилась огромная куча желудей.

Седит съел столько, сколько смог, и разозлился, потому что все было убрано. Он все время говорил Паткилису: “Мне это не нравится”.

“Седит,” ответил Паткилис, - я предупреждал тебя, чтобы ты не болтала так много. Разве ты не знаешь, что через некоторое время все новые люди, которые придут, будут использовать пищу таким образом, есть то, что они хотят, а остальное откладывать?”

“Вы, люди, разговаривали и были дружелюбны”, - сказала Вайда Дикит. “Это пища, в которой мы нуждаемся; отныне это будет нашей единственной пищей”.

“Ну что ж, - сказал Канхлалас, вставая, - я думаю, мы почти закончили. Если мы останемся здесь слишком надолго, какие-нибудь плохие люди могут увидеть нас и рассказать о том, что мы делаем”.

Другие сказали: “Да, мы отдали всю еду, которая у нас есть. Если это собрание продлится дольше, плохие люди могут найти нас и устроить неприятности”.

“Это правда, - сказали собравшиеся. - Давайте расстанемся”.

“Мы расстанемся”, - сказала Вайда Дикит. “Я отправляюсь в свой старый дом и останусь там навсегда. Если лосось поднимется вверх по реке Вини Мем, он дойдет до моего дома и вернется обратно”.

На следующее утро все разъехались по домам. По дороге Циль передумал и вернулся в Теде Пуюк, где обнаружил, что все уехали, кроме Седита, Паткилиса, Нопа и Хау. Эти четверо стояли возле парилки, и Циль сказала:

“Мы вернулись, чтобы еще раз взглянуть на это место; оно нам нравится”.

Они пробыли там некоторое время, путешествовали по стране, и когда Олелбис послал сюда людей, в Теде Пуюк пришли койоты, черные кролики, олени, рыжие лисицы и черный медведь, и с тех пор их было много по всей стране.

НОРВАНЧАКУС И КЕРИХА

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которое впоследствии был изменен персонаж.

Эльтулума, -; **Хубит**, оса; **Кериха**, -; **Кунтихле**, неизвестная маленькая птичка; **Ласасва**, крупный паук; **Узловой моно**, -; **Норванчакус**, -; **Норвинте**, -; **Паткилис**, кролик джек; **Паунит**, кенгуровая крыса; **Пом Норванен Питчен**, дочь Южной границы, то же, что **Норван**; **Пурива**, темный; **Супчит**, --; **Саныхас**, дневной свет; **Цайк**, голубая сойка; **Цивиль**, синегрудая ящерица; **Вайда Веррис**, полярная звезда.

Два брата Норванчакус и Кериха появились на этой земле еще до того, как у какого-либо места или вещи появилось название. Когда Олельбис взял небесный шест и проложил глубокую борозду от подножия Богемп-Пуюк до нижней долины, и там протекла река, два брата были в конце борозды и направились на север. Норванчакус был старшим; Кериха была очень маленькой.

Когда братья двинулись в путь, они плохо видели. Солнца тогда не было; были только какие-то тусклые сумерки. Вайда Веррис была в небе и увидела братьев. Теперь рыба попала во все реки из южного пруда, где Кунтихле Херит поймала первую рыбу.

“ В реке есть рыба, ” сказала Кериха. “ Давайте поймаем немного. Давайте отнесем сеть вверх по реке и спустимся с ней вниз”.

“У нас нет сети, и нет света; мы ничего не видим”, - сказал старший брат.

“Иди, брат мой, ” сказала Кериха, - туда, где небо опускается на северо-запад; выйди под него. Ты найдешь там растение курути; принеси его”.

- Я не могу пойти туда, - сказал Норванчакус. - Иди ты, брат мой.

Кериха быстро пролетела по воздуху; принесла растение — принесла все, что было.

- Нам нужно больше, - сказал Норванчакус.

“Что ж, пойд и принеси его”, - ответила Кериха. “Он растет за пределами неба на юго-западе”.

“Я не могу пойти туда; иди ты”, - сказал старший брат.

Кериха отправилась за пределы неба на юго-восток; нашла много курути. Старший брат сплел из волокна веревки.

“Я тороплюсь на рыбалку”, - сказал Кериха. “Ты медлишь, брат мой”.

“Иди прямо на восток, за пределы неба, - сказал другой, - и набери ясеневых дров, пока я буду плести сеть”.

Кериха принесла золу. Норванчакус сделал сеть и теперь закреплял палку из ясеня.

“Брат мой, ” сказала Кериха, “ мы ничего не видим. Как мы сможем ловить рыбу? Возможно, в мире вокруг нас есть люди, но у нас нет хорошего освещения, чтобы найти их ”.

Все время был какой-то тусклый свет. Братья отправились в путь, дошли на север до Номлопи, напротив Пас-Пуйсоно, и сели.

Кериха услышала голоса на севере и спросила: “Ты слышишь крики?”

“Нет, я ничего не слышу”, - ответил Норванчакус.

- Пойдем на крик, - сказала Кериха.

Они отправились в местечко примерно в шести милях за рекой, где нашли парилку.

“Это первые люди, которых мы увидели”, - сказала Кериха. “Мы назовем это место Царау Херил”. Они стояли у двери парилки.

“О, брат мой”, - сказал крупный мужчина, который увидел их и подошел к двери.

“Да, - сказала Кериха, - ты наш брат, ты Норвинте”.

Подошел другой и сказал: “О, мой брат!”

- Ты тоже наш брат, - сказала Кериха. - ты Элтулума.

“Темно. Мы не знаем, что делать”, - сказал Норвинте.

“А мы и не знаем”, - ответила Кериха.

“Недалеко отсюда есть еще люди”, - сказал Норвинте. “Давайте пошлем им, чтобы они пришли сюда. Возможно, мы узнаем, что делать.”

Норвинте отправил гонца на север. Вскоре он привел нового человека, симпатичного мужчину; и когда этот незнакомец немного поговорил, он сказал: “На юго-востоке есть человек, который может нам помочь”.

- Ты приведешь его сюда? - спросил Норвинте.

“Я не могу туда пойти”, - сказал незнакомец.

“Иди ты, Кериха”, - сказал Норванчакус. “Никто не может пойти туда, кроме тебя”.

Кериха ушла и отсутствовала недолго. Он привел Паткилиса.

- Брат мой Паткилис, ты знаешь где-нибудь еще кого-нибудь?

“Я больше не знаю людей. Я никого не видел, но на дальнем востоке я слышу крики, танцы и пение.

“Что ж, брат мой, я бы хотел, чтобы ты пошел и посмотрел, что за люди там так шумят”.

“Я пойду”, - сказал Паткилис. “Я не думаю, что отсюда до того места, где они находятся, очень далеко”.

Паткилиса долго не было. Когда он вернулся, то сказал: “Я видел многих людей, но они не видели меня. На востоке за небом возвышается холм. На его северном склоне стоят дома. На южном склоне тоже есть дома. С этого холма на запад течет река. К югу от холма все танцуют. Я зашел в дома на северной стороне. Все были пусты, кроме одного. В среднем доме деревни я нашел слепого мальчика. Я осмотрелся и многое увидел в доме. ‘Зачем тебе здесь так много вещей?’ спросил я мальчика. ‘Для чего они нужны? Я живу с другой стороны. У нас в домах таких вещей нет. Он ничего не сказал. Я долго разговаривал с ним, задавал много вопросов, но не получил ответа. Все, что он сказал, было: “Мои люди пошлитанцевать”. Внутри и снаружи были груды желудей, повсюду были расставлены огромные корзины с ними. Я сел. ‘Что это?’ - спросил я. “Что это? Что там в этих корзинах?” ‘О, что-то”, - сказал слепой мальчик; и это был весь его ответ. Там было много сумок, все чем-то набиты. Я видела две маленькие сумки, висевшие в доме, и они были очень полны. - Что в этих маленьких мешочках, которые так полны? - спросил я. - Ты можешь мне сказать, маленький мальчик? ‘Почему ты хочешь знать все?’ - спросил слепой мальчик. Я спрашивал об этих двух сумках по-разному, но он долго не отвечал мне. Я дразнил его и добивался, чтобы он рассказал. ‘Ты хочешь знать все, - сказал он наконец, ‘я расскажу тебе. В одном из них - Пурива’. ‘Ну, а что в другом мешке? Расскажи мне. Ты рассказал об одном, теперь расскажи о другом. Он немного подумал и спросил: ‘Зачем тебе так много знать?” Саныхас в другом мешке”. Он больше ничего не сказал, и я ушел”.

Когда Паткилис рассказал все это, Кериха, немного подумав, сказала: “Это лучшая новость, которую мы когда-либо слышали в этом мире; кто-то из нас должен отправиться туда. Мы должны принести сюда эти два мешка. Если мы откроем один, мир погрузится во тьму; если мы откроем другой, будет дневной свет. Эти желуди тоже хороши. Вы должны послать кого-нибудь за этими двумя сумками.

“Здесь, на севере, есть человек, Паунит. Он мог бы поехать; пошлите за ним, - сказал Паткилис.

Они послали за ним, и он пришел. Они сказали ему, что им нужно.

“Я могу сходить за этими вещами, - сказал он, - но я не люблю ходить один. Братья мои, приведите сюда человека, который живет на севере, Цайка. Он слеп на один глаз.

Когда Цайк пришел и услышал о желудях, он сказал: “Я бы хотел их съесть, они вкусные. Если я пойду, то возьму желуди, а ты можешь принести два мешка, - сказал он Пауниту. “Когда вы подъедете к тому холму на востоке, - сказал Паткилис Пауниту, - вы увидите много домов на северной стороне от него и много на южной, где люди танцуют; но идите на север, и прямо в центре деревни вы увидите большой дом, дверь которого обращена на юг. Когда войдете, не говорите слепому мальчику, что вас двое. Пусть один поговорит с ним, пока другой заберет сумки. Тот, кто заговорит, заставит его поверить, что он пришел с южной стороны холма, где люди танцуют. Когда вы войдете в дверь, вы увидите два мешка прямо напротив, оба гладкие и очень полные. Возьмите эти сумки, чтобы мы могли посмотреть, что это за место. Нам нужно много света. Мы тоже хотим темноты, чтобы не было слишком много света”.

Паунит и Цайк отправились в свое путешествие. Сколько длилось путешествие, никто не знает. Они вышли за пределы неба и достигли восточного холма, они увидели деревни к югу и северу от него и слышали сильный шум танцев на юге. Они отправились в северную деревню, нашли большой дом в центре и остановились перед дверью.

“Иди внутрь, ” сказал Цайк. “Я останусь снаружи. У меня есть ремень. Я собираюсь унести корзины с желудями. Ты иди внутрь. Я останусь здесь и свяжу их вместе”.

Паунит вошел и сел с западной стороны. Слепой мальчик лежал с восточной стороны.

“Ну, слепой мальчик, ” сказал Паунит, “мне холодно. Я танцевал. Я пришел сюда, чтобы согреться”.

“Я хотел бы знать, почему вы, люди, приходите сюда, когда на другой стороне танцуют”, - сказал слепой мальчик.

Паунит ничего не ответил, но вышел посмотреть, что делает Цайк. - Где ты, Цайк? - спросил он.

“Я здесь, готовлюсь нести желуди”, - ответил Цайк.

В этот момент они увидели кого-то рядом с собой. “Кто это?” - спросил Паунит.

“Я здесь, ” сказал Паткилис. “Пойдем, Паунит, мы с тобой зайдем и возьмем два мешка. Ты, Цайк, возьми желуди.

Цайк взвалил на спину большую поклажу и двинулся дальше, пока остальные были в доме. Паткилис выбрал дневной свет, а Паунит - темноту. Как только они оказались за пределами дома, слепой мальчик встал и закричал:

“Кто это был? Кто-то что-то украл!

Он нащупал сумки, потом выбежал и закричал: —

“Кто-то украл Пуриву и Санихаса! Кто-то украл Пуриву и Санихаса! Кто-то украл Пуриву и Санихас!”

Люди, которые танцевали, услышали его и сказали: “Кто-то кричит!” Затем они ясно услышали:

“Кто-то украл Пуриву и Санихаса! Они бежали с ними на запад!”

Услышав это, танцоры прекратили танцевать и побежали на запад. Вскоре они увидели троих мужчин, убегающих с сумками.

Далеко впереди они увидели Цайка с пакетом желудей на спине. Они могли видеть его издали, потому что стая была большой. Паунит и Паткилис несли свои сумки в руках. Люди быстро бежали и кричали друг другу:

“Поймайте их! Поймайте их! Сделайте все возможное! Остановите их! Окружите их!”

Они не смогли догнать Цайка. Он прошел под небом прежде, чем они смогли подняться.

Когда Паунит и Паткилис поднимались из-за края неба, те, кто был сзади, были готовы схватить Паунита и поймали бы его, но он разорвал горловину своего мешка, и в тот же миг повсюду разлилась густая тьма. Никто не мог видеть; все словно ослепли в одно мгновение.

Восточным людям пришлось остановиться. Они не могли следовать дальше. Паткилис знал местность к западу от неба, и они с Панитом, спотыкаясь, медленно продвигались в темноте и довольно долго брели ощупью на запад. Наконец Паткилис открыл свою сумку, и в этот момент дневной свет исчез из нее. Они могли видеть на большое расстояние; теперь они были очень рады, ехали быстро и вскоре были у Норвинте.

Кериха и Норванчакус некоторое время жили у Норвинте (неизвестно, как долго), а затем взяли свои сети и отправились вверх по реке ловить рыбу вниз по течению. Они поднялись по Богема-Мем и Пуи-Мем до Панти-Царау.

“Давай порыбачим отсюда, брат мой”, - сказала Кериха. “Я буду держаться за конец палки от сети, которая опускается в реку, чтобы я мог быстро доставать рыбу, когда она поймана. Ты можешь идти вдоль берега”.

Они ловили рыбу до самого Номлупи, и Кериха называл все места, куда они с братом спускались. Он дал им имена, которые они носят сейчас, имена, которыми мы, Винтусы, называем их. Первым местом после Панти Царау был Лорус Пом, а Кериха не оставила безымянным ни одно место между Панти Царау и Номлупи. Они остановились в Номлупи, построили там дом из кустов и некоторое время жили в нем.

Однажды два брата отправились в Норванбули в большую парилку, где жила женщина Пом Норванен Питчен, или Норван.

“Брат мой, ты не должен злить эту женщину”, - сказал Норванчакус, когда они были рядом с Норванбули. “Это очень могущественная женщина; у нее много еды, ее нужно много съесть, но ты не должен ничего брать; не ешь ничего, кроме того, что она дает; не разговаривай много; делай только то, что я тебе говорю”.

“Я сделаю то, что ты мне скажешь”, - сказала Кериха.

Они вошли с южной стороны Норванбули и остановились к востоку от двери. Норванчакус сел и зажал Кериху между колен. Женщина заложила руку за спину, взяла желудевый хлеб, протянула его братьям и сказала:

- Возьмите это, вы двое, съешьте, а потом уходите.

“У этой женщины много еды”, - сказала Кериха. “Давай побудем здесь с ней немного. Давай не будем уходить, брат мой.

“Успокойся, ” прошептал Норванчакус. - Не разговаривай.

“ Брат мой, я голоден. Скажи ей, чтобы дала нам еще хлеба. Этого недостаточно.

Норванчакус едва почувствовал вкус хлеба, но Кериха ела с большим удовольствием. “ Теперь, брат мой, - сказал Норванчакус, - нам пора идти. Я понесу тебя. ” Он взвалил брата себе на спину, крепко обнял Кериху за шею и двинулся в путь. Когда они почти вышли из дома, Кериха начала вырываться и брыкаться.

“Отпусти меня, брат мой, - сказал он, - отпусти меня!”

Норванчакус крепко держал его. Кериха тянул и тянул, пока не освободил правую руку. У двери стояла большая корзина с желудями. Он схватил их пригоршню и оставил себе. Норванчакус вышел и, когда был недалеко от дома, почувствовал, что земля качается, поднимается и опускается. Он остановился и увидел, как земля разверзается вокруг него и медленно опускается. Затем он совершил один мощный прыжок и обрушился на Богембули. Он едва добрался до этой горы, когда она начала трескаться, и он снова начал погружаться. Он совершил второй прыжок и спустился далеко на юго-запад.

Кериха уронила желуди, и в этот момент земля перестала раскрываться. Братья пробыли некоторое время на юго-западе, затем отправились в Цик Тепджи. Это был сильный водоворот реки, в котором было легко поймать лосося. Они построили хижину из тростника на берегу реки и дом недалеко от реки, на холме. Норванчакус наловил очень много лосося, и Кериха ел и ел; он ел все время и никогда не становился больше. Норванчакус почти ничего не ел. Однажды утром Кериха был в доме, пока его брат ловил рыбу. Пришел незнакомец, очень маленький человечек, не больше мальчика пяти лет от роду. Кериха посмотрел на него, потом вскочил и подбежал к брату.

“О, брат мой, - сказал он, - кто-то пришел в наш дом”. Норванчакус ничего не сказал.

- У нас дома кто-то есть, - повторила Кериха.

- Он что-нибудь сказал? - спросил Норванчакус.

“Нет”.

- Ты с ним разговаривал?

“Нет”.

- Почему бы и нет?

- Он мне не нравится, он такой маленький.

“Ничего, возвращайся и дай ему чего-нибудь поесть; называй его дядей”.

Кериха вернулась и уставилась на незнакомца. Через некоторое время маленький человечек поднял голову и спросил: —

“Почему ты так смотришь на меня? Я оставила небольшой пакет с кореньями к северу от дома. Не принесешь ли ты его сюда? Корни очень хороши в пищу”.

Кериха пошла. Сумка была маленькой. В одном углу ее были корешки, немного. Он схватился за сумку, но не смог ее поднять; он пытался обеими руками, но не смог пошевелить ею; перепробовал все способы, но не смог сдвинуть ее с места; исцарапал руки и ноги, пытаясь это сделать, оставил сумку и вернулся без нее.

“Я не могу поднять этот мешок”, - сказал он маленькому человечку. “Как ты его принес, ты такой маленький?”

Незнакомец, которого звали Нодал Моноко, вышел, одной рукой занес сумку в дом и поставил ее снаружи. Норванчакус знал, кто этот незнакомец, и принес огромного осетра. Кериха приготовила рыбу, поставила ее перед гостем и сказала: “Съешь это”.

Маленький человечек ничего не сказал, подождал, пока рыба остынет, затем, поднеся ее ко рту одной рукой, проглотил всю целиком.

Кериха готовила для маленького человечка все утро, пока Норванчакус ловил рыбу. К полудню их дрова почти все сгорели.

“Дядя, ” сказала Кериха, “ мы собираемся приготовить много рыбы. Не сможешь ли ты мне и не принесешь ли дров?”

Маленький человечек ничего не ответил.

“Дядя, ты не принесешь мне дров?” - спросила Кериха.

Незнакомец посидел немного, потом пошел на гору, взял самые большие сухие деревья, вырвал их с корнем одной рукой, сложил их в кучу и вырвал два молодых зеленых деревца; ими он связал сухие и отнес их на плече в Кериху.

Теперь Кериха увидела, что за человек был маленький человечек. Он готовил лосося и осетрину до полуночи, не останавливаясь, а маленький человечек все равно был голоден. Кериха готовила рыбу всю ночь, а Нодал Моноко ела до рассвета.

На следующее утро Норванчакус поднялся с реки и сказал маленькому человечку, который выглядел так, словно ничего не ел:

“ Дядя, ты, я полагаю, хочешь домой. Если хочешь рыбы, набей свою сумку; в нее поместится пара хороших рыб. Рыба вчера вечером вышла не очень вкусной, но я могу дать тебе достаточно, чтобы наполнить твою сумку.

С этими словами Норванчакус вернулся к месту рыбалки. Нодал Моноко вышел и вытряхнул все из своей сумки. Когда корни были выброшены, их куча была во много раз выше и больше дома. Она покрывала все открытое пространство, в то время как некоторые корни скатились по склону холма и упали в реку.

Сумка Нодала Моноко вместила бы горы. Он мог бы поместить в нее весь мир. Нодал отнес свою сумку к реке, где Норванчакус ловил рыбу всю ночь, и увидел там скопления лосося.

- Бери столько лосося, сколько сможешь, - сказал Норванчакус.

Незнакомец положил двести семг в один угол своей сумки, еще двести - в другой, двести — в середину - все крупные рыбы, — и дно сумки было едва прикрыто. Затем он закрутил верх мешка и завязал его. У Нодала Моноко был колчан из бобровой шкуры. При этом он нес пять больших корзин с желудями, в каждой корзине было по три бушея, и желуды эти заполняли только самый кончик бобрового хвоста.

Он спустился к реке, чтобы переплыть ее.

“Он не сможет перейти реку с этим мешком и колчаном”, - сказала Кериха.

У кромки воды Нодал Моноко взяла сумку и колчан в одну руку, а другой переплыла реку.

Два брата рыбачили в Цик Тепджи до того дня, когда Кериха сказала: “Пойдем вверх по реке, брат мой”. Они отправились в Бохем Тейл и остановились у большого дерева. Кериха повесила на его ветку лосося. “Я присмотрю за этой рыбой, - сказал он. - Посмотрю, придет ли сюда Хьюбит, чтобы съесть ее”.

Он наблюдал в тот день от рассвета до темноты; никто не пришел. Он наблюдал еще пять дней - никто. Еще пять дней, и еще пять дней, и еще пять дней — всего двадцать один; он никого не видел.

На следующее утро он ждал, как вдруг услышал шум и, оглянувшись, увидел, что Хубит пришел с запада и направился к лосося. Норванчакус сидел на некотором расстоянии, наблюдая за Керихой.

“О, брат мой, - воскликнула Кериха, “ Хубит пришел. Он в "лососе". Что мне делать? Я хочу знать, где живет Хьюбит, я хочу увидеть его дом. Я должен последовать за ним.

“Брат мой, ” ответил Норванчакус, - ты говоришь, что знаешь больше меня. Ты думаешь, что знаешь все. Ты должен знать, что делать с Хьюбитом.

“О, брат мой, ” сказала Кериха, “ не дразни меня. Говори скорее, что мне делать с Хьюбитом.

“ Иди прямо на юг, на ровное место, возьми павита и принеси его. Я присмотрю за Хабитом, пока тебя не будет.

Кериха быстро принесла немного лапши. “Что мне теперь делать?”

“ Воткни один пучок в хвост лосося и хорошенько закрепи, ” сказал Норванчакус. “ Пусть Хубит унесет рыбу. Ты можешь увидеть хохолок вдалеке и следовать за ним”.

Кериха прикрепила к лосося хохолок, отдала рыбу Хубиту и стала наблюдать. Хубит не откусил, не почувствовал вкуса. Кериха весь день пыталась заставить его попробовать лосося, пыталась на второй день, пыталась пять дней. Хьюбит даже не откусил от него. На шестой день Кериха сказала: "

“ Хьюбит, зачем ты здесь? Я думал, ты пришел поесть лосося, но теперь ты его не попробуешь.

Кериха разговаривала с Хубитом еще пять дней, всего десять. “Хубит, я бы хотел, чтобы ты съел немного рыбы, а остальное забрал домой”. Хьюбит ничего не ответил.

Еще пять дней Кериха дразнила его, а потом еще пять дней, всего двадцать дней.

“Хабит, - сказал Кериха на двадцать первый день, - скажи мне, что ты собираешься делать; я хотела бы знать”, - и он подтолкнул его. От Хубита ни слова. “Ты спишь или умер?” - спросила Кериха. “Хубит, ты меня так злишь, что мне хочется тебя убить”.

Все эти дни Кериха наблюдала за Хьюбитом от рассвета до темноты, не давая ему возможности украсть рыбу, а Хьюбиту так хотелось лосося, что он не мог без него обойтись. Норванчакус сидел, наблюдая за Керихой.

“Брат мой, ” сказала Кериха, “ я не могу заставить этого Хабита взять лосося; что мне делать? Скажи мне”.

Норванчакус ничего не ответил.

“ Я начинаю злиться. Если ты не можешь сказать мне, что делать, я убью Хьюбита завтра же.

“ Зачем убивать Хьюбита? Ты долго дразнил его; подразни его еще немного. Как ты найдешь дом Хьюбита, если убьешь его?

“Хьюбит, ты будешь кусать этого лосося?” - спросила Кериха на следующее утро. “Я уже достаточно долго возилась. Откусишь сегодня? Он поднес лосося ко рту Хьюбита. Хьюбит откусил немного. Кериха подняла лосося с Хубитом и подбросила его в воздух, чтобы Хубит взлетел. Все рухнуло камнем. Кериха бросила лосось во второй раз. Он снова упал. Он пытался весь день.

“Я не знаю, что за человек этот Хабит; он не ест, не разговаривает, не идет домой, ничего не делает”, - сказала Кериха.

На следующее утро он сказал Хубиту: “Хубит, что ты за человек? Я бы хотел, чтобы ты пошел домой”.

Но Хьюбит не захотел уйти без лосося и не взял его из страха, что Кериха последует за ним. Кериха снова подбросила ему лосося. Ему снова достался лосось, и он дразнил Хьюбита еще пять дней. На шестое утро Хьюбит начал есть.

- А, ты ешь! - сказала Кериха. - Пойдешь сегодня?

Он бросил лосося; тот снова упал. Он пробовал еще пять дней. Хабит ел, но не летал. Теперь он пробовал еще двадцать дней. На двадцатый вечер он сказал Норванчакусу: “Завтра я убью Хьюбита”.

“О, ты не сердись”, - сказал Норванчакус. “Поиграй с ним еще немного. Ты хочешь все знать, все видеть, все иметь. Тебе следует выяснить, что он имеет в виду; у него есть какая-то причина поступать так, как он поступает.

На следующее утро Кериха отправилась к Хубиту. “ Ты скажешь мне, что собираешься делать? Если ты не скажешь мне, я убью тебя. Когда я подброшу тебя вверх, я убью тебя, если ты не полетишь”.

Он подбросил лосося. Хьюбит взмахнул крыльями и немного полетал над землей, затем сел.

“ О, он уходит, он уходит! Я так рад! - воскликнул Кериха и бросил лосося во второй раз.

Хабит расправил крылья и облетел вокруг Керихи, облетел вокруг дерева.

- Вперед, вперед! - закричал Кериха, хлопая в ладоши.

Хубит рванулся на север, почти у самой земли, а Кериха побежала изо всех сил, но Хубит улетел далеко вперед; затем он пролетел немного к западу, развернулся и помчался прямо на север.

Кериха не терял его из виду, но поднялся в воздух и полетел на север, идя параллельно Хубиту и ускоряясь. Он оказался в небе первым. Мгновением позже появился Хьюбит.

“Я здесь, перед тобой!” - закричала Кериха. “Ты не можешь выйти отсюда!”

Хабит немного полетал вокруг да около и отстрелился от Богема Тейила. Кериха была прямо за ним.

“Хабит, ты такой медлительный”, - крикнула Кериха. “Я хочу двигаться быстро, мне нравится видеть, как ты двигаешься быстро”.

Хабит немного облетел вокруг дерева, затем устремился на юг. Кериха отошел немного в сторону, оказался на юге перед ним и захлопал в ладоши.

- С этой стороны нет спасения, Хьюбит; я здесь, перед тобой.

Хубит повернулся к Богему Тейилу. Слез с дерева и помчался на восток, туда, где опускается небо. Кериха была там раньше него. Он бросился на запад, туда, где опускается небо. Кериха была там перед его лицом, преграждая путь. Хьюбит был на всех четырех точках, и ни на одной из них не было спасения; и все же он не бросил лосося. В пятый раз он повернулся к Богему Тейилу, а Кериха стояла у него за спиной. Он несколько раз облетел вокруг дерева, затем поднялся прямо в воздух, неся лосося. Он быстро поднялся и поднялся очень высоко. Кериха стоял и смотрел на Хьюбита, наблюдая, как он становится все меньше и меньше. Кериха прикрыл глаза рукой.

Хьюбит почти скрылся из виду. Кериха едва могла разглядеть его на фоне лосося и хохлатки, маленькой точки в небе. Он смотрел очень пристально, напрягая зрение, пока кровь не потекла по обеим его щекам; но он все равно продолжал смотреть.

Хьюбиту показалось, что он уже скрылся из виду, и вскоре Кериха увидела, как он повернул на запад и спускается вниз. Оказавшись над Бохем-Були, он спустился прямо к нему с северной стороны и вошел внутрь.

“Я рад, я рад. О, я так рад!” воскликнул Кериха, хлопая в ладоши. “Теперь я знаю, где дом Хьюбита. Собирайся скорее, брат мой, мы пойдем навестить Хьюбита. О, ты такой медлительный, брат мой, я не могу тебя дождаться. Приходи, когда сможешь; я пойду дальше один”.

Кериха поспешила в Богембули. Норванчакус последовал за ней и увидел, что Кериха делает странные вещи; не понимал, что он делает; удивлялся ему. Он метался из стороны в сторону, ложился и снова вскакивал. Норванчакус направился к нему.

“Что вы делаете?” крикнул он. - В чем дело? - спросил я.

“Не подходи так близко”, - крикнула Кериха. “Стой, стой!”

Когда Хьюбит заехал в свой дом в Богембули, он сию же минуту начал делать его больше. Он швырял огромные камни, а Кериха уворачивалась от них. Они быстро появлялись один за другим (сейчас таких камней много по всему Бохем-Були, в Пуйтиэль-Тон, в Вайкиди-Пом и на западе за Тайам-Норелем). После того, как обрушились камни, Хьюбит обрушил на них ливень земли; затем он остановился.

“Как мне добраться до этого Хабита?” - спросил Кериха своего брата.

“ Иди на юг, в ровную долину, где растёт саккус. Собери верхушки этого растения.

Кериха быстро принесла много ботвы сакку.

- Отправляйся сейчас в Халат Пом, на восток, и принеси как можно более длинные виноградные лозы.

Кериха принес десять очень длинных лоз, сплел из них веревку и обвязал ею большую связку ботвы сакку, которую поджег, а затем опустил связку. Он заткнул дверь травой и палками. Вскоре в доме Хьюбита послышался сильный грохот, борьба и рев. Через некоторое время все стихло, и все стихло.

“Теперь, брат мой, - сказала Кериха, - Хубит мертв, и я собираюсь съесть его соты”.

Он взял большой острый камень, начертил большой круг вокруг входа в дом Хубита и сказал: “Ты, соты Хубита, будь такой же величины, как этот круг . Теперь, брат мой, - сказал он, ” ты можешь отправляться в Бохем Тейл. Я скоро приду.

Норванчакус отправился домой. Кериха начала копать, нашла много сотов, копала до ночи, осталась на всю ночь в доме Хубита — копала мед и ела двадцать пять дней.

Норванчакус ждал дома своего брата, ждал в тот вечер до полуночи, ждал до утра, но так и не увидел никаких признаков Керихи. Он подождал следующий день; затем два, три, пять дней; затем еще двадцать дней.

“Что ж, ” сказал Норванчакус, “ я ничего не могу поделать. Возможно, он мертв, возможно, он еще работает”.

На двадцать шестую ночь после смерти Хьюбита кто-то вошел в дом. Норванчакус поднял голову. Это была Кериха.

После этого два брата отправились в Пури-Були. У подножия горы они увидели кого-то, кто наполовину сидел, наполовину лежал и смотрел на них. Когда они подошли ближе, он исчез в отверстии.

“Брат мой, - сказала Кериха, - я хочу этого”.

“Ничто не может пройти мимо тебя”, - сказал старший брат. “Ты хочешь всего. Тебе лучше забыть об этом”.

Кериха не обратил внимания на Норванчакуса: он расколол землю мизинцем и убил незнакомца, Супчита. Он снял кожу с тела и сказал: “Я думаю, что эта кожа будет теплой; я буду спать на ней”.

“Брат мой, — сказал Норванчакус, - ты единственный человек, который когда-либо убивал Супчита - ты можешь пожалеть”.

На следующее утро пошел сильный снегопад. Снег шел пять дней и ночей; все было погребено под снегом. Кериха и Норванчакус двадцать один день пролежали под снегом без еды. На двадцать первую ночь женщина-Супчит, которую убил Кериха, пришла и украла его.

На следующее утро Норванчакус выглянул наружу. Керихи не было; снег сошел. Он искал следы, искал весь день, но не нашел. Он искал пять дней, десять, двадцать дней — обыскал все горы, спускался по рекам, поднимался по рекам, на север, юг, восток, запад. Он искал год, но не нашел ни следа; искал десять лет, потом еще десять лет; расспрашивал всех на свете — никто не знал о Керихе.

Наконец он вернулся к дому, где потерялась Кериха, чтобы посмотреть, нет ли там тропинки. За местом, где спала Кериха, он увидел большой камень. Он поднял его, обнаружил отверстие и проход, ведущий на север, увидел следы, оставленные женщиной Супчит, которая увела Кериху. Он вошел в проход и пошел по тропе, пока не добрался до вершины Бохем-Пуюк. Он выбрался на вершину, снова вошел внутрь и пошел по тропе, ведущей на юг; шел по ней, петляя на запад и восток, пока не вышел к Вайкиди-Пом. Там он увидел следы на земле, потерял их, нашел снова, обнаружил, что они уходят под землю, путешествовал под землей, вышел, терял и находил следы, пока не потерял их навсегда.

Он пять лет рыскал по западу, не находя ни следов, ни вестей о Керихе. Наконец он сказал: —
- Я спрашивал каждого в этом мире, кроме двух моих двоюродных братьев Ласасвы из Ласан Холока.

Затем он повернул на восток и направился в Ласан Холок, недалеко от Пас-Пуйсоно, где нашел большой дом с дверью на южной стороне. Один старик сидел с восточной, а другой с западной стороны двери. Дом был полон людей. Двое стариков потирали бедра и что-то скручивали. Все люди внутри делали то же самое, все вили веревки.

Пять лет назад эти старики услышали, что Норванчакус потерял своего брата. Все люди говорили друг другу, что Норванчакус ищет Кериху. Как только старики услышали об этом, они начали плести веревки.

Норванчакус встал в дверях и занес одну ногу, чтобы войти.

“Не ступай сюда, ступай на восток”, - сказал старик с запада.

“Не ступай сюда, ступай на запад”, - сказал старик с востока.

“Я пойду прямо”, - подумал Норванчакус.

“Не ходите сюда! Не ходите сюда!” - закричали все, кто был впереди.

Один маленький мальчик сидел позади всех остальных. Когда обрывки волокон выпали из рук тех, кто шел впереди, он подобрал их и скрутил в веревку.

“Я полагаю, ты долго путешествовал, внук мой”, - сказал старик с западной стороны двери.

“Я очень долго путешествовал и наконец приехал, чтобы поговорить с вами. Я спрашивал всех, кто живет на этой земле, о моем брате, и никто не может сказать мне, где Кериха”.

“Мы слышали о твоём брате пять лет назад, - сказали старики, - и велели нашим сыновьям вить веревки, потому что ты потерял Кериху”.

- Сколько веревок ты сделал? - спросил я.

- Мы сможем сказать завтра.

На следующее утро они расчистили широкое пространство перед домом. Пока они занимались этим, Норванчакус сказал веревочникам: -

- Я бы хотел, чтобы вы послали за Цивилем, стариком, живущим здесь неподалеку.

Его быстро привели. После того, как пришел Цивиль, Норванчакус сказал: —

“Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас, молодые люди, попытался подняться и спросить Саса, знает ли он, где мой брат. Я думаю, что Сас должен знать.

“Я попробую первым, - сказал старик с западной стороны двери. - Думаю, у меня самая длинная веревка”.

“Я дам тебе кое-что для Sas”, - сказал Норванчакус. “Вот выпрямитель для стрел, повязка из серебристо-серой лисьей шкуры и пожарная дрель. Если ты поднимешься на вершину неба, то увидишь дорогу с востока на запад. Сядьте с южной стороны от него под табачным деревом, которое там растёт. Скоро Сас придет с востока, направляясь на запад. Он остановится у дерева. Дай ему эти три вещи”.

Старик достал большой моток веревки, чтобы размотать его и подняться наверх.

“Кто будет стоять и наблюдать?” - спросил другой старик.

- Цивиль, - сказал Норванчакус.

Цивиль положил дубовые листья рядом со спиралью, лег на них и посмотрел вверх. Старый Ласасва взял один конец своей веревки, потянул за нее и начал. Веревка разматывалась, и он поднимался. Цивиль не сводил глаз с Ласасвы. Через некоторое время он сказал: “Ласасва на полпути наверх”. Немного позже он сказал: “Он больше чем на полпути наверх!”

- Но веревки больше нет, - сказал Норванчакус.

“Ласасва спускается”, - сказал Цивиль.

Старик спустился на землю. “Моя веревка слишком короткая. Теперь должен попробовать кто-нибудь другой”, - сказал он.

“Я попробую”, - сказал другой старик. У этого было больше веревки. Пятерым мужчинам пришлось помогать ему выкатывать ее из дома, ее было так много. Он взял подарки для Sas и начал подниматься наверх.

Цивиль внимательно наблюдала. Веревка разматывалась, и Ласасва поднимался наверх. “Он на полпути наверх!” - сказал Цивиль. “Он рядом с тем местом, где был первый человек”. Цивиль

слегка повернул голову, но не терял Ласасву из виду. “Он так же высок, как и тот, другой; он выше; он поднимается еще выше!”

- Но веревка оборвалась, - сказал Норванчакус.

- Он спускается! - крикнул Цивиль.

Все смотрели в небо, кроме маленького мальчика, который, как и раньше, плел веревку внутри.

“Мы стары, ” сказал второй Ласасва, “ наши веревки слишком коротки. Вы, молодые люди, должны попробовать завтра”.

У каждого старика было девять сыновей. Каждый человек однажды проходил испытание — все пытались двадцать дней — ни у кого не было достаточно длинной веревки. “Что же нам теперь делать?” - спросили старики на двадцать первый день.

- В доме еще есть мальчик, который плетет веревку; пусть попробует, - сказал Норванчакус.

“ О, он всего лишь играет. У него не так уж много веревок; он просто делает веревки из обрывков, которые другие выбрасывают”, - сказал один из стариков.

“Войди и спроси его”, - сказал второй старик.

Норванчакус вошел и сказал: “Ты маленький мальчик, но не мог бы ты попробовать свою веревку для меня?” - и он взял мальчика за руку. Он держал свою веревку в маленькой корзинке. Когда Норванчакус взял его за руку, он схватил корзину другой рукой и вынес ее.

“Зачем они выводят этого маленького мальчика?” - закричали молодые люди. “У него нет веревки. У нас были длинные веревки, и все они были слишком короткими; его веревка предназначена только для того, чтобы играть с ней”.

“Кузен мой, ” сказал Норванчакус, “ ты маленький, но я думаю, ты кое-что знаешь. Вот три подарка. Когда ты достигнешь неба, отдай их Sas”. Затем он сказал ему, что делать.

Когда Норванчакус закончил, мальчик склонил голову и сказал ему “Да”. “У вас, мужчин, длинные веревки, но они были слишком короткими. Моя веревка, может быть, и не достанет до неба, но я попытаюсь”, - и он вздрогнул.

Грудь и живот Цивилия теперь были такими же синими, как небо, а из его глаз текла кровь - он смотрел так долго и пристально. Когда мальчик отошел на некоторое расстояние, те, кто был внизу, не могли его видеть, и они сказали Цивилю: “Рассказывай нам, почаще рассказывай нам, что он делает”.

Через некоторое время Цивиль сказал: “Он почти такой же высокий, как и остальные. Он так же высок; он так же высок, как был самый высокий”.

Они посмотрели на его веревку. Казалось, ее стало больше, чем когда он начинал. Казалось, она все время росла.

“Он выше всех — он идет и идет”.

- Не теряй его из виду, - сказал Норванчакус.

Глаза Цивиль налились кровью.

- Сколько там веревки? - спросил Норванчакус.

- О, веревки здесь предостаточно! - закричали остальные.

“Он все уходит и уходит”, - сказал Цивиль.

“Как высоко он находится? Ты его видишь?”

“Он высоко, очень высоко, почти так высоко, как я могу видеть — он почти у самого неба”.

“Он пойдет на это, он пойдет на это!” - кричали некоторые.

“Он в небе”, - сказала Цивиль. “Он там, он там! Он держит на нем руку — он на вершине — он там!”

На земле еще оставалось много веревок.

“Что ж, ” сказал один из стариков, “ он на небе. Он никогда много не говорил, этот маленький мальчик, или, казалось, много знал, но он ушел туда, куда мы не могли попасть”.

Солнце почти наполовину поднялось в небе. Цивиль лежала и смотрела, смотрела, смотрела пристально. Sas пролетел середину неба, когда Цивиль сказал: “Я вижу мальчика. Он спускается, он приближается все ближе и ближе”.

Вскоре все могли видеть его. Наконец он стоял на земле.

- А теперь, кузен мой, - сказал Норванчакус, - Расскажи мне. Расскажи, что ты видел и что слышал. Что ты думаешь об этой стране там, наверху?

“Я поднялся на вершину”, - сказал мальчик. “Местность там хорошая. Я видел дорогу с востока на запад. Я прошел немного на восток и к югу от дороги увидел табачное дерево. Я сел под деревом и посмотрел на восток. Вдалеке я увидел старика, идущего с рюкзаком за спиной. Я сидел и наблюдал за ним. Наконец он добрался до того места, где я был, и прошел мимо, не взглянув на меня, прошел немного вперед, остановился, поставил свой рюкзак на южной стороне дороги, а затем направился ко мне. Я сидел лицом к северу. Он сел слева от меня, посмотрел на меня, посмотрел на головную повязку, пожарную дрель и выпрямитель для волос и рассмеялся. ‘Что ты здесь делаешь?’ - спросил он. ‘Откуда ты? Как ты попал в эту страну, где никто никогда не путешествовал, кроме меня, где я никогда никого не видел?’ Ты маленький. Как ты мог прийти сюда? ”Я здесь, - ответил я, ‘ потому что меня послал Норванчакус. Он послал меня, потому что потерял своего брата, Кериху. Он искал его по всему миру, спрашивал каждого, но никто не знает о Керихе. Он послал меня сюда, чтобы спросить вас о Керихе. Он сказал, что ты должен знать, потому что ты смотришь на весь мир, видишь всех людей, видишь все.’ Я положил эти три вещи перед ним и сказал: ‘Норванчакус сказал мне отдать тебе эти вещи за то, что ты потрудился рассказать о Керихе’. Сас снова улыбнулся, взял головную повязку, пожарную дрель и выпрямитель для волос, подержал их в руке и сказал: “Это хорошо - я знаю все, что происходит в мире. Я знаю, где Кериха. Я видел его каждый день с тех пор, как он ушел от своего брата — я знаю, где он сейчас. Женщина-Супчит взяла его однажды ночью, спустила под землю, вышла на вершину Богемп-Пуюк, снова спустилась, вышла, пошла кривыми дорогами на запад, пересекла мост, сделанный из одного волоса, перешла под небом

на другую сторону, к среднему дому в большой деревне. Она поместила Кериху в маленькую комнату в том доме; с тех пор он был там, он там и сейчас. Он очень слаб и умрет завтра, если кто-нибудь не спасет его. Скажи Норванчакусу, чтобы он выступил сегодня вечером и был там утром, если он хочет спасти Кериху”.

Тогда Сас сунул руку за пазуху и достал кольчи биси [небесную шапочку], отдал ее мне и сказал: ‘Отнеси это Норванчакусу и скажи ему, чтобы он отдал это Цивилю за его хлопоты’. Сас дал мне также кусочек неба. ”Это тоже для Цивилия, - сказал он. - Пусть носит это на груди, чтобы было синее лицо”.

Норванчакус подарил это Цивилю, а затем сделал ему одеяло из дубовых листьев. Он носит все это по сей день.

“Мой кузен, ты уверен, что Sas сказал это?” - спросил Норванчакус.

“ Я уверен. Все это мне рассказала Sas.

“ Теперь подожди, мой кузен. Норванчакус направился на северо-восток, протянул руку; на ней оказалась охапка курути (шелкопряда, который растет на краю света). - А теперь, кузен мой, - сказал он, “ я хорошо заплачу тебе за твои хлопоты. Всю свою жизнь ты можешь плести из этого курути столько веревок, сколько захочешь, и можешь подниматься по ним куда угодно — на север, юг, восток или запад”.

Норванчакус тронулся в путь в полночь и быстро направился на запад. Он хорошо знал дорогу. Он пересекал хребты и долины, миновал места, где находил следы Керихи и терял их, подошел к мосту из одного волоска, прыгнул с берега на середину моста. Мост все раскачивался и раскачивался. Под ним была широкая, стремительная река, но Норванчакус не упал. Еще одним прыжком он достиг другого берега и быстро побежал, пока не достиг большой деревни за небом. Он увидел главный дом, вбежал в его дверь с восточной стороны, прошел в маленькую комнату и обнаружил Кериху, положившую голову на ладонь женщины-Супчита. Он схватил своего брата и выбежал, промчавшись мимо всех людей, и остановился только тогда, когда был далеко за деревней.

“Итак, брат мой, - сказал он, - ты всегда говорил мне, что знаешь что-то великое, что ты хочешь сделать что-то великое, что ты хочешь быть чем-то великим. Что ты делал здесь тридцать лет? Я искал тебя повсюду. Ты никогда не давал мне знать, где был.

“О, брат мой, - сказала Кериха, - меня так клонит в сон, я спала и не знала, где нахожусь”.

Норванчакус перешел реку одним прыжком, ни на волос не коснувшись моста. Затем он пошел дальше, ни разу не остановившись, пока не добрался до Кери-Були.

На следующее утро на рассвете Кериха слышала голос сверху. Голос сказал: —

“ Покиньте это место, Норванчакус и Кериха. Мир скоро изменится. Вы двое должны прийти сюда. Быстро покидай это место внизу.

“Теперь, брат мой, - сказала Кериха, - ты такой медлительный, что я не знаю, куда ты хочешь пойти и что ты хочешь делать”.

“Брат мой, ” сказал Норванчакус, “ я сделаю все, что в моих силах, и ты сделай все, что в твоих силах. Мы закончили нашу работу здесь. Грядущие люди будут знать названия, которые ты дал рекам, горам, скалам и холмам. Отныне они будут называть эти места именами, которые мы им дали”.

Находясь в этом мире, Кериха носил утиную шкуру, и когда они были готовы отправиться, он сбросил эту шкуру на другой стороне Богема Мем, и из нее вышли все утки на реках этой страны.

Норванчакус всегда носил с собой ясеневую палку от рыболовной сети. Уходя, он воткнул ее в землю в Царау Херил. “Я оставляю это здесь, - сказал он, - и люди, которые придут, сделают из этого трубки”. В Царау Херил и по сей день много пепла.

На другой стороне неба братья расстались. Норванчакус поднялся высоко и остался там. Кериха уехала далеко на восток и сейчас живет там.

КЕЛЕ И СЕДИТ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Хинву, большая сова; **Келе**, горный волк; **Клереу Лулимет**, дикая лилия; **Пили Лулимет**, цветок тростниковой травы; **Покок**, земляная сова; **Пом Пивеки**, кривая земля; **Саток Покаила**, --; **Сас**, солнце; **Цурат**, красноголовый дятел; **Тунхлуча**, лягушка.

В Пуидал-Виннеме жил Келе. Олелбис построил там большую парилку и велел ему оставаться в ней. Келе был стар и жил в том месте совсем один; жил там долго, думая, решая, что делать, — он был одинок и хотел пить. “Зачем Олельбис поместил меня сюда?” - подумал он.

Однажды он встал на рассвете, выбежал из дома, направился на запад, подошел к ручью. На берегу стояла большая группа горных кленов. Келе увидел прямую палку среди всех остальных. Он разрезал палку, вытащил ее и оторвал короткий кусочек. По дороге домой он расколол палку, разгладил ее и закрепил на ходу. Он повесил две палки над головой в парилке, вышел во второй раз, нашел саженец белого дуба, твердый и крепкий, отрезал от него кусок длиной в два фута и положил у очага. На следующий день он лег спиной к костру и пролежал так всю ночь без сна. Перед самым рассветом он услышал шаги, и его ударили по спине. Минуту спустя его снова ударили в то же место. Старик встал и развел хороший костер из дров мансанита.

Рассвело, и Келе сказал: “Дети мои, подойдите к огню, погрейтесь, вспотейте, а потом искупайтесь в ручье”.

Две девушки подошли к костру, согрелись стоя, и вскоре они вспотели от жары.

“Дочери мои,” сказала Келе, - здесь недалеко есть ручей. Идите и искупайтесь в нем.

Эти девушки были сделаны из палки, которую Келе расколол на две части и воткнул в стену дома. Девушки искупались в ручье, вернулись и были очень хороши собой. Когда они вошли, Келе принес оленину для двух своих дочерей.

“Дочери мои,” сказал старик, “я вам кое-что скажу. Вы должны идти на работу, делать добрые дела. В лесу вокруг нас есть корни, пригодные в пищу. Тебе нужно пройтись. Выйди и собери корни”. Они отправились копать корни дикой лилии. После этого они ходили туда каждое утро.

Вскоре они начали говорить: “Нам хотелось бы поесть другой пищи; нам хотелось бы поесть дичи. Сегодня мы видели горных перепелов; мы видели оленей”. Наконец-то они говорили так каждую ночь. Келе слушал, думая, что делать. У этих девушек была хорошая кровать, застеленная шкурами, и они каждую ночь разговаривали друг с другом; но однажды ночью они рано легли спать и сразу же заснули. Келе хотел, чтобы они спали; вот почему они быстро заснули. Он поспешил к нескольким рябинам, подошел к середине и срезал пять веток. Он обстругал их, сделал гладкими, разрезал каждую пополам. Тогда у него получилось десять гладких палочек. Затем он нарезал еще пять палочек. Их он оставил грубыми; их также разрезал пополам; их было десять штук. Келе разложил двадцать палочек над головой в доме на северной стороне и лег спиной к огню. Огонь был хорош, на нем горела горячая мансанита. Его дубинка из зеленого дуба стояла у камина.

Келе лежал без сна и ждал. Он не спал и думал. Две девушки все это время крепко спали. Незадолго до рассвета он услышал звук, как будто кто-то босой спрыгнул сверху на пол. В следующий момент кто-то схватил дубинку и ударил его. Другой подошел таким же образом и ударил его. Его ударили дубинкой десять раз.

Десять гладких палочек превратились в людей. Каждый мужчина нанес ему по удару, отошел к стене дома и сел там. Келе еще не встал. Он услышал, как кто-то босиком спрыгнул вниз и схватил дубинку. Этот один раз ударил Келе. Второй прыгнул вниз и ударил его дважды, третий - трижды, четвертый - четыре раза, и так далее до десятого, который ударил его десять раз. Всего их было двадцать: десять из гладких и десять из грубых палочек.

Первые десять палочек он выстругал гладко, и из них получилось десять хороших сыновей, но из десяти необрезанных палочек вышло десять грубых, шумных сыновей. Келе не разгладил их, и они били его много раз. Когда десятый грубый сын нанес ему последний удар, Келе встал и развел большой костер; он едва мог двигаться, так сильно его избили дубинкой. Тогда он лег и сказал: "

“А теперь, мои мальчики, идите сюда; согрейтесь, потанцуйте и вспотейте, затем идите к ручью купаться и приходите сюда снова”. Затем он запел и заставил своих сыновей танцевать. Мальчики пустились в пляс и поспешили к ручью искупаться, крича на ходу. Они вернулись в парилку красивыми людьми.

Теперь поднялись обе девочки. Они уже знали, что сделал их отец.

- Идите, дочери мои, и приготовьте для своих братьев, - сказал Келе.

Две сестры приготовили еду и поставили ее перед своими братьями.

- А теперь, сыновья мои, ешьте то, что у нас есть, - сказал Келе. - После этого вы отправитесь на охоту и принесете дичи.

Первая десятка, самые ловкие люди, обладали здравым смыслом; вторая десятка была хуже; девятый и десятый из второй десятки были очень плохими. Первые десять человек сделали каждый только по одному глотку; из вторых десяти первый сделал один глоток, второй - два, третий - три, и так далее до десятого, который сделал десять глотков. После этого они откинулись на спинки кресел и приготовились к выходу.

“Что нам делать?” - спросили первые десять. “Нам нечем охотиться”.

Келе достал луки и колчаны со стрелами и раздал их каждому; дал им также по пять веревок, веревок из волокон травы. “Теперь вы вооружены”, - сказал Келе и показал им, где ставить силки для оленей.

Они спустились далеко к подножию горы и расставили силки. Десять гладких братьев стояли на вершине горы; вторые десять, которые были грубыми, гнали оленей. “Ты должен кричать так, чтобы мы могли слышать тебя все время”, - сказали гладкие братья. Ближе к вечеру гладкие братья увидели оленя в силках. “Гладкая десятка” забирала тела, лучшие части игры; “грубая десятка” - ноги, уши, рога, все плохие части тела. Ловкая десятка приносила в дом лучшее мясо; грубая десятка поднимала большой шум - у них было мало здравого смысла. Две сестры приготовили коренья и оленину на всех.

На следующее утро Келе развел большой костер из дров мансанита. “Вставайте, мои мальчики,” крикнул он. “Иди и поплавай”. В тот день двадцать человек остались дома, а сестры отправились за кореньями.

Так они жили долгое время: братья охотились, сестры копали коренья и готовили еду, пока, наконец, сестры не захотели увидеть других людей, кроме своих братьев. Однажды, отправившись за кореньями, они присели на склоне горы. “Что нам делать?” - спросила одна сестра. “Мы хотим видеть людей, но сейчас мы не видим никого, кроме наших братьев и отца”.

В тот вечер, когда все улеглись, старшая сестра подошла к Келе и села рядом с ним. “Отец мой, - сказала она, - я хочу знать свое имя”.

- Тебя зовут Клеру Лулимет, - сказал Келе. - твою сестру зовут Пили Лулимет.

Она сказала сестре, как их зовут. Обеим понравились имена, и они были рады им. Каждый день мужчины потели и плавали, убивали оленей и ставили на них силки. Сестры выкопали корни лилий и приготовили их.

Однажды вместо того, чтобы копать корни, они поднялись высоко на склон горы и сидели там, глядя на запад. Они могли видеть очень далеко, и все казалось прямо перед ними, хотя и далеко, у кромки великой западной воды.

Это был первый раз, когда сестрам представилась возможность заглянуть далеко. До того дня перед ними был только горный склон или лесная просека; теперь у них была возможность осмотреть всю страну. Сразу после полудня они увидели человека, который медленно направлялся на север.

“Какой приятный мужчина! Посмотрите на него”, - сказала одна сестра другой.

Он вдруг остановился, казалось, сел и исчез сквозь землю. В тот день они его больше не видели.

“О, мы бы хотели увидеть этого человека, - сказали сестры, - и поговорить с ним”. Они смотрели, разговаривали и забыли выкопать корни. Наконец, незадолго до захода солнца, они сказали: “Пойдем за корнями!” Они сбегали с горы, быстро нарыли полную корзину и поспешили домой.

“О, отец, ты научишь нас петь?” в тот вечер младшая сестра обратилась к Келе. “Мы весь день пытались петь. Я пытался научить свою сестру, она пыталась научить меня. Мы ничего не могли поделать”.

“Ты можешь спеть и так”, — сказал Келе и начал:

“О ви, нет”, “О ви, нет”,
“О ви, нет”, “О ви, нет”.

“Это хорошо”, - сказала она, уходя. Она ничего не сказала сестре и легла.

Вскоре после этого пришли двадцать братьев. Десять из них наделали много шума. Дом просто дрожал от грохота. Вторые десять измазали себя оленьей кровью, повесили себе на шею оленьи внутренности. Они выглядели дикими и свирепыми. Находясь внутри, они вели себя тихо; выходя и возвращаясь, они всегда спешили и кричали.

На следующее утро Келе запер двадцать братьев в парилке. - Отдохните денек, - сказал он.

Сестры поднялись на вершину горы и посмотрели на запад. Вскоре они увидели, что кто-то идет на север, как и в первый день.

“Наш отец учил тебя петь?” - спросила старшая сестра.

- Он говорил, но я забыл.

Она попыталась вспомнить песню, и вскоре после этого до нее дошло:

“О ви, нет”, “О ви, нет”,
“О ви, нет”, “О ви, нет”.

“Так пел наш отец”, - сказала она. “Попробуй сама, сестра”.

Начал старейшина; вскоре оба запели вместе.

“О, теперь у нас есть хорошая песня”, - сказали они.

Их песня долетела прямо туда, где был человек, на большое расстояние. Этим человеком был Седит. Он собирал красную землю для желудевого хлеба. Вода, пропитавшая красную землю, использовалась для увлажнения желудевой муки. Седит был покрыт ракушками. На него было очень приятно смотреть. Когда он копал землю, ему показалось, что он что-то услышал. Он

остановился, прислушался, прислушался всеми ушами. Сестры перестали петь, и он снова принялся копать; снова он услышал пение и остановился. Когда он остановился, сестры перестали петь; когда он начал копать, они начали снова. Так продолжалось всю вторую половину дня. Они весь день сидели там, почти ничего не делая.

Незадолго до захода солнца сестры выкопали свои корни и разошлись по домам. Седит тоже пошел домой. Он жил в доме Сатока Покаила.

“Что ты делал? Я ждал тебя весь день, до утра и после полудня. Сейчас уже слишком поздно печь хлеб”, - сказал Саток.

Эта старая женщина жила одна, пока Седит в своих странствиях не пришел к ней и не стал работать, приносить дрова и копать красную землю для нее.

“У меня разболелась голова, - сказал он, - и мне пришлось пролежать почти весь день”.

“Прости меня”, - сказала старуха; и она дала ему еды, но он ничего не хотел. На следующий день Седит отправилась за красной землей. В то утро он почти ничего не ел. Он не спал всю ночь. Он думал о той песне на горе.

В тот день сестры поднялись на вершину горы и посмотрели на запад. Вскоре Седит пришел на то же место и принялся за работу, положил две или три пригоршни в свою корзину, услышал пение, услышал его отчетливо, остановился, напряг зрение, чтобы разглядеть, кто поет, но никого не увидел. Снова он копал, снова они пели; снова он прекращал работу, снова они прекращали пение; снова он работал, снова они пели. Седит теперь думает, как последовать за певцами, пытается насвистывать их музыку — не может уловить ее — оглядывается, никого не видит. “Ну, я должен спеть”, - говорит он. Он поет, и на этот раз он улавливает музыку.

Теперь сестры пели ему в ответ. Как ему показалось, они пошли дальше, и он последовал за ними. Но они не двигались, они оставались на одном месте. Они просто с каждым разом заставляли свое пение казаться все более отдаленным.

Седит следовала за ними, пока они наконец не остановились, больше не желая петь. Он не знал, что делать. “Мне лучше вернуться к своей корзинке,” сказал он наконец. Он вернулся, поставил свою корзину на берег к востоку от ямы и сказал: “Теперь, моя корзинка, я оставлю тебя ненадолго, я уйду. Я помещаю тебя к востоку от ямы. Рутстик, я ставлю тебя к востоку от корзины. Если Саток Покаила спросит, где я, ты двинешься на восток, корзина, и упадешь на восток, рутстик. Она поймет, в какую сторону я пошел.

Он пошел на восток, прошел небольшое расстояние, забыл песню, остановился, думал, что делать. Затем песня вернулась к нему. Сестры снова начали петь. Седит последовал за их песней.

Саток Покаила дождался красной земли, подождал до полудня, потом подумал: “Пойду посмотрю, не болит ли у Седита голова”. Она нашла корзину, частично заполненную красной землей, и палку, стоящую к востоку от нее. Она посмотрела в яму, которую выкопала Седит, и подумала: “Он должен быть где-то здесь”. Она искала, но не могла его найти.

“Где Седит?” спросила она у корзины. “Куда он делся?— Где Седит? - спросила она у корешка.

Корзина двигалась на восток, пока не достигла палки, палка упала на восток. Теперь старый Саток знал, что произошло. Она взяла корзину и палку-копалку с собой домой и благополучно расставила их.

Седит последовал за сестрами, запел сам и слушал их песню. Песня унеслась на юг, прочь от горы. Он шел, пока не достиг Тайам Норель. Седит сел. Люди спрашивали, откуда он родом, куда направляется. Он не рассказывал, не разговаривал, ему было наплевать на слова людей. Он ни о чем не думал, не слышал ничего, кроме песни дочерей Келе.

Он посидел совсем недолго и ушел, напевая и слушая песню сестер. Теперь он направился на восток. Он последовал за ним к горе, где увидел старика, ставящего ловушку. Это был старый Покок.

“Дядя, куда ты так спешишь?” - спросил Покок.

“Я иду на восток”, - ответила Седит. “Ты больше не увидишь меня здесь”.

Он поспешил вниз с горы, пересек ручей и направился прямо на другую гору; был уже на самой вершине, когда увидел очень крупного мужчину, идущего к нему справа, когда Седит направлялся на восток. Седит остановился, посмотрел и немного испугался. Двое уставились друг на друга. Незнакомец был очень высоким и очень толстым. Седит испугалась. Крупный мужчина, не останавливаясь, шел прямо на запад. Седит долго смотрела на него, не двигаясь, смотрела, как он спускается с горы. После того, как он ушел, Седит долго стояла, а потом села.

“Почему он не заговорил со мной?” - подумала Седит. “Он первый человек, которого я встретила, который не захотел заговорить со мной. Кто он? Я хотел бы знать.

Седит весь тот день сидел и думал о большом человеке. Он слышал эту песню всегда, иногда совсем рядом с собой, но так много думал о большом человеке, что не прислушивался к ней. Он подумал, придет ли этот великан снова, и сказал себе: “Я подожду и увижу”.

Ночью Седит подумал: “Если он придет и не заговорит со мной, я убью его”. Он ждал всю ночь. Он встал очень рано, совсем не спал. Около восхода солнца он увидел человека, идущего издалека, с востока,двигающегося на запад. Седит наблюдал, держа лук и стрелы наготове. Это был он, который накануне не разговаривал. Седит выстрелил ему в грудь, выстрелил еще раз. Здоровяк не обратил на это внимания, прошел мимо. Седит выпустил двадцать стрел. Незнакомец все время смотрел на Седита, ничего не говорил. Седит выпустил еще двадцать стрел — израсходовал все свои стрелы.

После того, как он выпустил сорок стрел, и человек прошел совсем рядом с ним, Седит сел и подумал: “Кто это такой, что я не могу убить его?” Он долго думал, а потом понял, что это, должно быть, Сас Кимила.

Это был старый Сас. Сас дурачил Седита точно так же, как дочери Келе дурачили его.

Седит снова услышала песню и последовала за ней. Он отправился в Мем Богема в Савал-Пом, поднялся по Норкен-Мем, пока не добрался до Хин-Пома, где услышал сильный шум. Там танцевало много людей.

“О, Седит приближается”, - сказали они. “Куда он так быстро?”

“Дядя, куда ты так спешишь?” - спросил один из мужчин. “Какие у тебя новости?” Расскажи нам, что ты видел во время своего путешествия”.

“Я путешествую по этой стране, чтобы посмотреть на нее. Я никого не видел и ни о ком не могу сообщить вам никаких вестей. Я больше не пройду этим путем”.

Говоривший мужчина и танцующие были из народа хинва. Седит помчался дальше, добрался до квартиры, увидел родник и множество людей, пьющих воду.

“Внуки мои, что вы делаете, почему вы пьете так много воды? Вода вредна для молодежи” (эти люди были птицами всех мастей). Седит назвал это место Чилчил балус (водопой птиц). Он пошел дальше, не останавливаясь и не разговаривая, — ни на то, ни на другое не было времени. Он прислушался, услышал пение у холма, побежал туда; услышал разговоры множества людей, цураты спорили о желудях.

Седит миновал этих людей, пересек Норкен Мем, побежал по тропе и подошел к старику, лежащему поперек нее у подножия горы. Седит, шедший быстро, хотел перепрыгнуть через старика, но тот пошевелился, и Седит остановился. “Внук, что ты делаешь?” - спросил Седит. Это был Пом Пивеки. “Я не знаю, что делать”, - сказал Пом. “Я стар, я не могу путешествовать, поэтому я лег здесь”.

“Я пойду дальше, “ сказал Седит, - и, думаю, вернусь этим путем”. Теперь он слышал песню ближе; шел за ней, шел до заката, пока она не смолкла. Он оставался в том месте всю ночь.

На следующее утро, вскоре после восхода солнца, песня зазвучала снова. Седит ответила и последовала за ней. Затем это прекратилось; он снова остановился; затем песня зазвучала во второй раз; он последовал за ней; песня прекратилась. Песня кружила вокруг горы, постепенно поднимаясь немного выше; иногда она была рядом, иногда казалась далекой, но он так и не подошел к ней.

После, возможно, десятидневного блуждания он достиг вершины горы, обходя ее круг за кругом. Теперь пение раздавалось в горах постоянно. Он находился на самой высокой части парилки Келе. Келе, его двадцать сыновей и две дочери были внутри, и девочки и старик знали, что кто-то ходит по крыше их парилки. Сыновья Келе уходили каждое утро, как и его дочери. Хотя их было много, Седит никогда не видел ни одной из них, — они одурачили его. Наконец, когда Седит была на горе, Келе крикнул: —

“Если кто-нибудь находится в моем доме, пусть идет к западной двери”.

Седит услышал и пошел обратно тем же путем, которым пришел. Он подошел к Пом Пивеки и спросил: “Ты знаешь, где дверь в эту парилку?”

Пом Пивеки ничего не ответил. Он встал и открыл дверь; казалось, что он лежал поперек входа. Когда он открыл дверь, Седит заглянул далеко вглубь дома.

“Седит, если ты здесь для того, чтобы войти, то этот путь для тебя”, - сказал Пом Пивеки. “Вы увидите старика, лежащего на восточной стороне, подойдите к нему и поговорите; это его парилка”.

Седит вошел и сел рядом с Келе, ничего не сказав. Келе встал и накормил Седита, поговорил с ним, рассказал ему, что за человек он, Келе, и о его детях, и сказал: “Седит, если ты приехала сюда, чтобы остаться, ты должна делать то, что я тебе говорю; ты должна быть осторожна. У меня грубые сыновья; если они узнают, что ты здесь, они устроят скандал. Я спрячу тебя. Они будут шуметь, но ты не пострадаешь, если будешь вести себя тихо; если ты пошевелишься, они наверняка найдут тебя и надругаются над тобой”.

Келе положил Седита в корзину на земле и спрятал его там, оставив небольшое отверстие для наблюдения. “Ты можешь выглянуть, но не двигайся”, - сказал Келе.

Как только Седит скрылась, девушки вошли с корешками и сели на свое спальное место. Седит была рядом с ними. Он протянул руку и ущипнул младшую сестру. Она ничего не сказала.

- Сестра, ты никого не видела? - спросила она через некоторое время. - кто-то ущипнул меня.

“Ш-ш-ш! - сказал старец. - Молчи и ничего не говори; не дай нашему отцу услышать”.

Старейшина пошел готовить, а двадцать сыновей Келе пришли, стуча молотками и притопывая.

Первые десять, самые плавные, прошли, как всегда, тихо; вторые десять прошли в спешке и шуме. Седит украдкой посмотрела на них.

Младшая сестра оттолкнула его. - Успокойся, - сказала она.

Седит попытался подняться, но она удержала его на месте.

Первый мужчина из второго десятка закричал: “Тьфу! Я чувствую запах Седита”.

Второй сказал: “Тьфу! Я чую Седита; вышвырни его вон!”

“Тише, мальчики, не говорите так, - сказал Келе. - Седит - ваш дядя.

“Фух! Я чувствую запах Седита! - закричала вся вторая десятка.

Келе с трудом удержал своих сыновей от Седита. Поев, они еще больше разволновались. “Где Седит?” - закричали они. “Давайте найдем Седит!”

Наконец они нашли Седита, вытащили его на улицу, играли с ним в мяч, всю ночь перебрасывали его с одной стороны большого дома на другую. Келе ничего не мог сделать, не мог остановить их. Он пошел и лег. Около восхода солнца Седит закричала. Он был почти мертв. Десять грубых сыновей Келе были перепачканы оленьей кровью и орали всю ночь. Гладкая десятка сидела неподвижно, ничего не могла поделать с грубой десяткой.

На рассвете Седит едва мог дышать. Под левой рукой у него был корень, и когда его швырнуло через весь дом, он упал в огонь и поднял сильный дым. Запах был очень приятным. Сыновьям Келе он понравился. Они бросили Седита туда, где нашли его, оставили его и начали вдыхать дым.

“Сыновья мои, ” сказал Келе, - я говорил вам прошлой ночью, чтобы вы не причиняли вреда Седиту; оставьте его в покое. Тот корень, который он уронил, будет полезен для вас, и в дальнейшем он вам понравится. Будущие люди, отправляясь на охоту, возьмут этот корень, цараухоси, протянут его и скажут: ‘Келе, дай нам оленя’. Они дадут тебе корень, а ты дашь им

оленя. Когда они отправляются на охоту и им не везет, они разводят костер, сжигают этот корень, держат его, пока он дымится, и говорят: "Келе, не поставишь ли ты оленей так, чтобы мы могли видеть, и убьешь их?" (Охотники винту носят этот корень и сжигают его, если им не везет в поиске оленей. Келе нравится запах, и она посылает им оленя). Келе натер Седита костным мозгом оленя, поставил его с западной стороны парилки и сказал: "Это твое место; ты останешься здесь".

Мальчики, как и прежде, отправились на охоту, девочки - копать корни.

"Откуда у тебя эти сыновья, брат?" - спросил однажды Седит.

"Тебе не нужно знать; я тебе не скажу", - ответил Келе.

"Как ты построил этот дом? Два старика не должны жить в одном доме. Если бы у меня был дом, твои сыновья могли бы навещать меня, когда захотят, посмотреть дом своего дяди и, возможно, остаться на всю ночь.

"Я не думаю, что ты смогла бы иметь сыновей, Седит, или содержать дом. Я не верю, что у тебя хватит на это сил; такие вещи трудно делать", - сказал Келе.

Но Седит продолжал говорить о сыновьях и парилке. Келе попросил Седита спеть для его сыновей, пока они танцевали и потели. Он спел дважды, и спел неплохо. "Я могла бы хорошо петь, если бы у меня были свой дом и собственные сыновья", - заметила Седит.

"Я построю для него парилку", - подумал, наконец, Келе. "Он может пройти через то же, что и я. Я не думаю, что он это сделает, но я могу позволить ему попробовать.

Следующей ночью Келе заставил всех крепко спать. Он прошел небольшое расстояние на север и пожелал увидеть парилку. В следующее мгновение перед ним встала гора. Келе вернулся домой до рассвета и лег. В тот день Седит говорила по-прежнему.

"Пойдем", - сказал Келе и повел его на новую гору. "Ты можешь жить здесь, если хочешь. Это твой дом". Тогда Келе бросил его.

Седит развел костер, нашел трубку и табак, закурил и провел там много дней и ночей в одиночестве. "Хотел бы я знать, откуда у Келе сыновья", - подумал он однажды ночью. "Я должен спросить его".

"Я пришла сказать тебе," сказала Седит однажды утром, "что я одинока. Я хочу знать, как у вас появились сыновья и дочери.

Келе долго не отвечал. Наконец он рассказал ему, как заполучил своих дочерей.

Седит пошел домой, сделал в точности то, что сделал Келе, затем лег, так и не заснув. Ближе к утру он услышал, как кто-то прыгнул на пол; затем он получил удар по спине, затем второй. Двое людей отошли и сели. Седит встала, развела большой костер и начала петь для потанцевания. Две девушки стояли у костра, обливаясь потом, потом пошли к ручью, искупались и пошли домой. У них были очень длинные волосы, и они были симпатичными. Седит дала им деревянные гребни и норковые шкурки для волос, дала еды и красивые корзинки, выкрашенные в красный цвет, велела каждому выкопать корни и приготовить их.

Седит некоторое время жил со своими дочерьми, пока однажды не подумал: “Я хочу иметь сыновей”. Он пошел к Келе, и Келе рассказал, как у него появились сыновья, рассказал тщательно.

Седит нарубил веток, сделал все, как сказал Келе, и лег у костра, но не смог удержаться и поднял глаза; в тот момент, когда он посмотрел, все ветки упали на землю. Седит снова расставил их по местам, лег у костра, посмотрел вверх. Ветки упали во второй раз; он снова сложил их, лег, посмотрел в третий раз. Ветки упали в третий раз. Он складывал хворост до рассвета, когда ему пришлось остановиться. В тот день Седит пошел в Келе. “Мои хворост падали всю ночь”, - сказал он.

Келе уже знал, что произошло. “Почему не сделал, как я тебе сказал? Я же просил тебя не смотреть вверх.

“Я больше не буду смотреть”, - сказал Седит.

На следующую ночь он снова выставил палки и ждал, принимая удары, пока последний из второго десятка не нанес ему десять ударов, затем он вскочил и закричал. Все двадцать сыновей упали и снова превратились в палочки. Едва рассвело. Седит собрала палочки в корзину и посмотрела, проснулись ли девочки. Это были такие же палочки, как и все остальные.

Седит чувствовал себя очень виноватым, не мог сказать, что делать. Он положил две палочки к остальным двадцати, брал по одной, поднимал ее и говорил: “Это был мой сын, это была моя дочь”. Ему было жаль, и он подумал, сможет ли он сделать другие. Он подошел к Келе и сказал: "

- Брат мой, я бы этого не вынес.

- Что я тебе говорил? - спросил я.

“А нельзя ли мне приготовить еще?”

- Возможно, ты не сможешь этого вынести. - Келе не хотела, чтобы он пытался.

“Мне жаль моих девочек, - сказала Седит, - я хочу их вернуть; я любила их”.

“Ты можешь попытаться завести сыновей, но эти девочки не вернуться”.

Седит попробовал в третий раз. Избиение было таким сильным, что он чуть не закричал; но на этот раз он выстоял, и у него родилось двадцать сыновей. Дом Седита был полон сыновей, но у него не было дочерей; стики больше не превращались в девочек, хотя он поступил с ними так же, как в первый раз.

Седит отправил своих сыновей на охоту. “Идите, куда хотите”, - сказал он. “С западной стороны есть горный хребет; поднимитесь на этот хребет, держитесь одной линии, и когда вы повернетесь, кто-нибудь может увидеть вас и подумать: ”Какая толпа милых мальчиков!"

В тот день мальчики Келе охотились и увидели сыновей Седит в длинной шеренге. “Посмотри на этот ряд мужчин на гребне”, - сказали они. “Это наши двоюродные братья, - сказал один из гладкой десятки. - это сыновья Седит”.

Сыновья Седит пошли на квартиру, танцевали и играли весь день, взяли желтой глины, сделали из нее пасту, выкрасились в желтый цвет — вот почему койоты и по сей день желтые; краска не смывалась. Все вереницей разошлись по домам. Седит приготовила для них ужин.

“Почему ты пришел без оленя?” - спросила Седит.

“Мы танцевали на плоской площадке и рисовали”.

Седит ничего не сказал. Все поели; потом Седит подумал: “Я хочу, чтобы вы, мальчики, поспали”. Все уснули. Седит пошел к Келе, разбудил его и сказал: "

“Мои сыновья отправились на охоту, но вернулись домой без оленей. Что мне с ними делать?”

“Пусть они охотятся на птиц. Пусть они охотятся на сусликов и кузнечиков на лугах. Суслики ничем не хуже оленей”.

“Хорошо”, - сказал Седит, пошел домой и уснул.

На следующий день они принесли с охоты кузнечиков и сусликов, и Седит остался доволен.

“Пусть они живут на такой пище”, - подумал он.

Они рассказали о своей охоте в тот день. “Мы хотели воды, - сказал один из них, “ и встретили старую женщину. ‘Мы высохли и не можем найти воду’, - сказали мы ей. ‘Я дам тебе воды’, - сказала старуха. - “Пойдем со мной’. Мы шли за ней некоторое время. Я испугался и сказал своим братьям: “Не пейте воду, которую она дает’. Один из моих братьев закричал на старуху и напугал ее. Она откатилась назад и превратилась в болото с родником посреди него. Мы не подходили близко к роднику, но чуть не заблудились в болоте ”.

“Это злая старуха”, - сказала Седит. “Это Тунлуча Покаила. Она часто топит людей. Я встретил ее однажды, и она чуть не утопила меня. Больше к ней не подходи. Охоться на сусликов и кузнечиков в другом месте.

“Теперь, сыновья мои, ” сказал Седит несколько дней спустя, “ идите и рассеянитесь по этой стране. Всякий раз, когда ты захочешь увидеть меня, приходи сюда, в мою парилку.

Сыновья Седита рассеялись на север, юг, восток и запад. Они были на каждом гребне и точке, в каждой долине и лугу, у каждого источника и реки.

Сыновья Келе остались в своей огромной горной парилке, занимаясь теми же делами, живя тем же образом. Две сестры так и не вышли замуж, и все родственники Келе сейчас находятся в этой горе. Когда они выходят на улицу, они похожи на волков; но когда они внутри, когда чувствуют себя как дома в горах, они - люди.

КОЛ ТИБИЧИ

КОЛ ТИБИЧИ родился в Норпат Кодихерил на Вини Мем незадолго до рассвета. Когда он был маленьким мальчиком, он часто гулял один. Если он иногда шел поиграть с другими мальчиками, он не оставался с ними. Он пропадал из виду, исчезал и терялся. Затем его отец, или мать, или другие люди неожиданно находили его в том или ином месте. Иногда они находили его дома, иногда на расстоянии, в каком-нибудь ущелье или на какой-нибудь горе. Случалось, что его мать смотрела ночью на его кровать и видела его там спящим. Она смотрела снова и обнаруживала, что он ушел. Она оглядывалась в третий раз и находила его точно так же, как в первый. Днем его видели в одном месте, а в следующий момент он исчезал.

Однажды он играл с детьми; они отвернулись, чтобы что-то увидеть, потом посмотрели на него. Он исчез. Через некоторое время они увидели его в воде под лососеводильней. В другой раз он исчез.

“Куда он делся?” - спросил один мальчик.

“Я не могу сказать”, - ответил другой.

Вскоре они услышали пение.

Один спросил: “Ты это слышишь?”

“Да”, - сказал другой. - “Где это?”

Они прислушались и присмотрелись. Вскоре они увидели Кола Тибичи, сидящего у северного берега реки, под водой.

- Мы должны бежать и рассказать об этом его отцу и матери.

Двое мальчиков побежали сообщить об этом его отцу и матери. “Мы потеряли вашего сына”, - сказали они. “Он ушел от нас. Мы долго искали его и не могли найти. Теперь мы нашли его; мы видели его сидящим под водой; мы не знаем, что он делает”.

Его мать выбежала из дома и побежала к реке.

“Мы думаем, что он, должно быть, мертв”, - говорили собравшиеся там люди. “Мы думаем, что его убил какой-то япайту [дух]”.

Вскоре они увидели, что он жив; он двигался. “Иди сюда, сын мой, ” звала его мать, протягивая к нему руки, — иди сюда, сын мой; выходи, иди ко мне”. Но он остался там, сидя под водой.

Четверть часа спустя они увидели, что мальчик ушел от реки. Люди услышали пение где-то между ними и деревней. Они подняли глаза и увидели, что мальчик был на полпути к дому и шел от реки.

“Это твой сын”, - крикнули они женщине.

“О нет”, - сказала женщина, но она подбежала и обнаружила, что это ее сын.

В другой раз мальчик отправляется на юг с несколькими детьми. Они теряют его, как и другие. Через полчаса они слышат пение.

“Где он?” - спросят некоторые.

“С этой стороны”, - говорит один.

“На этом”, - говорит другой.

К югу от реки на крутом берегу растет большая сахарная сосна. Они смотрят и видят, что он висит высоко на ветке, указывающей на север, головой вниз и поет.

Они подбегают к его матери. “Мы видим вашего сына, подвешенного за ноги к дереву”.

Женщина спешит к реке, пробегает среди камней и мусора вокруг дерева, тянется к мальчику, бросается на камни с криком: “О, дитя мое, ты погибнешь!”

Через мгновение он исчез; на дереве нет никаких следов его присутствия. Вскоре в доме раздаются крики: “Жена моя, поднимайся, не плачь, наш сын здесь!”

Она выползает из камней и грязи, бежит домой и находит мальчика в безопасности рядом с его отцом.

Теперь люди начали говорить о чудесном мальчике. Вскоре о нем говорили все. В этом месте было много людей. Норпат Кодихерил был очень большой деревней.

“Какой-нибудь япайту собирается лишить этого мальчика жизни, - сказали они. - какой-нибудь япайту убьет его”.

Однажды утром мальчик спустился на северный берег реки с детьми, но отдельно от них, позади, один. Он поднял глаза и увидел в воздухе огромную птицу, летящую над ним. “О, если бы у меня были такие перья на крыльях!” - подумал мальчик. Затем он подул вверх и загадал желание (олпультча). В этот момент огромная птица Комос Кулит упала перед ним. Сразу после того, как птица упала, он услышал голос в небе, голос высокий, очень высокий, кричащий:

- А теперь, маленький человечек, ты должен называть себя Кол Тибици. Ты будешь величайшим Хлахи [доктором] на Вини Мем”.

“Посмотрите на этого мальчика!” - закричали другие мальчики. “Смотрите! у него что-то есть”.

Они испугались, когда увидели огромную птицу и мальчика, расправляющего крылья и держащего в руках чудесный Комос Кулит. Некоторые из них подбежали к его матери и сказали ей: "

“У вашего сына очень большая птица. Она упала к нему с неба. Мы боимся этой птицы. Мы не смогли бы поднять такую большую птицу”.

Старики сбежались вниз; увидели, как мальчик держит в руках Комоса Кулита. “Откуда у тебя эта птица?” - спросили они. “Он упал на тебя?”

“ Да. Я увидел тень большой птицы на земле. Я посмотрел вверх. Она упала и оказалась здесь.

Старики говорили, говорили много, говорили долго. Их было много.

“Мы не знаем, что делать; мы не знаем, что и думать. Мы не знаем, почему упала эта птица”, - говорили некоторые. “Мы не должны говорить о птице, но мы должны подумать об этом мальчишке, выяснить, что он делает”.

“О, - говорили другие, - он заставил птицу упасть, подув на нее. Этот мальчик будет великим Хлахи”.

Мальчик убил птицу япайту докос (духовным кремнем); ему нужны были ее крылья.

Отец и мать мальчика сказали: “Два мудреца должны вырвать мальчику самые длинные перья из крыльев. Он хочет их; он хочет, чтобы они сохранились”.

“Пусть это будет сделано”, - сказали люди; и они нашли двух человек, чтобы вырвать два самых длинных пера из крыльев. Мальчик отошел в сторону, пока они тянули их, притворившись, что не видит и ему все равно, что они делают; но двое мужчин знали, что он знает, почему так поступает. Когда двое мужчин вытащили перья, мальчик сказал своему отцу:

- Мне нравятся эти перья; побереги их для меня, они мне нужны.

Его отец отнес перья домой и сохранил их.

В другой раз этот мальчик шел по Вини Мем — незадолго до этого он был на танцах хлахи и увидел там красивые воротнички из мерцающих хвостовых перьев и запомнил их. Он вышел вперед и сказал себе: "

“ Интересно, где этот человек нашел эти перья. Я бы хотел иметь такие же.

“Сорви пучок травы ртом, - сказал япайту, - положи его на ладонь и посмотри на него”.

Он так и сделал, и в его руках оказались мерцающие перья. Он пересчитал их и нашел пятьсот. “Это красивые перышки, я оставляю их себе”, - сказал мальчик.

“ Твое имя Кол Тибици, - сказал япайту. “ Ты будешь величайшим хлахи на Вини Мем, но ты должен повиноваться нам. Вы должны прислушиваться к нашим словам, вы должны делать то, что мы вам говорим”.

Кол Тибици взял мерцающие перья и пошел на запад, пересек широкое ущелье, пока не подошел к черному дубу над Норпат Кодихериллом.

“Мне нравится этот дуб”, - сказал Кол Тибици. “Я думаю, что это хорошее место для моей матери, чтобы собирать желуди”. Тогда он подул и сказал: “Ты, должно быть, очень большой, широкий и высокий, каждую осень даришь много желудей. Я назову твое место Олпулчитон” (место, устремленное ввысь, *то есть* место желаний).

Тогда он пошел домой и отдал перья мерцающего хвоста своей матери. “А теперь, мама, - сказал он, - я хочу, чтобы ты сохранила эти перья для меня”.

“Где ты их нашел, сын мой?” - спросила она. “Ты всегда что-то делаешь. Ты не сам это нашел; они достались япайту. Я сохраню их. Мне жаль тебя, но я не могу остановить то, что ты делаешь. Ты не можешь остановить это сам. Но я сохраню эти перья для тебя, я сохраню их в целости и сохранности”.

Теперь все люди много говорили о Кол Тибичи.

Однажды были танцы у доктора, и мальчик оставался дома до тех пор, пока однажды ночью к нему не пришел япайту, и он не начал хлахать. Его отец и мать не знали, в чем была проблема.

- Приведите его сюда, - сказал самый старый врач.

“Он хлахи”, - сказали врачи, когда увидели его. “Сак хикай [радуга] - его япайту. Ты должен отдать его нам, пока япайту не покинет его. Пока япайту с ним, пусть остается внутри.

Они пять или шесть дней готовили Хлахи (врачей). Мальчик пробыл в парилке шесть дней, ничего не ел и не пил; некоторые другие ели и пили, но Кол Тибичи не ел и не пил.

“Нужно что-то сделать, чтобы заставить этого япайту уйти от него. Ты должен надеть повязку на голову Кол Тибичи, - сказал вождь, - и япайту покинут его.

У них была белая повязка с изображением волчьего хвоста. Япайту не пошли. “Это неподходящий вид повязки”, - сказал доктор через некоторое время. Они попробовали лису, дикую кошку, койота, группу белых оленей, но безрезультатно.

“Мы не знаем, чего он хочет”, - сказали несколько хлахи.

Затем они попробовали выдру, енота, барсука, черного медведя, медведя гризли, серебристо-серую лису, норку, бобра, кролика, рыжего дятла.

“Чего он хочет?” - спрашивали некоторые.

“Теперь, ” сказал старый доктор, - вы должны знать, что у этого мальчика должны быть еда и питье, а он не может получить их, пока япайту не уйдет. Вы должны знать, что повязка на голове, которую хочет его япайту, - это цахай лойяс” (женский передний фартук из коры клена, выкрашенный в красный цвет).

Они принесли этот фартук, сделали повязку на голову и повязали ему на голову.

“Это тот самый”, - сказал япайту.

Кол Тибичи начал петь; хлахи танцевали несколько минут. Затем мальчик подул, и япайту оставил его. Кол Тибичи сначала съел оленину и выпил воды, затем перешел на другие виды пищи. С этого времени Кол Тибичи стал хлахи.

Вскоре после великого танца Хлахи, примерно через две недели, Нотиса, вождь Норпат Кодихерил, заболел; в полдень у него появилось плохое самочувствие, а вечером все его друзья думали, что он умрет. Ранней ночью люди в Норпат Коди увидели свет, идущий к дому Кола Тибичи.

“Люди идут; должно быть, в деревне кто-то заболел”, - сказали отец и мать мальчика. “Люди идут. Видишь, в эту сторону движется большой свет”.

К двери подошли двое мужчин. “Войдите”, - сказал отец Кола Тибичи. “Мы подумали, что кто-то заболел, когда увидели ваш свет”.

“Мы здесь, потому что Нотиса заболел”, - сказали мужчины. “Ему стало плохо в полдень”.

Двое мужчин расстелили шкуру куницы и сказали: “Мы принесли это, чтобы показать тебе и твоему сыну. Мы слышали, что он могущественный Хлахи. Вождь дал нам эту шкуру, чтобы показать тебе. Мы боимся, что Нотиса умрет. Мы хотим, чтобы твой сын поехал с нами, чтобы увидеть его”.

Они отдали шкуру Кол Тибици. Это была лучшая шкура в доме вождя.

“Мы пойдем”, - сказал отец Кола Тибици. “Я не говорю, что мой сын Хлахи, но он может кое-что сделать”.

Они разбудили мальчика и приготовили его к выходу. “Пойдем”, - сказала его мать и отнесла его в дом вождя.

- Мама, опусти меня, - сказал Кол Тибици, когда они подошли к дому.

“Мне не нравится унижать тебя”, - сказала мать.

- Опустить меня, опусти на минутку, - попросил мальчик.

Мать опустила его на землю. Потом он увидел, что кто-то оглядывается вокруг дома Нотисы, толкается, ищет, подкарауливает в темноте, прячется вокруг, держит в руках стрелы. Это был япайту, готовый выстрелить в Нотису и убить его.

Кол Тибици позвал своего собственного япайту, который подошел к тому, кто наблюдал, и сказал: “Что ты здесь делаешь? Что тебе нужно в этом доме?”

“Я ничего не делаю”, - ответил япайту.

“Ты ждешь, чтобы что-то сделать. Ты хочешь причинить вред”.

“О, нет; я просто осматриваюсь здесь, просто пытаюсь найти дверь. Я хотел кое-кого увидеть”.

“Вы готовы застрелить япайту докоса. Вы хотите убить Нотису. Ты наблюдаешь здесь, чтобы убить его.

“О, нет, я не собираюсь. Я просто смотрю по сторонам, ничего не делая”.

“Ты готов убить Нотису, вождя. Ты ждешь, чтобы убить его”, - сказал япайту Кола Тибици, который просто схватил странного япайту, скрутил его, убил прямо там и похоронил.

Мать Кол Тибици привела своего сына в дом вождя. Мальчик знал, что было сделано. Его япайту рассказал ему, что он сделал, и вошел вместе с ним. Мальчик сел рядом с Нотисой.

Люди думали, что вождь готов умереть, думали, что он может умереть в любой момент. “Пусть мальчик положит руку на больного”, - сказали они.

“Возложи руку на вождя”, - сказал отец. “Ты должен сделать все, что в твоих силах. Ты должен попытаться, сделать все, что в твоих силах, чтобы вылечить его”.

Кол Тибици поплевал на свои руки, провел ими по груди и лицу Нотисы. “Я хочу спать, мама, о, я так хочу спать”, - сказал мальчик, проведя руками по голове вождя.

“Сегодня он больше ничего не сможет сделать”, - сказал отец. “Мы пойдем домой”.

На следующее утро люди в парилке услышали, как мужчина разговаривает снаружи. Он вошел и сказал: “Я здоров!” Это была Нотиса.

“Мы рады”, - сказали люди. “Кол Тибичи спас тебя”.

Мальчик вырос и стал великим Хлахи. В двадцать лет он был величайшим Хлахи в Мем Вини.

Однажды в Эль-Хакаме были танцы Хлахи. Кол Тибичи был мужчиной. Ему тогда было тридцать лет. Он пошел на танцы. Тулитот был великим Хлахи в том месте, и он считал себя лучше, чем Кол Тибичи. Танцуя, Тулитот вынул изо рта змею, большую гремучую змею, и держал ее обеими руками, пока танцевал. Змея была его собственным ребенком. Кол Тибичи посмотрел и подумал, что мог бы сделать лучше; и, пританцовывая, он подул вперед, как это делают Хлахи, и выпустил длинные горящие языки пламени по обе стороны рта. Все присутствующие испугались и вместе с Тулитотом в страхе отбежали назад перед ним.

Когда танец закончился, Кол Тибичи отправился в Норпат Коди и продолжал жить, великий Хлахи: жил до тех пор, пока ему не исполнилось сто лет и больше. Он больше не мог ходить. Он знал, что не сможет жить. “Я больше не могу жить”, - сказал он. “Мой япайту говорит мне это — я не могу ходить. Я ничего не могу поделать. Мой япайту говорит мне, что я должен покинуть Норпата Кодихерила. [Он был не болен, но дряхл.] Мой япайту заберет меня и оставит мои кости в этом месте с тобой. Когда я покину свое тело, не хорони его. Оставьте его там, на земле. Дайте ему полежать одну ночь. На следующее утро вы увидите на его месте большой камень. Когда люди болеют, пусть они придут и возьмут с него кусок камня, или немного земли, или немного мха; это вылечит их”.

“Мы этого не сделаем”, - сказал Нотиса, сын первого вождя. - “Мы похороним каждое тело, и мы похороним твое, как и все остальные”.

“Не хорони мои кости”, - сказал Кол Тибичи.

“ Нам бы не хотелось все время видеть твои кости. Мы не желаем видеть вместо них камень.

“ Что ж, отнеси мое тело к черному дубу, положи его на высоте восьми или десяти футов от земли, оставь там на одну ночь; на следующее утро ты увидишь воду в дупле дуба. Любой мужчина может подойти и взять эту воду, натереть ею свое тело и немного выпить. Это вылечит его”.

“Нет, ” сказал шеф полиции, “ мы не хотим видеть это дерево там каждый день. Мы не хотим смотреть на это все время”.

“ Тогда выкопай глубокую могилу, - сказал Кол Тибичи. - положи в нее мое тело так, чтобы вокруг него ничего не было. Когда придешь скорбеть, не стой восточнее могильного холма. Утром после моих похорон ты увидишь радугу, выходящую из могилы”.

Кол Тибичи умер. Они сделали все так, как он им сказал. Все увидели радугу и сказали: “Мы должны были оставить его тело над землей и сделать все, о чем он просил нас с самого начала. Япайту скорбит по нему”.

Радуга простояла у могилы два дня и две ночи, затем переместилась на два фута на восток. На следующее утро он был в четырех футах от меня, затем в восьми, день ото дня продвигаясь все

дальше, пока не оказался у лососевой, куда Кол Тибичи часто ходил мальчиком. Он простоял там у лососевой пять дней. Затем это было на северном берегу реки, затем на склоне холма за ней, затем на вершине холма, затем на склоне горы, затем на вершине горы. Затем однажды ночью все жители Норпат Кодихерила слышали шум и стук в могильном холме, а рано утром следующего дня они увидели огромную птицу, поднимающуюся из могилы Кол Тибичи. Сначала показалась голова, а потом и тело. На восходе солнца оно вылезло совсем и полетело к сахарной сосне, с которой в детстве Кол Тибичи свисал головой вниз. Она села на дерево, побыла там пять минут, а затем улетела, полетела к горе, к радуге, вошла в радугу. Птица и радуга улетели, исчезли вместе. Птицей был Комус Кулит. Радугой был япайту Кола Тибичи.

ПОБЕДА ХАЛАИ АУНЫ В ДОМЕ ТУИНЫ

Этот миф и все, что за ним следует, принадлежат янам, индийскому народу, описанному в примечаниях. Девять предыдущих мифов повествуют о винтусах, соседях яна.

Языки этих двух народов радикально отличаются.

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Чухна, паук; **Халаи Ауна**, утренняя звезда; **Игуа Топа**, --; **Очул Марими**, горный лев; **Пул Миауна**, цветной лук, радуга; **Пун Мяупа**, сын радуги; **Туина**, солнце; **Утджамджи**, ложное солнце; **Вакара**, луна; **Ведико**, метеор; **Марими** означает женщина.

УСТАРОГО Пул Миауны был сын Пун Мяупа, жена и две дочери.

Пун Мяупа поссорился со своим отцом и решил уйти от него. “Я ухожу”, - сказал он однажды отцу и матери. “Я устал жить здесь”.

Мать заплакала.

“В какую сторону ты идешь?” - спросил отец.

Пун Мяупа ничего не ответил; он не сказал отцу, куда идет. Отец встал и вышел из дома. Мать перестала плакать и сказала: "

“Я хочу, чтобы ты отправился прямо к моему брату, твоему дяде Игупе Топа. Скажи ему, куда ты направляешься. Не уходи, не повидавшись с ним”.

Пун Мяупа оставил свою мать, пошел к дяде, постоял на крыше парилки. В тот день старик был очень занят, выбрасывая траву. Днем ранее в его доме играло очень много людей; они оставили там много травы.

“Дядя, ты жив?” - спросил Пун Мяупа.

Старый дядя поднял глаза и увидел своего племянника, который сказал:

“Дядя, я уже совсем взрослая. Я отправляюсь в очень долгое путешествие, я уезжаю далеко. Моя мать велела мне приехать сюда и повидаться с тобой.

- Куда ты направляешься, мой племянник?

- На север.

“Я так и думал”, - сказал старик, который знал, что его племянник отправится за младшей дочерью Вакары.

Вакара привел всех поклонников своей дочери в парилку Туины, и там они были убиты. Игуа Топа знал это и сказал: “Подожди немного, племянник, я пойду с тобой”.

“Дядя, ” сказал Пун Мяупа, “ ты слишком стар. Я не хочу, чтобы ты уезжал; путешествие убьет тебя. Я хочу путешествовать очень быстро в этом путешествии ”.

“Я пойду своим путем, я пойду так, как мне нравится”, - сказал дядя.

- Что ж, пойдем со мной, если сможешь идти быстро.

Игуа Топа оделся, взял посох и стал выглядеть очень старым. “Продолжай, я готов”, - сказал он.

Пун Мяупа вздрогнул. Он обернулся, чтобы посмотреть на своего дядю, и увидел старика; увидел, как тот упал, выходя из парилки. Пун Мяупа остановился, опустил голову и подумал: “Он не пойдет даже до Ваджами”.

Дядя поднялся и пошел дальше.

“ Ты слишком стар, дядя, ты плохо ходишь. Сиди дома, так лучше для тебя.

“Иди вперед, ” сказал старик, “ иди быстро. Я приду, как смогу”.

Пун Мяупа пошел дальше; его дядя последовал за ним. Игуа Топа спотыкался через каждые несколько шагов, падал, ушибался, порвал кожу. Пун Мяупа очень часто оглядывался назад. Дядя постоянно падал. “Должно быть, он весь в синяках и переломах от этих падений”, - подумал племянник.

Пун Мяупа находился на холме за Чичипаной. Он сел и закурил. Пока он там сидел, подошел его дядя.

“Дай мне закурить, а потом я хочу посмотреть, как ты прыгнешь вон на ту гору”, - сказал старик, указывая на нее.

- Я оставлю тебя здесь, если сделаю это.

“Предоставь меня самому себе”, - сказал старик.

Пун Мяупа надела лосины из оленьей кожи и расшитую бисером рубашку - великолепное платье. Затем он одним прыжком взобрался на вершину противоположной горы и оглянулся,

чтобы увидеть своего дядю; но старый Игупа Топа тоже прыгнул. Он просто проходил мимо Пун Мяупы и вышел далеко за его пределы.

“Я думал, ты слишком взрослый, чтобы прыгать”, - сказал Пун Мяупа, подходя к нему.

Они прыгнули снова, взобрались на вторую гору, и дядя во второй раз оказался впереди. После этого они пошли дальше. Старик падал очень часто, но Пун Мяупа больше не жалел его; он смеялся, когда падал его дядя. Они ехали долго, ехали быстро, и когда оба достигли горы Ваджами, то сели там отдохнуть.

“Я хочу, чтобы Вакара отправил свою младшую дочь за дровами”, - мысленно сказал Пун Мяупа; и в следующую минуту Вакара, который был далеко, в своей собственной парилке, велел своей младшей дочери взять корзину и отправиться за дровами. Этой дочерью была Халаи Ауна.

В этот же момент жена Вакары, Очул Марими, сказала девушке: “Почему ты все время спишь и не помогаешь мне? Я хочу, чтобы ты принесла мне листьев для желудевого хлеба.

Халаи Ауна взяла корзину и отправилась на склон горы за дровами и листьями. Пун Мяупа увидел, как девочка наполняет свою корзину.

“Это дочь Вакары”, - сказал он своему дяде.

“ Остановись! Будь осторожен! - сказал Игупа Топа.

Теперь дядя вложил всю душу в сердце своего племянника, чтобы укрепить его. На виду был только один человек. Игупа Топа вошел к своему племяннику, вошел, потому что знал, что Туина убила всех мужчин, которые пытались заполучить Халаи Ауна, и он хотел спасти сына своей сестры, Пун Мяупу.

Когда девочка наполнила корзину и повернулась, чтобы взвалить ее на спину, она увидела позади себя Пун Мяупу; она не могла пошевелиться, так была напугана.

“Чего ты боишься? Я такой уродливый?” - спросил Пун Мяупа.

Он понравился ей, но она не сказала ни слова, просто побежала, поспешила домой с корзинкой и поставила ее у двери.

“Что с тобой?” - спросила мать. “Я думаю, тебе не нравится работать”.

“В чем дело?” - спросил Вакара. “Ты напуган”.

- Я видел человека на горе, человека со скальпами дятлов на голове.

- Южане носят скальпы дятлов, - сказал Вакара. - Должно быть, это кто-то из южан.

Пун Мяупа подпрыгнул в воздух, приземлился перед парилкой Вакары, вошел и сел рядом с Халаи Ауной на медвежью шкуру. Для всех принесли вкусную еду, и когда они закончили есть, Вакара сказал: —

- А теперь, мои дочери, и ты, моя жена, Очул Марими, готовьтесь; пойдем. Я хочу увидеть своего брата Туина и услышать, что он говорит о новом муже Халаи Ауны.

Они оделись, нацепили бусы и размазали красную краску по лицам. Халаи Ауна ничего не сказала. Она сидела, опустив голову; ей было жаль; ей нравился Пан Мяупа, она была уверена, что они убьют его.

Когда все были готовы, Вакара взял свою жену за руку и затанцевал с ней вокруг костра. Кроме Халаи Ауны, у него были две незамужние дочери; одна из них взяла за руку своего отца, другая - Халаи Ауны, и все они танцевали вокруг костра и кружились вокруг Пун Мяупы. Они поставили его в середину и стали танцевать по кругу; они начали петь, и тогда поднялись в воздух и, танцуя, выскочили прямо из парилки, прошли через дымовое отверстие и двинулись на запад, распевая на ходу:

“I-nó, i-nó, i-nó, no-má
I-nó, i-nó, i-nó, no-má.”

На ходу они двигались все быстрее и все время танцевали. Было темно, когда они, танцуя, забрались на крышу парилки; никто их не видел, хотя вокруг было много людей. В том месте жили зятья Старого Вакары; все звезды были его дочерьми, и его дочери были замужем, за исключением Халаи Ауны и тех двоих, что танцевали вокруг костра. Вакара ушел незамеченным. Он никому не позволил бы забрать Халаи Аууну, кроме того, кого Туина не могла убить.

Незадолго до рассвета они добрались до дома Туины. Вакара встал на крыше парилки и позвал: “Брат мой, я хочу, чтобы ты вскочил с постели”.

Туина спал в парилке. У него было три дочери и ни одного сына. Дочерей звали Ведико, а его жену Утджамджи. Вакара спустился в парилку и сел рядом с Туйной. Туйна взял медвежью шкуру, положил ее по другую руку от себя и велел Халаи Ауне и ее мужу сесть на нее. Туина взял большой мешок табака и большую трубку, вырезанную из кленового дерева. Табак был сделан из его собственных волос, тонко скрученных и нарезанных. Он положил это в трубку и отдал Пун Мяупе. Вакара и Туина теперь наблюдали и смотрели на него. Молодой человек выкурил весь табак и вернул трубку.

Теперь Туина набил трубку другим, более крепким табаком. Он часто натирал кожу, а то, что он оттирал, высушивал и придавал тонкость. Это был его табак второго сорта. У него был припасен полный мешок этого табака, и сейчас он набивал им свою трубку.

Пан Мяупа курил, казалось, что он глотает дым. Однако курил не он, а дядя в его сердце. Он вытряхнул все из трубки и вернул ее. Теперь Туина взял табак третьего сорта — его собственная мякоть была высушена и тонко растерта. Он набил трубку, отдал ее Пун Мяупе и ждал, что тот упадет замертво со второй, если не с первой затяжки.

Местность за пределами парилки была полна мертвых людей, и все они были убиты табаком Туины. Некоторые тела были свежими, другие разложились; некоторые представляли собой здоровые скелеты, другие - несколько старых костей.

Пун Мяупа выкурил эту трубку и вернул ее пустой. Туина протянула ему четвертую трубку. Табак был сделан из его собственных мозгов, высушенных и хорошо растертых. Пун Мяупа выкурил ее и вернул пустую трубку Туине.

Теперь Туйна попробовал птяую трубку. Он наполнил ее мозгом из собственных костей и отдал мужу Халаи Ауны. Вакара и Туина теперь наблюдали, ожидая увидеть, как он упадет. Пун Мяупа все проглотил и вернул трубку.

У Туйны не было другого сорта табака, и она больше ничего не могла сделать. Он опустил голову. “Я не знаю, что это за человек”, - подумал он. Внезапно он вспомнил старого Игупа Топу и подумал: “Возможно, это такой же молодой человек. Я ничего не могу с ним поделать, он победил меня”.

Халаи Ауна была очень рада иметь такого мужа. Это был первый мужчина из всех, пришедших повидаться с ней, которого не убила Туина. Все это время она мысленно смеялась.

Пун Мяупа вышел, убил пять оленей и принес их в дом. Женщины в тот день много готовили. Вакара и Туина сидели в доме, разговаривали и ели свежую оленину Пун Мяупы. Следующую ночь все спали. Игупа Топа вышел из сердца Пун Мяупы, ушел около полуночи и селк северу от колонны сбоку от дома, сел, не сказав ни слова. У него было белое перо на голове, и он выглядел очень сердитым и крайне недовольным.

Рано утром следующего дня Туина и Вакара проснулись и увидели старика, сидящего там с большим пером на голове, и они посмотрели на него.

“О, - сказала Туина, “ теперь я понимаю, почему муж Халаи Ауны может курить мой табак. Я давно знаю этого старого Игупа Топу. Я знаю, на что способен этот старик.

Перед Игупа Топой поставили много еды, но он ничего не стал есть. В то утро Пун Мяупа убил пять оленей и принес их в дом. Двое стариков были рады увидеть такую вкусную оленину, и увидеть ее в таком количестве. Игупа Топа сидел один и ничего не ел.

“Дядя, почему ты не ешь?” - спросил Пун Мяупа.

Он ничего не ответил, но наблюдал, пока все не уснули; тогда он встал и поел, ел всю ночь напролет, съел весь желудевый хлеб, все коренья, съел все, что было в доме, кроме оленины. Это была не его еда; он не притронулся к ней. Закончив есть, он сел с северной стороны центральной колонны.

“Вы должны много работать, чтобы приготовить достаточно еды”, - сказала Туина женщинам на следующее утро. “Кто-то в этом доме, должно быть, очень голоден”.

Весь тот день женщины усердно работали; вечером дом снова был полон вкусной еды. Дядя Пун Мяупы не съел ни кусочка, поставленного перед ним, но когда наступила ночь, он съел все, что было, кроме оленины.

“Должно быть, в этом доме есть кто-то очень голодный”, - сказал Туина, проснувшись на следующее утро. “Приготовьте сегодня побольше еды, усердно работайте, дочери мои”.

“ Сегодня мы не будем работать; этот мерзкий старикашка съедает все по ночам. Мы не будем носить дрова и воду весь день, а на следующее утро нам нечего будет есть”.

- Мне он тоже не нравится, - сказала Туина. - Надеюсь, он очень скоро уйдет.

Игуа Топа услышал эти слова и запомнил их. Жене Туины и жене Вакары, обе пожилые женщины, пришлось работать в тот день без посторонней помощи. В середине полудня на юге поднялась огромная туча. Ее поднял дядя Пун Мяупы. “Пусть пойдет дождь, густой, сильный дождь”, - мысленно сказал он. “Я хочу темноты, я хочу сильную грозу и холодный дождь”.

Туча была черная, она закрыла все небо; все пришли, и вскоре начался дождь. Дождь лил ручьями, реками; он заполнял долины, заполнял все места. Вода достигла парилки Туины, хлынула внутрь и залила все помещение; всем пришлось стоять в воде; и дождь был очень холодный.

Старые Туина и Вакара дрожали, их зубы стучали друг о друга, их жены и дочери плакали. Игуа Топа отвел своего племянника и Халаи Ауны к себе на северную сторону, поближе к крыше своей парилки, где они были сухими.

Парилка была почти полна воды. Теперь плакали все. Незадолго до рассвета утонула одна из дочерей Туины, а затем две другие и две дочери Вакары. На рассвете Туина и Вакара со своими двумя женами утонули. Все были мертвы в парилке, за исключением Игуы Топы, его племянника и Халаи Ауны. На рассвете дождь прекратился, вода начала спадать, и все тела выплыли через дверной проем. Место было сухим. Пун Мяупа развел костер. Халаи Ауна подошла к костру и начала оплакивать своего отца, мать и сестер.

“Ты не должен плакать”, - сказал Пун Мяупа. - “Это сделал мой дядя. Он быстро вернет все к жизни”.

Но Халаи Ауна испугалась и некоторое время плакала.

Сразу после полудня Игуа Топа вышел на улицу, увидел мертвые тела и сказал: “Зачем спать весь день? Вам, двум старикам и пяти молодым девушкам, пора вставать!”

Туина и Вакара вскочили, подошли к ручью и поплыли. “Никто, кроме Игуа Топы, не мог сделать этого с нами”, - сказали они.

Все женщины встали, как будто они только что спали.

“Брат мой, завтра я отправляюсь домой”, - сказал Вакара. “Мне пора”.

Очень рано на следующее утро Вакара и его жена начали танцевать, затем две дочери, затем Халаи Ауна и ее муж. Они танцевали у дымового отверстия, поднимались в воздух, пели и, пританцовывая, возвращались домой.

Вакара отсутствовал пять дней, и мужья всех его дочерей спрашивали: “Где наш свекор? Возможно, его убили”. Все были очень рады, когда на следующее утро увидели старого Вакару в парилке.

Прежде чем покинуть парилку Туины, Игуа Топа снова завоевал сердце своего племянника. Когда Вакара вернулся домой, он пригласил своего нового зятя заняться спортом, который у него был. Старик сделал большую жердь из оленьих сухожилий. Этот шест был воткнут в землю и был выше самого высокого дерева. Вакара играл следующим образом: мужчина взбирался на шест, второй сгибал его и подносил верхушку как можно ближе к подножию. Затем он отпустил крышку, и она взмыла в воздух. Если человек на шесте держался крепко, он был в

безопасности; если он ослаблял хватку, его подбрасывало высоко вверх, затем он падал и погибал.

“Пойдем, мой зять, - сказал однажды Вакара, - я покажу тебе место, где я иногда приятно играю”.

Они отправились на место. Старик полез первым, ухватившись за шест у самой вершины. Пун Мяупа потянул его вниз; его дядя был в его сердце, и он был очень силен. Он опустил верхушку к земле, не очень сильно потянул и снова пустил шест в полет. Он взмыл в воздух. Вакару не отшвырнуло; он держал крепко. Пун Мяупа опустил шест во второй раз, довольно мягко, и отпустил его. Вакара все еще удерживал свое место. Он попробовал в третий раз. Вакара был непоколебим.

“Для меня этого достаточно”, - сказал Вакара. “Поднимайся сейчас; пришло твое время”.

Пун Мяупа взобрался на шест и держался силой своего дяди. Шест держал не он, а Игупа Топа. “На этот раз я прикончу тебя”, - подумал Вакара. Он пригнул шест вплотную к земле и отпустил. Вакара резко обернулся, чтобы увидеть, как его зять выстрелил в воздух, - долго смотрел, но не увидел его. “Мой зять поднялся очень высоко”, - подумал он. Он еще некоторое время смотрел в небо; наконец он перевел взгляд на полюс, и там был его зять.

Он согнул шест во второй раз, еще ниже, чем раньше, а затем пустил его в полет. На этот раз Вакара посмотрел на шест, на вершине которого был Пун Мяупа.

Вакара разозлился. Он пригнул шест к земле, сердито согнул и выпустил его. “На этот раз он, конечно, улетит”, - подумал он и посмотрел на небо, чтобы увидеть Пун Мяупа, но не увидел его; посмотрел на столб, он был на нем. “Что за человек мой зять?” - подумал Вакара.

Теперь была очередь Вакары лезть на шест, и он взобрался на него. На этот раз Пун Мяупа потянул своего тестя сильнее, но тот удержался на своем месте. Во второй раз Пун Мяупа обратился к Вакаре мысленно: “Я тебе не нравлюсь, ты мне не нравишься; ты хочешь убить меня. Сейчас я отправлю тебя высоко”.

Он согнул шест, поднес верхушку почти к самому его основанию и пустил в полет. Он посмотрел наверх, Вакара исчез. Его подбросило к небу, и он остался там.

Пун Мяупа рассмеялся. “Теперь, мой тесть, ” сказал он, “ ты никогда больше не спустишься сюда, чтобы жить; ты навсегда останешься там, где ты сейчас, ты станешь маленьким и умрешь, а потом оживешь и вырастешь большим. Ты всегда будешь таким, старея и снова становясь молодым”.

Пун Мяупа пошел домой один.

Дочери Вакары ждали своего отца, и когда он не вернулся, они заплакали. Наконец, когда стемнело и они увидели своего отца высоко в небе, они очень горько заплакали.

На следующее утро Пун Мяупа взял Халаи Аууну, свою жену и своего дядю и отправился в дом своего отца.

Чухна, величайшая прядильщица в мире, жила среди дочерей Вакары. Весь день эти женщины плакали и причитали.

“Что нам делать?” - спросили они. - “Мы хотим уйти и жить рядом с нашим отцом. Кто может отвести нас к нему?”

“Я отведу тебя к нему”, - сказал прядильщик Чухна, у которого была огромная веревка, привязанная к небу.

Чухна сделал огромную корзину, положил в нее всех дочерей вместе с их мужьями и поднимал их, пока они не достигли неба; и дочери Вакары, звезды, все еще там, на небе.

ХАКАСЫ И ТЕННЫ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Дари Джова, орел; **Хака**, камень; **Хакаямчиви**, весь народ хака; **Илхатайна**, молния; **Тенна**, медведь гризли; **Цаванди Камшу**, красный кремневый клевер; **Цаванди Камшупа**, молодой красный кремневый клевер; **Цувалкай**, красноватый камень. **Марими** означает женщина.

Сначала около двухсот человек жили со старухой Цувалкай Марими в одном большом доме; все они были ее потомками. Это были хакаямчиви, весь народ хака.

Итак, произошла смертельная ссора между хакасами и теннами, жившими по соседству с ними, и началась она так: тенны пригласили хакасов на охоту в горы; по десять человек от каждого народа должны были составить отряд из двадцати. В первое утро один тенна рано отправился разводить костер на некотором расстоянии от парилки, в месте встречи охотников обеих сторон. Десять хакасов вышли рано, первыми подошли к костру; но пришли тенны, и тогда двадцать человек встали вокруг, чтобы согреться, — тенны с северной, а хакас с южной стороны костра.

У хакасов были кремневые наконечники для стрел, хорошие; у тенна были наконечники для стрел из сосновой коры. Пока они грелись, тенна сказал хаке: “Покажи мне наконечник твоей стрелы”.

“Вот оно, - сказал Хака, - посмотри на него”.

“Хи, хи, хи!” - засмеялся тенна. “Этот пункт никуда не годится!” Он протянул его, посмотрел на него и снова засмеялся. - Если я запихну его себе в глотку, мне не будет больно.

“Покажи мне наконечник твоей стрелы”, - сказал Хака.

- Вот оно, - сказал тенна.

Хака посмотрел на заостренную сосновую кору, рассмеялся и сказал: “Это не наконечник стрелы, это не что иное, как сосновая кора. Если я проткну себя сзади наконечником твоей стрелы, мне не будет больно. Я не умру.

- Дай-ка я посмотрю, как ты проткнешь себя, - сказала тенна.

“Посмотри на меня. Я проткну им себя сзади.

Хака ударил себя ножом, и наконечник стрелы тенны сломался; ему это нисколько не повредило. “Вы видите, - сказал он, - я не умираю”.

- Покажи мне наконечник твоей стрелы, - сказал тенна.

Он указал на острие стрелы, и тенна ударил себя тем же способом, что и хака. Наконечник стрелы был очень острым и вошел в него, порезал его, вспорол ему кишки. Он упал и лежал на земле, лежал и стонал.

“Ты видишь, что наконечник моей стрелы хорош; он убьет любого”, - сказал Хака.

Сразу же Тенна начал умирать; очень скоро он был мертв. Когда тенны увидели, что их брат мертв, они бросились на десять хакасов и убили их врукопашную, прежде чем те успели пустить в ход стрелы, прежде чем они смогли спастись.

Тенны разошлись по домам, но хакасы в тот вечер домой не вернулись.

На следующее утро рано утром один из тенна пришел в дом хакасов и крикнул:

“Подходите к костру, кузены, подходите к костру. Мы встретимся с вами там. О, кузены, пора отправляться на охоту, вставайте. Твои братья, которые ушли вчера, уедут сегодня снова”.

“Мы пойдем”, - сказали хакасы, которые не знали, что их братья убиты.

Тенны развели костер на том же месте, что и в первый день, и ждали там. Через некоторое время пришли десять хакасов и встали у костра так же, как днем раньше стояли их братья. Теперь они не ссорились, но вскоре ушли в лес. У тенна было все готово для охоты; другие тенна прятались в лесу, и в тот день они убили еще десять хакасов.

На третье утро к хакасам пришел Тенна и позвал:

“Кузены, пора вставать, время охотиться. Все ваши вчерашние и позавчерашние братья ждут”.

“Мы пойдем, мы пойдем”, - сказали хакасы.

Костер был готов; тенны были там. Они пришли раньше и действовали точно так же, как и на второй день. В тот день они убили еще десять хакасов.

Хакасы не захотели уходить на четвертый день. Теперь тенны начали убивать хакасов всякий раз, когда заставляли их на охоте или рыбалке, когда бы они ни видели их в лесу где угодно. Когда женщины племени хака отправлялись копать корни, или искать червей, или собирать желуди, тенны убивали их везде, где ловили. Когда дети выходили поиграть или ходили за водой, они убивали их. Тенны убивали до тех пор, пока из всех хакасов не остались только одна пожилая женщина, Цувалкай Марими, и ее внук, Цаванди Камшу.

Однажды вечером Цаванди Камшу повесил свой лук (старый лук, плотно обвязанный оленьими сухожилиями) над своей кроватью в южной части парилки. К этому луку он прикрепил колчан из шкуры выдры, полный стрел.

“Моя бабушка, - сказал он ночью, - я, возможно, завтра не вернусь. Если что-нибудь случится, лук, колчан и все, что с ними, упадут на кровать. Тогда ты будешь знать, что кто-то убил меня. Но из плевка, который я оставил у изголовья кровати, вырастет ребенок; маленький мальчик поднимется с земли”.

Цувалкай Марими выслушала, ничего не сказала, не дала ответа. Цаванди Камшу ушел на следующее утро на рассвете и не появлялся весь тот день. В сумерках лук упал вместе с колчаном.

Старуха заплакала. Она горько заплакала. “Все наши люди мертвы”, - сказала она. “Все наши люди ушли, и я остался один”.

Она обошла весь дом в слезах; обошла все четыре стороны дома; подошла к тому месту, где висели луки, стрелы и колчаны из шкур выдры; проплакала всю ночь, проплакала весь следующий день.

Тенны следили за старухой, внимательно следили. Они хотели убить ее, но не смогли ворваться в дом, и она не захотела выходить к ним. Они хотели убить ее и положить конец последнему из хакасов.

Пока Цувалкай плакал на вторую ночь, тенны были рядом с домом, слушали и смотрели.

“Старуха смеется”, - сказали они. “У нее какой-то праздник; вот почему она смеется. Она, должно быть, рада, эта старая женщина.

Цувалкай услышала эти слова своих врагов. “О, Теннас, не говори так”, - сказала она. “Еще может случиться что-нибудь, что причинит тебе боль. Может прийти тот, кто заставит ваши сердца болеть. Вы еще можете пролить слезы, возможно, вы пожалеете”.

Старуха плакала третью ночь и третий день. Четвертую ночь она не проронила ни слезинки, но заснуть не могла. В середине четвертой ночи она услышала плач на земле возле спального места Цаванди Камшу. Маленький ребенок плакал, катался, вырывался, причитал. Старуха прислушалась, она услышала “У на, у на”. Сначала она испугалась.

“Должно быть, я мечтаю о ребенке, должно быть, я мечтаю”, - сказала она. “О, мои люди заставляют меня мечтать. Я слышу звук, похожий на плач ребенка в моей парилке. О, это не ребенок; я всего лишь сплю”.

Ребенок плакал, не переставая. Пожилая женщина пошла к тому месту, где раздавался плач, посмотрела и нашла ребенка, покрытого грязью и пеплом. Она не выносила пепел с тех пор, как ушел ее внук; она не могла его вынести. Тенны караулили снаружи, поджидая ее, чтобы убить старую женщину. Ребенок катался в грязи и пепле.

“Я не думаю, что кто-то принес этого ребенка в этот дом”, - сказала себе пожилая женщина. “Цаванди Камшу сказал, что младенец появится из земли, поднимется из его слюны. Может быть, это его дух вернулся и снова стал младенцем. Я назову этого малыша Цаванди Камшупа”.

Она взяла на руки ребенка, маленького мальчика, вымыла его, мыла всю ночь, маленький ребенок был таким грязным. Она вымыла его в холодной воде, и он вырос, пока она мыла. Она мыла его до утра, но не давала есть.

Теперь Тенны слышали шум, производимый двумя людьми внутри. Цувалкай Марими обрадовалась, что у нее есть компания этого маленького мальчика. Весь день и две ночи она мыла ребенка. Он ничего не ел.

“Я хочу, чтобы ты жил и рос большим, маленький мальчик”, - сказала пожилая женщина. “Я хочу, чтобы ты быстро рос; ты будешь мне очень полезен”.

Маленький мальчик еще не понял, что было сказано. Она вымыла ребенка, разговаривала с ним три дня и три ночи. Маленький мальчик теперь мог ползать по дому, мог проникнуть в каждую его часть. Она мыла его ночью, днем; мыла часто. Он рос очень быстро. За десять дней он стал взрослым мужчиной. Теперь он мог говорить не хуже любого другого, и однажды он спросил старуху:

“Что это за дом? Какие люди здесь живут?”

Она рассказала ему всю историю своего народа; рассказала, как все были убиты теннами в лесах, в полях, на воде.

“Мне жаль слышать то, что вы рассказываете”, - сказал он.

Теперь он попросил лук. Она дала ему новый. Он сломал его.

“Я хочу, чтобы с его помощью можно было убивать птиц на улице”.

“Ты не должен выходить на улицу, - сказала старуха. - рядом с нами плохие люди”.

“Я хочу убивать только птиц. Чье это оружие?” - спросил он, указывая на ножи, луки и стрелы на стенах.

“О, мне жаль говорить тебе, мне жаль говорить о них. Это оружие многих мужчин. Тенны убили их всех.

Она пошла в западную часть дома и отвесила ему поклоны. Он ломал один за другим. Он сломал все луки на стенах, кроме одного. Когда он добрался до своего собственного лука, своего старого лука, он рассмеялся. Он взял его сам, не спрашивая. Он попробовал и не смог сломать его; попробовал еще раз, рассмеялся и обрадовался.

“Цувалкай, чей это лук?” - спросил он.

- Это был поклон хорошего человека.

“Я думаю, он был хорошим человеком”, - сказал Цаванди Камшупа. - “Почему он умер? В этом доме был хороший человек; у него был этот лук; он был великим бойцом”.

Цаванди Камшупа снова попытался сломать лук ногами и руками, но у него ничего не вышло.

“В этом доме жил хороший человек, - сказала старуха, - лучший человек из всего народа хака. Это был его лук.

“Я хотел сегодня поохотиться, но завтра пойду очень рано. Я уйду до рассвета, - сказал Цаванди Камшупа. “Я собираюсь осмотреться. Я собираюсь немного поохотиться. Я вернусь, не бойся”.

Старуха испугалась. Она потеряла владельца лука, лучшего из своих внуков.

“Я только немного пройду на юг”, - сказал он.

Рано утром следующего дня он взял оленью шкуру, обернул ее вокруг тела, обвязал пояс вокруг талии и взял свои стрелы. На траве еще была роса. Он посмотрел вниз со склона горы, увидел много людей у большого костра и сказал:

“Я знаю, кто эти люди; они тептеви” (женщины племени тенна).

Их было пятьдесят человек. Они пришли на этот заболоченный горный склон ранним утром. Они пришли до рассвета, чтобы выкопать червей и собрать клевер. У каждого была палка для выкапывания червей.

Молодой человек стоял, наблюдая за этими женщинами, и говорил себе: “Что мне делать? Эти тенны убили всех моих людей, кроме моей старой бабушки. Они пытались убить ее. Они убьют ее и меня, если смогут. Что мне делать? Там очень много женщин. Для начала я убью одинокого, потом спрячу свой лук и колчан и пойду к тем, кто дальше”.

Он прошел немного вдоль склона, подошел к одной женщине из племени тенна и убил ее. Остальные не видели его, не знали, что он был на горе, думали, что все хакасы мертвы.

Он вскрыл Тенне горло, вынул ее сердце, положил его под свое одеяло и оставил мертвое тело на земле. Другие женщины племени тенна работали недалеко от костра. Эти женщины вырвали себе зубы и повесили их на дереве рядом с костром. Всякий раз, когда женщины злились, они вставляли эти зубы себе в рот, чтобы кусать ими.

Цаванди осторожно шел по склону горы. “Я пойду к этому костру”, - подумал он. Тогда он вскочил и встал у огня, грея руки. Женщины его еще не видели. Одна посмотрела на огонь, но никого не увидела. “Эй!” воскликнул он. - Вы, женщины, вышли очень рано. Идите сюда и согрейтесь. Приготовьте мне червей; я голоден, я хочу червей.

Женщины ничего не ответили, ничего не сказали. Они были напуганы; они не могли кусаться, потому что у них не было зубов. “Если бы у меня были зубы, я бы убила этого человека”, - подумала каждая женщина.

Цаванди не спускал глаз с зубов, которые были на другом конце костра; он не позволял ни одной женщине приближаться к ним. “Поднимайся! поднимайтесь!” позвал он. Наконец они подошли и сели у огня, но не могли достать свои зубы. “Я не знал, что женщины так рано выходят из дома”, - сказал он. “Я увидел оленя на некотором расстоянии отсюда и убил его. Я очень спешил. Я взял только маленький кусочек мяса”.

Он достал сердце, разрезал его на кусочки, поджарил их на огне; затем раздал по кусочку каждой женщине. Женщины были голодны и обрадовались мясу.

- У вас нет хлеба? - спросил Цаванди.

“У нас нет хлеба”, - сказали женщины.

“Ну, у меня есть желудевый хлеб”. У него не было хлеба, но он сунул руку за пазуху и подумал: “Я хочу хлеб из красной кремневой муки”. Этот хлеб оказался у него за пазухой, и он дал каждой женщине по кусочку. “Моя бабушка хорошо печет хлеб”, - сказал он. “Я всегда ношу его с собой, чтобы показать людям и дать им немного поесть. Всем нравится бабушкин хлеб”.

Хлеб был вкусным; все съели. Он внимательно следил за их зубами. Очень скоро одна женщина упала замертво; затем все быстро упали и умерли. Он вырезал у них сердца — пятьдесят сердец — и унес их под своей оленьей шкурой. Теперь он ушел дальше на юг; бежал быстро. Он увидел еще пятьдесят женщин, работавших у костра; подошел к огню, подскочил к нему и закричал:

“Ху, ху! женщины, вы рано вышли; почему так рано? Холодно; идите погрейте руки. Дай мне что-нибудь поесть; дай мне червей и клевер; дай мне что-нибудь поесть, и я дам тебе что-нибудь; Я дам хлеба, я дам оленины”.

Эти женщины вышли копать коренья; их зубы висели на дереве возле костра. Женщины племени тенна никогда не держали зубы во рту во время работы. “Если бы у меня были зубы во рту, - подумала каждая женщина, - я бы убила этого человека”.

Все эти пятьдесят женщин подошли к костру, съели желудевый хлеб, как ели другие, и умерли.

От этого пожара Цаванди Камшупа перешел к другому, и в то утро он убил всех женщин тенна, которые были снаружи; ни одна не осталась в живых, за исключением нескольких, которые остались дома в парилке. Теперь он отправился дальше на юг; зашел в их парилку. Было еще раннее утро. Все мужчины племени Тенна были дома. “Как мне убить их?” - подумал Цаванди. “Я войду в дом и скажу, что меня послал мой брат пригласить их на пир и охоту. Они в это поверят”.

Он посмотрел вниз с крыши дома. Там было много тенна. Все мужчины тенна были в парилке. Цаванди Камшупа смело вошел внутрь; сел у огня, грея руки. Тенны шептались друг другу: “Это моя кровь, сестра; это моя кровь, брат!”, что означало: “он - моя доля; я съем его”.

“О, вы, народ тенна, о чем вы говорите? Я ваш сосед. Я живу не очень далеко от вас, я не чужой. Я спустился сюда сегодня рано утром, чтобы пригласить вас на пир, на охоту. Цаванди Камшу послал меня сюда спросить вас; он хотел бы видеть вас в своей парилке.

“Этот человек похож на самого Цаванди Камшу”, - прошептали некоторые.

“О, нет”, - зашептали другие. “Цаванди Камшу уже давно мертв. Мы убили его”.

“Что вы говорите друг другу?” - перебил Цаванди Камшупа. “Я не Цаванди Камшу. Он не похож на меня. Он мой брат. Он послал меня пригласить тебя на охоту. По дороге сюда я убил несколько оленей, но смог принести только их сердца. Вот сердца.

Он разрезал сердца на кусочки и отдал их теннам. Они зажарили сердца и съели их. Он угостил их кремневым хлебом, как и женщин на склоне горы. Все съели хлеб, похвалили его, попросили еще, съели с большим аппетитом. Вскоре они начали падать со всех сторон. Только четыре тенна отказались есть кремневый хлеб. Они закрыли дверь в цокольный этаж, заперли ее снаружи, поднялись на крышу парилки и стали наблюдать. Вскоре все тенны в парилке были мертвы.

Цаванди Камшупа поднял глаза и увидел, что четыре тенны смотрят на него сверху вниз. Их четыре головы были близко друг к другу, и выглядели они очень сердитыми.

“Почему вы четверо так смотрите сюда, вниз? На что вы смотрите, что вы пытаетесь сделать там, наверху? Все люди здесь, внизу, легли спать и не могут со мной разговаривать. Я хочу, чтобы вы, мужчины, немного поговорили. Спускайся, ты, и поговори со мной, а потом я пойду домой.

Четыре тенны промолчали.

“Ты хочешь поймать меня, я знаю. Я покажу тебе, как я умею прыгать.

Они ничего не говорили, внимательно наблюдали, сидя друг напротив друга и выпятив длинные зубы. Когда он увидел, что они не покидают проем, он снова сказал: “Я покажу вам, как я могу прыгать”.

Он слегка наклонился в сторону, взлетел, как стрела, и метнулся между этими четырьмя. Следующее, что увидели тенны, был Цаванди Камшупа в поле за домом.

Когда он прошел через отверстие, тенны с хрустом сомкнули челюсти и чуть не откусили друг другу носы. Они клюнули слишком поздно.

Теперь Цаванди Камшупа выпустил три стрелы из своего старого лука. Они пронзили сердца трех тенн; они упали замертво там, где стояли. Четвертый убежал, бежал изо всех сил, и больше его никогда не видели в том месте. Он побежал на северо-запад, и от той Тенны произошло все, что есть в мире в наше время.

Цувалкай Марими теперь могла выходить и копать корни. Она была свободна идти куда угодно. Однажды, копая землю, она увидела крепкий стебель шитпаю, торчащий из земли. Она покопалась вокруг него и под корнями нашла маленького ребенка. Стебель рос из пупка ребенка. Она взяла ребенка, открутила стебель и перевязала ребенка. Ей не во что было завернуть малыша, поэтому она взяла свою юбку из оленьей кожи, единственную одежду, которая была на ней, и обернула ею ребенка. Прижав его к груди, она погладила ребенка и сказала:

“Расти, малыш, расти побыстрее; ты еще составишь компанию своей бабушке”.

Она привела мальчика домой, вымыла его, много раз мыла, одела в шкуру дикой кошки. Когда Цаванди Камшупа пришел и увидел Цувалкай с ребенком, он удивился и заплакал:

“О, бабушка, где ты нашла маленького мальчика?”

Она рассказала, как нашла его в поле, выкопала из земли и принесла домой. В тот же день пришел Дари Джова, большой друг Цаванди Камшупы, и, увидев маленького мальчика, громко рассмеялся.

“О, тетя, - сказал он, - это не твой ребенок. Где ты нашла этого маленького мальчика?”

Она рассказала ему ту же историю, что и своему внуку.

Ребенок быстро рос, через некоторое время стал большим.

“О, тетя, ” сказала Дари Джова, “ отдай этого мальчика мне. Я хочу послушать, как он говорит. Я хочу его для себя. Я буду хорошо заботиться о нем. Я хочу услышать, как он говорит, я хочу услышать, как он кричит. Он будет отличным крикуном. О, моя тетя, отдай мне этого маленького мальчика”.

Наконец старуха согласилась. Дари Джова взяла мальчика и назвала его Илхатайна. Однажды Дари Джова привела Илхатайну в парилку и сказала: “Теперь говори”.

Илхатайна начал говорить, и парилка задрожала. Он закричал; вся земля содрогнулась. Он гремел как гром.

ИЛХАТАЙНА

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Ахаламила, серый волк; **Демауна**, сосновая куница; **Говила**, ящерица; **Илхатайна**, молния; **Джул Курула**, древесный кустарник; **Юпка**, бабочка дикого шелкопряда; **Цоре Джова**, разновидность орла.

НЕДАЛЕКО ОТ Джигулмату жила Цоре Джова, очень старая женщина. Однажды весной она отправилась на запад копать корни и нашла их большую кучу. “Я приду завтра и выкопаю их”, - подумала она и пошла домой.

На следующее утро она пошла за корнями. Она перекопала весь куст, но не смогла его вырвать. Она копала глубже, тянула и дергала; наконец показались корни, а на них маленький мальчик с вытаращенными глазами. Она вправила ему глаза, вылечила его, завернула в одеяло из кроличьей шкуры, которое носила сама, и пошла домой. Она мыла мальчика весь день и не спала ночью. Она мыла его все время. Когда ему было пять дней, он сильно вырос. На шестой день он ползал; на девятый он ходил. Когда ему было пятнадцать дней, он был сильным, но очень маленьким мальчиком.

“Мне нужен лук и стрелы”, - сказал он.

“Ты не должен уходить, - сказала старуха, - ты не должен уходить с моих глаз”.

Он дразнил ее, пока, наконец, она не поклонилась ему и не сказала: “Ты должен оставаться на крыше и никуда не уходить”.

Пока он был в доме, к нему подлетела птица, села на верхушку дерева и спросила: “Почему твоя мама не кормит тебя грудью?”

Птица повторила это и улетела. Мальчик заплакал; спустился и рассказал бабушке.

“Где наши люди? Скажи мне, - попросил он.

“Наших людей было много, - сказала она, - но Говила убил их всех. Теперь у нас нет людей”.

- Кто такой Говила? - спросил я.

“О, он силен и ужасен; ты не должен видеть Говилу”.

Затем мальчик обошел дом, осмотрел стены и спросил: “Можно мне повесить там этот лук?”

“Можешь, если хочешь, - сказала она, - но ты слишком слаб, чтобы воспользоваться этим. Ты очень маленький, маленький человечек”.

Он начал с восточной стороны парилки и пошел на север, попробовал первый лук, сломал его; пошел дальше, взял другой, сломал и этот. Затем он обошел весь дом, ломая каждый лук, который попадался ему под руку, пока с южной стороны не добрался до последнего лука. Он был сделан из оленьих сухожилий. Он согнул его, старался изо всех сил, пробовал снова и снова, но не смог сломать. “Что это за лук?” - подумал он. “Он самый уродливый, самый старый, но я не могу его сломать”. Он взял лук и большой камень, чтобы раздавить его. Лук вылетел у него из рук, и камень упал.

“Как умер человек, который стрелял из этого лука?” - спросил мальчик.

- Говила убил его и тех, у кого были другие луки, - ответила старуха.

- Сейчас я пойду за дровами и попотею.

“Не уходи далеко”, - сказал Цоре Джова.

Мальчик побежал на восток, схватил большую сосну, сорвал ее одним рывком и одной рукой понес домой. Он развел большой костер и подбросил в него камней.

“Принеси воды, моя бабушка, “ сказал он, - тогда я скажу тебе, что делать”. Старуха наполнила водой большую корзину. Раскаленные камни опускали в воду, и она быстро закипала.

-Бабушка, опусти меня в кипяток.

Старуха испугалась, но сделала то, что он ей сказал.

-Прикрой меня поплотнее, - сказал мальчик.

Она накрыла его еще одной плотной корзинкой. Он лежал в воде до тех пор, пока с корзины не слетела крышка, и его выбросило через отверстие в крыше парилки на крышу снаружи. Он сбегал вниз, искупался в реке неподалеку, а потом вернулся и поговорил со старухой.

“Ты будешь очень сильной”, - сказала она. “Тебя будут звать Илхатайна”.

Он побежал на восток во второй раз; принес сахарных сосен. Он не спал, он пел без умолку. Камни, как и прежде, раскалили и сложили в корзину побольше. Старуха внесла Илхатайну и накрыла его четырьмя плотно сплетенными корзинами. Он находился в кипящей воде до тех

пор, пока не сорвались четыре крышки, и он вылетел вверх через отверстие в крыше парилки. Он снова побежал к реке и, плавая, разговаривал сам с собой, говоря: "

“Я встречаюсь с Говилой сегодня, я встречаюсь с Говилой сегодня”.

На рассвете он отправился домой. - Бабушка, я ненадолго, - сказал он, снимая свой старый лук и одну стрелу.

“О, внучек, ты не должен уходить далеко, ты не должен уходить с моих глаз”, - сказала старуха.

Он насчитал двадцать колчанов из кожи выдры, наполненных стрелами, и сказал: “Я возьму эти”.

Она приготовила ему на завтрак коренья и принесла полную маленькую корзинку, чтобы он взял ее с собой. Он пошел на запад, в рощу, развел там костер и заставил лосося развеситься повсюду на ветвях деревьев. Поблизости были слышны разговоры и смех толпы мужчин и женщин. Он сделал это так. В заведении не было людей. Он поднял шум, чтобы привлечь Говилу.

Тогда он начал копать корни. Он копал, не поднимая головы, копал и продолжал работать, распевая песни во время работы. Вскоре пришел большой уродливый старик с севера. Это был Говила. У него была огромная собака, а на спине у него висела голова оленя с длинными рогами по бокам.

- Ты поешь хорошую песню, - сказал он.

Илхатайна так и не подняла глаз.

- Иди к огню, - сказала Говила.

Мальчик ничего не сказал; он все время копал.

- Иди к огню, я голоден, - сказал Говила.

Через некоторое время Илхатайна подошел к костру.

“ Ты хорошо поешь, ” сказала Говила. - Откуда ты родом?

“Из Джигульмату. В Джигульмату хорошо поют и хорошо танцуют”.

Говила присела у огня. “ Положи мне в рот кореньев. Положи еще, - сказал он, когда мальчик дал ему немного.

Мальчик кормил Говилу до тех пор, пока тот не съел все корешки в корзинке.

“Сколько людей копает здесь корни?” - спросил он.

“Я не знаю; очень много”, - сказал Илхатайна.

Неподалеку послышался громкий шум — смех и разговоры мужчин и женщин. Говила увидела одеяла и корзины возле костра. Перед ними появился Илхатайна. Там не было ничего, кроме двадцати колчанов из шкур выдры, уродливого старого лука и одной стрелы в его руке.

- Дай мне свой лук, - сказала Говила. - Дай мне взглянуть на него.

Он спрашивал снова и снова, пока мальчик не отвесил поклон. Говила бросил его в огонь.

“Зачем ты это делаешь?” спросил Илхатайна, выхватывая лук из огня. - Покажи мне свой лук.

Говила протянул ему лук. Илхатайна сломал его левой рукой, а затем прыгнул на восток. Говила был очень зол и сказал “Тэ!” своей собаке. Собака бросилась на мальчика. Илхатайна выстрелил и попал в собаку. Он выпустил все стрелы, кроме одной, из десяти колчанов. Каждая стрела попала в цель, но не причинила вреда собаке. Как раз тогда одна из семи звезд (Плеяд) обратилась к Илхатайне:

- Выстрели ему в мизинец, и он умрет.

Мальчик ударил собаку по мизинцу. Она упала замертво.

Илхатайна подбежала к костру, у которого стояла Говила. “Ты не можешь убить меня, - сказал он Говиле. - ты большой и сильный, но ты не можешь причинить мне вреда”.

“Я убью тебя”, - сказал Говила и послал в него стрелу. Она промахнулась.

Илхатайна выпустил свою стрелу, и она попала в цель. Каждая пущенная им стрела попала в Говилу, но ни одна стрела не попала в Илхатайну. Из вторых десяти колчанов исчезли все стрелы, кроме одной. В этот момент одна из семи звезд обратилась к Илхатайне:

“Стеляй ему в мизинец. Если ты попадешь ему туда, он умрет.

Илхатайна ударила Говилу по мизинцу ноги, и он упал замертво.

Илхатайна освежевал Говилу, раздел его с головы до ног, натянул кожу на себя и стал таким же, как его враг. Затем он ударил собаку розгой, и собака вскочила живая и обрадованная, увидев своего хозяина. Илхатайна повесил голову оленя за плечи, взял свои колчаны и пошел домой. Собака Говилы последовала за ним. Когда он подошел к дому, он сделал тяжелые шаги, и старуха выглянула наружу.

“О, Говила идет! Говила идет! - закричала она, ужасно испугавшись.

“Бабушка, не бойся, это я. Говила мертв. Я убил его. Я ношу его кожу. Я такой же большой и уродливый, каким был он. Думаю, сегодня вечером я пойду к нему домой. Я привез с собой его печень и легкие”.

“Иди, внук, иди. Теперь я никого не боюсь.

Илхатайна ушел, сказав: “Я буду здесь завтра на рассвете”.

Он пошел на север, к парилке Говилы, прошел долгий путь, шел быстро, подошел к дому, был точь-в-точь как Говила. В этом доме жило очень много людей. Там были всевозможные змеиные племена — гремучие змеи, змеи-быки, водяные змеи, полосатые змеи, все виды змей.

Он вывесил печень Говилы и огурцы снаружи, вошел и сел между двумя женами Говилы. Собака улеглась на своем месте. Их женами были Ученицы, две сестры.

“Принеси мясо, которое я повесила снаружи, и приготовь его”, - сказала Илхатайна старшей жене.

Он нарезал печень и легкие огурцы на маленькие кусочки, и две женщины сварили их. От этих кусочков шел густой пар и сильно пахло. Все в доме были слепы, кроме двух жен, и только один из слепых говорил, младший брат Говилы. “Я чувствую запах мяса Говилы”, - сказал он.

“Как ты мог чувствовать запах плоти Говилы, когда я сам Говила?”

Илхатайна был очень зол и разбросал горящие угли по дому. Все были в ужасе. Все съели мясо, кроме младшего брата Говилы. Он был очень мудр и не стал бы к этому прикасаться.

Илхатайна вышел и нашел по всему дому великое множество ног. Говила съел тела тысяч людей и выбросил ноги. Илхатайна собрала все это в одно место и вернулась в дом.

“Слепые, ” сказал он, - я бы хотел, чтобы вы спели, а вы, мои жены, станцевали для меня. Тогда я пойду спать”.

“Мы будем петь, - сказали они, - и танцевать”.

Слепые пели, а две женщины танцевали. Вскоре мужчины и две женщины прекратили. Илхатайна наваяла на них сон, и они уснули. Затем он вышел, запер дверь и сказал:

“Я хочу, чтобы стены этого дома были покрыты смолой”.

Весь дом был залит смолой, и тогда он поджег его. Вскоре он услышал ужасные крики внутри и толпу, бегающую по парилке. Никто не смог выбраться, и все быстро сгорели заживо.

Илхатайна связал ноги вместе длинной виноградной лозой и отнес их домой. Он был там около рассвета. Он бросил все это в реку и пошел в парилку.

“Спрячь меня, а потом ляг на лицо, подложив руки под голову”, - сказал он своей бабушке.

Старуха положила его в одну корзину и накрыла другой, затем легла сама, как он велел.

В середине полудня послышался сильный шум людей, поднимавшихся из реки. Они вошли через крышу парилки. Когда все оказались внутри, старуха встала. Все ее люди были живы там, перед ней, — Демауна, Юпка и другие; все вернулись.

“Кто вернул нас к жизни?” - спросил Демауна. “Покажите мне этого человека”.

Старуха вынула Илхатайну из корзины и отнесла его к ним. Демауна подхватил его на руки. “Молодец, брат мой!” - сказал он. Все остальные называли его братом.

“Отдай его мне”, - сказала Ахаламила.

“Нет, - ответил Демауна, - я оставляю его у себя”.

Они спросили старуху, где она нашла Илхатайну. Она не сказала.

“Ты будешь потеть?” - спросила Илхатайна.

“Да”, - сказали все присутствующие.

“Я принесу дров”, - сказал он.

Когда он выбежал, парилка заплясала на своем месте. Все думали, что он слишком мал, чтобы таскать дрова, но когда он схватил высокую ель, земля задрожала. Когда он дотронулся до большой сахарной сосны, он раздавил ее. В одно мгновение он принес огромные деревья, и когда он опустил их, все содрогнулось. Все были в ужасе.

Когда Ильхатайна говорил, весь мир боялся, а когда он двигался, земля, по которой он ходил, дрожала.

Весь вспотел, искупался в реке и вернулся к старухе. Ильхатайна прошелся по дому, и его сердце затрепетало так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

“Я не собираюсь здесь оставаться”, - сказал он.

Когда Демауна услышал это, он заплакал, и старуха заплакала.

“Брат мой, ” сказал Демауна, - я хотел бы знать, куда ты направляешься. Я бы хотел, чтобы ты остался с нами”.

Илхатайна ничего не ответила.

“Брат мой, ” сказал Юпка, “ если ты не хочешь оставаться здесь, я бы хотел, чтобы ты отправился на небо. А теперь, - сказал Юпка, - примешь ли ты от меня бусы в подарок?

“Нет”.

-Ракушки?

“Нет”.

- Волчьи мантии?

“Нет”.

- Мантия дикой Кошки?

“Нет”.

- Мантии из лисьей шкуры?

“Нет”.

На Юпке был старый рваный халат из кроличьей шкуры. Он носил его уже давно. “Я думаю, тебе это нравится”, - сказал он.

“Да”, - ответил Илхатайна, - “это то, чего я хочу”. Он взял старую одежду и обвязал ее вокруг пояса сорняками. “Теперь я готов покинуть тебя. Выйди и посмотри, как я ухожу”.

В небе была черная туча. Илхатайна принес ее туда. “Я поднимусь на то место”, - сказал он. “Когда бы в будущем ни пошел дождь, это будет вода, падающая с моей кроличьей мантии”.

Все поспешили к выходу. Сын Джупки, Джул Курула, закутанный в черную медвежью шкуру, спустился в парилку и заплакал; он не хотел терять Ильхатайну.

“Теперь, друзья мои, - сказал Ильхатайна, - я покидаю вас; впредь, когда вы увидите, как я путешествую, я буду ходить вот так”, - и он молниеносно исчез в черном облаке.

Его втянули в это, и теперь он там остается.

ХИТЧИННА

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Хитчинна, дикая кошка; **Хитчин Марими**, женщина-дикая кошка, его жена; **Хитчинпа**, молодая дикая кошка; **Метси**, койот; **Путокья**, люди-черепа, или люди-головы.

УХИТЧИННЫ были жена и сын нескольких дней от роду. Хитчинпа, маленький сын, спал, а Хитчин Марими, жена, заботилась о своем ребенке. Прошлой ночью Хитчинне приснился сон, и сон его был плохим.

“Прошлой ночью мне приснился сон, - сказал он жене, - очень плохой сон”.

- Что тебе снилось? - спросила она.

“Мне приснилось, что я забрался на большую сосну; на дереве было полно шишек. Я отбрасывал их, отбросил великое множество, когда, наконец, отбросил правую руку. Потом мне приснилось, что я отбросил левую руку”.

Больше он ей ничего не сказал. Рано утром, прежде чем он рассказал о своем сне, женщина сказала:

“Я бы хотел есть кедровые орешки; Я хочу есть кедровые орешки; я изголодался по кедровым орешкам”.

Он пошел искать орехи, и она пошла с ним, прихватив ребенка. Они подошли к большой сосне, и он взобрался на нее. Хитчин Марими положила младенца на землю и развела костер на некотором расстоянии, чтобы поджарить сосновые шишки.

Хитчинна бросала шишки; она поджаривала их, чтобы получились орехи. Он бросил очень много шишек. Она поджарила эти шишки и растерла орехи.

Через некоторое время правая рука Хитчинны отвалилась; он бросил ее на землю, затем бросил левую руку. Его левая нога оторвалась; он бросил ее. Затем у него отвалилась правая нога, и он бросил ее на землю.

Женщина жарила и колотила сосновые шишки; долгое время она не смотрела по сторонам. Наконец она подошла к дереву, обнаружила на нем кровь и, подняв глаза, увидела, что ее муж падает вниз, что от его тела мало что осталось.

Хитчин Марими была напугана до полусмерти; она убежала домой. Она была так напугана, что оставила маленького ребенка дома, совсем забыла о нем. Добравшись до дома, она созвала людей и сказала: "

“Мой муж залез на сосну; он сбросил вниз очень много сосновых шишек. Затем он начал бросаться вниз; сначала он выбросил одну руку, затем другую. Мы должны поторопиться и где-нибудь спрятаться; ему очень скоро станет плохо; он убьет нас всех, если найдет”.

Люди спросили: “Куда мы можем пойти, чтобы спрятаться от него, — на север, юг, восток или запад?”

“Я знаю хорошее место, — сказал один мужчина, - и оно не слишком далеко отсюда, - Вамарави”.

“Что ж, мы должны отправиться туда, и отправиться очень быстро”, - сказала жена Хитчинны, и все люди согласились с ней.

Люди побежали к Вамарави, которая представляет собой круглую гору; они бежали всю дорогу и вошли в пещеру в горе. Когда все оказались внутри, они очень плотно закрыли вход, заперли его наглухо. Никто не мог проникнуть через эту дверь.

После того, как его жена убежала домой, Хитчинна бросил себе ребра одно за другим и продолжал спрашивать свою жену, дома ли она. Ответа он не получил. Она ушла, а он этого не знал. Он бросил сначала все ребра с правой стороны, затем всю левую. Каждый раз, когда он бросал ребро, он кричал: “Ух! Ух!” - обращаясь к своей жене.

Наконец от него на дереве не осталось ничего, кроме головы, и она вскоре упала. Теперь его глаза были очень большими, выпученными, смотрели диким и безумным взглядом. Голова некоторое время лежала под деревом. Хитчинна стал другим типом людей. Он стал путокья. Он был одним из людей черепа, очень плохого, ужасного народа. Каждый из них - не что иное, как череп.

Путокья теперь новый. У него новый разум, новые желания. Он под деревом и лежит там некоторое время. Он больше не может ходить. Он может только кататься по земле, как мяч. Немного отдохнув и поразмыслив, он отправляется на поиски своей жены; катается, пока не добирается до костра. Там нет женщины. Он оглядывается, не может найти ее, смотрит снова и видит ребенка. Он перекачивается к ребенку, хватает его ртом и съедает ребенка в одно мгновение. Затем заговаривает голова и говорит:

- Прошлой ночью мне приснилось, что я съел собственного сына.

Сейчас он ужасен. Он разбрасывает сосновые шишки, тушит огонь, беснуется, ужасно ревет, настоящий Путокья. Он перекачивается, подпрыгивает, натывается на дерево, срубает его, разбивает на куски, разбрасывает в разные стороны.

Затем он направляется в деревню, подпрыгивая, как футбольный мяч, поднимая на ходу ужасный ветер, добегают до дома, заглядывают в него. Все ушли из дома и из деревни. Все сбежали в Вамарави.

Сначала он стучит в свой собственный дом, ломает его, разбивает вдребезги, а затем таким же образом ломает все остальные дома, один за другим. Он все разбрасывает и крушит, разрушает всю деревню, точно по ней пронесся сильный вихрь. Все люди находятся в Вамарави, в каменной пещере в горе, их очень много.

Путокья оглядывается по сторонам, находит следы, следует за людьми на юг, движется со страшным ревом, поднимая бурю на ходу. Он ломает все, на что натывается, кроме камней. От них он отскакивает, как от футбольного мяча.

Он следует за жителями деревни, идет по их следам, останавливается перед Вамарави, подкатывает ко входу, тихо прислушивается, слышит внутри звук, похожий на жужжание пчел. Путокья рад. Он ненадолго останавливается и думает, что делать. “Ты не можешь уйти от меня сейчас”, - говорит он.

Все люди были внутри, кроме Метси; он ушел куда-то на север.

“Я сломаюсь в пещере”, - сказал Путокья.

Он начал с западной стороны, вернулся на целую милю назад, подпрыгнул, помчался, бросился на гору, со свистом рассек воздух с шумом, подобным самому громкому ветру, ударился о гору, проделал в ней огромную дыру, но не смог пройти в пещеру. Путокья был уверен, что сможет прорваться. Он снова вернулся на целую милю назад с северной стороны, прыгнул, бросился вперед, проделал огромную дыру в северной стороне; но он не смог пройти, и скала снова закрылась.

Люди внутри теперь рады; они смеются, они думают, что находятся в безопасности, — глумятся над Путокьей. Путокья слышит их. Он зол как никогда, он в ярости. “Я попробую восточную сторону, - сказал он, - так лучше”.

Он вернулся, как и раньше, прыгнул вперед, проделал глубокую дыру на востоке, но она снова закрылась, и он оставил ее. Он попробовал на юг. Это было так же, как и на других сторонах. Путокья ненадолго останавливается, боясь, что не сможет войти, что не сможет добраться до людей.

“Яна не очень мудры”, - сказал он. “Я хотел бы знать, кто сказал им, что делать. Они сами не знали. Кто сказал им ехать в Вамарави?”

Он пытался подняться на вершину горы и проделать там дыру. Он никак не мог закатиться. Он падал обратно каждый раз, когда пытался. Он мог передвигаться только по ровной земле, подниматься он мог только прыжками.

“Я не могу подняться туда, я не в состоянии”, - сказал он.

Он лег поближе ко входу в пещеру и немного подумал. Он решил скакать, как мяч, перепрыгивать с точки на точку, все выше и выше, по соседним горам, пока не заберется очень высоко, а затем спуститься на вершину Вамарави. Он сделал это, поднялся далеко на вершины других, более высоких гор, пока, наконец, не оказался очень высоко; затем огромным прыжком он спустился на вершину Вамарави, упал со страшным грохотом. Он проделал в ней ужасно большую дыру, больше, чем все четыре отверстия, которые он проделал в стенках, вместе взятые; и эта дыра не закрывалась, но и не доходила до пещеры.

После этого удара он снова оказался на ровном месте. Он лежал там и говорил себе: “Я пять раз пытался добраться до этих людей. Я попытаюсь еще раз. Возможно, на этот раз я доберусь до них.

Он поднялся высоко в небо, еще выше, чем раньше. Он был злее и безумнее, чем когда-либо, и рухнул с еще более громким грохотом; вся гора содрогнулась. Теперь никто в пещере не смеялся; все люди были в ужасе.

Путокья почти добрался до пещеры. После этого удара скала над людьми стала очень тонкой, и отверстие больше не закрывалось.

“Я больше не буду пытаться, - сказал Путокья. - Я не могу добраться до людей”. Он был обескуражен и покинул Вамарави.

Все люди внутри были в ужасе. “Если он попытается еще раз, мы пропали”, - сказали они. “Он прорвется и съест нас, съест каждого из нас”.

На вершине той горы осталась огромная дыра, и люди говорят, что там сейчас есть озеро с золотыми рыбками.

Путокья направился на север, в сторону Пулшу Айна, своей родной деревни. Направляясь к дому, он поднял сильный рев и ветер, срубил деревья и кустарник, людей, зверей, все, что встречал; он оставил после себя чистую дорогу. Он пронесся через Пулшу Аину и направился дальше на север, почти дошел до Джигульмату.

Метси спускался на юг по той же тропе; он был очень хорошо одет. Метси всегда одевался хорошо. На нем был великолепный пояс из лосиной шкуры и сетка для волос; он был хорош собой.

Метси был прямо посередине тропы. Он узнал, что Путокья убивает людей на юге; он услышал рев издалека и сказал себе: "

“Я слышу Путокью; он убивает всех людей”.

Метси обдумал, что ему делать. “Я встречу с ним. Я скажу этому Путокье: ‘Ты умный, ты хороший, но ты болен. Я вылечу тебя’”.

Метси в спешке снял с себя всю свою красивую одежду и, спрятав ее, разделся догола. “Я должен поторопиться”, - сказал он. - "Шум и ветер доносятся все ближе и ближе. Я бы хотел, чтобы передо мной была старая ржавая корзина”. Корзина была там. Он пожелал иметь старую лямку, чтобы нести ее. Старая лямка была там вместе с корзинкой.

Метси надел себе на руки и ноги кольца из оленьей кожи, превратившись в старую, очень старую женщину, всю согнутую и сморщенную, в нижней юбке из оленьей кожи. Он взвалил ржавую корзину на спину.

Путокья спешил дальше; рев становился все громче и ближе. Метси знал, что Путокья очень опасен и что ему следует быть осторожным. Он взял белую глину, разрисовал себе лицо, сделал из себя настоящую старуху. Подошла Путокья. Метси был готов, корзина за спиной, палка в руке. Он шел медленно, очень старый и дряхлый. Старуха начала плакать: “Эн, эн, эн!”

Путокья остановилась на дороге, не шумела, слушала старуху.

“Он остановился; он слушает меня”, - сказала Метси; и он заплакал еще громче и жалобнее.

Путокья молчал. Метси подошла прямо к нему, посмотрела на него и сказала: “Я чуть не наступила на тебя”. Метси плакала теперь тише.

“Вы покойник?” - спросила Метси.

Путокья молчал.

“Я слышала тебя оттуда, где была, - сказала Метси. - Когда тебе приснился плохой сон, я слышала тебя на юге, слышала тебя повсюду, слышала тебя, когда ты превратился в путокья, одного из главных людей, и хотел убить всех. Раньше ты был хорошим, ты был мудрым, но теперь ты болен; ты умрешь и больше не будешь среди людей, если тебя не вылечат. Вот почему я начал приезжать на юг; я отправился на юг, чтобы найти тебя, увидеть тебя. Хорошо, что ты приехал сюда; теперь я вижу тебя. Я твой родственник, твой двоюродный брат. Я хочу, чтобы ты был здоров, стал таким, каким был раньше; чтобы у тебя снова были твои руки и ноги, чтобы ты чувствовал себя хорошо. Я хочу вылечить тебя”.

Все это время Метси рыдала. Он притворился ужасно огорченным; на самом деле это было не так, потому что Метси никого не жалел, ему было наплевать ни на кого на земле; он только хотел убрать Путокью с дороги, убить его. Метси была великой обманщицей.

“Некоторое время назад, - сказала Метси, - я встретила человека, похожего на тебя. У него была мечта, и он был всего лишь головой, как и ты. Я путешествовал тогда так же, как путешествую сегодня, и встретил этого человека точно так же, как я встречаю вас сейчас на этой дороге. Если вы верите в то, что я вам говорю, хорошо; если вы не верите, мне все равно. Я расскажу вам, что я сделал для этого человека, как я его вылечил. Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, что я для него сделал?”

Путокья все это время смотрел на старуху огромными глазами дикой кошки. Теперь он заговорил, сказав: “Говори еще, расскажи мне все, старуха. Я хочу услышать, что ты хочешь сказать.

“Что ж, я сделала из этой головы человека”, - сказала старуха. “Я вылечила этого Путокью; я переделала его. Я сделал его новым, и он ходил так же хорошо, как и раньше; я дал ему ноги и руки; все плохое ушло из него; я снова сделал его чистым, здоровым и хорошим”.

“Как ты это сделала, старуха?” спросила Путокья. “Как ты можешь переделать человека заново? Я хочу это увидеть”.

Я расскажу тебе, как я это делаю. Я исправлю тебя; Я исправлю тебя прямо здесь, на этой дороге, точно так же, как я исправил того, другого мужчину. Я проделал в земле яму; длинную яму, довольно большую. Я обложил его камнями; я развел небольшой костер из дров мансанита, и когда в яме стало хорошо и тепло, я насыпал туда побольше смолы и положил человека поверх нее. Ему было хорошо и мягко, и на поле было приятно. Я положил плоский камень на лунку. Он оставался там некоторое время и вылечился”.

Путокья поверил всему этому; он полностью доверял Метси и сказал:

“Очень хорошо, ты исправишь меня, как ты исправил того, другого мужчину; сделай меня снова новым, таким, каким я был”.

Метси добавила: “Я намазала смолу очень толстым слоем, на фут со всех сторон, и положила его в теплую яму; накрыла его. Довольно скоро он начал вытягиваться и расти; рос, пока не стал таким же здоровым, как всегда. Вот как я вылечил этого человека”.

“Это хорошо”, - сказал Путокья. “Исправь меня таким образом; исправь меня так же, как ты исправил его”.

“Я так и сделаю,” сказала Метси. “Я вылечу тебя точно так же, как я вылечил того человека, и ты выйдешь таким же, как он; ты будешь на правильном пути, и у тебя больше не будет проблем; ты никогда больше не будешь болеть”.

Метси сделал все, как он сказал: вырыл длинную глубокую яму, развел огонь и набрал много смолы толщиной в фут.

Он положил Путокью на поле; положил на него широкий плоский камень, положил другие; очень быстро накладывал камни, пока их не собралась большая куча.

Смола начала хорошо гореть, нагреваться, бурлить, кипеть, пылать, обжигать Путокью.

Он изо всех сил пытался убежать с поля; камни удерживали его на месте, поле прилипало к нему. Он умер ужасной смертью.

Если бы Путокья выбрался из ямы, в этом мире для Метси настали бы тяжелые времена.

Когда Путокья умер под грудой камней, Метси выбросил свои старые вещи, корзину и нижнюю юбку из оленьей кожи, надел свою красивую одежду и отправился в путь.

Метси был великим мошенником. Он всегда мог измениться, и он дурачил людей всякий раз, когда у него был шанс; но в тот раз он совершил доброе дело, когда сжег Путокью.

ТИРУКАЛА

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Чичепа, пятнистый ястреб-куропатка; **Чикпина**, ласка; **Хапавила**, водяная змея; **Джевинна**, ястреб-куропатка; **Джевинпа**, молодой ястреб-куропатка; **Кедила**, мыльный корень; **Мацклила**, канюк-индюк; **Пакалай Явичи**, водяная ящерица; **Тирукала**, минога; **Вирула**, рыжий лис. **Уинмауна** означает скрытый.

ТИРУКАЛА жил недалеко от Джамахди, на горе Джука Мапти, и он думал, долго думал, как изменить этот мир, как сделать его лучше.

“Я должен исправить эту страну. Я исправлю это сейчас”, - сказал Тирукала. “Я сделаю так, чтобы в нем было лучше жить”.

Сказав это, он пошел дальше и начал петь. В то время все горы стояли слишком близко друг к другу, и Тирукала раздвинул горы одна от другой, освободив место между ними. Он проложил повсюду ручьи, большие и малые реки. Он создал источники в разных местах и на болотах. Он пустил лосося и другую рыбу в реки и ручьи, их повсюду было много.

У Тирукалы было два человека, которые помогали ему, Пакалай Джавичи и Хапавила. Эти трое жили вместе, работая и делая мир лучше для жизни.

Тирукала никогда ничего не ел; никогда не принимал никакой пищи. Он всегда работал и пел во время работы. Хапавила сделал ловушки для лосося и поймал много лосося. Как и Тирукала, он все время пел. Через некоторое время две молодые девушки услышали это пение. Это были две дочери Кедилы. Однажды они пошли за дровами и услышали пение.

Они наполнили свои корзины и пошли домой, сложили дрова, затем вышли и послушали пение. Они думали, что это было очень мило и красиво.

- Давайте подойдем поближе к пению, - сказала младшая сестра.

Они отошли немного от дома, сели и прислушались. Они снова встали и пошли дальше. Они проделали это два или три раза, уходя все дальше и дальше. Вскоре они увидели ловушку для лосося и подошли к ней.

“Я никого здесь не вижу”, - сказали сестры. “Кто может петь?”

Они осмотрелись по обе стороны ловушки и никого не увидели. Они посмотрели вверх и вниз по реке. Никого не было видно. Они сели возле ловушки, смотрели и слушали. Наконец младшая девочка увидела, кто поет. Она увидела Хапавилу в реке, где он пел.

Когда он увидел, что девушки сидят и слушают, Хапавила вышел к ним.

- В какую сторону ты идешь? - спросил он.

“Мы слышали пение и вышли послушать. Вот почему мы здесь”, - ответил старец.

“Пойдем домой”, - сказал младший.

“Отнесите немного моего лосося своему отцу”, - сказал Хапавила; и он дал им двух очень вкусных лососей.

Они отнесли лосося домой к своему отцу.

“Где ты взял этого лосося?” - спросил Кедила.

- Их прислал вам человек, который поет и у которого есть ловушки для лосося.

В тот вечер Хапавила пошел в дом старой Кедилы. Девочки увидели его приближение и испугались. Им понравилось его пение, но не понравился его внешний вид. Они убежали,

нашли большое дерево, взобрались на него и решили провести там ночь. Но Хапавила выследил их, подошел к подножию дерева, посмотрел вверх и увидел двух сестер на вершине. Он обошел вокруг и посмотрел на дерево.

“Пусть он поднимется, - сказала старшая сестра, - пусть немного поговорит: может быть, он нам больше понравится, если заговорит с нами”.

“Нет, - сказала младшая сестра, - он мне не нравится; я не хочу с ним разговаривать”.

Он попытался взобраться на дерево, но не смог. Ствол был гладким, и у дерева не было ветвей, кроме как наверху. Теперь старшая сестра закрепила дерево так, чтобы он мог взобраться на них; она пожелала, чтобы на стволе были ветки — они тут же появились, и Хапавила взобрался к двум дочерям Кедилы.

Младшая сестра рассердилась на это; поспешила вниз по дереву, прибежала домой и рассказала отцу, что ее сестра и Хапавила разговаривали друг с другом на вершине дерева.

Старая Кедила ничего не сказала и легла спать. Через несколько минут старшая сестра была дома. Она тоже убежала от Хапавилы, когда увидела его в третий раз.

Рано утром следующего дня Кедила был очень зол. Он схватил свою старшую дочь, сунул ее в огонь, сжег и выбросил за дверь. Младшая сестра взяла тело своей сестры и горько заплакала. Через некоторое время она отнесла его к источнику, не переставая плакать. Она омыла тело своей сестры в воде. Это произошло однажды ночью весной. На следующее утро при свете дня старшая сестра вышла из воды живой, все ее ожоги были вылечены, и на ней не осталось ни единой язвочки.

“Куда нам теперь идти? Наш отец разгневан; он убьет нас, если мы вернемся домой”, - сказала младшая сестра.

Оба отправились на запад, по пути распевая песни.

“Хотела бы я, чтобы у меня была корзинка со всякой вкусной едой”, - сказала младшая сестра ближе к вечеру. Вскоре корзина была совсем рядом. Он упал прямо перед ней. Она посмотрела. В корзинке были кедровые орешки, разные корни и вкусная еда.

Теперь Джевинна жил на западе. У него была очень большая парилка и много людей. Своего младшего и единственного живого сына он держал завернутым и спрятанным в медвежью шкуру.

На закате две девушки пришли к дому Джевинны и поставили корзину с корнями у порога. Жена Джевинны вышла и привела двух девочек. Джевинна сам расстелил медвежью шкуру и велел девочкам сесть на нее. Он сказал своему сыну, который был завернут и спрятан: —

- Выйди и сядь с этими двумя молодыми девушками, которые пришли к нам.

Юноша заглянул в маленькую дырочку в своей медвежьей шкуре; увидел двух женщин, но ничего не сказал; не вышел. Когда наступила ночь, две девушки легли спать. На следующее утро они встали, умылись, оделись и красиво причесались. Затем они отправились на восток, к дому своего отца.

Сын Джевинны, Джевинпа, вскоре вышел, поплавал, оделся, поел и последовал за двумя девочками. Они шли очень быстро, шли без остановок; но Джевинпа догнал их и пошел с ними в дом их отца.

Кедила был доволен Джевинпой и хорошо относился к обеим своим дочерям. Он говорил с ними так, как будто ничего не случилось.

Старый Джевинна на западе созвал всех своих людей и сказал: “Я хочу, чтобы вы, мой народ, попотели и поплавали, а потом пришли сюда и послушали меня”.

После того, как они сделали это, Джевинна сказала: “Мне жаль, что мой сын ушел. Я должна последовать за ним завтра. Я не знаю, почему он ушел. Я не хочу, чтобы он уходил далеко от этого места. Будьте готовы, все вы, и мы отправимся завтра.

Иевинна встал до рассвета, созвал всех своих людей и сказал: “Я не могу есть. Мне жаль, что мой сын ушел”.

Все взяли побольше стрел, бус, шкурок выдр и скальпов рыжих дятлов и отправились вслед за молодым человеком. Когда он начал, Джевинна запела:

“I-no-hó, i-no-hó no-há, i-no-hó!”

Многие последовали за ним и повторили:

“I-no-hó, i-no-hó no-há, i-no-hó!”

Они шли весь день, шли быстро, и на закате оказались на гладкой равнине, недалеко от дома Кедилы. У Кедилы была большая, богатая парилка, и она была полна людей. У старого вождя было великое множество зятьев и великое множество людей, которые служили ему.

Джевинна и его люди добрались до места незадолго до наступления темноты, и Кедила поднялся на крышу своей парилки и сказал незнакомцам:

“Я хочу, чтобы вы все заходили и веселились. Возможно, мой дом маленький; мы сделаем его больше”.

Тогда он подул на все четыре стороны и сказал: “Будь больше, моя парилка, будь больше!”

Парилка была вытянутой и очень большой. Там было место для всех, и все входили.

“Принесите еды, мои зятья, для Джевинны и его народа”, - сказал Кедила.

Они принесли всевозможную вкусную еду и с удовольствием накормили каждого.

“Принесите свои бусы, шкуры выдр и скальпы рыжих дятлов и положите их здесь, с этой стороны парилки”, - сказал Джевинна своим людям.

Все было принесено и отдано Кедиле. Он с радостью взял эти богатые вещи и убрал их.

Кедила, со своей стороны, постелил волчьи шкуры вместе с оленьими и отдал их Джевинне.

“Пусть десять из вас пойдут поохотиться на белок, - сказал Джевинна своим людям на следующее утро. - Пусть другие прикрепят наконечники к своим стрелам”.

Один из десяти увидел белку на дереве; он взял дубинку, полез за белкой и убил ее; он увидел еще одну и еще; дерево было полно белок. Второй мужчина увидел белок на втором дереве, а затем третью и четвертую на других деревьях. Сразу же десять человек принялись убивать белок на десяти деревьях, и вскоре у них было десять куч белок, каждая куча была такой большой, какую мог унести один человек.

Оба вождя пришли в восторг, когда увидели десять порций дичи, и в тот день у Кедилы был большой пир из беличьего мяса.

Затем обе стороны сели играть, играли клюшками, играли весь день, играли до заката. Они ставили всевозможные skins. Люди Джевинны выиграли очень много вещей, и выиграли больше, чем подарки.

На следующее утро зятя Кедилы захотели вернуть прекрасные шкуры и другие вещи, которые они проиграли, но еще до полудня они потеряли все. Когда все исчезло, люди Кедилы разозлились.

“Вы играете нечестно, - сказали они людям Джевинны. - вы не получите этих вещей”.

“Мы выиграли все честно, - сказали люди Джевинны, - и мы заберем эти вещи домой”.

Они сразу же начали драться. Зятя Кедилы напали на людей Джевинны, как только они вышли из парилки.

“Мы здесь, чтобы сражаться, если возникнет необходимость”, - сказала Джевинна. - “Вперед, мои люди, вы, скорее всего, умрете, каждый из вас”.

Люди Джевинны сражались, направляясь на запад, сражались, неся с собой то, что они выиграли. Джевинна храбро сражался и пел во время боя. Люди Кедилы последовали за ним.

Они сражались почти до заката. Теперь были убиты все, кроме восьми человек, по четыре с каждой стороны, — Джевинна, его сводный брат и еще двое выходцев с запада. Кедила и еще трое жителей востока были еще живы.

Эти восемь человек снова сошлись в бою; оба вождя пали вместе со сводным братом Джевинны и младшим зятем Кедилы. Мацклиле было так жаль этого последнего, что он отбросил лук и стрелы и упал на землю, горько плача. Увидев это, Чикпина подняла камень и вышибла мозги Мацкли. Вирула на стороне Кедилы убил Чикпину, и их осталось только двое — Чичепа, последний из людей Джевинны, и Вирула, последний на стороне Кедилы.

“Теперь, ” сказала Вирула, “ мы достаточно сражались. Ты одна. Иди домой и скажи женщинам, что все твои люди убиты. Я одна. Я вернусь домой и скажу, что все наши люди мертвы”.

Джевинна взял с собой своего сына, когда покидал дом Кедилы, и он тоже был убит в борьбе.

Теперь Вирула и Чичепа разошлись в разные стороны; прошли немного; легли и покатались по земле, плача и причитая. Вирула вскочил и сказал: "

“ Я убью этого Чичепу. Я убью его наверняка, и от наших врагов не останется ни одного.

Вирула повернулся и медленно последовал за Чичепой; натянул лук и пустил стрелу ему вслед. Но Чичепа увернулся; стрела пролетела мимо. Потом Вайрула убежала.

“Сейчас я убью этого Вирулу”, - сказал Чичепа.

Он повернулся и осторожно последовал за ним; поравнялся с ним и хорошенько ударил его по голове. Вирула упал замертво.

Чичепа повернул домой, не переставая плакать. Когда он был уже недалеко от дома, женщины увидели, как он пошатнулся, а затем упал. Добравшись до верхнего этажа парилки, он упал внутрь, катался по полу и плакал. В тот вечер он ничего не ел; ему было слишком жаль своих людей. Он немного поспал, а потом проснулся в слезах.

Рано утром следующего дня он взял десять шкурок выдры; вернулся к мертвым людям, сорвал по одному волоску с головы каждого из них и наполнил волосками десять шкурок выдры. Он закончил работу до захода солнца.

“Разведите хороший костер”, - сказал он женщинам, когда вернулся домой той ночью. “Дайте мне четыре большие корзины для воды”. Они отдали корзины. Он наполнил их водой и положил в них горячие камни. Затем он высыпал десять шкурок выдры в воду.

“Оставайтесь на всю ночь в своих домах. Пусть никто не высовывает головы. Я останусь в парилке”, - сказал он.

Четыре корзины закипели. Как раз на рассвете самая большая корзина опрокинулась; затем упали вторая, третья и четвертая. После этого по всей парилке раздались голоса, сотни и сотни голосов.

- Нам холодно, откройте дверь! - раздались голоса.

Когда совсем рассвело, Чичепа открыл дверь, и все поспешили внутрь. Первым вошел Джуинна, а с ним его сын. Все последовали за ними, одетые так же, как были, когда шли к Кедиле; все живые и здоровые, сильные и здоровенькие. Джевинна рассмеялась. Он был рад.

По дороге домой у двух дочерей Кедилы родились два сына, сыновья Джевинпы. Мальчики родились на следующий день после того, как Джевинпа посмотрел на их матерей. Они пришли из глаз их отца. Он только что сквозь пальцы смотрел на двух дочерей Кедилы.

После того, как сын Джевинны был убит, а затем возвращен к жизни Чичепой, он отправился на восток, в большую парилку Кедилы, пробыл там пять дней и ночей, затем взял двух своих жен и двух сыновей и вернулся к своему отцу.

Младший сын Кедилы, родившийся, когда его отец был уже стар, ожил. Он всегда сидел у центральной колонны, на краю пепелища, и всегда двигал руками, но он никогда не танцевал ни на этой, ни на какой другой площадке. Он обжег лицо, потому что сидел так близко к огню, и часто потел, находясь так близко к нему.

Все смеялись над ним; глумились над этим “Обожженным лицом”, которое день и ночь сидело на золе. Он всегда плевал в одно место. Старший сын Кедилы много раз говорил: "

“Если нас убьют, мы снова вернемся к жизни”.

“Я не думаю, что ты это сделаешь, - сказал Обожженное Лицо. - но когда меня убьют, я снова буду жить своей собственной силой”.

Обожженное Лицо отправился сражаться и был убит вместе с остальными. Теперь прямо из брызг Обожженного Лица появился маленький ребенок, мальчик. Женщины взяли его и вымыли. За один час он сильно вырос, за два часа еще больше. На следующий день он вырос в полный рост.

Затем этот молодой человек, поднявшийся из плевка, вышел из дома. Он проследил за ходом борьбы, нашел всех людей Кедилы мертвыми, ударил каждого ногой, перевернул его. Все ожили и восстали, как всегда.

Когда Джевинна пришел за своими женами, их братья и свояки подарили женщинам подарки; но когда две его жены и два сына пошли с ним домой, и старый Джевинна увидел, что они идут, он быстро взял две медвежьи шкуры, и когда они были на крыше парилки, он поймал мальчиков, завернул их в медвежьи шкуры, свернул их и убрал для Отъема.

ЖЕНЫ СУКОНИИ И СЕСТРЫ ИЧПУЛ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Чикпитпа, молодая ласка; **Яхтанено**, разновидность моллюсков; **Метси**, койот; **Ичпуль**, лягушка; **Сукония**, имя пайна Мартина, обычное имя которого Демауна; **Цоре Джова**, разновидность орла.

У СТАРОГО Яхтанено было очень много дочерей, и все они, кроме двух, были замужем.

В то время Сукония был великим вождем в этой стране. У него была большая парилка и много людей, которые ему прислуживали.

Однажды Яхтанено позвал своих дочерей и сказал: “Девочки мои, я хочу, чтобы вы поехали в дом Суконии. Я слышал, что он очень богат; поезжай и повидайся с ним. У него пока нет жены; он может жениться на тебе. Встань пораньше, прими ванну, причеши волосы, иди и повидайся с вождем Суконией”.

Две сестры ничего не ответили, ничего не сказали, повиновались отцу. На следующее утро они встали рано, искупались, причесались, выкрасили лица в красный цвет (молодые люди всегда красятся в красный). Их мать подарила каждой девочке красивую корзинку; она повесила им на шею бусы и положила в корзинки еду.

“Если какой-нибудь мужчина встретится тебе на дороге, ” сказал Яхтанено на прощание, “ не смотри на него. Человек, богато одетый и носящий множество бус, подойдет к тебе, заговорит с тобой; не смотри на этого человека; это никто иной, как Метси”.

Две девушки начали петь, как только начали, и песня у них была такая:—

“Au ni á, au ni á, mo a wé, he ló,
Au ni á, au ni á, mo a wé, he ló.”

Они пошли на северо-восток, тем путем, которым им велел идти старик. Он предостерег их еще больше, сказав: —

“ По эту сторону от дома Суконии есть дом, не очень далеко от него; в нем живут две женщины, две старые девы. Не останавливайтесь у этого дома. Не подходите близко к этим женщинам; быстро пройдите мимо их дома, не останавливайтесь перед ним, не разговаривайте с женщинами. Они плохие, порочные женщины. Если ты войдешь в их дом, ты никогда из него не выйдешь; если ты уйдешь, тебя там убьют”.

Дочери Яхтанено вздрогнули и быстро пошли прочь, напевая на ходу:

“Au ni á, au ni á, mo a wé, he ló,
Au ni á, au ni á, mo a wé, he ló.”

Метси услышал песню; он послушал и сказал себе: “Это хорошая песня, это приятное пение; мне нравится слушать эту песню. Я думаю, что эти две девушки идут к вождю. Я думаю, они собираются навестить Суконию Муджаупу. А теперь принеси мне шкуры выдр, побольше бус и красивых раковин”.

Он пожелал всего остального, что ему нравилось. Метси богато оделся и стал ждать.

Дочери Яхтанено шли и шли, не останавливаясь, никого не встретив по пути, пока не пришли туда, где их ждала Метси. Младшая сестра шла впереди; она увидела Метси на одной стороне тропы, но не посмотрела на него во второй раз. Старшая сестра посмотрела во второй и в третий раз.

“Я думаю, это Сукония Муджаупа”, - сказала она.

“Твой отец так бы не сказал, - ответила младшая сестра. - это Метси”.

Но старшей сестре понравился внешний вид незнакомца; она много раз смотрела на него.

“Я думаю, это Сукония”, - сказала она.

“Пойдем со мной”, - сказала младшая сестра. “Ты что, потерял зрение? Это Метси”.

Младшая девочка была уже на некотором расстоянии впереди; старшая остановилась, чтобы получше рассмотреть незнакомку.

- В какую сторону ты идешь? - спросил Метси.

- Наш отец послал нас к вождю Суконии.

“О, я вождь, ” сказала Метси. “ ты пойдешь со мной. Я очень скоро отправлюсь домой”.

“ Моя сестра впереди, она ждет. Я должен поторопиться и сказать ей первым. Потом я вернусь к тебе.

Она догнала свою сестру и сказала: “Я пойду с этим человеком; это Сукония, вождь. Он сказал, что он вождь.

“Ты, должно быть, сошла с ума”, - ответила младшая сестра. - “Это Метси. Он не вождь, он не Сукония”.

Старшая сестра поехала с младшей, но она хотела вернуться в Метси, она хотела поехать с ним; ей понравилось его платье, его слова понравились ей, она поверила ему. Оба пошли дальше, хотя старшая пошла против своей воли.

“Вы увидите две черные медвежьи шкуры, висящие над дверью парилки”, - сказал отец, когда его дочери уже собирались уходить. “Остановись там; это дом Суконии, это дом, к которому ты направляешься”.

Ближе к закату они приблизились к месту, где жили ичпулы.

“Давай остановимся здесь, - сказала старшая сестра, “ и перекусим. Я голодна”.

“Наш отец сказал нам пройти мимо этого дома; он сказал нам не останавливаться возле него, не подходить к нему, не смотреть на него”, - сказала младшая сестра; и она пошла дальше, не оглядываясь, она шла прямо вперед.

Старшая сестра последовала за ней, но неохотно. Наконец оба подошли к "Суконии" и увидели две медвежьи шкуры, развешанные над парилкой.

Чикпитпа, младший брат Суконии, был на крыше, а Цоре Джова, его сестра, строила для себя дом чуть в стороне. Чикпитпа вбежал в дом, громко крича:

“Идут две девочки! Идут две девочки с корзинками!”

Старик, отец Суконии, принес молодым женщинам медвежьи шкуры, на которых они могли сидеть, и стал ждать. Вошли сестры и заняли указанные им места. Чикпитпа был в углу, когда сестры сели. Он подбежал к одной, потом к другой, посмотрел на них, сел к ним на колени. Он был очень рад, что пришли сестры; ему нравилось быть с ними и разговаривать.

Старый Суконя вышел и позвал Цоре Джову: “Пойдем, дочь моя; принеси еды нашим гостям, молодым женщинам, которые пришли к нам”.

Она принесла олений мозг; она принесла и другие виды еды. Сестры поставили свои корзины снаружи, у двери. По дороге они сказали корзинам: “Пусть еда в вас будет вкусной”, а когда оставляли их у двери, они сказали: “Будьте большими и сытыми”.

Две маленькие корзины теперь стояли снаружи, очень большие и полные всякой вкусной еды. Сукония вернулся домой со своими людьми на закате. Чикпитпа вскочил на крышу дома и позвал своего брата:

“К нам в дом пришли двое гостей. Внутри сидят две женщины. Они сидят на твоём месте”.

Вошли мужчины, и Сукония сел рядом с сестрами. Они понравились ему; ему понравилась их внешность.

- Ты принесла еду нашим гостям? - спросил Сукония.

“Я принес немного”, - сказал Цоре Джова.

“О, дай еще. Принеси побольше всего! Две корзины, которые принесли дочери Яхтанено, были внесены в дом. Сестры пригласили всех присутствующих попробовать их угощение. Все мужчины ели еду из корзин и хвалили ее. Сукония, вождь племени, в тот вечер все больше и больше нравился сестрам и женился на них.

На следующее утро, после того как все поели, Сукония отправился на охоту. Он взял с собой много людей.

В тот день сестры Сукония показали его женам все места в доме и за его пределами, показали им, где хранятся оленина, коренья и желуди; показали им, где есть вода. Источник находился в доме в одном углу, тщательно прикрытый.

Через несколько дней Сукония сказал своим женам: “Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что сказал ваш отец, когда вы уходили от него. Когда он хочет, чтобы вы вернулись? Когда он хочет, чтобы вы навестили его?”

“Он не сказал нам, когда идти к нему. Он вообще не говорил нам возвращаться, он только сказал нам прийти сюда; но мы хотим его увидеть. Мы хотим рассказать ему, как мы здесь живем”.

“Что ж, ” сказал Суконя, “ поезжай завтра; повидайся со своим отцом. Что он ест?” Что ему нравится?”

- Он ест лосося; ему нравятся красивые бусы, меха и ракушки.

“Я пошлю ему немного своего мяса, я пошлю ему оленину. Я пошлю ему бусы и меха”.

“Могу я пойти со своими невестками?” - спросил Чикпитпа.

“Нет, я хочу, чтобы ты был здесь”, - сказал Суконя. “Я хочу, чтобы ты был здесь, мой младший брат”.

На следующее утро обе женщины встали рано, и Цоре Джова помог им подготовиться. Сукония угостил их жирной олениной, всевозможными яркими бусами и богатыми подарками для их отца.

Они отправились в путь; дошли до дома Ичпул, где жили две сестры-лягушки. Две старые девы были на дороге и заговорили с женами Суконии. Они были очень добры и приятны.

“Поставьте свои корзины и посидите немного с нами, поговорим”, - сказали они.

Сестры Яхтанено были напуганы. Они не хотели останавливаться. Они боялись женщин Ичпул, им не хотелось злить их отказом. Они боялись сесть, боялись отказаться.

“О, как выглядят твои волосы! покажи мне твою голову”, - сказала одна женщина из ичпуля старшей сестре.

- О, как хороши твои волосы! - сказала другая младшей сестре. - Дай мне взглянуть на твою голову.

“Положите голову мне на колени”, - сказала каждая сестра-ичпул каждой из жен Суконии.

Каждая из них была напугана, но все же положила голову старой деве на колени. Сестры Ичпул убили жен Суконии, содрали с них кожу и надели ее на себя.

На закате следующего дня две женщины-лягушки пришли в дом Суконии; вошли и сели там, где всегда сидели дочери Яхтанено; заняли место жен Суконии; выглядели точь-в-точь как они, потому что на них были их шкуры.

Около заката Суконя вернулся домой с охоты. Чикпитпа, бежавший впереди, бросился в парилку посмотреть, вернулись ли его невестки от своего отца. Он увидел двух женщин, посмотрел на них; они показались ему свояченицами, но, подойдя ближе, он сразу же закричал:

“Фу! они пахнут лягушками! Сестры Ичпул здесь: это старые девы-лягушки!”

Он заплакал и выбежал навстречу своему брату.

“Брат, - сказал он, - женщины ичпул в нашем доме. Сегодня они убили моих невесток. Я знаю, что они это сделали”. А он продолжал плакать: “Они убили моих невесток, они убили моих бедных невесток!” и он плакал без остановки, горько плакал.

Две старые девы, одетые в шкуры жен Суконии, готовили желудевую кашу. Когда она была почти готова, Суконя посмотрел на двух женщин. Они казались ему похожими на его жен, и он сомневался, пока вдруг не подумал: “Я попрошу их принести воды из источника. Если они знают, где находится вода, то они мои жены; если нет, то они фальшивые”.

“Принеси мне воды, жена моя”, - сказал он одной из женщин.

Она встала, взяла корзину с водой, повернулась к двери и сказала Чикпитпе: “Выйди со мной за водой, мой маленький шурин”.

“Подожди”, - сказал Суконя. “Тебе не нужно уходить сейчас”.

Она вернулась к костру и села рядом с сестрой. Суконя теперь знала, что это были странные женщины.

“Выпорми меня, ” сказал Чикпитпа своему брату, “ я буду плакать, кататься и лягаться. Я буду пинать этих мерзких лягушек! Я убью их”.

Когда желудевая каша закипела, Суконя ударил Чикпитпу розгой и отругал его: “Почему ты плачешь? Я ничего не могу поделать, ты так плачешь”.

Мальчик катался по полу, плакал сильнее, чем когда-либо, брыкался, катался по полу, брыкался изо всех сил, подкатился к огню и брыкался, пинал одну женщину в кипящую кашу, другую в горящий огонь, и таким образом он убил фальшивых сестер.

Чикпитпа обрадовался; он рассмеялся. Сукония выставил обеих женщин за дверь и всю ту ночь оплакивал своих жен. На следующее утро он встал рано и сказал: “Оставайтесь сегодня все дома”.

“Куда ты идешь?” - спросил Чикпитпа.

“Останься здесь, мой маленький брат”, - сказал Суконя. “Я кое-куда уйду”.

Сукония пошел по следу своих жен, добрался до места, где сестры Ичпул остановили их, и нашел их мертвые тела. Он достал тетиву из оленьих сухожилий, ударил двух женщин, позвал их, вернул к жизни.

“Как вас убили?” спросил Сукония. “Как это произошло? Вы ходили в дом Ичпулов?”

“Мы не пошли в тот дом; те две женщины были на дороге и остановили нас. Они попросили нас сесть и поговорить с ними. Мы боялись сесть, боялись отказаться. Мы сели, и они убили нас”.

Сукония отвел своих жен домой. Когда они оказались в поле зрения дома, Чикпитпа стоял на крыше и наблюдал.

“О, это ваши невестки”, - сказал он Цоре Джове и выбежал им навстречу.

“А теперь иди к своему отцу”, - сказал Суконя на следующее утро. “Отнеси ему подарки и оленину и будь здесь на закате”.

Сестры встали рано, взяли две корзины и отправились в путь. В полдень они были в доме своего отца. Старый Яхтанено обрадовался, когда посмотрел на своих дочерей и увидел красивые подарки.

“Наш муж сказал нам сегодня идти домой, и мы не можем долго оставаться с вами”.

Они привезли много подарков от своего отца и были дома на закате. По дороге им не встретилось никаких неприятностей. Сестры Ичпул были мертвы, и Метси не встретила с ними во второй раз.

ОБРЕТЕНИЕ ОГНЯ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Ахаламила, серый волк; **Ау Муджаупа**, повелитель огня; **Чил Дайауна**, крупный град; **Чил Вареко**, сильный дождь; **Юхауджу**, западный ветер; **Джуками**, северный ветер; **Джукилаую**, восточный ветер; **Джуваджу**, южный ветер; **Гаги**, ворона; **Метси**, койот; **Пача**, снег; **Сабил Кейу**, мелкий град; **Шушу Марими**, женщина-собака; **Сивеги**, маленькая птичка, неизвестна.

Вначале в Ау Муджаупа был пожар очень далеко на юге, на другом берегу большой реки. У людей в этой стране не было настоящего огня; у них было что-то вроде огня, но это было нехорошо. Он просто немного согревал; на нем не готовили бы так, как на том огне, который есть у нас сейчас. Люди убивали оленей и ловили рыбу, но рыбу и оленину им приходилось есть сырыми.

На западе у людей был огонь, но на нем нельзя было готовить. На севере было много людей, как и на востоке; но у них не было огня, на котором можно было готовить.

“Где-то должен быть огонь”, - сказали жители Пауи. - “Как мы можем его найти?”

“Я выйду сегодня вечером посмотреть”, - сказала Ахаламила.

Той ночью он пошел искать огонь. Он поднялся на вершину Вахканопы, посмотрел на восток и запад, но ни в том, ни в другом месте не увидел огня. Затем он посмотрел на север; на севере огня не было. Он посмотрел на юг; нигде не увидел огня.

Ахаламила пришла домой и поговорила с вождем и людьми. “Я не видел никакого пожара, - сказал он. - Я ничего не мог разглядеть, но в следующий раз я пойду в лучшее место и возьму кого-нибудь с собой. Завтра ночью я отправлюсь на вершину Вахкалу. У кого здесь хорошая голова, у кого острый глаз, чтобы видеть огонь? Завтра ночью я хочу поискать огонь с вершины Вахкалу; оттуда я обыщу весь мир в поисках огня”.

“У нас здесь есть человек, ” сказал вождь, “ который может видеть сквозь дерево, который может видеть сквозь землю до самой скалы, который может видеть сквозь гору. Ты можешь взять его с собой завтра вечером. Он сивеги.

Ахаламила отправилась в Сивеги. “Пойдешь ли ты завтра ночью искать огонь?” - спросил он.

- Я пойду, если путь не будет слишком долгим.

“О, - сказала Ахаламила, “ это ненадолго. Я сокращу его”.

Сивеги согласился пойти; и когда пришло время, они отправились в путь. Ахаламила удвоил расстояние и сократил его; через час они были на вершине Вахкалу, оба готовые теперь искать огонь. Ночь очень темная; они легко видят самый маленький огонек.

Они смотрят на восток, смотрят с большой осторожностью, долго смотрят, не видят огня; они точно так же смотрят на север, не видят огня; они смотрят на запад, там нет огня. Теперь Ахаламила смотрит на юг, смотрит долго и ничего не видит: полчаса он смотрит на юг, видит слабое мерцание, похожее на огонек, очень далеко.

“Сивеги, - сказал он, - я вижу маленький огонек на юге; он кажется далеким огнем. Я думаю, это огонь”.

“Посмотри еще раз, ” сказал Сивеги, “ посмотри внимательно. Может быть, это огонь”.

“Я посмотрела достаточно, я думаю, это огонь”, - сказала Ахаламила. - “Но я хочу, чтобы ты увидел это, я хочу, чтобы ты посмотрел сейчас”.

Сивеги некоторое время смотрел. “Да, это огонь”, - сказал он.

“Что ж, - сказал Ахаламила, - мы видим огонь, мы знаем, что он далеко на юге”.

Ахаламила сократил дорогу, и через час они вернулись в Пави. “Мы нашли огонь”, - сказал Ахаламила вождю и людям. “Мы знаем, где находится огонь, теперь у нас может быть огонь”.

“Нам нужен этот огонь”, - сказали люди.

“Нет другого способа добыть огонь, кроме как пойти за ним”, - сказала Ахаламила.

“Что ж, ” сказал вождь, - раз Ахаламила увидел огонь, он пойдет за ним; но дорога длинная. Кто пойдет и поможет ему?" Кто пойдет за огнем с Ахаламилрой?”

Около пятидесяти человек вызвались отправиться в путь, и они отправились на следующее утро. Путешествие было долгим и очень тяжелым. Вскоре двое или трое мужчин устали и разошлись по домам; вскоре устали и другие, и когда они ушли далеко вниз к большой реке, чуть севернее того места, где горел костер, из пятидесяти отправившихся в путь осталось только трое — Ахаламила, Метси и старая Шушу Марими.

К югу от великой реки Ау Муджаупа была очень большая деревня, а в деревне - большая парилка. В этом доме он поддерживал огонь, и за городом жила огромная толпа людей, которые прислуживали ему и не давали никому в мире украсть его огонь. Этими людьми были Пача, Чил Вареко, Чил Дайуна, Сабил Кейю, Юхауджу, Джуваджу, Джуками, Джукилауджу.

Все трое - Ахаламила, Метси и старая Шушу Марими - были на северном конце моста и сидели там, наблюдая, пока все в парилке не стихло. Мост был очень узким и скользким, поэтому Ахаламила намазал смолой свои ноги и руки, а также ноги и руки Метси и Шушу. Все трое перешли реку, не поскользнувшись, и нашли всех спящими в парилке.

Старый вождь, Ау Муджаупа, тщательно засыпал костер золой. Внутри и снаружи царил тишина. Ахаламила, Метси и Шушу тихонько подкрались к парилке и заглянули внутрь. Все спали.

- Я спущусь первой, - сказала Метси.

“Нет, я пойду первой”, - сказала Ахаламила. “Я достану огонь и передам его тебе; ты берешь его и бежишь очень быстро”.

Ахаламила соскользнула вниз. Метси и Шушу остались на крыше. Ахаламила осторожно развела огонь, достала хороший кусок и протянула его старухе. Она засунула его в ухо. Он протянул ей другой; она вставила его в другое ухо, соскользнула с крыши парилки, перебежала мост и поспешила прочь.

Ахаламила дала Метси два кусочка. Он засунул их себе в уши и начал. Ахаламила заткнул себе уши и последовал за ним.

Они втроем перебрались через две горы, когда Ау Муджаупа проснулся и увидел, что зола была вскрыта, и что огонь был разведен, что уголь упал рядом с центральным столбом. Он вскочил, поднялся на крышу парилки, закричал, позвал всех своих людей:

“Огонь украден! Огонь украден! Иди, ты, и следуй за мной!”

Теперь Пача, Чил Вареко, Чил Дайуна, Сабил Кейю и весь народ ветра поднялись и последовали за ними, мчась и неистовствуя во всех направлениях. Пролилось так много дождей, что вся страна была покрыта водой.

Теперь Джуваджу впереди всех людей Ау Муджаупы гнался за тремя разбойниками. Чил Вареко тоже пришел и яростно набросился на троих; он облил их водой и охладил. Следующими пришли Джуками и Пача, которые чуть не заморозили их.

Метси был почти мертв; огонь погас в обоих его ушах. Ахаламила тоже потерял свой огонь. Чил Вареко, Джуваджу и Пача погасили его, а затем он позволил ему упасть.

Старая Шушу отставала на порядочное расстояние, но все время бежала. На бегу она прижимала руку к уху. У нее погасло пламя из другого уха, и когда кусочек выпал, он разломился надвое и развалился на части. Чил Вареко подобрал костер и отнес его обратно; он нашел шесть осколков, думая, что собрал все. Он и остальные перестали следовать за ним.

Ахаламила и Метси побежали вперед, оставили старую Шушу, чтобы она справлялась как могла, и добрались домой первыми. Они промокли, очень замерзли и устали.

“Где твой костер?” - спросил вождь.

“У меня их нет; Чил Вареко забрал мой огонь”, - сказал Ахаламила.

“Где твой костер?” - спросил вождь.

“Это взял Чил Вареко”, - сказал Метси.

Вождь был очень огорчен, и все люди были огорчены. Старуха не пришла, и люди сказали: “Должно быть, она замерзла насмерть”.

На закате вернулась старая Шушу; она шла очень медленно, ужасно устала, но мужественно. Она добралась до парилки, вошла, ничего не сказав, легла мокрая и холодная.

“Где огонь?” спросила она. “Разве Ахаламила и Меци не принесли огонь? Они молоды и сильны, и в них было много огня”.

Через некоторое время она встала, собрала немного древесной трухи, затем села, открыла ухо и подержала его над пылью; оттуда вырвался большой кусок пламени. Дрова принесли быстро, и вскоре во всей парилке стало тепло. Люди, которым до этого было холодно, теперь согрелись и обрадовались.

“Принесите мясо, и мы попробуем, какое оно на вкус в жареном виде”, - сказал вождь.

Он нарезал немного оленины и поджарил ее. Один и другой попробовали мясо. “Это очень вкусно”, - сказали они; третий сказал: “Я попробую”, - и Гаги попробовал. “О, это сладко, очень вкусно”, - сказал Гаги.

Каждый поджарил мясо и с аппетитом поел. На следующий день все отправились на охоту, а вечером устроили большой пир. Вождь из другого места пришел на праздник и, раздобыв огонь, унес его с собой домой. Вскоре огонь был у всех людей; у каждого был огонь во всех частях страны.

ХАКА КАИНА

ПЕРСОНАЖИ

После своего превращения персонажами “**Хака Кайна**” были в основном птицы. Я не смог идентифицировать большинство из них и хотел бы сослаться на примечания к этому мифу. **Хвипаджуси**, отец трех девочек, - лебедь-свистун; среди персонажей мы находим **Говилу**, ящерицу, **Мальвилу**, лугового жаворонка, и **Майбью**, лесную голубку. Единственный способ достоверно идентифицировать таких персонажей - нанять людей для отстрела их в лесах и горах. Я делал это как можно чаще, но в данном случае образцы были утеряны до того, как я смог установить их личность. Всю информацию, которой я сейчас располагаю, можно найти в примечаниях.

ХАКА КАИНА был величайшим вождем в этой стране; его очень большой и красивой парилкой была Вахкалу.

Однажды Хака Каина украл трех дочерей Хвипаджуси, вождя, жившего далеко на юге, за долиной Даха. Когда Хака Каина привел трех девочек домой, он сказал: "

“ Теперь я должен найти хорошего человека, осторожного человека, который будет охранять этих трех девушек, человека, который никогда не спит по ночам. Хвипаджуси пришлет сюда людей, чтобы выкрасть их обратно; мы должны быть готовы к встрече с его людьми ”.

В конце концов шеф выбрал Хохвитина, потому что тот насвистывал всю ночь. Все думали, что он никогда не спит, потому что он все время насвистывал, насвистывал без остановки с вечера до рассвета. Хвитина много ночей наблюдал за тремя девушками; он никогда не присматривал за ними днем, потому что в это время отдыхал. Каждый вечер в сумерках их приносили к центральной колонне парилки. Руки каждой девушки были связаны вместе; одна девушка была привязана к левой руке Хвитины, вторая - к его правой руке, а третья сзади к его талии.

Через некоторое время старый Хвипаджуси послал десять лучших мужчин юга вернуть трех своих дочерей; звали этих людей Пуси Тена, Виджая Лала, Чами Нури, Малвила, Говила, Грана Рана, Деккеч, Пуши Чова, Ману Рана, Таки Лапики. Этих людей звали Йолайна, то есть самые храбрые, люди, которые ничего не боялись.

Перед выступлением эти люди покрасили руки и лица в черный цвет, взяли хорошие луки и стрелы и отправились в Вахкалу.

Хвипаджуси всегда прятал своих трех дочерей в своей парилке, тщательно завернутыми в шкуры выдры; но Хака Каина, вождь вахкалу, прокрался туда, пока все спали, и унес трех девушек.

Однажды вечером, между сумерками и темнотой, десять человек Хвипаджуси подошли к Вахкалу и оказались прямо там, возле парилки. Хака Каина, вождь, увидел их приближение и приготовил все свои силы к бою.

“Это люди, ” сказал он, “ посланные Хвипаджуси, очень храбрые и сильные люди. Ты не должен позволять им приближаться к трем девушкам; ты не должен отпускать их отсюда; ты не должен позволять им забирать девочек или уходить самим; ты должен убить этих десять врагов”.

У одного из людей Хака Кайны был большой молот. Он приставил кусок кремня к тому месту, на которое напали десять человек, когда они приблизились; он ударил по кремню своим молотком; от него дождем отлетели маленькие острые кусочки, упали на нападавших и сильно порезали их. Десять человек не боялись ни флинта, ни чего-либо другого. Они мчались вперед, пока не убили пятерых; остальные пятеро не испугались и пошли вперед. Человек с молотком наносил удары по кремневому чурбаку до тех пор, пока не были убиты еще пятеро.

Теперь десять храбрецов Хвипаджуси, которые ничего не боялись, были мертвы.

Хвипаджуси ждал возвращения своих людей, искал их, надеялся увидеть, как они приведут его дочерей, но мужчины не могли прийти; они были мертвы. Они обещали своему вождю непременно привести девушек, но не смогли: все десять были мертвы в Вахкалу.

Хвипаджуси послал еще десять человек, людей очень мудрых и хитрых. Этими десятью были Ити Ватибила, Чини Пачуна, Майбью, Цигага, Малтама, Ховичи Лайна, Айчуч Хисипа, Цавила, Хайюде Маупа, Тарку Вана. Эти десять человек подошли к парилке, сели и спрятались там вечером.

“ Я поднимусь первым в парилку, - сказал Мейбью. - Ты слишком тяжелый, у тебя тяжелая поступь. Если ты уйдешь, они услышат тебя, они проснутся; мы будем убиты, как те десять, что были до нас”.

“Я знаю человека, который присматривает за девушками, - сказала Мейбью. - он насвистывает всю ночь, но при этом спит; никто в парилке не спит так крепко, как он. Теперь, когда он уснет, я спущусь вниз и заберу у него девочек”.

“Я пойду сам”, - сказал Ити Ватибила.

Люди Хака Кайны танцевали в тот вечер и играли до поздней ночи. Десять человек Хвипаджуси подкрались поближе и наблюдали за танцующими, но никто их не видел. Хака Каина сидел в парилке, курил и разговаривал, разговаривал громко; все десять человек слышали его голос. Наконец, когда было уже поздно, все мужчины отправились в парилку и другие дома, и через некоторое время они уже спали повсюду. Все молчали, кроме Хвити, который сидел, наблюдая за девушками у центральной колонны, и все время насвистывал.

Десять человек обошли парилку; увидели, что все спят. Они не слышали никакого шума, кроме посвиста Хвити.

“Я знаю, что он сейчас спит”, - сказал Ити Ватибила.

Четверо мужчин поднялись на крышу парилки. Наблюдатель насвистывал, не очень громко, но все же насвистывал. Ити Ватибила отдал свои стрелы Чини Пачуне, а Чини Пачуна отдал их Майбью, потому что ему нужно было поднять девочек.

“Я знаю, этот человек спит”, - сказал Ити Ватибила; и он медленно спустился вдоль колонны, добрался до подножия и некоторое время сидел, прислушиваясь. Он внимательно посмотрел

на Хвиту и увидел, что тот насвистывает с закрытыми глазами. Ити Ватибила рассмеялся про себя. Он увидел, что к каждой руке Хвиту было привязано по одной девушке, а одна - к его талии сзади. Девочки проснулись, все трое.

Ити Ватибила осторожно отвязал девушку, державшуюся за правую руку; передал ее Чини Пачуне, которая передала ее Майбью на крыше парилки. Ховитина продолжал насвистывать, и Ити Ватибила взял девушку по левую руку, передал ее другому мужчине; наконец он взял третью, младшую дочь Хвипаджуси, не производя шума, передал ее остальным, затем взобрался сам, немного отдохнул на крыше парилки и посмотрел вниз. Хвиту все это время насвистывала и спала. Десять человек бесшумно спустились вниз и отправились домой; они поспешили на юг с тремя дочерьми Хвипаджуси.

Старый Хака Кайна встал на рассвете, обошел парилку, подошел к центральной колонне, чтобы посмотреть на Хвиту и трех девушек, которых он охранял. Он увидел Хвиту, услышал, как тот насвистывает, никого рядом с ним не увидел — никаких девушек, привязанных к его рукам или талии.

“Он отпустил девочек”, - подумал Хака Кайна. “Ты насвистывай всю ночь, но не смотри”, - сказал Хака Кайна, толкая его. Он разбудил его.

Хвиту посмотрел на свою правую руку - девушки не было; посмотрел на левую - второй не было; пощупал спину - там никого не было.

“Где девочки?” - спросила Хака Кайна.

“Я не могу сказать”, - ответила Хвиту.

Хака Кайна огляделась и увидела следы на пепле.

“Ты сказал, что никогда не спишь по ночам; теперь посмотри на эти следы; это чьи-то следы, кто-то приходил сюда прошлой ночью. Что ты делал? Ты не спал? ты спал? Ты отпустил девочек, потому что сам захотел, или кто-то забрал их, пока ты спал?”

Хвиту ничего не ответил, опустив голову. Хака Кайна вышел и увидел следы на парилке, затем он увидел следы внизу, на некотором расстоянии от парилки.

“Люди пришли с юга и забрали трех девушек, - сказал он. - конечно, их послал Хвипаджуси”.

Хака Кайна всю следующую ночь разговаривал со своими людьми, говорил, как ему жаль, что девочек похитили, и двум мужчинам сказал: “Вы должны пойти и вернуть нам девочек”.

Этих двоих звали Бокви и Симу Нупчова; они умели быстро бегать и были очень мудрыми людьми.

Теперь Хвипаджуси поставил Мацклилу часовым на крыше своей парилки, у центральной колонны, и внимательно наблюдал, кто придет. Хвипаджуси знал, что Хака Кайна снова попытается вернуть девочек. У Мацклилы в носу было по ножу в каждой руке.

Бокви и Симу Нупчова отправились в путь, чтобы вернуть девочек с юга. Однажды вечером, как раз на закате, они приблизились к деревне; повсюду они видели толпы людей, молодых мужчин и женщин, игравших в большой деревне.

Старый Хвипаджуси сидел и говорил, а великое множество людей, старых и молодых, мужчин и женщин, сидели вокруг него и слушали. Двое людей Хаки Каины подошли к парилке.

“Я иду внутрь”, - сказал Бокви.

“Нет, я ухожу”, - сказала Симу Нупчова. “Ты не можешь бегать быстро. Ты стой рядом, а когда я выйду, беги вперед, и я легко понесу трех девочек. Я догоню тебя.

Люди сидели там возле парилки и слушали вождя, пока он говорил. “Будьте начеку; они придут сегодня ночью, я уверен, они придут”, - сказал Хвипаджуси.

Через некоторое время все разошлись по домам и улеглись спать. В полночь, когда все стихло, двое людей Хака Каины подкрались и забрались на парилку, чтобы заглянуть наверх. Мацклила неподвижно стоял на своем посту за центральной колонной. Люди Хака Кайны его не видели.

“Я загляну”, - сказал Бокви.

“Я тоже”, - сказал Симу Нупчова.

Они вытянули головы и посмотрели. Они наклонились над отверстием, широко вытянув шеи. В этот момент Мацкли быстро двинулся, и их головы отвалились, скатились вниз и упали на землю возле парилки.

Когда Хвипаджуси встал утром, он вышел на улицу и увидел две головы, лежащие возле парилки.

“Просыпайтесь, вскакивайте, сыны мои!” - крикнул он, обращаясь к народу. - “Прошлой ночью здесь были враги”.

Все поспешили наружу и увидели два тела и две головы. Один спросил: “Кто это лежит мертвый?” Второй спросил: “Кто другой мужчина?”

“Я знаю их обоих”, - сказал Хвипаджуси. “Один - Бокви, другой - Симу Нупчова, два великих человека в войсках Хака Кайны”.

Эти двое пролежали за парилкой весь день. В тот вечер Хвипаджуси созвал своих людей и поговорил с ними. “Хорошенько почини свои стрелы, посмотри на свои луки и держи все оружие наготове. Хака Каина пошлет сюда людей против нас; он хочет снова украсть моих дочерей или увезти их вопреки мне”.

Они ждали в Вахкалу Бокви и Симу Нупчову. Когда двое мужчин не пришли, старый Хака Каина сказал: “Я думаю, что эти двое мужчин мертвы”.

Он созвал всех своих людей и сказал: “Мы должны спуститься и начать войну с Хвипаджуси; другого пути нет. Он украл у меня этих трех девушек. Эти три девочки мои. Я должен вернуть их обратно”.

На следующее утро все оделись, нацепили перья, почернели на лицах.

“Теперь, мои люди, ” сказал Хака Кайна, “ вооружитесь, встаньте на широкое место, дайте мне вас разглядеть, затем встаньте по кругу вокруг парилки. Я хочу посмотреть, как вы выглядите, когда все вместе”.

Они вышли и встали вместе на широком месте. Хака Каина долго ходил среди них. После этого все вернулись и встали в круг вокруг всей парилки. Все долго кричали и прыгали; потом вернулись, сняли свои большие доспехи из лосиной шкуры.

“Ты хорошо выглядишь”, - сказал Хака Кайна. “Ты готов к войне, и мы выступаем завтра рано”.

На следующее утро женщины раскрасили лица, нацепили перья и бусы, танцевали позади мужчин, пели и говорили им добрые слова на прощание. Когда люди двинулись на юг, их было так много, что пыль, поднимавшаяся от них, поднималась к солнцу. Они шли вперед, распевая. Сам Хака Каина пел, возглавляя эту великую армию. Оказавшись неподалеку от страны Хвипаджуси, Хака Каина послал Покила Каму, Гамана Атпу, Пахнинопу и Цану Ноипу осмотреть все и сообщить новости.

Эти четверо мужчин видели много деревень, принадлежащих разным людям, и посетили четыре из них. Они отправились в деревни Пареко, Чапилкея, Чил Вареко и Чил Даяуна. В этих четырех деревнях они увидели великое множество людей; у каждого вождя была огромная парилка, а у людей Чил Даяуны были доспехи из лосиных шкур, в которых они могли сражаться.

Четверо мужчин вернулись в сумерках и не увидели всего, на что можно было посмотреть. Они сказали Хакка Кайне: “Мы видели очень много людей; ты должен быть осторожен; наш народ должен хорошо сражаться”.

Люди Хака Каины заострили наконечники своих стрел.

Два мальчика из племени Цоплайна пошли с Хакой Кайной. Вождь очень любил этих мальчиков, и он нравился им. Они услышали, что сказали четверо скаутов, и в сумерках эти двое мальчиков отправились к Хвипаджуси и увидели трех девочек, играющих у костра.

“Посмотри, посмотри на мышь”, - сказала одна из девочек.

“Это мышь, которая гонится за тобой”, - сказал Хвипаджуси, смеясь.

“Где два брата?” - спросил Хака Каина, когда разминулся с мальчиками Цоплайна. Никто не посылал этих молодых людей к Хвипаджуси.

Итак, братья Цоплайна усердно работали, работали всю ночь. Они разобрали больше половины домов и уничтожили великое множество тетив для луков. На рассвете они вернулись и рассказали Хака Каине о том, что сделали.

Люди Хвипаджуси увидели приближающуюся великую армию Хака Каины; они побежали за своими луками, но многие были уничтожены. Те, у кого остались луки, сражались хорошо. Но у людей Хака Каины было кремневое оружие всех видов, и они сокрушали все на своем пути. В полдень люди Хвипаджуси были уничтожены, а сам он убит.

Хака Каина взял трех девушек и снова отправился в Вахкалу, прихватив все, что было у Хвипаджуси и его людей. Теперь у них было два брата, Мини Ауна, которые жили со своими сестрами в Вамарави, недалеко от тропы, которой Хака Кайна раньше не пользовался, но на этот раз он отправился домой по ней.

Когда войска Хака Каины появились в поле зрения Вамарави, две сестры собирали желуди. Они испугались и убежали домой. Одна из них подбежала к своим братьям и закричала: "

“Подойдите, братья, поскорее и посмотрите. Идет великое множество людей. Я не знаю, откуда они пришли и куда направляются. Возможно, они убьют нас.

У каждого из людей Хака Каины за спиной был большой рюкзак, вмещавший все, что он мог унести. Они везли домой все из деревни Хвипаджуси.

Два брата Мини Ауна быстро побежали к своей парилке; каждый из них подхватил по большому куску огня. Две сестры вбежали в парилку и спрятались там. Два брата поднялись на крышу парилки, и когда великая армия Хака Каины была достаточно близко, они обрушили огонь вокруг нее, на север, юг, восток и запад. Все были окружены. Они смотрели по сторонам, пытались выбраться, но спасения нигде не было. Огромный пожар сомкнулся вокруг них, и все погибли. Все сгорели заживо. Три дочери Хвипаджуси погибли вместе с остальными. Как только все были мертвы, огонь погас; два брата вернулись в свою парилку.

Когда мини-ауны собирались разжечь огонь, Хака Каина послал двух быстрых гонцов в Вахкалу, чтобы сообщить своим женщинам, что все они прибывают с большой добычей и приводят дочерей Хвипаджуси. Не успели эти люди скрыться из виду, как огонь охватил всю армию, которая погибла на глазах у двух быстрых бегунов.

Когда быстроходные добрались до Вахкалу, все женщины танцевали; они думали, что их мужья все еще сражаются против Хвипаджуси. Когда быстроногие приблизились, женщины перестали танцевать, и когда обе подошли и сказали, что Хака Кайна и его армия погибли в Вамарави, сожженные мини аунами, женщины подняли крик скорби, какого никто никогда раньше не слышал в Вахкалу. Вскоре несколько женщин сказали: "

- Мы должны отправиться в Вамарави, многие из нас должны отправиться туда и умолять двух братьев вернуть наших людей к жизни.

Они взяли красивые подарки, раковины и шкуры выдр, взвалили их на спины и отправились в путь; отправились, не дожидаясь, ехали всю ночь, ехали быстро. На следующее утро они были в Вамарави. Они пошли к двум братьям, подарили им подарки, умоляли вернуть к жизни их мужей.

Наконец братья согласились это сделать.

Рядом с их парилкой был большой источник, размером с приличное озеро, и братья велели женщинам из Вахкалу и двум их собственным сестрам отнести кости к той воде.

Женщины вахкалу и две сестры взяли корзины, весь тот день носили кости и бросили их в источник. На закате поле очистилось, и все кости были в воде.

“Теперь, - сказали братья женщинам из Вахкалу, - вы должны разбить лагерь подальше от источника и не приближаться к нему до завтрашнего рассвета; а вы, наши сестры, не должны вставать сегодня ночью, чтобы выйти из парилки”.

Два брата закрыли крышу парилки и сами не спали.

Около рассвета они слышали разговор у источника, затем еще больше разговоров, а позже громкий гул голосов. Среди бела дня все вышли из источника, и все вокруг было полно людей, повсюду были толпы людей.

Два брата посмотрели с крыши парилки и увидели, что вся армия Хака Каины стоит там сильная и исправная. У каждого был свой мешок с сокровищами, награбленными в деревне Хвипаджуси; на каждом была его боевая форма и перья. Три дочери Хвипаджуси тоже были там, как всегда.

Хака Кайна пошел в дом Мини-аунов и поговорил с братьями. Он дарил им шкуры выдры, бусы, шкуры лося. Он был благодарен и очень добр; называл их двоюродными братьями. После этого он отправился домой со своей армией и женщинами. Все, кто остался в Вахкалу, вышли навстречу мужчинам, ушли далеко, танцевали, танцевали, потому что все снова ожило и потому что три девушки были возвращены.

Мужчины убрали луки, стрелы и лосиные шкуры; все смыли краску с лиц.

- А теперь дай нам побольше еды, - сказал Хака Каина.

Они пошли в парилку; все ели и разговаривали до полуночи. В полночь каждый пошел к себе и отдохнул.

ТИТИНДИ МАУПА И ПАЙОВА, МЛАДШАЯ ДОЧЬ ВАКАРЫ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Хемауна Марими, --; **Хитчинна**, дикая кошка; **Лавалила**, ястреб-куропатка; **Пайова**, младшая дочь новолуния; **Титильди Марими**, женщина-черный медведь; **Титинди Маупа**, ее брат; **Топуна**, горный лев; **Туина**, солнце; **Вакара**, новолуние.

ТИТИНДИ МАУПА жил в местечке под названием Курулса Мауна, где у него были две сестры. В трех милях к западу от этого места жил молодой Топуна со своим отцом, у которого была большая парилка в Мотири-Мауна.

Титинди Маупа хотел, чтобы его старшая сестра вышла замуж за Топуну, его большого друга, который был хорошим охотником и убил много оленей. Однажды Титинди Маупа велел своим двум сестрам приготовить побольше еды — кореньев, желудей и кедровых орехов.

Женщины приготовили все это и сложили в круглую корзину. Он взвалил корзину на спину, взял в подарок две шкуры выдры и отправился в Мотири Мауна.

Старый Топуна сидел дома. Его сын еще до рассвета ушел в горы охотиться на оленей. Титинди Маупа увидела большое количество оленины и оленьего жира, развешанных по всем частям парилки.

Он заглянул внутрь с крыши парилки и увидел, как старик режет мясо, ломает кости и вынимает из них костный мозг. Он вошел. Топуна встал ему навстречу, развел костер, приготовил мясо, положил его в корзину и поставил перед Титинди Маупой. Он дал ему также жир и вяленую оленину.

“ У меня еда на крыше парилки, ” сказала Титинди Маупа. - Я оставила там свою корзину.

Топуна пошел и принес его, поставил на стол, а затем съел сам. Гость много поел, и они долго сидели вдвоем, разговаривая и поедая; сидели до полудня, когда молодой Топуна вернулся домой. Он убил пять оленей и был рад.

- Вы пришли повидаться с нами, - сказал он, садясь рядом с посетителем.

“Да, ” ответила Титинди Маупа, “ и я надеюсь, что ты скоро придешь в мой дом. Может быть, вы придете сегодня вечером?

Топуна угостил Титинди Маупа вкусной олениной и оленьим жиром — в большом количестве. “Будь легкой и маленькой, пока он не заберет тебя домой, - сказала Топуна мясу. - тогда будь такой же большой, как ты сейчас, или еще больше”.

Он подарил гостю красивое платье из оленьей кожи, и Титинди Маупа отправилась домой.

Рюкзак был легким, пока он не поставил его дома. Потом он стал большим, как маленький дом. Его старшая сестра не хотела есть оленину Топуны; ей не нравился друг ее брата; она любила юного Хитчинну и не смотрела на другого мужчину.

Топуна надел три пары мокасин, три пары толстых лосин из оленьей кожи, отделанных бисером; надел три одеяла из оленьей кожи и с наступлением темноты вышел за дверь, чтобы отправиться на Курулса Маупа.

“Сын мой, - сказал старый Топуна, когда его сын уходил, - ты вернешься опечаленным; утром ты будешь сердиться; я хорошо знаю эту женщину”.

Когда пришла Топуна, у Титинди Маупы все спали; но Титильди Марими пожелала, чтобы весь дом снаружи был покрыт острыми камнями и колючим кустарником, потому что она знала, что придет Топуна.

Когда он добрался до этого места, он не смог войти; он даже не смог найти дверь; все было скрыто острыми камнями и шипами. Он пробыл снаружи всю ночь и не переставал пытаться найти вход; он износил свои три пары мокасин, порвал три пары леггинсов и три одеяла; обрывки их были разбросаны по всей парилке. Наконец он был обнажен и почти замерз.

Топуна ушел домой еще до рассвета, очень сердитый. Титильди Марими слышала его, но не сказала ни слова. Он лег в парилке своего отца и оставался там весь день.

Когда рассвело, Титильди Марими встала и вышла из парилки; камни и кусты исчезли по ее желанию; теперь там ничего не было, кроме красивых бус, упавших с Топуны. Она пошла к

источнику; умылась там, причесалась и уложила волосы, покрасила лицо в красный цвет, надела красивую плетеную шапочку, взяла маленькую корзиночку с острой палкой и отправилась в горы; зашла далеко; выкопала сладкие корешки у ручьев на горных равнинах.

Титинди Маупа весь день злился на свою сестру; он пролежал в постели до вечера. Титильди Марими копала корни, выкопала очень много, все время работая, напевая. Хитчинна услышал пение со своего места и подошел к ней. Он ей понравился. Она пошла ему навстречу; была рада его видеть; они сели вместе, поговорили и обрадовались. На тот день они расстались; он охотился на оленей, она наполнила свою корзину кореньями и ушла домой на закате.

Титинди Маупа еще была в постели. Он не поднял глаз, когда она вошла; не взглянул на сестру.

На следующее утро она встала рано, ни свет ни заря. Она обещала Хитчинне встретиться с ним во второй раз. Она умылась, причесалась, подкрасила лицо, взяла корзинку с кореньями и отправилась в путь.

Она не успела отойти далеко, как ее брат вскочил, поспешил к реке, искупался в ней; вернулся в парилку, по пути ударяя себя по волосам палкой, чтобы они быстрее высохли. Потом он поел и сказал своей младшей сестре:

“Я ухожу; я должен покинуть тебя; я думаю, ты будешь плакать, потому что я ухожу”.

Он надел богатую одежду, затем привязал нитку красивых бус к посоху и закрепил посох в одном из углов дома.

“Если я умру, ” сказал он, “ эти бусы упадут на землю; не прикасайся к ним, пока они висят, и скажи нашей сестре, чтобы она их не трогала. Когда она придет, не говори, что я ушел; если она знает себя, ты не должен показывать ей путь, которым я пошел”.

Затем он повернулся ко всем вещам в доме и сказал: “Ты, моя тыква, не должна рассказывать моей сестре, как я ушел, ни ты, мои корзины, ни ты, мой огонь, ни ты, моя корзина с водой, ни мои корни; ни один из вас не должен говорить ей”. И он рассказал все, кроме желудевой муки; он забыл рассказать желудевой муке.

“Теперь я ухожу”, - сказал он и, подняв центральный столб дома, спустился на землю, и столб опустил обратно вслед за ним. Он спускался под землю, пока не добрался до источника с водой. От источника он повернул назад и пошел на запад, затем обратно; пошел на север, затем обратно; пошел на юг, затем снова к источнику. Затем он стал ходить кругами вокруг своего дома, чтобы ввести сестру в заблуждение, чтобы она не могла выследить его. Наконец он прошел две или три мили на запад; затем поднялся на вершину и пошел по тропе.

Придя на следующее утро на горную равнину, Титильди Марими немного постояла в раздумье. Она знала, что ее брат встал с постели, что он очень зол. “Мой брат уедет сегодня”, - подумала она. “Я должна скоро вернуться домой”.

Она быстро бросила свою палку и корзинку и поспешила домой. Она увидела, что ее брата нет в доме, а сестра плачет.

- Где мой брат? - спросила она. - Скажи мне, сестра.

Сестра ничего не говорила, ничего не отвечала; опустила голову и горько заплакала.

“Рассказывай скорее. Солнце уже высоко. Если я не смогу найти его, он умрет; если я не найду его, его враги убьют его”. Сестра не ответила.

“Скажи мне, ты, скала, куда пошел мой брат; скажи мне быстро. Скажи мне, ты, тыкалка; скажи мне, корзинки”. Ответа не последовало. “Пост, скажи мне, скажи скорее; уже почти слишком поздно, он ускользнет от меня”. Она спрашивала все подряд и не получала ответа, пока, наконец, не сказала: “Желудевая мука, ты скажешь мне?”

“Твой брат ушел”, - сказала желудевая мука. “Он разгневан, потому что ты ранил Топуну, его друга; он очень разгневан и не хочет, чтобы ты следовал за ним”.

- В какую сторону он пошел?

- Под столбом.

- Это хорошо.

Тогда она была рада. Она быстро собралась: надела красивые новые вещи, взяла свой лучший лук и большой колчан из кожи выдры, наполненный стрелами, надела леггинсы, как подобает мужчине.

“Сестра моя, будь здорова, береги себя”, - сказала она. “Я не хочу, чтобы мой брат умирал. Он думает, что путешествие приятное, что путешествие легкое. Я тоже пойду; я помогу ему”.

Она подняла столб и последовала за своим братом; пошла к источнику, вернулась, повсюду следовала за ним; наконец вышла на тропу и выследила его, последовала за ним, с трудом перевалила через Хребтовую гору. Она последовала за ним упорно и быстро, догнала его, продолжала догонять; все еще она боялась, что не сможет догнать своего брата. Затем она повернулась к Сун и крикнула: —

“О Солнце, я желаю тебе не торопиться. Двигайся сегодня очень медленно, о Солнце. Пусть день будет долгим. Дай мне время встретиться с моим братом”.

Солнце заходило медленнее, давая ей время, и она поспешила дальше.

Титинди Маупа все это время спешил, шел быстро; и он пел на ходу. Его песня была о Пайове, младшей дочери Вакары, девушке далеко на западе.

УВакары было очень много дочерей. Все звезды на небе были его детьми, и все его дочери были замужем, кроме этой, самой младшей, той, за которую Титинди Маупа собиралась выйти замуж, если отец отдаст ее.

Он пошел вдоль Дахи, пошел по течению ручья, переплыл и сел покурить. Выкурив трубку, он поднялся на горный хребет к западу от реки, достиг вершины и, спустившись на некоторое расстояние по западному склону, снова сел и закурил во второй раз. Теперь Титильди Марими, его сестра, пересекла реку и следовала за ним. Она подошла к тому месту, где ее брат сел покурить в первый раз.

“Я скоро поднимусь с тобой”, - сказала она. “Ты не можешь уйти от меня сейчас”, - и она пошла дальше, быстро пошла.

Брат, когда курил во второй раз, сидел у небольшого родника на западном склоне горного хребта; сестра добралась до гребня с вершины; она увидела своего брата немного ниже себя. Он услышал чей-то голос позади, поднял голову и увидел Титильди Марими. Он опустил голову и ничего не сказал.

“Я скоро буду с тобой”, - крикнула сестра. “Мы можем пойти дальше вместе. Вы проделали долгий путь, чтобы найти хорошее место для курения”.

Он ничего не сказал, смотрел в землю, ожидая сестру. Вскоре она была рядом с ним.

“Брат мой, я устала, - сказала она, - дай мне табаку; я хочу курить”.

Он дал ей табаку; она закурила.

“Брат мой, - сказал Титильди Марими, - я хочу, чтобы ты выстрелил вон в ту кварцевую скалу на склоне горы”.

Он поднял лук со стрелой и хорошенько прицелился.

“Теперь ударь по этому камню”, - сказала она.

Он послал одну стрелу, за ней вторую, потом третью. Они ударились о скалу, но отскочили от нее.

“Ты мог бы далеко зайти, чтобы ранить врага такими стрелами!” - засмеялась сестра. “Как ты думаешь, брат мой, хороши эти стрелы? За два дня ты увидишь достаточно врагов; ты увидишь врагов в доме Вакары”.

Затем она вытащила свой собственный лук, достала стрелу из колчана из шкуры выдры и сказала: “Посмотри теперь на меня, брат мой!”

Она выстрелила в камень; попала в него. Ее стрела разнесла камень на куски.

“Вот что делают мои стрелы!” - сказала Титильди Марими.

Титинди Маупа опустил голову; не сказал ни слова, но встал и пошел вниз по склону горы, пока не подошел к ручью; затем он перевалил через другую гору, все время направляясь на запад, пока не оказался в поле зрения Вакарувы, места, куда он направлялся; затем он сел в третий раз и закурил.

“О смок, - сказал он, - я хочу, чтобы сегодня вечером и завтра ты подружился со мной”.

Он посмотрел вниз, в долину, откуда услышал сильный шум; он увидел множество людей, играющих в игры и стреляющих.

Незадолго до этого Вакара позвал свою младшую дочь Пайову и сказал: “Я хочу, чтобы ты собрала дубовых листьев для желудевого хлеба и красной земли, чтобы подмешать в него”.

Она пошла с корзинкой за спиной, поднялась на склон горы, собрала красную землю, чтобы смешать с желудевой мукой и сделать хлеб легким. Листья должны были быть положены поверх теста и покрывать хлеб во время выпечки. Титинди Маупа положил свою сестру вместе с ее

колчаном в шкуру выдры и понес ее. Она стала маленькой и казалась совсем как выдра; в таком виде он спрятал ее у себя на плече.

Пайова, младшая дочь Вакары, насыпала красной земли в свою корзину и наполнила ее листьями. Теперь она повернулась, чтобы нагнуться и поднять его, но не смогла, он был слишком тяжелым.

Титинди Маупа поскользнулась и держала корзину в руках. Она обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело, и увидела, что он стоит прямо перед ней, почти касаясь ее.

- О! - воскликнула она, испуганно опустив голову; ей было стыдно перед незнакомцем.

“Почему ты боишься?” - спросила Титинди Маупа. “Это потому, что я уродина?”

Она взвалила корзину на спину и бросилась прочь. Добравшись до Вакарувы, она бросила корзину на улице и вбежала в дом мимо своей матери.

“Почему ты так напугана? В чем дело?” - спросила ее мать.

Она не ответила ни слова.

Внутри сидел старый Вакара. “Чего ты боишься, дочь моя?” - спросил он. “Что-нибудь случилось, кто-нибудь причинил тебе боль?”

- Я видел человека вон там, на горе.

“Что это был за человек?” - спросил Вакара.

- У него на спине выдра, а одет он в оленью шкуру; обе его руки красны от оленьей крови.

У Титинди Маупы в колчане из шкуры выдры лежал большой кусок жирной оленины.

“Я думаю, он хороший охотник”, - сказал Вакара; и он снял шкуру выдры, повесил ее с северной стороны дома и сказал своей дочери: “Сиди там и позволь этому человеку прийти к тебе”.

Скоро наступила ночь. Все вошли в дом, сели за стол и поужинали. Титинди Маупа ненадолго задержался снаружи и нашел место, где Вакара хранил желуди. “Я оставлю тебя здесь на эту ночь”, - сказал он своей сестре. - Завтра я приеду за тобой.

Титинди Маупа оставил свою сестру в яслях из желудей, затем опустился на землю и вынырнул внутри парилки прямо рядом с Пайовой. Старый Вакара рассмеялся, увидев его сидящим рядом со своей дочерью. Он был рад.

- Дай незнакомцу поесть, - сказал он.

Пайова принес еду и отдал незнакомцу.

Титинди Маупа съела немного и сказала: “Посмотри в моей шкуре выдры, у меня есть немного оленины”.

Она сунула руку внутрь и нашла хороший кусок, отличное седло оленины. Она не могла вытащить кусок, он был таким тяжелым. Тогда она подошла к своему отцу и сказала: “Мне нужна большая корзина”.

Она отнесла к себе большую корзину с подносом. Титинди Маупа достала оленину и положила ее на поднос, сказав:

- А теперь не уменьшайся, моя оленина, оставайся такой, какая ты есть, сколько бы у тебя ни отняли.

Две девушки отнесли корзину и поставили ее перед Вакарой и Хемауной Марими, его женой. Двое стариков поели. После них все в доме поели, и седло оленины стало таким же большим, как и вначале. Когда все в доме поели, старый Вакара вышел на крышу и крикнул:

- Сыновья мои, я призываю вас всех зайти ненадолго.

Итак, все звезды на небе были детьми Вакары; они были его сыновьями и дочерьми. Величайший, сын, пришел первым. Подойдя к дому, он уловил запах оленины. За ним шло великое множество людей. Все звезды были в парилке Вакары; все помещение было заполнено ими. Когда они посмотрели и увидели Титинди Маупу, сидящую с их сестрой, они рассмеялись. Они были рады. Некоторые сели; другие отрезали оленину и зажарили ее. Все ели то, что хотели.

Теперь старый Вакара сам отрезал оленины и дал по большой доле каждому сыну, чтобы они отнесли домой его жене и детям. Все ушли, смеясь.

На следующее утро Титинди Маупа встал до рассвета, взял голову оленя и отправился на охоту в горы. Он надел голову. Подошли олени и встали перед ним, десять, потом еще десять, и вскоре их стало сто. Он убил сто оленей. Взяв самый маленький, он открыл его, остальные сделал совсем маленькими и положил их в маленький, который нес в одной руке.

Все спали в парилке, когда пришла Титинди Маупа. Он бросил маленького оленя, и девяносто девять других были такими же большими, как и вначале; они вырвались из маленького оленя, подняли большой шум и заполнили все пространство перед парилкой. Жена Вакары встала, чтобы испечь желудевый хлеб. Она попыталась выйти, но не смогла, вокруг было так много оленей. Она поспешила обратно и позвонила своему мужу.

“Снаружи что-то есть, - сказала она. - Я не знаю, что это. Встань и посмотри, вставай скорее!”

Вакара вышел и увидел груды оленей; он побежал обратно, взял свой нож и наточил его. Затем, поднявшись на крышу дома, он позвал всю деревню: “Идите сюда, идите все!”

Вскоре пришли все жители деревни, и их было так много, что оленину разделали быстро. Они приготовили и съели в компании. Другие приходили из-за реки к югу от них и ели столько оленины, сколько хотели. Многие садились под дубами и играли в азартные игры; одни пускали стрелы в цель, а другие участвовали в гонках.

Весь день они развлекались, весь день пировали, а на закате разошлись по домам, очень довольные и восхваляющие Титинди Маупу.

К западу от Вакарувы была большая деревня и много людей, все зятья Вакары, все женатые на его дочерях; и вождем был Лавалила.

“Интересно, что делает мой тесть, - сказал каждый из этих людей. - он очень громко разговаривает в своей парилке. Там никогда раньше не было таких разговоров”.

Лавалила позвал двух своих сыновей и сказал: “Идите и посмотрите, что делает ваш дедушка. У твоей младшей тети есть муж; возможно, именно поэтому в парилке так громко разговаривают.

Мальчики осторожно подкрались к дому и заглянули в него. Младший увидел Пайову, свою тетю, в углу, а Титинди Маупа сидела рядом с ней. Вакара увидел, как мальчик заглядывает в комнату, и швырнул в него палкой. Мальчики побежали домой.

- У моей тети есть муж, - сказал младший мальчик.

“Она этого не делала”, - сказал старший.

“Я видел его”, - сказал младший.

“Ты этого не делал”, - сказал старейшина.

Лавалила остановил мальчиков; он был доволен. Он вышел и, обратившись ко всем, сказал: “Пайова, младшая дочь Вакары, вышла замуж!”

Теперь все были очень разгневаны, все были в ярости, потому что в той деревне было много тех, кто хотел Пайову.

На следующее утро Лавалила рано разбудил деревню и сказал: “Я хочу, чтобы вы, мои люди, сегодня поиграли. Ты должен сыграть изо всех сил; ты должен победить Титинди Маупу, нового зятя Вакары”.

После того, как они поели, он созвал всех своих людей и сказал: “Мы пойдем к моему тестю, к Вакаре, и выстрелим там в цель стрелами”.

Они пошли к Вакаре и спросили: “Где Титинди Маупа? Мы хотим испытать его; мы хотим пустить в него стрелы в цель”.

Титинди Маупа вышла и выстрелила. Он выиграл первый бросок, второй; он выигрывал все время, выигрывал все, что ставили люди Лавалилы.

Как раз в полдень Лавалила вышел из себя, разозлился, вскочил и попытался схватить и забрать обратно все то, что потерял его народ. Титинди Маупа не позволил бы ему этого сделать; он встал у него на пути, не позволил бы ему ничего взять.

Лавалила ударил нового зятя Вакары. Титинди Маупа сбил своего противника с ног. Лавалила вскочил, подбежал к своим людям, натянул лук и попытался пустить стрелу в Титинди Маупу. Последовала великая битва.

Сыновья Вакары пришли и встали на сторону Титинди Маупы. Люди Лавалилы поспешили встать на его сторону. Молодая жена Титинди Маупы выбежала на помощь своим братьям и мужу.

Они сражались очень упорно с обеих сторон. К середине дня на стороне Лавалилы были убиты все, кроме него самого. К Лавалиле подошли новые силы. Титинди Маупа так устал, что не мог стоять. В этот момент пришла его сестра. Она подняла Титинди Маупу, посадила его к себе на спину и дала ему свой лук и стрелы. Он стрелял с ее плеча и использовал ее сильные стрелы. Каждый мужчина, которого они касались, падал в тот момент. Все с запада были убиты, Лавалила вместе с остальными.

Титинди Маупа отдохнул и пошел в парилку. Его сестра пошла с ним. Убитые с обеих сторон всю ночь лежали там, где упали.

Перед рассветом Титинди Маупа встал, взял свое огненное сверло, вышел и, повернув лица всех своих зятьев лицом к земле, ударил их огненным сверлом. Все ожило и вернулось в Вакаруву.

Люди Лавалилы пролежали на поле всю ночь, следующий день и следующую за ним ночь. Титинди Маупе не понравилось видеть всех этих мертвецов, лежащих там; поэтому он пошел туда перед рассветом второго дня и поразил каждого своим огнебоем. Все ожили, встали, обрадовались и разошлись по домам. На следующее утро они пришли в Вакаруву и снова устроили игры, с хорошим пиршеством и удовольствием. Они не рассердились во второй раз.

Титинди Маупа каждое утро приносил оленя. Его зятя приходили и ели вместе с ним; они были дружелюбны и счастливы. Титинди Маупа пробыл в Вакаруве двадцать дней. Он убил оленя для всех них. На двадцать первое утро Вакара сказал своей дочери: -

- Я думаю, ваш муж хотел бы сейчас пойти домой.

На следующее утро Титинди Маупа отправился домой со своей женой и сестрой; через день они отправились на Курулса-Мауна.

Три ночи спустя Топуна пришел навестить их; он снова пришел повидаться с Титильди Марими. Теперь она позволила ему прийти. Она боялась, что брат может бросить ее во второй раз.

Итак, наконец Топуна получил жену, которую хотел, и они все вместе жили на Курулса Мауна.

ДВЕ СЕСТРЫ, ХАКА ЛАСИ И ЦОРЕ ДЖОВА

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Чухна, паук; **Хака хаси**, гагара; **Хитчинна**, дикая кошка; **Джамука**, желудевый червь; **Джука**, шелкопряд; **Метси**, койот; **Цанунева**, рыболов (птица); **Цоре Джова**, орел.

На некотором расстоянии к востоку от Джигул-мату жил старый Джука. У него было очень много сыновей и две дочери — большой дом, полный детей.

Двумя дочерьми Джуки были Цоре Джова, старшая, и Хака Ласи, младшая. Через некоторое время Хака Ласи влюбилась в своего брата Хитчинну. Однажды она заснула, и ей приснилось, что он женился на ней.

Метси тоже жил в доме Джуки. Он не был родственником, он просто жил там в качестве гостя.

Однажды все мужчины отправились на охоту. Именно тогда Хака Ласи увидел Хитчинну во сне. Она начала петь о нем, и она запела: “Я мечтаю о Хитчинне; мне снится, что он мой муж. Мне снится Хитчинна; мне снится, что он мой муж”.

Все мужчины вернулись с охоты ночью. На следующее утро, при свете дня, они пошли купаться, и Цоре Джова приготовил для них еду. Хака Ласи взяла в руку очень красивый посох и взошла на крышу парилки. Она заглянула внутрь и пропела: —

“Где мой муж? Пришли его сюда, ко мне. Я заберу его. Мы должны отправиться в путешествие. Где мой муж? Пришлите его сюда, ко мне.

Все знали, что у нее не было мужа.

“У тебя нет мужа”, - сказали они.

Хитчинна лежал в углу, завернувшись в шкуру дикой кошки.

- В этом доме у тебя нет мужа, здесь все твои братья, - сказал Джука.

“У меня есть муж, и я хочу, чтобы он приехал сюда, ко мне”, - ответила Хака Ласи.

“Что ж, ” сказал старший сын, “ я подойду к ней. Послушаем, что она скажет”. Он поднялся вверх.

“Ты не мой муж”, - сказала Хака Ласи. “Не подходи ко мне”.

Она сбила того с ног и снова позвала: “Где мой муж? Пришлите его ко мне”.

- Иди ты, - сказал Джука второму сыну.

“Ты мне не нужен”, - сказал Хака Ласи второму сыну.

Она отказывала одному за другим и прогоняла их до тех пор, пока не осталась одна Хитчинна. Тогда Джука подошел к Хитчинне и сказал: "

- Сын мой, встань и подойди к ней; похоже, ты тот, кто ей нужен.

“Он тот самый, - сказала Хака Ласи. - Он мой муж. Я хочу, чтобы он уехал со мной”.

Хитчинна не сказал ни слова, но встал, умылся, красиво оделся и подошел к женщине.

- Солнце уже высоко, - сказал Хака Ласи. - Нам нужно поторопиться.

Она была рада, когда забирала того, кого хотела. Они путешествовали, и она пела о Хитчинне, пока они путешествовали, пела о нем все время. Они уехали далеко, а ночью она приготовила постель, и они легли на нее.

Юный Хитчинна не мог заснуть, он был напуган. Когда Хака Ласи заснул, он очень быстро встал, взял кусок мягкого гнилого дерева, положил его ей на руку, где она держала его голову, накрыл ее, а затем быстро убежал, изо всех сил поспешив обратно к парилке Джуки. Около рассвета он был в парилке.

Теперь Чухна, сестра Джуки, жила с ним. Она была величайшим человеком в мире, умевшим прясть нитки и вить канаты. У нее была ивовая корзина размером с дом и веревка, которая доставала до неба и была привязана там.

“Племянник мой, ” сказала она Хитчинне, “ я спасу тебя и всех от твоей ужасной сестры. Она будет здесь очень скоро; она может прийти в любой момент. Она убьет всех в этом доме; она убьет всех, если найдет нас здесь. Пусть все идет в мою корзину. Я возьму тебя на небо. Она не сможет найти нас там; она не сможет последовать за нами в то место.

“Я лягу ниже всех”, - сказал Метси. “Я хороший человек, я войду первым, я войду раньше других; я буду на дне корзины”.

Метси вошел первым; все в парилке последовали за ним. Тогда подбежала Чухна, взобралась на веревку и потащила корзину за собой.

Парилка была пуста; никто не остался. Чухна поднимался все выше и выше.

Когда Хака Ласи проснулась и увидела, что у нее на руке вместо Хитчинны кусок гнилого дерева, она сказала:

“Ты от меня не уйдешь, я поймаю тебя, где бы ты ни был”.

Она бросилась обратно в парилку. Там было пусто; там никого не было. Она обежала вокруг во всех направлениях, ища следы, чтобы определить, в какую сторону они ушли. Она ничего не нашла на земле; тогда она посмотрела в небо и далеко, очень высоко, близко к солнцу, увидела, что корзина поднимается, неуклонно поднимается.

Хака Ласи была в ярости; она была так ужасно разгневана, что подожгла дом. Он быстро сгорел и вскоре превратился в груды углей.

Корзина была уже почти у самого неба, когда Метси сказал себе: “Интересно, как высоко мы забрались; я хочу посмотреть”. И он проделал небольшое отверстие на дне корзины, чтобы заглянуть внутрь и посмотреть вниз.

В тот же миг корзина раскрылась; все вышло наружу, хлынуло вниз огромным потоком людей, и все упали прямо в огонь парилки.

Теперь Цоре Джова была снаружи, на корзине. Она ухватила за солнце, уцепилась за него и спаслась.

Хитчинна пошел ко дну вместе с остальными, упал на горящие угли и сгорел, как и его братья.

Хака Ласи была рада, что они не сбежали от нее; она взяла палку, привязала к ней сеть и стала наблюдать.

Теперь все были в огне и горели. Через некоторое время одно тело лопнуло, и из него вылетело сердце. Хака Ласи поймала это сердце в свою сеть. Вскоре лопнули второе и третье тела, и вылетели еще два сердца. Она поймала их так же, как и первое. Она покорила все сердца, кроме двух, — собственное сердце Джуки и сердце его старшего сына.

Сердце Джуки взлетело высоко, улетело далеко в небо и опустилось на речном островке недалеко от озера Клакат. Там оно превратилось в самого Джуку. Он погрузился в землю по подбородок, наружу торчала только его голова.

Сердце старшего сына отлетело к подножию Вахкалу и снова стало самим собой. Он провалился так глубоко в землю, что на поверхности торчало только его лицо.

Теперь Хака Ласи нанизала все пойманные ею сердечки на нитку, повесила их себе на шею и отправилась к озеру к востоку от Джигульмату. Она хотела жить на дне озера, но не могла найти достаточно глубокого места. Поэтому она отправилась на северо-запад от озера Клакат к озеру Кратер, где могла жить на большой глубине.

Два брата Цанунева жили недалеко от озера со своей старой бабушкой. Однажды рано утром эти братья отправились ловить уток, и как раз на рассвете они услышали чей-то зов.

“Кто это?” - спросил старший брат.

“Я не знаю”, - ответил младший.

Вскоре они увидели, как Хака Ласи выпрыгнула из воды и позвала их. На шее у нее была большая цепочка из сердечек. Затем она снова погрузилась в воду. Она снова подошла на некоторое расстояние и позвала во второй раз.

Тогда Цоре Джова спустилась с солнца и отправилась в старую парилку, где не нашла ничего, кроме кучи костей и пепла. Намазав голову и руки смолой, а шею полосками оленьей кожи, пропитанными смолой, она плакала и ходила в трауре. Через некоторое время она начала искать свою сестру. Она побывала везде, побывала на озере Клакат.

Через некоторое время оба брата Цанунева услышали голос, поющий:

“Li-wa-éh, li-wa-há,
Li-wa-éh, li-wa-há.”

Это был старый Джука. Он лежал на земле там, где упал, и плакал.

Цоре Джова искал, навел справки, расспрашивал каждого о Хака Ласи и рассказал, что она сделала, — что она убила своих собственных братьев и отца.

Однажды на закате Цоре Джова наконец пришел в дом двух братьев Цанунева и поговорил с их бабушкой. “Моя сестра, Хака Ласи, убила всех моих братьев и моего отца”, - сказала она и рассказала всю историю.

Старуха заплакала, когда услышала, что сказал ей Цоре Джова. Два брата были на охоте; они вернулись домой около темноты с большой вереницей уток. “Эта женщина, - сказала бабушка, - ищет свою сестру, которая убила всех ее людей”.

Оба брата плакали, когда им рассказали эту историю. Когда они перестали плакать, они сказали старухе: “Приготовь уток, и пусть у этой женщины будет побольше еды”.

Когда все поели, два брата сказали Цоре Джове: “Расскажи нам, что за человек твоя сестра. В какую сторону она пошла?”

“Я не знаю, куда она пошла”, - сказал Цоре Джова.

“Три дня назад, ” сказал старший брат, “ как раз на рассвете мы увидели, как в озере, где мы ловили рыбу, выпрыгнула женщина. У нее, кажется, были крупные бусы на шее. Эта женщина может быть твоей сестрой.

“ Поймай для меня эту женщину. Я дам тебе шкуры выдры и бусы. Я дам медвежьи шкуры. Если хочешь, я останусь с тобой здесь, если ты ее поймаешь.

“Нам не нужны ни бусы, ни шкуры выдры, ни медвежьи шкуры”, - сказали братья.

- Чего ты хочешь? - спросил я.

- Нам нужны кости благородного оленя и зеленые кости оленя; маленькие, острые, чтобы протыкать ими рыбу.

“Ты получишь все, что захочешь, из обоих видов”, - сказал Цоре Джова.

На следующее утро она отправилась в путь с мешком, забралась высоко в горы, собрала олени кости, красные и зеленые окорочка, и положила их в свой мешок. На закате она вернулась в дом с полным мешком.

Теперь оба брата обрадовались. Старший взял красные кости, а младший зеленые. (Жир на костях оленьих ног у одних становится красным, у других - зеленым.)

“Вы должны поймать ее плохую сестру для Цоре Йовы”, - сказала старуха своим внукам.

Всю ту ночь братья затачивали кости, а затем прикрепляли их к древкам копий. Они не останавливались ни на мгновение. “Пойдем сейчас; уже почти рассвело”, - сказал старший брат.

Они отправились в путь. Добравшись до озера, они вышли на воду. Каждое утро на рассвете. Хака Ласи вынырнул на поверхность и позвал с озера. Старший брат взял стебель травы туле, раскрыл его, положил на воду, сделался маленьким и сел посреди нее. Младший брат точно так же закрепился на другом стебле тулы. Два стебля туле плыли по воде, пока не приблизились к тому месту, где братья в первый раз видели, как появился Хака Ласи.

“Позволь мне выстрелить раньше тебя”, - сказал старший брат.

“О, вы не можете стрелять, вы промахнетесь в нее”, - сказал младший. “Позвольте мне выстрелить первым. Ты промахнешься, ты не попадешь ей в сердце”.

“Я ударю”, - сказал старший.

Они смотрели и смотрели. Каждый натянул лук, готовый выстрелить. Наступил рассвет. Хака Ласи быстро поднялась, подошла к поверхности воды и протянула руки, прежде чем позвать.

Младший брат послал первую стрелу, попав ей в шею; старший выстрелил, попав ей прямо под мышку. Хака Ласи откинулся назад и погрузился в воду.

Братья смотрели и смотрели. Через некоторое время они увидели две летящие стрелы и испугались, что потеряли ее. Она вытащила их из своего тела, и они поднялись на поверхность. Через некоторое время тело поднялось. Хака Ласи был мертв.

Братья увидели, что у нее на шее висело множество сердечек. Затем они вытащили ее на берег и отнесли домой. Они оставили тело спрятанным снаружи дома и вошли внутрь.

“Мы ее не видели”, - сказал старший Цанунева своей бабушке.

Все сели есть рыбу, и когда они покончили с едой, старейшина сказал Цоре Джове: “Выйди и посмотри, что мы поймали сегодня утром”.

Она выбежала вместе с ними и увидела свою мертвую сестру с ниткой сердечек на шее. Цоре Джова сняла юбку из оленьей кожи, завернула тело и отнесла в дом. Она сосчитала сердечки.

“Сердце моего старшего брата не здесь, и сердце моего отца не здесь”, - сказала она.

“Каждое утро мы слышим чей-то плач далеко на севере; возможно, это один из них”, - сказали двое тсануневас.

Цоре Джова отправилась на поиски того, кто звонил, если могла. Она оставила тело и сердца в доме старой бабушки и поспешила на север. Вскоре она услышала крик и узнала его. - Это мой отец, - сказала она.

Цоре Джова приблизилась к месту, откуда раздался крик; никого не увидела. Она все еще слышала крик. Наконец она увидела лицо; это было лицо Джуки, ее отца.

Цоре Джова взял острую палку и копнул. Она дотронулась до пояса Джуки; попыталась поднять его, но не смогла пошевелить. Она копала снова, довольно долго; тянула и тянула, пока, наконец, не вытащила его.

Джука был очень беден, на нем были одни кости, совсем не было плоти. Цоре Джова расстелила оленью шкуру, завернула в нее своего отца и отнесла его в дом старухи; затем она положила его рядом с телом Хака Ласи и отнесла их домой, в старую сгоревшую парилку к востоку от Джигульмату.

Она все еще плакала, потому что не хватало одного брата. Она поставила корзину, в которой несла их, спрятала, тщательно накрыла.

У подножия Вахкалу жил некий Джамука, старик, у которого были жена и две дочери.

“Принесите немного дров”, - сказал однажды старик своим дочерям.

Две девушки взяли свои корзины и пошли за дровами. Вскоре они услышали, как кто—то поет:

“I-nó i-nó, I-no mi-ná
I-nó, i-nó I-no mi-ná.”

“Послушай, - сказала младшая сестра, - кто-то поет”.

Они прислушались, услышали пение; казалось, оно доносилось прямо у подножия Вахкалу. Они направились туда, откуда доносился звук.

“Это хорошая песня”, - сказала младшая сестра. “Хотела бы я посмотреть на ту, которая так поет”.

Они подошли поближе, но пока никого не увидели. “Давай отнесем дрова домой, - сказала старшая сестра, - а потом вернемся сюда; наш отец может рассердиться, если мы задержимся подольше”.

Они отнесли дрова домой, сложили их и ничего не сказали. Оба вернулись к тому месту, откуда доносилось пение, и прислушались. Наконец младшая сестра подошла к нужному месту и сказала: “Я думаю, это тот, кто поет”.

Из земли торчала голова, а лицо было залито водой. Мужчина так много плакал, что выглядел грязным и уродливым.

Сестры взяли острые палки и вырыли все вокруг головы, вырыли глубоко. Они не смогли вытащить человека; они закопали его только по пояс, когда наступила ночь, и им пришлось уходить.

“Почему вы так поздно не пришли домой?” - спросил их отец.

“Мы слышали, как кто-то поет, и хотели узнать, кто это, но не смогли. Мы вернемся утром и начнем поиски снова”.

“Это хорошо”, - сказал Джамука. Он слышал, как были убиты сыновья Джуки. “Возможно, один из этих людей еще жив”, - сказал он. - “Вы должны поискать его”.

На следующее утро рано они отправились копать и вытащили человека. Затем они сняли юбки из оленьей кожи и тщательно завернули его. От него остались одни кости, на теле совсем не было плоти. Младшая сестра побежала домой за шкурами дикой кошки, чтобы обернуть его.

“Мы нашли человека, но от него остались одни кости”, - сказала она отцу.

- Хорошо заботься о чужестранце, корми его и ухаживай за ним, - сказал Джамука. - Может быть, это сам Джука, и он хороший человек.

Они завернули мужчину в шкуры дикой кошки. Из его глаз текла огромная струя воды, и олени спустились с холма, чтобы напиться этой воды.

Девушки легли по обе стороны от мужчины и накормили его; оставались с ним всю ночь. На следующее утро они отправились домой за новой едой.

- Накорми его, дай ему вволю, - сказал Джамука. - возможно, он еще поправится и наберется сил.

Сестры вернулись и остались на вторую ночь. Мужчина стал выглядеть лучше, но все время плакал, и множество оленей приходило попить воды, которая текла у него из глаз. На следующее утро девочки отправились домой. “Этот мужчина выглядит лучше”, - сказали они отцу.

“Я слышал, ” сказал старый Джамука, “ что сыновья Джуки были убиты. Это, должно быть, один из них”.

Они сразу же вернулись и пробыли у незнакомца еще день и ночь. Мужчина выглядел так, словно к нему могло вернуться здоровье. Он начал говорить. - У вашего отца есть лук и стрелы? - спросил он сестер.

- У него есть, у него их много.

“Принеси мне лук и стрелы; многие олени подходят ко мне на водопой, я могу подстрелить одного”.

Они передали слова этого человека своему отцу. Джамуха дал им лук и несколько стрел, и они вернулись к больному.

“ Сегодня вечером вы можете идти домой, - сказал он. - Я хочу побыть один.

Девушки бросили его. На закате пришел большой самец и напился слез, он убил его; позже пришел другой, он убил того; в полночь пришел третий, он убил третьего; теперь у него их было трое..... На рассвете был убит четвертый самец; теперь у него было четыре. “Этого достаточно”, - подумал он.

Когда девочки пришли и увидели четырех здоровенных самцов, лежащих мертвыми рядом с незнакомцем, они испугались; они побежали домой и рассказали отцу. Старый Джамуха был рад, когда они рассказали ему. Он наточил свой нож, поспешил в лес и посмотрел на незнакомца. “Это сын Джуки, - сказал он. - позаботьтесь о нем хорошенько, дочери”.

Джамуха разделал оленей, отнес их домой и разделал оленину для вяления. На следующий вечер сын Джуки отправил девочек домой во второй раз и той ночью убил пять больших оленей. На следующее утро девочки пришли посмотреть на него и в изумлении побежали домой.

Их отец был очень рад. Он разделал пятерых оленей так же, как разделал четырех, и разделал оленину.

Все это время Цоре Джова повсюду искала своего брата. Она оставила сердца, тело своей сестры и своего отца тщательно спрятанными; пока ничего не сделала, чтобы спасти их.

В ночь после того, как сын Джуки убил пятерых оленей, две девушки отвели его домой к своему отцу. Теперь он был здоров и красив, в добром здравии и силе. После этого он больше не плакал. На том месте, где он упал и пролил так много слез, образовался соляной источник. Источник находится на том месте и по сей день, и олени стадами ходят пить из него. Люди подкарауливают возле источника и убивают их, как это сделал сын Джуки. Цоре Джова обошла каждый дом, расспрашивая о своем брате. Наконец она пришла в дом Джамуки и там нашла его. Теперь она была рада и довольна. Она оставила своего брата с двумя его женами и поспешила домой.

Цоре Джова за одну ночь соорудил огромную парилку, приготовил большую корзину и наполнил ее водой. Когда наступила вторая ночь, она бросила в воду горячие камни; положила все сердца в корзину. Вскрыв тело своей сестры, она вынула ее сердце и положила его вместе с другими. В

это время вода в корзине закипела. Она накрыла корзину и поставила ее на крышу парилки. Затем она вошла, легла и заснула.

Вода бурлила всю ночь. На рассвете корзина перевернулась, и вокруг парилки образовалась толпа спешащих людей. Они оживленно заговорили.

“Нам холодно, нам холодно!” - говорили они. “Впустите нас!”

Вскоре совсем рассвело. Цоре Джова открыл дверь, и все столпились в парилке. Цоре Джова пока не произнес ни слова. Пришли все братья; за ними Хака Ласи. Она хорошо выглядела, она была хорошей. Ее сердце было чистым; теперь в нем не было ничего плохого.

“Где наш старший брат?” - спросили все.

“С ним все в порядке; я нашел его. У него две жены”, - сказал Цоре Джова.

Джука был здоров и силен. Она вымыла его и накормила.

Все были счастливы и отправились на охоту.

“Я думаю, твой муж хотел бы вернуться домой”, - сказал однажды Джамука своим дочерям.

Сын Джуки и две его жены отправились навестить своего отца; Джука увидел приближающегося сына; быстро схватил большое одеяло, поймал его, завернул в него и сразу же уложил.

Теперь пришли жены сына Джуки и сели в доме. Два других брата взяли их в жены. Они пробыли там долго и больше никогда не видели своего первого мужа. Старый Джука держал его в секрете, сделал из него вейнмауну, скрытного.

Через некоторое время обе женщины захотели вернуться домой, чтобы навестить Джамуху. Они взяли бусы и одеяла, всевозможные красивые вещи и отправились к своему отцу к подножию Вахкалу.

“Мы ни разу не видели нашего мужа, - сказали они, - с тех пор, как были у его отца. Теперь у нас новые мужья”.

“Я думаю, этого достаточно”, - сказал Джамука. “Его отец посадил его. Его братья так же хороши для тебя, как и он сам.

Сестры согласились с отцом и после этого вернулись в дом Джуки.

СОН О ДЖУВАЙЮ И ЕГО ПУТЕШЕСТВИИ В СТРАНУ ДАМХАУДЖИ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Дамхауджа, луна перед самым обновлением; **Дариджуа**, серая белка; **Халайя**, утренняя звезда; **Юпка**, бабочка дикого шелкопряда; **Джувайю**, желудь восточного черного дуба; **Кечовала**, голубая сойка; **Махари**, восточный черный дуб; **Пахнино**, разновидность океанской раковины; **Барвиривайю**, другой вид восточного черного дуба.

ДЖУВАЙЮ жил далеко на востоке, в южной его части. Его отец, Перивиривайю, был стар. Его мать, Махария, тоже была стара, но оба были очень красивы.

Джувайю охотился, рыбачил; был счастлив, пока однажды ночью ему не приснились две девушки, которые жили за Вахкалу, к северу от этой горы.

“Мне снились две сестры, ” сказал он отцу и матери на следующее утро. “ Прошлой ночью я видел двух женщин. Они обе очень красивы. Я должен найти их; я верну их домой, если смогу.

“Ты не должен уезжать”, - сказали его отец и мать. “Если ты уедешь, ты никогда не вернешься в эту страну. Мы тебя больше не увидим, если ты оставишь нас. Мы знаем, что эти люди убьют тебя. Мы никогда больше тебя не увидим, если ты уйдешь отсюда. Потом они горько заплакали, оба.

Но его отец и мать не могли остановить Джувайю; он уходил. Когда он был готов отправиться, его мать сказала: —

“Твой дядя живет в Шульцмауне, недалеко от Камшумату. Остановись там. Ты должен увидеть своего дядю, ты должен поговорить с ним. Его зовут Юпка. Он очень мудрый; он поможет тебе. Здесь прогремит гром и прольется дождь, когда ты коснешься дома своего дяди. Тогда я буду знать, что ты забрался так далеко в безопасности”.

Джувайю начал петь. Он вздрогнул и поднялся в воздух. Он поднялся очень высоко и плакал - плакал и пел, путешествуя. Хотя он и принял решение уехать, он боялся, что слова его матери могут сбыться, что люди за пределами Вахкалу могут убить его. Он посмотрел далеко вперед и увидел дым у края неба. “Возможно, это дым из дома моего дяди”, - подумала Джувайю.

Он двинулся в сторону дыма; шел до тех пор, пока не оказался прямо над домом своего дяди. Затем он спустился на крышу и заглянул внутрь через дымовое отверстие. Старик, лежавший спиной к костру, увидел, как он заглянул внутрь. Юпка встал, посмотрел еще раз, схватил свое копьё.

“ Это ты так заглядываешь в мой дом? Что тебе здесь нужно? - крикнул Юпка, целясь копьем в незнакомца.

— Это я, дядя, я, Джувайю.

“Почему ты не назвал меня дядей, когда посмотрел в первый раз? Почему ты не сказал, кто ты, когда пришел? Я мог бы убить тебя; я был очень близок к тому, чтобы убить тебя своим копьем. Спускайся, спускайся, дай мне взглянуть на тебя, племянник мой.

- Я так и сделаю, - сказала Джуйвайю. - Я сегодня долго путешествовала, я устала.

Он опустил на центральный шест.

- Дядя, я пришел поговорить с тобой, сообщить, куда я направляюсь.

- Тебе лучше сначала поесть, - сказал Юпка; и он взял Джуйвайю на руки, пригладил ему волосы и был рад смотреть на него.

- Ты устал, племянник мой; ты голоден; ты должен поесть.

“Я не голоден; у меня нет времени ждать; я очень спешу”.

- Куда ты идешь, племянничек? - спросил Юпка.

- Прошлой ночью мне приснился сон, дядя; мне приснились две сестры, дочери Дамхауджи.

“Тебе лучше остаться дома. Племянник мой, останься дома; тебе лучше не связываться с этими сестрами. Забудь о них, не думай об этих девушках, ” сказал Юпка. “Если ты уйдешь, то никогда не вернешься. Место, где они живут, плохое; убивают каждого незнакомца, который туда заходит. Я видел много мужчин по дороге к Дамхаудже; многие мужчины проходили здесь, чтобы найти этих сестер, но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь возвращался с женщиной или без нее. Я сам был в этой стране, я хорошо ее знаю. Мне пришлось бороться там за свою жизнь, и я чуть не погиб. Я во много раз сильнее тебя, знаю людей лучше, чем ты, и я бы не поехал в эту страну”.

“Неважно, что это за страна, неважно, что за люди в ней живут, я должен найти этих двух сестер. Они мне снились. Бесполезно пытаться удержать меня. Я должен идти; я не могу остановиться, я ничего не могу с собой поделать”.

“Что ж, ” сказал Юпка, “ если ты должен идти, я пойду с тобой; без меня ты пропал бы. Я должен спасти тебя, мой племянник. Я сделаю себя маленькой; ты можешь посадить меня себе на голову, ты можешь легко вплести меня в свои волосы”.

Старик стал совсем маленьким, и Джуйвайю посадил его себе на макушку, крепко привязал к волосам, привязал так, чтобы никто не мог его видеть. Затем он поднялся на крыльцо парилки и повернулся лицом к солнцу.

“Солнце, о Солнце, я хочу, чтобы ты не торопился”, - сказал он. “Я должен уйти очень далеко; я хочу, чтобы этот день длился долго”.

“Сейчас я расскажу тебе о дороге”, - сказал Юпка. “Когда вы приблизитесь к небольшой горе к востоку от Вахкалу, там перед вами будут три дороги; одна справа, очень узкая. Вы едва можете разглядеть эту дорогу, она так мало проторена, но вы должны найти ее, потому что вы не можете пойти по другой. Там есть средняя дорога, ровная и широкая; вы увидите свежий клевер, разбросанный по дороге, как будто женщины перенесли его сюда и немного разбросали тут и там. Если вы пойдете по этой дороге, вас убьют вши и ветер. По левую руку - дорога; если ты пойдешь по ней, то потеряешься и никогда никуда не доберешься”.

“Сейчас я спою, - сказала Джуйвайю, - и моя песня будет услышана повсюду: на севере, юге, востоке и западе”.

Он начал и поднялся в воздух, когда пел; он поднялся, и когда он двинулся вперед, весь мир услышал его; каждый поднял глаза, чтобы посмотреть, кто поет, но никто ничего не увидел.

“Это звучит как песня Джуйвайю”, - сказали некоторые люди. “Я думаю, это голос сына Перивиривайю, - говорили другие. - Я думаю, это он, потому что так он поет, когда путешествует”.

Они попытались разглядеть, кто поет, но никого не увидели. Песня, казалось, звучала прямо над ними, но она была высоко, очень высоко в воздухе.

- Поторопись, племянничек, поторопись, - сказал Юпка. - Я не люблю разбивать лагерь в пути, я хочу быть на том месте до захода солнца.

Джувайю теперь пел быстрее; он не мог двигаться без пения. Он двигался быстро, и вскоре они были к востоку от Вахкалу.

“Посмотри внимательно вниз, ” сказал Юпка. “Если ты увидишь клевер, разбросанный по дороге, ты не должен переходить его. Переходи ту дорогу справа, не смотри на другую”.

Дамхауджа послал людей разбросать клевер по средней дороге и заманить мужчин, заставить их думать, что это дорога к его парилке.

“Средняя дорога ведет прямо к горе, - сказал Юпка. - все люди умирают, пытаюсь перебраться через нее. Очень многие сейчас лежат мертвыми на этой дороге, племянник мой; не приближайся к ней”.

Джувайю продолжал идти; вскоре они слышали смех впереди, на небольшой горе, громкий смех.

“Ты не на той дороге”, - сказал Юпка. “Поворачивай назад, племянник мой; в противном случае ты наверняка умрешь. Это был смех людей, посланных Дамхауджей убивать всех, кто перейдет срединную дорогу”.

Джувайю продолжал; он не слушал своего дядю. Вскоре налетел сильный ветер, принес с собой тучи вшей; воздух был наполнен ими. Они напали на Джувайю и съели плоть с его тела. Ветер отбросил его далеко назад в его путешествии и сорвал бусы с его шеи. Это сделали жители горы, люди, помещенные туда и хранимые Дамхауджей.

Джувайю был зол. Он бросился вперед во второй раз.

“Я пройду, на этот раз я пройду”, - сказал он.

“Я говорил тебе об этой беде, - сказал Юпка, - я предупреждал тебя. Я сказал, что это злая дорога, по которой никто не может пройти. Остановись, или ты умрешь до наступления ночи. Остановись! Отпусти меня, я спасу тебя.

Джувайю спустился на землю и вытащил своего дядю.

“Я спасу тебя, - сказал Юпка. - Я верну тебе плоть и силу”.

Старик взял трубку и выпустил дым. Ветер стих; вши исчезли, нигде не осталось ни одной. Юпка взял веточку розы. Этим он ударил Джуйвайю, и тот был таким же здоровым и сильным, как всегда. Через мгновение к нему вернулась вся его плоть.

Жители горы увидели это. “Мы не можем убить его, - сказали они. - У него слишком много силы для нас”.

“Ты должен повернуть назад и начать там, где дороги расходятся”, - сказал Юпка. “Справа есть небольшая узкая тропа; ты едва видишь ее, но ты должен найти эту тропу. Ты не можешь попасть в дом Дамхауджи другим путем”.

Джуйвайю вернулась туда, где их пути расходились.

“Ты ищешь дорогу”, - сказал Юпка. “Если увидишь узкую тропинку, это она”.

Наконец-то он нашел эту тропу. “Это правильный путь”, - сказал дядя.

Проход был таким узким, что Джуйвайю едва мог его разглядеть. Он легко продвигался вперед; шел быстро, как человек, который бежит вниз с холма. Они подошли к небольшой горе, и когда Джуйвайю был уже над ней, он услышал смех в далекой деревне. “Должно быть, это то место, куда мы направляемся”, - сказал он.

“Племянник мой, будь осторожен. Когда вы зайдете в парилку Дамхауджи и посидите с его дочерьми, он даст вам трубку, набитую измельченными человеческими костями вместо табака. Если ты вдохнешь дым из этой трубки, ты умрешь в следующий момент. Этим дымом он убил тех, кто избежал вшей и ветра с горы”.

Джуйвайю немного отдохнул и подумал о потерянных четках. “Я бы хотел, чтобы мои четки вернулись ко мне”, - сказал он. В этот момент бусы были у него на шее. Они были прекрасны, как всегда.

“Мои бусинки, вы не должны снова уходить от меня. Вы должны остаться со мной, и у вас должно быть все в достатке. Паньино Марими, я хочу, чтобы ты послал своих дочерей за листьями, дровами и водой. Будь добр, когда я приду к тебе. Не убивай меня. Пойдем дальше, ” сказал он своему дяде.

Они пошли вперед и вскоре увидели двух девушек, одна держала другую за руку. Эти девушки направлялись к горе, размахивая руками и напевая. Джуйвайю спустилась на землю, спряталась за деревом и сказала: “Пусть здесь будет побольше дров, дров для этих женщин”. Дерево было прямо там в одно мгновение.

Две девушки поставили свои корзины и наполнили их. “Я бы хотела, чтобы этот человек пришел, - сказала одна сестра другой, - человек, о котором мы мечтали прошлой ночью”.

Они опустили руки, чтобы взять корзины. Джуйвайю поймал их за руки. Они оглянулись, увидели его и испугались.

“Почему ты напуган? Ты снился мне прошлой ночью, я снился тебе. Иди домой, иди вперед, поспеши вперед, я последую за тобой; скоро я буду в доме твоего отца”.

Они взвалили корзины на спину, быстро побежали, вскоре добрались до дома, бросили корзины за дверь и бросились в парилку.

“Чего вы боитесь, дочери мои? По-моему, вы видели какого-то молодого человека в лесу”, - сказала Паньино, их мать, которая пекла желудевый хлеб за дверь. “Я думаю, что какой-то шурин наблюдал за тобой возле горы”.

“Вы никогда не видели человека, которого мы встретили”, - сказали сестры.

Паньино пошла посмотреть; она внимательно присмотрелась, но не увидела ни одного человека, приближающегося к ней ни с какой стороны. Две сестры расстелили черную медвежью шкуру, сели на нее рядом друг с другом и стали ждать. Старый мужчина вышел посмотреть, приложил руку к глазам, чтобы увидеть нового зятя, но никого не увидел. Теперь Джувайю был в доме; он спустился через центральную колонну, прошел сквозь землю и оказался между двумя дочерьми Дамхауджи. В этот момент вошла Паньино Марими, чтобы отругать своих дочерей. Она посмотрела и увидела Джувайю между ними.

- Кто-то сидит с нашими дочерьми, - сказала она старику.

Дамхауджа сходил за своей трубкой, положил туда измельченные кости Мапчемейны и передал трубку своим дочерям.

“Отдай это моему зятю”, - сказал он.

Им не хотелось брать трубку, но они не могли отказать отцу, они ничего не могли с собой поделаться. Они плакали.

“Вы не должны курить это, - прошептали они, - мы дадим вам другой сорт”. Они вынули табак и положили немного обычного. Сначала старик не смотрел пристально; он думал только о том, как Джувайю упадет замертво. Девочки вернули пустую трубку отцу.

Юпка, сидевший на голове своего племянника, мысленно рассмеялся.

“Я не знаю, что это за человек, - подумал Дамхауджа. - Я никогда не видел такого человека. Я думаю, он, должно быть, пришел сразиться со мной; я испытаю его еще раз”.

Он набил трубку во второй раз и отдал своим дочерям. Они передали ее Джувайю. На этот раз они не смогли поменять табак. Дамхауджа слишком внимательно наблюдал. Юпка курил эту трубку. Никакой дым не мог причинить ему вреда. Дамхауджа, который надеялся увидеть, как Джувайю упадет замертво, испугался, когда увидел его таким же здоровым, как и всегда.

“Что мне делать?” - подумал он. “Я даю этот табак каждому мужчине, который приходит за моими дочерьми, и каждый курящий мужчина тут же умирает. Я боюсь своего нового зятя. Я не буду драться с этим человеком. Пусть другие мои зятья судят его. Дочери мои, я хочу, чтобы вы хорошо кормили своего мужа; давали ему вкусную пищу, наилучшим образом заботились о нем, относились к нему хорошо. Мальчики мои, я хочу, чтобы вы принесли моему зятю побольше вкусной еды”.

“Сейчас я дам оленины этим сестрам”, - подумал Юпка и достал маленький кусочек жирной оленины величиной с грецкий орех. Это он отдал Джувайю и велел ему попросить большую корзину. Они принесли ее.

- Ты, оленина, сохраняй этот размер, - сказал Джуйвайю. - не будь меньше, ты не должна пропасть. - и затем он нарезал ломтиками.

Дамхауджа унес три большие корзины с мясом, затем вышел на крышу дома и позвал всех своих сыновей.

“ Приходите за олениной, сыновья мои, - сказал он. - Ее хватит на всех.

У Дамхауджи было очень много зятьев на западе, за рекой. Все его дочери были замужем, кроме двух. Эти зятья услышали его зов и удивились. “Что случилось?” -спросили они друг друга. “Мы никогда раньше не слышали, чтобы старик так разговаривал. Должно быть, он нашел нового зятя; должно быть, он нашел мужа для Халайи и Паньино Марими”.

Все сыновья Дамхауджи вошли в парилку.

Кечовала, зять и вождь западной части, послал двух своих сыновей, Кечовалу и Дариджуа, посмотреть, что происходит в парилке.

Когда мальчики подошли и заглянули внутрь, старший, как ему показалось, увидел мужчину, но не узнал его. Сыновья Дамхауджи танцевали танец огня. Братья внимательно огляделись по сторонам, но младший не заметил незнакомца. Они выбежали из парилки и по дороге домой начали ссориться.

“Я думаю, у нашего дедушки появился новый зять; я видел его”, - сказал Кечовала-старший.

“Ты этого не делал”, - сказал младший.

“ Почему ты пытаешься скрыть его, почему отрицаешь? Я точно его видел.

- Когда мы вернемся домой, ты скажешь, что видела незнакомца в парилке; но если ты это сделаешь, то соврешь.

“Я думаю, мы увидим большие неприятности”, - сказал старейшина. - “Теперь, когда у нашего дедушки появился новый зять, будут большие бои”.

Два мальчика бежали очень быстро, споря на ходу. Они добрались до реки, переплыли ее и побежали домой.

“Там незнакомый мужчина; у дедушки новый зять”, - сказал Кечовала.

“Не верьте тому, что он говорит”, - крикнул Дариджуа своему отцу. - “Я не видел ни одного человека”.

“ Почему вы хотите спрятать его, почему отрицаете? Вы, должно быть, видели его ясно.

“ Я не видел его, и ты не видел. Я видел всех, кто был там, но не видел никого постороннего.

“Я видел, как он сидел между двумя девушками”, - сказал Кечовала.

“Он там”, - сказал отец. “Я увижу этого человека завтра”.

“Зять мой, ” сказал Дамхауджа, “ завтра ты должен быть осторожен. У меня очень много дочерей, кроме ваших двух жен; их мужья попытаются убить вас”. Тогда Дамхауджа сказал своим сыновьям: “Мы ляжем спать и встанем рано; завтра позаботьтесь о своем шурине”.

Все отправились отдыхать; Джуивайю и его жены, а также другие.

Когда все уснули, Джувайю вынул Джупку из волос и встал. “Я хочу, чтобы поскорее наступил рассвет”, - сказал он.

Затем прогремел гром, и пошел небольшой дождь; Джуивайю хотел сообщить своей матери, что с ним все в порядке. Он вышел, сделал один шаг и направился из парилки на другую сторону ближайшей горы, со вторым шагом он поднялся на вершину горы за ней.

Джупка был зол, потому что Дамхауджа пытался убить Джувайю ядовитой трубкой. Теперь он отомстил. Он посадил двух сестер на возвышение в парилке, вызвал сильную бурю с ветром и дождем. Вскоре все помещение наполнилось водой. Волна прокатилась по парилке, затопила Дамхауджу и его жену; их тела вынесло через дверь прочь.

Джуивайю на горе взял свою флейту яияуна и начал играть. Весь мир слышал его, все люди поднимались на вершины холмов и гор, все поднимали головы и слушали, все говорили: “Это, должно быть, Джуивайю; никто так не играет, кроме Джуивайю”. Олень начал приближаться с востока по тому же пути, по которому пришел Джувайю, и все встали перед ним.

“Пусть один встанет передо мной и посмотрит в эту сторону, - сказала Джуивайю, - пусть все остальные встанут за первым”.

Они выстроились в шеренгу, олененок на первом месте. Он застрелил их всех одной стрелой, сотни. Стрела вошла в пасть переднему оленю и вышла возле хвоста последнего. Затем Джуивайю взяла маленького олененка и открыла его, сделала олененка очень маленьким, положила их всех внутрь тела олененка, взяла его домой в одной руке, бросила олененка в парилку. Олень внутри олененка стал таким же большим, как всегда, скатился вниз и заполнил все пространство вокруг парилки.

Теперь Джувайю увидел Дамхауджу и Паанино Марими, лежащих холодными и мертвыми. Затем он побежал к Юпке в парилку. “Верни их к жизни, дядя мой, верни их к жизни снова!”

Юпка взбил обоих розовой веточкой и вернул их к жизни. Дамхауджа встряхнулся и сказал: “Я слишком крепко спал”.

- Ты бы вообще не проснулся, если бы не мой племянник. Ты хотел убить его. Я наказал тебя.

Теперь Дамхауджа знал Джупку. “ О, почему ты не дал мне знать, что ты здесь? Я бы не пытался причинить вред Джувайю”.

Старик увидел вокруг парилки столько оленей, что не знал, что и думать. Наконец он подошел к парилке. “Идемте, сыновья мои, идемте!” - крикнул он. - “Здесь есть оленина для всех вас”.

Пришли все сыновья. У каждого было по одному оленю, и оставалось еще много других.

Все зятя на западе были разгневаны тем, что у сыновей Дамхауджи было так много оленины.

“Мы пойдем и посмотрим на этого человека”, - сказал Кечовала, вождь. “Сегодня мы немного повеселимся с ним”.

Когда старший сын Дамхауджи приносил оленину своему отцу, он увидел Кечовалу. “Он идет”, - сказал сын.

У Кечовалы было сердитое лицо; он шел быстро. Когда он добрался до парилки, все ели оленину. Он поднялся на крышу парилки, вынул из-под мышки свою стрелу и сказал: “Просыпайся, будь готов; сегодня мы должны играть”.

Затем он заглянул внутрь и увидел Джувайю, сидящую между двумя сестрами. “Теперь я знаю, кто этот человек; он с востока. Накорми его как следует, одень его как следует, тесть; мы должны повеселиться, прежде чем он уедет отсюда. Он должен показать, на что он способен, прежде чем покинет нас”.

Старик вышел и отругал Кечовалу: “Ты громко разговариваешь, тебе хочется жирной оленины; вот зачем ты пришел, вот почему ты в этой парилке”.

Юпка слышал все, что сказал Кечовала.

- Я сейчас пойду домой, - сказал Кечовала, - и буду здесь после завтрака.

“Сегодня моего зятя убьют, - сказал Паньино Марими. - Что мы можем сделать? Они собираются убить нашего зятя, который приносит так много оленины. Оставайся в доме, не выходи на улицу”, - сказал Пахнино.

“Не выходите, - сказали братья, - мы встретим этих людей”.

Все посмотрели и увидели огромную толпу, идущую с запада. Приближались шурины, и когда они приблизились, они закричали сыновьям Дамхауджи. Две сестры попытались остановить Джувайю.

“Отпустите меня, жены, - сказал он, - отпустите меня. Если я останусь здесь, они назовут меня трусом; я никому не позволю называть меня так”.

“Я хочу увидеть этого нового человека, который здесь”, - закричал Кечовала. - “Я хочу поговорить с ним”.

“Я выйду”, - сказал Джувайю своим женам. “Мои отец и мать рассказали мне об этом месте. Я знаю, что это такое.

- Выходи! - крикнул Кечовала из-за двери. - Выходи; не бойся нас, не будь трусом.

“Я приду, когда буду готов, я встречу тебя”.

Кечовала пошел к своему народу. “Он скоро будет здесь”, - сказал он.

Все засмеялись, все обрадовались. “Если он придет, - думали они, - мы убьем его”.

Джувайю вышел и встал на крыше дома, огляделся по сторонам, посмотрел на своих врагов, медленно спустился вниз, пошел так, как будто ему не хотелось встречаться с ними.

“Чего ты боишься?” - спросил Кечовала. “Ты думаешь, мы причиним тебе вред?”

Он подошел к ним и сел на камень. У него была только одна стрела, да и та без наконечника. Это был посох, который подарил ему дядя. Игровая площадка находилась за холмом на некотором расстоянии от парилки. “Вставай и играй”, - сказали зятья; и они подтолкнули Джувайю, чтобы бросить его, но он не упал. Все отправились на игровую площадку. Джуивайю поймал кости своей клюшкой в средней точке, затем бросил их; побежал и поймал их во второй раз, снова побежал, бросил кости за барьер. Он сделал то же самое во второй раз и выиграл первую партию. Он выиграл две партии; никто другой не мог победить.

“Что ж, - сказали зятья с запада, - мы никогда не видели, чтобы кто-нибудь так играл в кости, как он. Мы испытаем его каким-нибудь другим способом”.

Затем они дали ему старт в гонках. Гонка была на гору напротив. Джуивайю должен был добраться туда первым, если сможет. Они думали ударить его сзади, легко убить, но не смогли приблизиться к нему. Он был на горе прежде, чем они пробежали половину дистанции. Днем они во второй раз сыграли в кости. Они думали наверняка убить его таким образом. Между серединой игровой площадки и барьером Джувайю они посадили огромного ядовитого паука прямо на тропинку, по которой должен был бежать Джувайю, Юпка знал их план, и указал на паука своему племяннику. Джуивайю прыгнул на паука, раздавил его прежде, чем тот успел повернуться и отравить его; затем он унес кости за барьер.

Он вернулся на середину игровой площадки. Люди Кечовалы ничего не сказали, не упомянули о пауке. На этот раз Джуивайю перевел кости за барьер и выиграл второй иннинг. Это была первая игра дня. Пока они готовились ко второй игре, Кечовала разложил на дорожке кремневые ножи и наконечники копий, чтобы Джувайю упал и разбился насмерть.

Они начали вторую партию. Джуивайю взял кости у всех и побежал вперед, побежал быстро. Когда Юпка приблизился к ножам и наконечникам копий, он сказал ему, где они находятся; он прошел между одними, перепрыгнул через другие, унес кости за барьер, вернулся, как будто на его пути ничего не было; пошел во второй раз и выиграл вторую партию.

Он победил всех, кто играл против него. Они были очень злы. “Мы наверняка должны убить его другим способом”, - сказал Кечовала.

Игровая площадка находилась далеко от парилки, и когда Джуивайю выиграл вторую игру, он повернулся, чтобы вернуться в парилку. Кечовала послал гремучую змею встретить его в одном месте, а медведя гризли - в другом. Джувайю прыгнул на змею и раздробил ей голову. Подойдя к медведю, он нанес ему один удар ногой и убил его. Он освежевал обоих, взял шкуры и повесил их перед парилкой.

Когда люди Кечовалы увидели шкуры, они были разгневаны, ужасно взволнованы; они остановились перед парилкой, подпрыгнули и закричали:

“Мы хотим посмотреть на Джувайю. Пусть Джувайю выйдет сюда; мы хотим его увидеть”.

Джуивайю вышел. Все зятья с запада столпились вокруг него, все хотели тогда убить его. У него не было оружия, кроме посоха, подаренного Юпкой. Все, что ему нужно было, это указать им на кого-нибудь и сказать: “Я желаю тебе смерти”; в этот момент человек падал замертво. Никто не мог приблизиться к Джувайю во время бега или ударить его, и прежде чем они прекратили угрожать, он убил половину зятьев Дамхауджи. Тогда остальные разбежались по домам, убили

своих жен и жен погибших мужчин. “Мы не потерпим ничего, - сказали они, - что было бы у Дамхауджи”. Они убили и всех детей; никто не спасся, кроме Дариджуа, который прибежал в парилку и рассказал об убийстве.

В ту ночь Джупка устроил сильный шторм и утопил всех жителей запада, оставшихся в живых после Джувайю. На следующее утро рано утром он пошел туда, ударил мертвых женщин и детей своим розовым прутиком, вернул к жизни всех, кроме мужчин, и отнес их к Дамхаудже.

Джувайю в то утро принес столько же оленей, сколько и в первый раз. Дамхауджа заставил свой дом расшириться, чтобы хватило места для всех детей. Они приготовили оленину и пировали, пировали весь тот день в парилке.

На следующее утро Джувайю отправился домой с двумя своими женами и дядей.

БЕГСТВО ЦАНУНЕВЫ И ПОРАЖЕНИЕ ХЕХКУ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Ахаламила, серый волк; **Бохкуина**, серебристо-серая лисица; **Чичи**, ястреб-рыболов; **Демауна**, сосновая куница; **Гаги**, ворона; **Хака Кайна**, кремь; **Хеку**, рогатый змей; **Джикулу**, большая сова; **Юпка**, бабочка дикого шелкопряда; **Кайцики**, суслик; **Кечовала**, голубая сойка; **Малевула**, волк; **Мальвила**, луговой жаворонок; **Манджаучу**, суслик; **Мапчемейна**, первые люди, ныне превратившиеся в птиц, зверей и других существ; **Матаувила**, бобр; **Матдаси**, весенний лосось; **Миньяу Марими**, пожарная учительница; **Тиллипка**, журавль; **Барвири Юпа**, желудь черного дуба; **Петайна**, скунс; **Топуна**, горный лев; **Цанунева**, лось; **Цувалкай**, красный кремь; **Путокья**, люди-черепа, т.е. люди, которые могли превращаться в голову.

ДАВНЫМ-давно, когда Джупка и Бохкуина сидели в парилке Джигульмату, Джупка позвал к себе людей Мапчемейна; он позвал Демауну, Вирулу, Матаувику, Топуну, Ахаламилу, Манджучу, Кечовалу, Малвилу, Гаги и многих других. Он не создавал их; он просто позвал, и они пришли к нему из разных уголков земли. Он назвал им их имена и сказал: —

“Отныне все, кто живет в мире, будут звать тебя так, как я зову сейчас”.

Одна сторона Джигульмату была заполнена людьми, призванными Джупкой.

“Это Джигульмату, моя маленькая парилка, - сказал Джупка, - но я собираюсь построить свою Игунну” (большой дом); а позже он построил Вахкалу (гору Шаста), сделал ее своим большим домом, но он жил в Джигульмату, пока не построил Яну, и после этого часто ездил в Джигульмату.

В это время Цувалкай Марими, пожилая женщина, воспитывала маленького мальчика. Его звали Цанунева. Она называла мальчика внуком, а он называл ее своей бабушкой. Он был сиротой. Все его родственники были мертвы; все были убиты один за другим, и он был один, когда старуха нашла мальчика и вырастила его.

“Я хочу поехать на запад и ловить мышей”, - сказал ей однажды Цанунева.

“Я не хочу, чтобы ты уходил из дома. Я не хочу, чтобы ты ловил мышей; ты можешь сбиться с пути и погибнуть, - сказала старуха.

Цанунева заплакала. Он плакал и дразнил ее, пока, наконец, она не сказала: “Иди, если хочешь, но будь осторожен; ты можешь пораниться. Ловушки могут попасть на вас; что-нибудь может вас убить”.

Старуха испекла для него желудевый хлеб и показала, как ставить каменные ловушки и другие западни, а также как наживать в них желуди.

“Оставайся дома”, - сказала она. “Ты не должен приближаться вон к той скалистой горе. Это плохое место, очень плохое; это опасно. Ты не должен идти на это”.

Мальчик вздрогнул, отошел на некоторое расстояние от дома, затем остановился и посмотрел на скалистую гору.

“Я пойду туда, - подумал он. - Я пойду туда, куда моя бабушка не велела мне ходить. Почему она боится? Почему она сказала мне не ходить туда? Я сбегаю и посмотрю”.

Он поспешил в гору, взобрался на скалы, все время оглядывался; он вспомнил слова своей бабушки и сказал себе:

- Я хотел бы знать, кто здесь; я хотел бы знать, что пугает мою бабушку.

Он обошел гору, никого не увидел, расставил все свои ловушки, большие и маленькие; он оставался там почти до захода солнца. После этого он побежал домой.

“Я боюсь есть сегодня вечером, - сказал он. “Если я поем, возможно, мышам не понравятся желуди в моих ловушках”.

“Ты не должен есть, - сказала его бабушка. - Я не хочу, чтобы ты что-нибудь ел. Сегодня вечером ты не должен прикасаться к лососине. Можешь съесть немного только в полночь. А теперь иди и поиграй по дому; все мыши увидят тебя; они играют на улице и ползут в твои ловушки”.

Хеку Марими жила на той горе. Она убила всех людей, которые ходили туда ловить. Именно она убила сородичей Цануневы.

На следующее утро на рассвете Цанунева пошел посмотреть свои ловушки. Он осмотрел первую, вторую, третью, четвертую; он ничего не поймал. Ловушки были пусты, так же, как он их оставил. Он ничего не нашел, пока не добрался до последней; он увидел, что в этой ловушке что-то было. Он стоял и смотрел на это; увидел Хеку Марими; она была там, в последней ловушке. Она стала маленькой и вошла внутрь. Она выглядела уродливой, и Цанунева испугался. Он побежал домой так быстро, как только мог; он был бледен и дрожал.

“Чего ты испугался?” - спросила его бабушка. “Что ты подхватил?”

“ Я что-то подхватил. Я не знаю, что это. Я этого ужасно боюсь.

“Я говорил тебе вчера не ходить на ту гору. Я знал, что если ты пойдешь туда, начнутся неприятности. Я сам схожу и посмотрю, что ты поймал.

Цувалкай Марими была готова побежать на гору и посмотреть на ловушку. Она хотела знать, что в ней.

“ Ты, мой внук, оставайся здесь, дома, - сказала она. - Может быть, тварь, которую ты поймал, еще не умерла. Я посмотрю на это”.

Старуха вздрогнула, но, уже выходя, сказала: “Может быть, Хеку попал в твою ловушку. Если это так, она выберется, прибежит сюда и, возможно, убьет нас обоих; наверняка убьет тебя, если найдет. Спасайся, мой внук. Если ты увидишь, что она приближается, беги на запад, беги очень быстро, беги, пока не доберешься до большой реки. На другой стороне дом Мипки; крикни ему, назови его дядей, скажи, чтобы он взял тебя к себе; скажи, что ты спасаешь свою жизнь, что он должен спасти тебя”.

Пока старуха говорила, она посмотрела и увидела Хеку далеко на горе.

“Внук мой, ” закричала она, “ Хеку идет! Она убьет тебя. Беги! Я останусь здесь и остановлю ее ненадолго.

Цанунева посмотрел и увидел Хеку. Затем он побежал на запад; бежал, пока не достиг великой реки. Он остановился на краю и крикнул.

Прошлой ночью Хехку сделала себя маленькой и намеренно попала в ловушку Цануновой. Мальчик подумал, что она разозлилась из-за того, что он поймал ее в ловушку. Она хотела, чтобы он так думал. Она пошла в ловушку, чтобы иметь предлог убить его, как убила всех его сородичей. Когда Цанунева прибежал домой к своей бабушке, испуганный тем, что увидел Хехку, Хехку выбрался из ловушки, раздробил красный гнилой камень, раскрасил ей лицо, придав ему цвет крови. У нее была большая кепка, сделанная из черепов, из черепов людей, которых она убила. Затем она надела кепку на голову и начала. Она вздрогнула и быстро побежала, напевая на ходу:

“Я слежу за Цануновой; я иду по его следу.
Я иду по следу Цануновой; я иду по его следу”.

Она пела, пока не дошла до двери. Там она остановилась, сказала “Ууу!” и глубоко вздохнула.

“Скажи мне, старуха, - закричала она, - скажи мне, где Цанунева; я пришла в этот дом по его следу”.

“Я не видел этого мальчика”, - сказал Цувалкай Марими. “Я не знаю, где он. Я один, все мои люди мертвы; ты убил их”.

“Я не причиню тебе вреда, - сказал Хеку. - Я не прикоснусь к тебе, но скажи мне, где мальчик; скажи мне, в какую сторону он пошел. Я думаю, он пошел на запад. Я буду следовать, пока не поймаю его.

Она встрепенулась и побежала очень быстро, подняв на ходу сильный ветер. Она бежала, заложив руки за спину, и пела: —

“Я слежу за Цануновой; я иду по его следу.
Я иду по следу Цануновы; я иду по его следу”.

Мальчик бежал быстро, бежал изо всех сил; первым оказался у великой реки. Мипка был на другом берегу.

“ Спаси меня, дядя! ” закричал Цанунова. “ занеси ногу над водой, быстро занеси. Хеку охотится за мной. Я спасаю свою жизнь. Спаси меня, дядя, спаси меня!”

Мипка вышел, увидел мальчика на противоположном берегу, вытянул ногу над водой; мальчик перебежал по ней. Хеку подошел к реке сразу после того, как Цанунова вбежал в дом, а Мипка снова оттянул ему ногу. Внутри лежало большое бревно с маленькой дырочкой в центре. Цанунова забрался в эту дыру и быстро спрятался.

“Хеку не найдет меня здесь”, - подумал он. Но Хеку увидел его с другого берега и знал, где он спрятан.

Старик поспешил за Цануновой. Хеку достиг реки, когда Мипка переступил порог.

“ Старик, ” крикнула она, “ занеси ногу над водой. Дай мне перейти. Занеси ногу над водой!

Мипка стояла в дверях; казалось, она не слышала.

- Высунь ногу над водой! - крикнул Хеку.

“Выползай и беги на запад, спасая свою жизнь”, - сказал Мипка Цанунове. “Беги; я остановлю Хеку; я подержу ее здесь некоторое время. Беги к Матаувиле; возможно, он сможет спасти тебя”.

Цанунова выполз через западный конец парилки и побежал.

“Старик, перекинь ногу через реку. Дай мне переправиться по ней!” - крикнул Хеку. Теперь она была очень зла, но Мипка долго отказывалась.

Наконец он вытянул ногу из-за двери на противоположный берег реки. Он сделал это в надежде, что Хеку наступит ему на ногу, будет пронзен копьем в дверном проеме и умрет там. У Мипки были длинные и очень острые копыта, воткнутые над дверным проемом, чтобы убивать людей, которых он ненавидел.

Но Хеку спрыгнул с его ноги на берегу реки. Она не захотела входить в дверь; она забралась на крышу парилки.

“Старик, дай мне Цанунову. Я видел, как он вбежал в твой дом. Старик, отдай мне Цанунову или скажи, где он.

“Я не могу сказать, где он. Его нет в моем доме”, - сказала Мипка.

“Скажи мне, старик, где этот мальчик, или я убью тебя. Я не хочу входить в твой дом, но если я войду, я убью тебя. Только скажи мне, где Цанунева. Если ты спрячешь этого мальчика, я убью тебя.

“Если ты думаешь, что Цанунева здесь, спускайся, заходи, посмотри мой дом”, - сказала Мипка.

Острые копыта были направлены вверх, к этой двери в крыше парилки. Хеку была очень рассержена; она в спешке соскользнула вниз. Наконечники копий вонзились в ее тело и убили ее. Она упала замертво на пол парилки. Некоторое время она лежала там мертвая, потом ожила и снова встала. Она сразу же поймала Мипку, и они боролись, долго боролись, боролись, пока она не проглотила его одним глотком.

Пока Хеку и Мипка вели долгую битву в парилке, Цанунева убежал далеко на запад. Теперь он был в поле зрения парилки Матаувилы. Когда он был достаточно близко, чтобы окликнуть, он крикнул: —

“Дедушка, я спасаюсь бегством, спаси меня!”

Матаувила выбежал и помог мальчику забраться в парилку.

“Дедушка, я хочу, чтобы ты расставил ловушки в этом доме, расставил ловушки повсюду в нем. Хехку охотится за мной; она убьет меня, если поймает.

Матаувила соорудила в доме четыре ряда двойных ловушек.

“Я поймаю Хеку, - сказал Матаувила, - но тебе лучше бежать на запад; беги, пока не доберешься до дома братьев Чичи”.

Мальчик убежал на запад. Едва он скрылся из виду, как появился Хеку. Она подняла сильный ветер, когда бежала к дому.

“Старик, ” крикнула она, “ где Цанунева? Скажи мне, где этот мальчик. Я выследила его до твоего дома. Скажи мне, где он, или я убью тебя.

“ Входите, - сказал Матаувила, “ но мальчика вы здесь не найдете. Входите. Посидите в моем доме, осмотрите его. Входите, но мальчика вы не найдете. Входите.

Центральная колонна дома Матаувилы была большой и очень гладкой. Хеку не смогла удержаться, упала и угодила в первую ловушку. Она прорвалась прямо через нее и прошла через три других ряда двойных ловушек.

Когда Хеку прорвалась через ловушки, ее тело горело красным огнем из всех частей, она была так зла. Этот огонь из ее тела убил Матаувику.

Хеку снова побежала за мальчиком; побежала, заложив руки за спину. Она всегда бежала так и пела на бегу:

“Я слежу за Цануновой; я иду по его следу.
Я иду по следу Цануновы; я иду по его следу”.

Мальчик бросился к дому Чичи. Их было два брата.

У чичи были два гладких камня, которые выглядели как лед, но были более скользкими, чем любой лед (горные кристаллы). Один из них находился у восточной двери, другой - у проема на крыше.

“Дедушки, спасите меня!” - закричал Цанунева, подбегая к двери дома. - Дедушки, спасите меня! - закричал он, вбегая.

Хеку теперь был совсем рядом; она почти догнала его. Когда она достигла двери, то наступила на хрустальный камень, поскользнулась и упала. Тогда один из Чичи захлопнул дверь у нее перед носом. Она вскочила, взобралась на стену дома, подошла к двери в крыше, наступила на второй кристалл перед этой дверью, поскользнулась и упала вниз головой; упала в парилку. Она вскочила, поймала одного Чичи и дралась с ним. Его брат помог тому. Они долго боролись с Хехку, пока она не схватила каждого за руку, удерживая их обоих одной рукой, и не ударила по ним кристаллом с нижней двери, который держала в другой руке. Наконец она сказала: “Ух!” - и проглотила оба блюда одним глотком. Пока она сражалась с братьями Чичи, Цанунева бежала дальше, бежала на запад. Теперь Хеку устал.

“Я не могу бежать дальше, ” сказала она. Она поднялась на крышу дома и воскликнула: “Я хочу, чтобы этот дом потянулся за этим мальчиком и поймал его”.

Она сидела на крыше дома, и дом тянулся на запад, тянулся быстрее, чем кто-либо мог бежать, и нес ее вслед за Цануневой. Мальчик убежал очень далеко; теперь он был рядом с домом Юпки.

“Дядя! ” закричал он. - Я хочу поскорее вернуться. Я почти мертв. Хеку преследует меня. Спрячь меня, дядя, спрячь меня. Спаси меня, мой дядя, спаси меня, или Хеку убьет меня”.

“Почему ты напуган?” - спросил Юпка. “Хотел бы я посмотреть на человека, который преследует тебя. Хотел бы я посмотреть, как кто-нибудь посмеет причинить тебе вред. Входи, племянник мой, входи.

“ Неси меня, дядя. Я слишком устала, чтобы идти одна. Неси меня. Хехку охотится за мной; она почти настигла меня”.

Юпка взял мальчика на руки и понес его внутрь. В парилке было полно людей из Мапчемейна, всех тех, кого позвал Юпка.

Хеку спрыгнула с дома братьев Чичи, который привел ее почти к Джигульмату. Она была отдохнувшей.

“Возвращайся теперь к себе”, - сказала она дому, и он снова стал на свое место.

“Скажи мне, старик, - обратилась она к Юпке, - скажи мне, где Цанунева. Я видела, как он заходил в твою парилку. Я хочу его.

“ Заходи, ” сказал Юпка. - Заходи, если хочешь. Почему ты охотишься за этим мальчиком? Чего ты от него хочешь?

“Не говори со мной в таком тоне”, - сказал Хеку. “Скажи, где мальчик”.

“Входи, я дам тебе мужа”, - сказал Юпка. “Я дам тебе мужа; отпусти мальчика. Возьми Демауну”.

Хеку покачала головой.

“Хорошо, я дам тебе в мужа Вирулу; отпусти мальчика”.

Хеку покачала головой во второй раз.

Он предложил всем в доме, кроме себя. Она отказалась от одного, потом от другого и от третьего; отказалась от всех.

“Скажи мне, где этот мальчик”, - попросила она. “Я хочу его, мне больше никого не нужно. Мне больше ничего не нужно от тебя. Просто скажи мне, где этот мальчик. Мне не нужен никто из твоих людей; единственный, кого я хочу, - это Цанунева.

Юпка спрятал мальчика у себя под волосами, на затылке, и держал его там.

“Я должен знать, что ты собираешься делать с этим мальчиком”, - сказал Джупка Хеку Марими. - Я не хочу отдавать его тебе; он слишком мал, чтобы быть твоим мужем. Я хочу оставить его здесь, в моей парилке.

После этого он отошел в сторону и сказал Цануне: “Если тебе нравится эта женщина, я позволю тебе уйти с ней; если ты не хочешь уходить, я оставлю тебя”.

“Я не поеду с ней; она убьет меня по дороге. Она хочет убить меня; вот почему она охотится за мной, вот почему она пришла сюда”.

“Приведите этого мальчика!” крикнул Хеку. “Я хочу его видеть. Я хочу пойти домой, я хочу забрать его с собой домой”.

“Это плохая женщина. Я много слышал о ней. Отдай ей мальчика, опусти его; посмотрим, что она с ним сделает”, - сказал каждый из присутствующих.

Но Джупка прятал Цануневу, не хотел его выдавать.

“Я знаю эту женщину”, - повторил каждый из Мапчмейна: “Она плохая. Когда она злится, из ее тела вырывается огонь. Она убивает всех. Тебе лучше отпустить мальчика и спасти нас.

“Расстелите одежду,” сказал Юпка. “Пусть она войдет сюда, пусть сядет. Мы послушаем, что она скажет.

Юпка растер лицо и тело мальчика, сделал его гладким, и из маленького он стал большим, взрослым и очень красивым. Юпка усадил его на халат. Каждый мог его видеть.

Вошла Хеку и села на халат. Когда она заняла свое место, от нее по всей парилке разлился огонь. Она сняла свою шапочку, сделанную из черепов, и положила ее рядом с собой.

Люди опустили глаза. Все были напуганы, кроме Юпки. Они думали, что она убьет их прямо здесь, в одно мгновение. Когда Юпка увидел огонь, он достал табак из маленького кисета, который держал в ухе, и, лежа вытянувшись, начал курить, не поднося огня к своей трубке. Табак загорелся, когда он вдохнул через него. Дым поднялся, а затем осел. В парилке стало темно, и огонь от тела Хеку угас. Она заткнула рот и нос, чтобы не вдыхать дым Юпки.

- Иди спать, - сказал Джупка Хеку Марими.

Она не подчинилась. Она держала рот и нос закрытыми, сидела без сна и не хотела засыпать.

“Ложись, давай поговорим”, - сказал Цанунева. Он подумал: “Если она ляжет, дым убьет ее”.

“Я не лягу”, - сказал Хеку.

“Почему бы и нет? Ложись. Мы поговорим вместе.

“Я никогда не сплю”, - сказал Хеку. “Я Мапчемейна. Я никогда не сплю ночью, я никогда не сплю днем. Я поступаю так же, как мой отец: он охотится ночью и днем”.

Юпка снова набил свою трубку другим табаком, который держал в ухе, и снова выпустил дым, который был очень крепким, самым крепким из всех. “Этого хватит, - сказал он. - Думаю, это поможет ей уснуть”.

Сначала поднялся дым, затем опустился вниз и густым облаком опустился прямо на голову Хеку.

“Почему эта женщина пытается обмануть меня? - подумал Юпка. - Я знаю больше, чем она”.

Когда этот сильный дым улегся, Хеку начала клевать носом; ее голова повернулась сначала в одну сторону, потом в другую; вскоре она мало-помалу откинулась назад. Юпка взял большой сверток из серых волчьих шкур, сунул его ей за спину, и она упала на него крепким сном; лежала как безжизненная.

[“Мы никогда не видели здесь такого табака”, - сказал рассказчик этой истории. “Давным-давно его превратили в скалу; это было сделано далеко на Востоке, там, где восходит солнце. Скала находится там и сейчас, и называется она Талпапа — скала белого табака. Это табак Мапчемейна”. Первым табаком, который использовала Джупка, был тоіуи, табак Уана, который есть у нас в наше время.]

“Если Хехку увидит сон, она побьет меня, когда проснется, если у нее хватит ума; но я не позволю ей видеть сон”, - сказал Юпка. Он подул ей в лицо; после этого она не могла видеть снов.

Хеку часто снились плохие вещи, которые сбывались позже. Раньше ей снилось, что она убивает людей, но после того, как Юпка подул ей на лицо, она не могла видеть сны в его парилке. На следующий день, когда она проснулась, она была очень зла на Юпку. Она встала, вышла из парилки и направилась на восток; пошла быстро, направилась к той самой скалистой горе, где Цанунева расставил свои мышеловки.

- Разведи хороший костер и попотей, - сказал Юпка Мапчемейне.

Все вспотели и искупались в реке, и в тот день Хеку стал Путокья, человеком-черепом. Она осталась на одну ночь в “скалистой горе”; мечтала сыграть в азартные игры с Джупкой и всеми жителями Джигульмату.

У Хеку была сестра, Миниау Марими. Она взяла эту сестру в качестве компаньонки. Оба отправились в путь, шли вместе и никогда не останавливались, пока не достигли Оаймату, большой полой горы к северо-востоку от Джигульмату. Хеку взяла с собой трубку и варила табак из сушеных мозгов. “Мой дым будет покрепче, чем у Джупки”, - подумала Хеку. Она провела одну ночь в полой горе, и ей снова приснилось, что она играет в парной Джупки. Она встала

рано и на рассвете была в Джигульмату. Она стояла с Миньо Марими на крыше парилки и напевала про себя:

“Я выиграю, я выиграю, я обязательно выиграю”.

“Юпка, я хочу зайти в твою парилку”, - сказала она. “Когда я войду, я тебе понравлюсь, тебе понравится меня видеть. На меня приятно смотреть”.

Она изменилась; тогда она стала очень красивой. Никто не мог знать ее; никто не мог знать, что эта женщина была хехку, которая охотилась на Цануневу.

На рассвете все люди в парилке Юпки слышали шаги наверху, шаги по парилке. Там были две женщины. Хеку подошел к двери на крышу и сказал: "

“Юпка, убери свои вещи, приберись в доме. Я хочу спуститься и сыграть с тобой. Прошлой ночью мне приснилось, что я играю с тобой.

Джупка лежал головой на север. Он ничего не ответил. Хеку упал.

“Сядьте с западной стороны”, - сказал Джупка двум сестрам; и он велел Малевуле расстелить две одежды, одну из коричневой, другую из черной медвежьей шкуры. Все люди опустили головы. Никто не смотрел на женщин, кроме Малевулы.

“Я был бы рад угостить этих женщин чем-нибудь, - сказал Малевула, - но я не знаю, что они любят; давайте предложим им оленины”.

Он зажарил оленину, положил ее перед ними в корзинку; они не стали ее есть, не захотели ни пробовать, ни прикасаться к ней. Затем он принес сушеного лосося, нарезанного маленькими кусочками; женщины отвернулись. Затем он положил перед ними муку из лосося и кедровые орешки; они не стали есть, отвернулись.

“ Убери эту еду, ” сказал Хеку. “ Мы не хотим есть. Я пришел сюда, чтобы повидаться с людьми, я пришел сюда, чтобы поиграть в азартные игры”.

Долгое время Мапчемейна молчал. Наконец Кайтсики заговорил.

“Я не умею играть, я не умею играть”, - сказал он.

“Мне не нравится слышать, как ты так говоришь. Я знаю тебя”, - сказал Хеку. “Я знаю, что ты много играешь. Я знаю, что ты начал играть в азартные игры давным-давно.

Кайтсики ничего не ответил. Он пошел за игровыми палочками (фишками). Он принес траву и приготовил все для игры. Они сели, Хехку на западе, Кайтики на востоке.

“На что вы будете играть, на что поставите?” - спросила женщина.

Кайтсики взял свое ожерелье из ракушек, повесил его и сказал: “Я начну с этого”.

Хеку держала в руках джупайону; она принадлежала ей и была сделана из кости пальца. Кайтсики угадал “север” с первого раза и проиграл; после этого он угадал север один раз и юг один раз, проиграл оба раза; после этого он потерял свои десять палочек.

- Возьми ожерелье и повесь его на нашу сторону, - сказал Хеку Миниау.

Когда Хеку вытянула руки, она сложила их вместе перед собой, прежде чем раскрыть, и спела “Вахау Путокья джинда Марими” (Ты не выиграешь у Путокьи Марими); и кость полетела в сторону, противоположную угаданной. Пение заставило его двигаться дальше. Когда Кайтики угадывала “север”, если кость была в правой руке Хеку, южной стороной, она оставалась там; если она была в ее левой руке, северной стороной, она шла направо. Таким образом, никто никогда не смог бы победить Хеку.

“Сыграй еще”, - сказал Хеку.

Кайцики поставил и проиграл. Он проигрывал одну вещь за другой, пока не поставил свою последнюю - пояс из скальпов рыжих дятлов. Это было очень красиво. Хеку был рад.

“Это пари, - сказала она, - которое всегда заключает Перривири Юпа. Он ставит на такой пояс, когда я играю с ним”.

“Теперь я все время буду угадывать юг”, - сказал Кайцики. Он проиграл пять раз, потом передумал и угадал север.

Все Мапчемейны наблюдали за игрой, но ничего не сказали. Они знали, что будет дальше; знали, что Кайтсики проиграет. Он угадал направление на север пять раз; потерял пояс.

“Мне больше нечего ставить; ты выиграл все, что у меня было”, - сказал Кайцики.

“Ставь сам”, - сказал Хеку. “Я поставлю все, что выиграл у тебя”.

Кайцики поставил сам. Он угадал юг первым и проиграл.

“О, если бы я только поставил на север!” - сказал он. В следующий раз он поставил на север и проиграл.

- О, если бы я сказал “на юг”!

Он продолжал в том же духе, пока не потерял свои десять фишек и самого себя.

Хеку бросил кость от пальца на землю; земля содрогнулась; раздался звук, подобный раскату грома. Кость взлетела, ударила Кайтсики и убила его. Миньо Марими выбросил его через крышу к северу от парилки.

“Сейчас я сыграю”, - сказала Ахаламила, садясь на место, оставленное Кайтсики. Он угадал, проиграл, продолжал угадывать и играл, пока не проиграл все; поставил сам, проиграл, был убит и выброшен к северу от парилки. Петена играл следующим, проиграл все, был убит и выброшен. Все в парилке, кроме Юпки, играли и проигрывали, один за другим, сначала все, что у них было, а потом и самих себя. После Петайны пришли Матдаси, Цурева, Джикулу, а затем Цанунева, который остался в Джигульмату.

Хеку танцевал от восторга, когда Цанунева проиграл. Она сама вышвырнула его из парилки, а потом играла с другими, пока не осталось никого, кроме Юпки.

Тогда Юпка встал и сказал: “Теперь мы попробуем. Я угадаю один раз; это завершит игру и все уладит”.

“Я готов”, - сказал Хеку.

Юпка принес синий камень и сел на него. У него была трость, сделанная из сердцевины сахарной сосны; ее он носил сбоку.

Хекку разложила кость, положила ее в левую руку, и Джупка сказала “лилилим” (пусть это будет север), но произнесла это слово так, что другой подумал бы, что он сказал “илилим”, и Хекку тоже так подумала; кость осталась у нее в левой руке. Она вынула обе руки из-за спины, разжала их и собралась бросить кость, чтобы убить Юпку.

“Прекрати! Что я сказал? - спросил Юпка.

“Илилим”.

“Нет, я сказал ”лилилим"; посмотри на север и увидишь”.

Хеку посмотрел на север и увидел Вахкалу (гору Шаста), Игунну Джупки, его большой новый дом, который он построил, произнес “лилилим”. Вахкалу был белым, сияющим. Хеку никогда не видела ничего более прекрасного, такого великого. Она никогда не видела этого раньше, как и никто другой.

Она не могла отрицать, что кость была в ее раскрытой левой руке с северной стороны. Она не могла изменить свою игру, она ничего не могла с собой поделаться. Джупка схватил кость и швырнул ее на пол. Земля задрожала; раздался рев, подобный раскату грома; кость подпрыгнула и убила Хеку. Юпка вышвырнул ее из парилки.

- Ты тоже должен поиграть, - сказал Юпка Минию Марими.

Он спрятал кость за спину; она догадалась, рассталась с жизнью и была выброшена из парилки.

Юпка пошел на юг, подошел к ручью, умылся и искупался. Когда он вышел из воды, он стал очень красивым и большим. Затем он взял стебель куста дикой розы и пошел домой; он направился к северной стороне парилки. Там он нашел тела мапчемейнов, которые играли с Хеку и проиграли. Он ударил каждого по розовому кусту, и все ожили; все отправились в парилку, ни один не пропал.

На рассвете мертвая Хекку начала двигаться и петь. При ясном дневном свете она встала и ударила Минью правой ногой. В этот момент она воскресла живой. Две женщины направились к скалистой горе. Хеку была в ярости. Она была ужасно зла, потому что Джупка избил ее.

“У меня было все, - сказала она, - но Юпка обманул меня; теперь у меня ничего нет”.

Она так разозлилась, что превратилась в огромную голову и помчалась на восток. За каждый прыжок она пролетала целую милю. Она кричала от ярости на ходу, и ее сестра Минью (пожарная учительница) не отставала от нее.

Хака Каина услышал шум и сказал: “Интересно, что сегодня беспокоит Путокью”.

ПЕРВАЯ БИТВА В МИРЕ И СОЗДАНИЕ ЯНЫ

ПЕРСОНАЖИ

После каждого имени дается имя существа или вещи, в которые впоследствии был превращен персонаж.

Ахаламила, серый волк; **Бохкуина**, серебристо-серая лисица; **Чичепа**, пятнистый ястреб; **Чухна**, паук; **Хехку**, рогатая змея; **Хитчинна**, дикая кошка; **Ховичинайпа**, маленькая птичка; **Хурскиюпа**, сирота; **Джевина**, рыжеватый ястреб-цыпленок; **Джихкулу**, большая сова; **Юпка**, бабочка дикого шелкопряда; **Кайцики**, суслик; **Кальцауна**, стриж (вид ящериц); **Кечовала**, перепелка; **Лавалила**, большой ястреб; **Майбью**, голубь; **Малевула**, волк; **Мапчемейна**, первые люди; **Пакалай Джавичи**, водяная ящерица; **Петайна**, скунс; **Попила**, утка; **Топуна**, горный лев; **Цанунева**, маленькая птичка; **Туина**, солнце; **Вилайна**, бурундук.

ПОСЛЕ того, как Хеку воскрес из мертвых и отправился домой, Джупка сказал всем мапчемейна: “Теперь потейте и плывите. Завтра рано утром ты отправишься на охоту.

На следующий день мапчемейна отправились на охоту, но не смогли убить оленя. У них не было хороших наконечников для стрел. Наконечники, которые у них были, были сделаны из обычного камня. Когда вечером они вернулись в Джигульмату без оленины, Юпка сказал: "

“На юге есть старик, который убивает очень много оленей; его зовут Кальцауна. Я должен привести его сюда, чтобы показать вам, как он их убивает. Я пошлю кого-нибудь за ним на юг. Мейбью, отправляйся за этим стариком; ты путешествуешь очень быстро.

“Я не знаю, где его дом; я не могу его найти”, - сказала Мейбью. “Вам лучше послать кого-нибудь другого”.

- Лавалила, иди ты, - сказал Юпка.

Лавалила красиво оделся, взял свой лук, колчан и стрелы и ушел. Он шел так быстро, как будто до дома Кальцауны был всего один длинный шаг. Кальцауна сидел в дверях, скрестив ноги. Он делал кремневые наконечники для стрел.

Лавалила сразу же вмешалась и удивила старого Кальцауну. У него на боку висел кремневый нож, и он сделал выпад в сторону Лавалилы, словно хотел убить его.

“ Остановись. Это я, дядя; ты не должен убивать меня.

“Почему ты называешь меня дядей?” - спросил Кальцауна, быстро пряча кончики своих стрел.

“Я пришел за тобой, дядя. Меня сюда прислал вождь. Джупка приглашает тебя приехать в Джигульмату. Он хочет, чтобы ты пришел к нему домой. Он хочет видеть тебя. Мы не можем

убивать оленей каменными наконечниками для стрел. У нас нет других стрел. Вождь знает, что ты все время убиваешь оленей. Он хочет, чтобы ты пришел к нему домой и показал его людям, как ты убиваешь оленей.

Кальцауна потер руки, протер их дочиста, стер с них всю кремневую пыль и очень осторожно завернул свои кремни в шкурку. Затем он смешал кремневую пыль, втер ее в лицо, приготовил краску, покрыл ею лицо и просунул кусок острого кремня через перегородку носа. Он выглядел очень угрожающим и сильным, когда был одет и вооружен для дороги.

“Я готов; ты иди; я приду позже”, - сказал он Лавалиле.

Колчан Кальцауны был сделан из шкуры медведя гризли; его луки и стрелы были сделаны из черного дуба. Он сунул кремни под левую руку, а в правую взял лук и стрелы.

“Продолжай, продолжай. Я приду позже; я приду сам. А теперь иди и скажи вождю, чтобы он развел большой костер из дров мансанита.

Лавалила пошла вперед и передала сообщение Кальцауны Джупке. Вождь велел развести костер - большой костер из дров мансанита. “Он идет, он идет”, - говорили люди, увидев вдалеке Кальцауна. Когда он был рядом, они не пытались смотреть на него, а опускали головы.

“Уступите мне дорогу, уступите дорогу! Я нанесу удар, если вы не уступите мне место!” - сказал Кальцауна, подходя к толпе людей.

“Старик всегда так говорит,” сказал Юпка. “он очень сильный. Вот почему он такой смелый, вот почему он так говорит”.

- Расстели шкуру, - сказал Кальцауна Юпке.

Шкура была расстелена, и Кальцауна высыпал на нее из своего одеяния наконечники стрел. Затем он сел и сказал: —

- Я разделю их и разложу по разным местам.

Он собрал каждый вид кремня в отдельную кучку, затем толкнул ее и, толкая, сказал: “Ты пойдешь в это место или в то”.

Белого кремня он толкнул и сказал: “Иди ты, к Хакамату”.

Белый кремнь исчез; исчез с одежды; отправился в Хакамату, и сегодня в том месте много белого кремня.

Синий кремнь он отправил на восток, на край нашей страны Яна. Желтый кремнь он починил в Ивильджами. На запад он отправил кремнь с мелкими черными, синими и белыми полосами; он отправил его в Хакачимату. Зеленый кремнь он вложил в Джигульмату и сказал:

“Вы всегда найдете эти кремни в тех местах, куда я их положил сегодня, и люди, которые придут после вас, найдут их там. В тех местах кремнь будет храниться вечно, пока люди будут этого хотеть”.

Кроме кремня, Кальцауна дал каждому из мапчемейна клин, сделанный из оленьего рога, и кусок камня; показал им, как обрабатывать кремень и делать наконечники для стрел. Первыми наконечниками для стрел на земле были те, что изготовила Кальцауна.

На следующее утро, после того как он дал кремень и показал Мапчемейна, как делать наконечники для стрел, Кальцауна отправился домой. На второй день Юпка созвал всех мапчемейна и сказал:

- Приготовьте наконечники для стрел; сегодня вечером попотейте; рано утром поплавайте, а завтра отправляйтесь на большую охоту.

Они сделали все, как приказал Джупка, и на следующее утро двинулись в сторону Джиджилпы. Они пошли на запад вдоль Джиджилпы, обошли ее по обе стороны; пошли на запад к Тахауджвакайне, которая находится в каньоне за Хакамату. Они подошли к скале и зашли за нее.

На некотором расстоянии к западу от скалы из зарослей живого дуба выбежал медведь гризли. Среди людей, охотившихся на него, был Чичепа, и медведь бросился на него. Простой ночью Чичепе приснилось, что этот камень в каньоне поднялся из земли и напугал его. Когда он приблизился к зарослям живого дуба, медведь зарычал и выпрыгнул наружу.

Чичепа побежал назад, бежал, пока не добрался до Тахауджвакайны, медведь следовал за ним по пятам. Медведь был так зол, что на бегу ломал большие дубы. В вершине скалы была дыра. Чичепа прыгнул в нее. Медведь встал на задние лапы. Он едва мог выглянуть из-за вершины скалы. Он посмотрел и ничего не увидел, спрыгнул вниз, обежал вокруг скалы, осмотрел все вокруг, но не увидел никаких признаков Чичепы. Затем он повернулся назад и углубился в густые заросли кустарника, из которых начал свой путь.

Люди некоторое время шли на запад, затем на юг и начали находить оленей. Бохкуина убил первого оленя, Ховичинаипа - второго, Кечовала - третьего, Джихкулу - четвертого, Петайна - пятого, и так далее, пока не было двадцать оленей. Затем группа разделилась на две части. Те, у кого были олени, повернули домой, к Джигульмату, и пошли в том порядке, в каком они их убили: Бохкуина первым, остальные следовали каждый в свою очередь.

Вторая группа отправилась на восток, а затем в сторону Джигульмату. Через некоторое время они пришли в Кетмату, где Малевула убил оленя, и Топуна убил одного, а Цанунева убил ужасно уродливого большого оленя, у которого, казалось, вся плоть и туловище распухли. Хитчинна, Кайтики, Вилейна и другие убивали оленей; каждый человек убивал по одному оленю. Тогда вся компания повернулась к Джигульмату, и в парилке Джупки воцарилась великая радость. Женщины приготовили желуди и мышей для еды.

Сам Джупка никогда не ходил на охоту; он всегда оставался в Джигульмату, просто лежал там в доме, рассказывал всем, что они должны делать, и показывал им, как делать то, что нужно. Когда они возвращались с охоты, все клали свою оленину перед вождем, клали перед ним всех убитых ими оленей. Тогда Юпка взял свой кремневый нож и нарезал мясо на куски. Он поджарил ребрышки, поджарил все, что они принесли. Когда все было готово, мапчемейна сели и вместе съели мясо. Юпка расставил перед ними три очень большие корзины с мышами в трех разных местах, и перед каждой корзиной стояли люди, которые раздавали мышей каждому желающему. Когда они поели, Юпка встал и обратился ко всем присутствующим.

- Я хочу, чтобы вы все пришли сегодня вечером в парилку, - сказал он. - Я хочу сказать вам, где вы будете охотиться завтра.

В тот вечер они зашли в парилку, сели и закурили, и пока они курили, Юпка поднялся и заговорил с ними. Сам Юпка никогда ничего подобного не ел; он курил табак, курил все время; это было единственное, что он когда-либо принимал в свой организм. Когда он заговорил, то сказал: —

- Думаю, завтра лучше поохотиться на севере.

“Мы не любим ходить на север, когда охотимся”, - сказали некоторые из людей.

“Что ж, пусть кто-нибудь другой скажет, куда идти. Сегодня вечером я попрошу Ховичинаипу спеть и станцевать для оленей”.

Тогда Джупка немного подумал и сказал: “Нет, я позову Ахаламилу; он хороший человек, чтобы мечтать, петь об оленях и танцевать. Я скажу Ахаламиле, чтобы он пел и танцевал сегодня вечером. Он скажет, куда тебе следует пойти, он скажет, по какой дороге идти. Я хочу, чтобы вы все легли и уснули этой ночью, старики и молодежь, и все женщины; пусть все проспят до утра, проспят, пока я не позову вас на охоту”.

Когда вечером пришло время, Ахаламила развел костер и взял трубку. Он выпустил дым во все стороны. Тогда он отложил трубку и набрал еловых листьев; он бросил их в огонь и, пока они горели, запел:

“Виличулайна кульмачи, Виличулайна кульмачи
(Кварцевая скала, белая скала, кварцевая скала, белая скала)”.

и он положил на землю красивый белый кварцевый камень; с каждой стороны от него он воткнул в землю по маленькой еловой веточке и по одной веточке голубого бука; он положил их с восточной, западной, северной и южной сторон кварца.

Ахаламила продолжала смотреть на веточки, которые быстро поднимались, разрастались и превратились в маленькие деревца. Он ходил вокруг них и пел; пел и на ходу отщипывал лист или бутон с той или иной ветки. Вскоре камень начал двигаться сам по себе, он раздувался и менял форму, пока, наконец, не превратился в белого олененка. Как раз на рассвете олененок начал расхаживать среди деревьев и принимать, как будто что-то почуял.

Ахаламила взял маленького олененка; выпустил изо рта дым; обдул его со всех сторон; затем снова положил олененка, и он снова превратился в кварц.

Тогда рассвело, и Ахаламила перестала петь. “Я закончила”, - сказал он. “Для нас будет лучше охотиться на южной стороне”.

“Я хочу, чтобы вы, мой народ, - позвал Юпка, - поднялись, отправились на охоту. Ховичинаипа пойдет вперед и разведет костер”.

Ховичинаипа пошел вперед: прошел некоторое расстояние на юг; вскоре за ним последовал Мапчмейна; направился к месту, где Ховичинаипа развел костер. Когда они подошли, в местечке под названием Веауна, в полумиле от Хакамату, горел большой костер.

“Подойди к костру, подожди немного, прежде чем мы начнем, поговори и приготовься к охоте”, - сказал Ховичинайпа.

Десять человек отправились дальше на юг искать оленей, в то время как остальные ждали у костра. Эти десять человек быстро ушли на юг; затем пятеро повернули на восток, а пятеро - на запад, чтобы снова встретиться в Вевоне. Они вернулись примерно в то же время, но ни один из них не видел оленей или какой-либо другой дичи. Все удивлялись, что нигде нет дичи. Ахаламила и Ховичинайпа начали спорить, а затем и вовсе поссорились, потому что десять человек не могли найти оленя.

Ховичинайпа рассердился; он был оскорблен тем, что Джупка первым назвал его по имени, потом передумал и позвал Ахаламилу спеть для оленей. Он тоже был зол и ревновал, потому что хотел заполучить одну из жен Ахаламилы, которая была сестрой его собственной жены. Жена Ховичинайпы была Чухной, а жена Ахаламилы была ее единственной сестрой. Ховичинайпа хотел, чтобы эти две сестры стали его женами; он хотел их обеих. По этим двум причинам Мапчемеина в тот день не смогли найти ни одного оленя. Ховичинайпа имел власть над оленями и отправил их всех под землю. Десять человек искали во множестве мест; они побегали на юг, восток, запад и не смогли найти ни одного оленя. Затем весь отряд повернул на юго-восток; они направились к Чупиркото. Некоторые говорили: “Какой смысл идти дальше? Сегодня мы не можем найти оленей. Ахаламила сказала нам, что мы должны найти оленей. Где они? Мы их не видим”.

“Я не знаю, - сказала Ахаламила, - почему мы не нашли оленя. Прошлой ночью я пела и танцевала. Мне приснилось, что я видел оленей, что я видел их к югу от Джигульмату”.

“Сегодня вы не увидите ни оленя, ни какой-либо другой дичи, - сказал Ховичинайпа. - вы не сможете найти оленя, сколько бы вы ни пели и ни танцевали. Ты не можешь найти оленя, но у тебя хорошая жена. Она очень хорошенькая”.

“Олени приближались, - сказал Ахаламила, - но ты остановил их, ты прогнал их”; и он прыгнул на Ховичинайпу, чтобы ударить его. Ховичинайпа увернулся и провалился сквозь землю.

Все люди встали на чью-либо сторону и начали сражаться; одни были за Ахаламилу, другие - на стороне Ховичинайпы. Ховичинайпа выскочил из-под земли, встал перед Ахаламиллой и выстрелил в него. Ахаламила увернулся и тоже выстрелил; Ховичинайпа увернулся очень быстро.

Таким образом, они продолжали сражаться, упорно сражались, продвигались к Джигульмату, все время сражаясь. Наконец Ахаламила был поражен и упал замертво; Топуна тоже был убит, и Хитчинна. Очень многие пытались убить Ховичинайпу, но он все время уворачивался, уворачивался так хорошо, так быстро, что ни один из всех его врагов не смог поразить его. Джихкулу помогал Ховичинайпе; ни на мгновение не прекращал сражаться.

Они сражались до самой Хвиталмауны, к югу от Джигульмату; битва там была очень тяжелой, и люди пали с обеих сторон. Сейчас в Хвиталмауне много камней, и эти камни - мапчемеина, убитые в той первой битве.

Друзья Ахаламилы упорно сражались с Джихкулу и израсходовали много стрел, но не смогли поразить его, потому что на нем была одежда из кроличьей шкуры.

“Мы должны ударить этого Джихкулу, мы должны убить его”, - сказали друзья Ахаламилы.

“Тебе не нужно так говорить, ” сказал Джихкулу. “ Ты не можешь убить меня. Я лучший боец во всем этом мире. Я был в каждой части этого; никто никогда не бил меня, никто никогда не причинял мне боли”.

Джихкулу выстрелил в Джевину, но промахнулся. “Ты не можешь попасть в меня!” - закричала Джевина. Джихкулу выстрелом сорвал шкуру койота с Джевины, а затем убил его. Давным-давно Джевина мечтала, что если бы он носил шкуру койота в бою, то не был бы убит, и именно поэтому он носил ее; но когда Джихкулу снял шкуру, он легко убил его.

Теперь Джупка лежал в парилке на Джигульмату и услышал шум и крики в Хвиталмауне. “Они дерутся; я должен остановить битву!” - закричал он. И он побежал на юг — бросился в самую гущу сражения.

“Я хочу, чтобы обе стороны остановились!” - крикнул Юпка.

На этом битва подошла к концу; все последовали за Джупкой в Джигульмату. В тот вечер он сказал: “Завтра ты будешь охотиться на севере”. Все были тогда в парилке и слушали. Юпка что-то говорил им, а потом они заговорили все разом; казалось, что дом вот-вот взорвется, когда они будут говорить.

На следующий день они нашли оленей на севере, и нашли их в изобилии. Каждому нужно было принести по одному оленю в парилку. Когда они возвращались домой через густой кустарник, Попила захотел порадовать друзей Ахаламилы и сделал себе медведя, чтобы убить Ховичинаипу, который накануне дрался с Ахаламилкой и убил его.

Медведь вышел и обхватил руками заросли кустарника, в которых находился Ховичинайпа. Ховичинайпа вовремя выскользнул и убежал. Медведь бросился за ним, затравил его и почти настиг у скалы недалеко от Хакамату. Ховичинайпа вскочил на скалу и сказал: —

“Я почти мертв; Я хочу, чтобы эта скала разверзлась; я слишком устал, чтобы бежать; Я не могу идти дальше”.

Скала открылась, и внутрь ввалился Ховичинайпа. Медведь бросился вверх, высунул голову и передние лапы вслед за Ховичинаипой; но скала сомкнулась, и медведь был пойман и убит.

Ховичинайпа вышел и встал рядом с медведем. “Я устал”, - сказал он. “Я был почти мертв. Ты изо всех сил старался убить меня, но меня трудно убить. Затем он взял свой кремневый нож, сделал надрез на шее медведя и за двумя передними лапами, снял с него шкуру , повесил шкуру себе на плечо и направился к Джигульмату. Он отстал от остальных и добрался до дома в сумерках. Он повесил шкуру у двери и сказал:

- Завтра утром мы послушаем, что скажут друзья Ахаламилы.

Мать Попилы услышала, что сделал ее сын, и, увидев медвежью шкуру, заплакала и покатила по земле. На следующий день старуха подметала; она выметала маленького красноухого мальчика, Пакалаи Джавичи, и пока она подметала, он визжал. Попила Марими подняла его, взяла оленью шкуру, сделала из нее одеяло и завернула малыша в эту оленью шкуру. Затем она вскипятила воду с горячими камнями и вымыла его, и каждый раз, когда она мылась, она

посыпала маленького мальчика кремневой пылью, чтобы придать ему сил. На следующее утро он мог ползать, но она сказала:

“Оставайся на одном месте; ты не должен двигаться. Где-то может быть яд; если ты дотронешься до него, он убьет тебя. Оставайся там, куда я тебя положу”.

На второй день мальчик смог говорить. “Ты все время плачешь, бабушка, почему ты плачешь?” - спросил он.

“Не задавай этого вопроса, внук; мне больно слышать тебя. Все мои люди были мертвы, кроме моего сына; теперь он убит, и у меня никого нет”.

На пятый день мальчик гулял вокруг дома снаружи.

- Бабушка, - сказал он, - разведи большой огонь.

Она развела огонь в парилке. Мальчик стоял у центральной колонны и пел: “Хала вата, хала вата”.

Он заснул, обливаясь потом; проспал до утра. На следующий день, проснувшись, он спросил свою бабушку: “Что мне делать со своими руками?”

Старуха дала ему кремневый нож и сказала: “Он у меня уже давно; возьми его сейчас и обработай им свои руки”.

Его пальцы были соединены до первого сустава, и она показала ему, как отделить их друг от друга. Сначала он отрезал мизинец, затем третий, второй и первый. Большой палец он назвал большим пальцем; и когда пять пальцев были разделены и свободны друг от друга, она сказала ему назвать большой палец большим пальцем и назвать его единицей, следующие два, следующие три, следующие четыре и мизинец пятью.

Это был первый раз в мире, когда производился подсчет. И когда Юпка делал Яну, он сделал им руки, как у Пакалая Джавичи.

Когда с левой рукой было покончено, Пакалай Джавичи сказал: “Я не знаю, как резать левой рукой”.

Старуха помогла ему освободить пальцы правой руки. Когда все его пальцы были свободны, мальчик смог стрелять, и ему понадобились лук и стрелы.

Старуха принесла все луки своих умерших сородичей; он сломал все, кроме одного, у которого тетива была сделана из плечевых сухожилий оленя. Он взял это и вышел. В тот день Ховичинаипа спрятался на кедре: он наблюдал за птицей. Пакалай Джавичи знал, что он там, и крикнул голосом птицы, за которой наблюдал Ховичинаипа. Ховичинаипа спускался по дереву все ниже и ниже, пытаясь понять, откуда доносится зов.

Пакалай Джавичи прятался на дереве напротив, где Ховичинаипа не мог его видеть; он продолжал звать, а Ховичинаипа продолжал спускаться. Пакалай Джавичи хорошо разглядел его.

“Если я попаду ему в тело, - подумал он, - стрела не причинит ему вреда; я должен попасть ему во внешнюю сторону пальца ноги”.

Он сделал это, и Ховичинайпа упал на землю раненый. Пакалай Джавичи пригвоздил его к земле одной стрелой, затем другой; двумя рядами стрел пригвоздил его с двух сторон к земле. Пакалай Джавичи побежал домой.

- О, бабушка! - воскликнул он.

“В чем дело?” - спросила старуха. - “Вы чуть не упали в огонь”.

- Здесь кое-кто есть; я хочу, чтобы ты его увидел.

Пожилая женщина взяла свою трость и последовала за Пакалаем Джавичи.

- Ты видишь того человека, который лежит там?

Старуха посмотрела и увидела человека, убившего ее сына, увидела его пригвожденным к земле. Она была так рада, что заплакала, тогда она упала и покатила по земле; после этого она вскочила и затанцевала вокруг его тела, танцевала много раз, танцевала, пока не устала.

“Отныне, ” сказал Пакалай Джавичи, “ все будут называть тебя Ховичинайпа. Ты больше не будешь человеком; ты будешь всего лишь маленькой птичкой с этими отметинами от стрел по обе стороны твоей груди”.

Тогда он превратился в маленькую птичку и улетел, маленькую птичку, которую мы называем Ховичинайпа.

На следующее утро после второй охоты Юпка услышал громкие крики на востоке; огромный Мапчмейна высунул голову из-за края неба. У этого человека на голове развевались красивые перья. Юпка заставил его кричать, и он сказал ему: —

“Каждый раз, когда ты поднимаешься и показываешься жителям Джигульмату, ты должен кричать именно так”.

У этого великого человека на востоке было две собаки; они были маленькими, но очень сильными. “Кто из вас пойдет со мной?” - спросил он в то утро. “Я хочу хорошую собаку; мне всегда страшно, когда я путешествую днем”.

“Сейчас я дам тебе имя”, - сказал Джупка этому человеку с востока. “Отныне все люди будут называть тебя тем именем, которое я даю сейчас. Имя, которое я даю тебе, - Туина. Тебя всегда будут знать под этим именем. И твое имя, - сказал он собаке, - будет Мачперками.

Когда Туина был готов отправиться в путь, он сделал свою маленькую собачку еще меньше, совсем маленькой; засунул ее под волосы на макушке и привязал там.

Когда Туина был полностью одет и готов, с собакой, вплетенной в волосы, он стал таким же светлым, как и в наше время. До того, как он был одет, вооружен и на голове у него была собака, Туина не отличался яркостью, но когда он начал, он наполнил весь этот мир светом, как и сейчас днем.

Бокуина проложил дорогу для Туины, по которой она могла путешествовать ; он проложил эту дорогу в небе, и Туина пошел по ней прямо на запад, пока не достиг великой воды. Когда он был готов нырнуть в воду, хатенна (медведь гризли) вышел из воды и увидел его. Туина вытянул руки и взмахнул ими, как крыльями, словно собираясь прыгнуть внутрь.

“Туина идет!” - сказал водяной медведь гризли. “Если он придет, здесь будет слишком жарко. Давайте приготовимся и отправимся в высокие горы. Мы не можем оставаться здесь, если придет Туина.

Огромная стая водяных гризли вышла из океана и направилась в горы. Туина прыгнула в воду, и она поднялась со всех сторон, вскипела, перекатилась через берег, все виды океанских раковин одновременно упали на сушу.

Туина ушел далеко в воду, на самое дно; он прошел сквозь дно, глубоко под водой и землей, и вернулся на восток.

Задолго до этого Юпка проложил дорогу под землей, по которой Туйна могла путешествовать, дорогу обратно на восток. Джупка перевернул землю снизу вверх и проложил эту дорогу прямо с запада на восток; и прежде чем Туйна тронулся в путь, Джупка сказал ему:

“Я проложил для тебя дорогу, прямую дорогу под землей, хорошую дорогу; на ней нет камней, все гладко. Бокуина проложил дорогу в небе, дорогу с востока на запад, по которой ты можешь бежать; я проложил дорогу внизу, дорогу под землей с запада на восток. Когда ты достигнешь востока, ты немного отдохнешь, встанешь утром, поднимешься и снова пойдешь на запад по дороге, которую проложила Бокуина ; ты будешь делать это каждый день без промаха; ты будешь делать это постоянно”.

Когда Джупка замолчал, Туина пошел на запад, ночью вернулся по дороге, по которой шел Джупка; и так он делает всегда.

На следующий день после того, как Юпка поговорил с Туиной, назвал ему свое имя и работу, он сказал: “Теперь я сделаю Яну и подарю им хорошую страну для жизни”.

Он взял палочки баки, наломал побольше; он хотел положить их на Джигульмату и приготовить Яну. Он положил первую палочку и сказал: “Я назову эту Ивилау Яна” (Яна из среднего места).

Когда он произнес эти слова, перед ним поднялся мужчина, некий Яна.

“Ты останешься здесь, в этой срединной стране”, - сказал Юпка. “Ты будешь вождем”.

Юпка положил еще одну клюшку, и по слову Юпки она превратилась в женщину-Яну. Он положил третью палку, которая превратилась в мальчика.

“Это сирота без отца и матери”, - сказал Юпка и назвал мальчика Хурскиюпа.

Юпка окружил первого Яну, вождя, другими щупальцами, в большом количестве, и сделал из них обычных людей. Все они встали вокруг вождя, и Юпка сказал им: "

“Это твой начальник; он скажет тебе, что делать; ты должен повиноваться ему и делать то, что он прикажет”.

“Итак, ” сказал Юпка, “ что будут есть жители срединной страны? что мне им дать?” - и он ненадолго задумался. “Ты будешь есть клевер, - сказал он, - и корни. Я дам тебе палки, чтобы копать эти корни. Ты также будешь есть рыбу и оленину. Ешьте и будьте сильными, будьте хорошими людьми Яны. Когда вождь захочет добыть оленя, он соберет вас и скажет: "Я хочу

съесть оленину; я хочу, чтобы вы вышли, я хочу, чтобы вы поохотились на оленя и принесли домой оленину, чтобы поесть'. Ты должен всегда повиноваться шефу.

Примечания

Нижеследующие примечания изложены в максимально сжатой форме. Они ограничиваются объяснениями действующих лиц или персонажей мифов и информацией, касающейся значения названий людей и мест.

Мифы от первого до девятого включительно - это винту, от десятого до последнего - яна. Эти два народа, хотя и соседи, не родственны; их языки радикально отличаются.

В 1895 году я совершил поездку в Калифорнию по договоренности с покойным Чарльзом А. Даной, редактором "The Sun". Согласно этой договоренности, мистер Дана должен был публиковать по воскресеньям подряд такие мифы, которые, по моему мнению, были достаточно ценными, чтобы появиться в его газете. Эти мифы я обнаружил в Калифорнии, Мексике и Гватемале.

Я начал с истока реки Сакраменто и дошел до устья, моей последней остановкой были обширные поля хмеля в нижней части долины.

В Сан-Франциско я написал следующий краткий отчет о Wintus. Покончив с этим, я отправился в Мексику.

В городе Гвадалахара я скопировал мифы, полученные в Калифорнии, и отправил их в "The Sun". После этого я работал в "Quo Vadis", большую часть которого я перевел в Гвадалахаре.

Все мифы в этом томе были опубликованы в "The Sun" и вошли в серию статей, посвященных индейцам Калифорнии, Мексики и Гватемалы.

Пока опубликована только калифорнийская часть.

После отъезда из Гвадалахары я провел почти год в Гватемале и Чьяпасе, самом южном штате Мексики. Среди последних мест, которые я посетил, был Паленке. Вид одной части руин этого замечательного и загадочного города помещен на фронтисписе настоящего тома.

ВИНТУС

Винтус - это нация или племя индейцев, которые до прихода белых людей владели и населяли всю ту часть Калифорнии, которая расположена на правом берегу Сакраменто, от ее истока у подножия горы Шаства до ее устья на северном берегу залива Сан-Франциско.

Эти индейцы распространились на запад до округа Тринити и еще дальше до горного склона, обращенного к Тихому океану. Однако лишь небольшое их количество находилось на западном склоне. Большая часть нации жила на восточном склоне Прибрежного хребта и в долине Сакраменто. Некоторые из их лучших произведений связаны с верховьями Сакраменто и рекой Макклауд, или Вини Мем.

Трудно определить, каково было население винту полвека назад, но, судя по количеству домов в деревнях, названия и расположение которых сообщили мне старики, я должен сказать, что оно не могло быть меньше 10 000 человек, а могло быть и вдвое больше. В настоящее время существует не более 500 Wintus.

Винтус жестоко пострадали; большое количество людей было убито белыми людьми, другие умерли от болезней, занесенных чужаками; но те, кто остался, сильны и, скорее всего, увеличатся, чем уменьшатся. Времена насилия прошли, и нынешние Wintus хотят и могут адаптироваться к современным условиям.

Читателям этих мифических рассказов, возможно, будет интересно узнать кое-что о нынешнем состоянии Винтуса.

В 1889 году, когда я был в Калифорнии по поручению майора Пауэлла во второй раз провести лингвистические исследования среди различных племен Тихоокеанского побережья, несколько винтусов пришли ко мне в Реддинг, Калифорния, и пожаловались на свое жалкое положение. По их словам, не было ни клочка земли, где они могли бы построить хижину, не опасаясь, что им прикажут покинуть ее. “Когда-то эта страна была нашей, - добавили они, - но белый человек забрал ее всю”. Я сказал им, чтобы они собрали свой народ вместе и пригласили также яна, которые пострадали больше, чем все другие народы того региона, а затем объяснили мне, что было необходимо.

Два народа встретились на небольшом каменистом поле в заросшей кустарником пустоши за пределами жилой части Реддинга. Там они произносили речи и обсуждали дела в течение трех часов в первый день и столько же во второй. Они объяснили мне все, чего они хотели, а именно, что Соединенные Штаты должны предоставить каждому из них участок земли с помощью, чтобы начать на нем жизнь. Я вкратце записал то, что они мне сказали, зачитал это им, и они остались довольны. На следующий день документ был переписан в виде петиции от двух стран президенту Харрисону. Они подписали петицию у нотариуса Реддинга и передали ее мне с просьбой передать ее президенту.

В начале 1890 года я был в Вашингтоне. Стремясь выиграть дело моих бедных друзей—индейцев, или “Диггеров”, как некоторым нравится презрительно называть их, я огляделся в поисках влиятельного конгрессмена, который пошел бы со мной поддержать петицию перед президентом. Я не находил подходящего человека, пока не встретил своего одноклассника и друга, губернатора Массачусетса Гринхалджа, в то время члена Конгресса. Когда он услышал историю о резне в Яне и осознал печальное положение винтусов, он сразу предложил сотрудничать со мной. Он пошел к президенту и объяснил ему суть дела. Два или три дня спустя он сопровождал меня в Белый дом. Я передал петицию президенту Харрисону, который пообещал поддержать ее своей исполнительной инициативой. Он делал это так серьезно и с таким упором, что очень скоро был назначен агент для поиска земли для этих индейцев. Агент нашел для них землю в разных местах, но в радиусе их прежних владений. Состояние винтусов в настоящее время таково: у них есть земли, которые описаны, но в большинстве случаев границы не обозначены никакими материальными знаками, или, по крайней мере, очень немногие из них обозначены; белые люди вторгаются на чужую территорию, и индейцы не могут защитить себя, пока их границы не будут установлены осязаемо. У них не будет средств, чтобы начать серьезную работу, пока они не получат помощь. Сейчас они ждут в надежде, что Уполномоченный по делам индейцев проведет обследование их земель и что Конгресс выделит

небольшие ассигнования в их пользу. Это предел их надежд и желаний. Они очень рады иметь землю, и большинство из них будут достаточно эффективно использовать ее. Когда я встретил их в 1895 году, они были очень благодарны за ту роль, которую я сыграл в их устройстве в жизни, добавив, что они не смогли бы устроиться сами без посторонней помощи. Что касается меня, я не могу не выразить решительной признательности за щедрую и эффективную помощь, оказанную губернатором Гринхолджем.

“Олельбису”, первому мифу, опубликованному в “The Sun” (29 марта 1896 г.), предшествовало следующее краткое введение:

Винтусы, мифами о сотворении мира которых я начинаю эту серию, - очень интересный народ. Их язык удивительно гармоничен, богат и гибок. Он обладает огромной способностью описывать физические особенности страны, в которой на нем говорят, а также верования и идеи самих винтусов.

Образ Олелбиса, существа, живущего в высшем и видящего все, нарисован более отчетливо и реалистично, чем любой персонаж других американских религиозных систем, насколько я знаю.

Теория творения, разработанная индейцами Северной Америки, полна, проста и симметрична. Я несколько раз упоминал об этом во введении к “Сказкам о героях Ирландии”, в “Мифах и фольклорных преданиях Ирландии” и в “Мифах и народных сказках русских, западных славян и мадьяр”. Эта теория вкратце заключается в следующем:—

До появления нынешней расы людей существовал народ; говоря о нынешней расе людей, сказания имеют в виду только индейцев. Этот первый народ жил в гармонии в течение неопределенного, невообразимого периода, без разделения или розни, — недифференцированный, так сказать. Это был золотой век существования, Нирвана, предшествующая жизни в том виде, в каком мы ее знаем в настоящее время, Нирвана богов, поскольку буддийское угасание “я” должно быть Нирваной праведных людей, когда все будут едины во всех и один в одном. Наконец пришло время, когда появился характер, а вместе с ним различия и конфликты. Когда конфликты остались в прошлом и сражения были разыграны, большинство первых людей превратились во все одушевленные существа, которые когда-либо ходили, ползали, плавали, летали, которые когда-либо были замечены на земле, в воде или в воздухе. Они также были превращены в деревья и всевозможные растения — некоторые в небесные тела, другие в замечательные камни и скалы, подобно тому, как в Библии жена Лота была превращена в соляной столб.

Согласно этой теории, каждое индивидуальное существо, которое мы видим в окружающем нас мире, является преобразованным или падшим богом. Каждый зверь, птица, рептилия, рыба, насекомое или растение когда-то были божеством высокой или низкой степени, несотворенной личностью, которая жила в гармонии со своими братьями с самого начала до того времени, когда появилось разнообразие характера, или индивидуальности, и принесло с собой трудности, или, возможно, мы могли бы сказать, наказание. С индивидуальностью пришли конфликты; когда эти конфликты закончились, творение было завершено.

В конце каждого конкретного конфликта победитель с помощью слова превращал побежденного в то, что воплощало и выражало его характер. Побежденный, со своей стороны, использовал аналогичное убедительное слово и превращал своего противника в зверя, птицу

или другое существо, которое описывало его; другими словами, он придавал своему противнику физическую форму, внешнюю индивидуальность, которая соответствовала природе его скрытого или, по крайней мере, неочевидного характера. Помимо этих метаморфозированных или падших божеств, в индийской мифологии есть группа, небольшое меньшинство, которое не было изменено, но покинуло этот мир, выйдя под небо на западе, чтобы жить в гармонии и восторге; и они живут таким образом по сей день. Иногда эта группа или ее часть отправлялась жить на небеса.

Все индийские мифы о Сотворении мира относятся к приключениям и подвигам "первых людей" - богов; ни один из них не относится к людям и ни один не затрагивает ничего, сделанного с тех пор, как человек появился на земле. Это рассказы о том, что происходило, когда существовал порядок, отличный от нынешнего, и объясняющий, как нынешний порядок возник из первого.

Такова, по существу, основа американских религиозных систем и метод всех них, насколько мы можем судить. Wintu отличается от многих других своими методами и деталями, но результат во всех случаях один и тот же. Олелбис, за немногими исключениями, избавляется от первых людей, оставляет при себе тех, кого любит, отправляет на землю и преобразует тех, кого считает более полезными внизу, чем наверху, и подает пример единого правящего божества, которое, не будучи представленным как всемогущее или премудрое, управляет всеми вещами благодаря знаниям и услугам других.

ОЛЕЛЬБИС

Этот миф содержит полное изложение истоков веры в Винту. Олелбис занимает первое место в оценке Винту. Чтобы понять разум винту, необходимо начать с Олелбиса. Другие мифы иллюстрируют этот, объясняют отдельные части системы винту и помогают объяснить ментальную жизнь людей; но этот рассказ о Сотворении Мира является для индейцев западной половины долины Сакраменто тем же, чем их священные книги являются для исторических рас.

Ни один винту не был обращен в христианство; следовательно, вера народа не потускнела, а его приверженность примитивной религии не ослабла. Я не могу объяснить их позицию лучше, чем приведя слова одного из самых умных Винтусов, которых я встречал. После того, как я собрал все, что смог найти, и получил необходимые объяснения, насколько это было возможно, я некоторое время разговаривал с этим человеком. Говоря об их религии и идеях, он сказал: "Когда я говорю об этих вещах, я боюсь, я чувствую себя немного скарт" (напуганным).

Это прекрасно объясняет их позицию. Их вера непоколебима; они полны благоговения; они верят, что Олелбис сейчас там, в "Центральной Синеве", в своем чудесном Панти Хлут, самом прекрасном сооружении во вселенной, и оттуда видит все, что происходит. Этот небесный дом построен из живых дубов, которые постоянно приносят желуди, индийский хлеб жизни, - этот дом, внутри и вокруг которого растут все цветы, которые когда-либо цвели, цветы, корни которых никогда не умрут.

Винишуют, упомянутый в "Олелбисе" и других сказаниях, является одним из самых интересных персонажей мифологии винту. Его описывают как маленького человечка, размером примерно с большой палец, и человек, которого он сопровождает и помогает, всегда сажает его на макушку. Этот человек никогда не забывает повязать свои волосы поверх Винишута и таким

образом скрывает его от каждого незнакомца. Уинис означает “он видит”; буквальное значение слова "хуят" я до сих пор не смог удовлетворительно понять. Основное значение всего этого слова состоит в том, что он видит в уме приближающуюся опасность еще до того, как это становится очевидным для физического глаза. Таким образом, Винишуют означает предвидение опасности, то есть видение опасности, пока она находится на некотором расстоянии; не обязательно на расстоянии географическом, поскольку опасность может присутствовать, но скрыта в груди лицемерного врага, и между ней и действительным событием может пройти некоторое время, короткое или продолжительное.

Особенность этого случая в том, что предвидение отделено от героя и стало отличительным качеством его маленького помощника размером с большой палец, точно так же, как если бы каждая сила была связана с человеком, - ни у одного человека не было более одной замечательной черты характера.

В мифологии яна нет имени, соответствующего Винишуют, но ту же должность занимает дядя по материнской линии.

В сказке “Джуйвайю” Юпка, дядя героя, делает себя размером с большой палец и завязывает его под волосами своего племянника. При завоевании Пайовы в доме Туйны Игупатопа оказывает сыну своей сестры ту же услугу, что и Винишуют, с той разницей, что он более активен; он не просто советник, он помощник, укрепляющий; он дает советы, чтобы сделать своего племянника мудрее, а затем проникает в его сердце, чтобы укрепить его, сделать храбрым и сильным.

Любопытно и поучительно отметить, что в европейских народных сказках сохранились Винишуют и его приблизительный эквивалент, дядя Яна. В славянских сказках этот человек - облезлый, жалкий, заброшенный жеребенок, которого выводят за город, он встряхивается и превращается в чудесного волшебного скакуна, золотоволосого, неутомимого и мудрого, верного своему хозяину, как солнце своему пути по небу.

Этот скакун знает, что грядет, точно знает, что делать, знает ошибки, которые обязательно совершит его хозяин, знает, как их исправить; и совокупный эффект этих исправлений безмерно увеличивает импульс окончательного триумфа.

Мальчик-с-пальчик из детских сказок, наставник своих старших братьев, также поразительно напоминает о Винишуют.

МЭМ ЛОЙМИС

Этот прекрасный миф, в котором движущимися персонажами являются ветер и вода, почти не нуждается в объяснении, если вообще не нуждается, за исключением одного пункта, касающегося Хлахи, которого белые люди обычно называют доктором. Слово "Шаман", используемое в Сибири, точно описывает его положение. Он не является в точности повелителем духов, но он любимец и друг одного или нескольких духов; то есть таких духов, которые обещали ему свое сотрудничество в то время, когда он стал Хлахи. Если этот человек соблюдает правила жизни, которые всегда навязываются тому, кто пользуется дружбой того или иного духа (эти правила относятся в основном к пище, приятной духу), и делает то, что

необходимо, когда вызывается дух (необходимое, в данном случае, включает курение и танцы), вместе с пением песни этого духа (у каждого духа есть своя песня), дух придет на его зов.

Саныхас Юпчи курит и танцует; девушки-цуди поют или скандируют. Имя Саныхас Юпчи означает лучник Саныхаса; Саныхас означает дневной свет или весь дневной свет от рассвета до темноты, — другими словами, весь свет, который Sas солнце дает между одной ночью и другой, - хотя Саныхас, дневной свет, всегда представлен как личность, а не продукт деятельности Sas. Этот Саныхас Юпчи, лучник дневного света, вестник зари, не кто иной, как Цароки Сакал, у которого на спине белая полоса, гонец, посланный Торихасом пригласить Каткатчилу на охоту, из-за которой сгорел мир в “Олельбисе”. Он также появляется в роли посланника, который бежал в темноте по сверкающей песчаной тропе, чтобы пригласить Хоута в зелено-красный дом Вайды Дикит, где проходил всемирный концерт, на котором Хоут показал себя величайшим музыкантом из всех существующих.

В примечании к “Кол Тибичи” можно найти рассказ о том, как Хлахи получают помощь и сотрудничество духов.

Наиболее интересные верования связаны с Воквуком, сыном Олельбиса и Мем Лоймис. Винтус верят, что Воквук - величайший источник власти и богатства.

Согласно “Олелбису”, разные кусочки Воквука спустились на землю и были превращены в лосей и различных ценных существ; кончик мизинца Воквука стал земным Воквуком.

Винтус сказал мне, что если человек увидит земного Воквука, сделанного из кончика мизинца Воквука, он безмерно разбогатеет от удачи, которую принесет ему это зрелище. Последний раз воквук, которого видели, появился чуть более ста лет назад. История его появления такова:—

Однажды пожилая женщина из деревни под названием Царкен, примерно в двадцати милях к северу от Реддинга, отправилась за дровами. Вскоре она прибежала домой, почти запыхавшись, оставив свою корзинку.

“ О, внук мой, ” крикнула она вождю, “ я боюсь. Мои дедушка и бабушка часто говорили мне, когда я была девочкой: ‘Однажды ты увидишь нечто чудесное’. Я только что видела нечто чудесное на холме. Я думаю, это Воквук. Старые люди говорили мне, что если кто-то увидит Воквука, он надолго задержится на одном месте. Я думаю, этот Воквук останется и хочет, чтобы мы его увидели.

Вождь соорудил красивый навес из маленьких елочек, накрыл его еловыми ветками и положил в него сладко пахнущие травы; он послал за соседними вождями, и на следующий день все в лучшем своем наряде отправились к Воквуку, неся воду в самой лучшей корзине деревни и неся большую дубовую плиту и веревку. Они обнаружили, что Воквук смотрит на север, и подошли к нему. Вождь раскурил свою трубку, выпустил дым во все стороны и сказал воквуку:

“Вы пришли повидаться с нами; мы пришли поприветствовать вас. Вы пришли показать себя. Ты великий человек, и все винтус в стране услышат о тебе; все вожди в каждом месте будут говорить о тебе. Я рад, что ты здесь. Я рад, что вы приехали в мою страну”.

Он еще поговорил с воквуком; поговорил очень мило. Затем он набрал в рот воды и подул ею во все стороны. После этого вождь курил ароматный корень вместо табака, пуская дым в сторону Воквука и разговаривая с ним с большим уважением.

“Теперь мы заберем тебя к себе домой”, - сказал вождь. Они отнесли дубовую плиту к Воквуку; он не пошевелился. Они уложили его на плиту, привязали к ней одну ногу, затем отвезли домой, отнесли плиту в сарай и отвязали Воквука. Он оставался там два месяца, никогда ничего не ел, никогда не пытался сбежать.

Каждое утро они разговаривали с воквуком. В течение двух месяцев никто не ходил на охоту, никто не ел оленину или вяленую рыбу. Наконец, были приглашены все винтусы и все яны - великое собрание. Они приветствовали Воквука, каждый вождь обратился к нему; последним пришел вождь из Вини Мем по имени Топитот, ведущий черного медведя. Этот медведь шел прямо, как человек. На передних и задних лапах у него были повязки из игл дикобраза, а на голове - повязка из оленьей кожи, покрытая красными скальпами дятлов. Медведь низко поклонился Воквуку, и вождь обратился к нему. Когда другие вожди разговаривали с Воквуком в течение двух предыдущих месяцев, он никогда не поднимал головы и не подавал никаких признаков ответа; но когда Топитот закончил, он поднял голову и издал звук, который был громким и протяжным.

На следующее утро вождь деревни пожелал всем удачи, затем принес веревку, подвесил Воквука к дереву и лишил его жизни. Он ощипал его, раздал иглы вождям, включая себя самого, отрезал голову и оставил ее себе; тело он отнес в муравейник; когда муравьи обглодали все мясо, кости отделили друг от друга и раздали каждому вождю.

Когда вожди расходились по домам, они обращались к иглам и костям, как к молитве, сначала каждое утро, затем раз в неделю, затем раз в месяц, и продолжалось это долгое время. После этого каждый убрал свою кость или перо в тройную накидку. Кость или перо сначала заворачивали в чехол из сшитых вместе красных скальпов дятлов; снаружи это были две циновки из тростника.

Владелец кости воквука или пера не показывает их никому, даже своей жене или детям. Когда он умирает, он оставляет его сыну или, если у него нет сына, дочери. Обладание реликвиями Воквука приносит удачу, но владелец никогда не должен есть оленину или молочососов; это оскорбительно для Воквука.

Через пять лет после того, как иглы убрали, от них остались только стебли; еще через пять лет они были такими свежими, как будто их только что сорвали. Если бы иглы были выставлены напоказ перед людьми, все люди умерли бы; если бы перед одним человеком, этот человек погиб бы.

Владелец пера или кости время от времени разворачивает его, ставит рядом с ним воду и разговаривает с ним, говоря: “Дай нам удачу, сделай нас здоровыми. Я даю тебе воду, ты даешь нам силу”. Если он укажет на реликвию и упомянет имя человека, сказав: “Сделай так, чтобы он заболел”, этот человек наверняка умрет.

Если владелец реликвии Воквук умирает, не оставив наследников, кость или перо опускают в священный источник; если бы его похоронили вместе с владельцем, все заболели бы и умерли.

И перья, и кости стареют на вид, но позже они выглядят такими же свежими и совершенными, как всегда.

НОРВАН

Рядом с “Олелбис” стоит “Норван”, как по ценности, так и по интересу. Этот замечательный миф сильно напоминает сказку о Елене Троянской, как в общем плане, так и во многих деталях.

Великая война среди первых людей вызвана женщиной Норван. Норбис Кимила, который называет себя ее мужем, происходит от небесного белого дуба, который является частью Олелпанти Хлут, божественного особняка в “Центральной синеве”.

Полное имя Норван - Пом Норван эн Питчен, то есть дочь земли на южной границе. У нее есть другое имя: Хлук Тикимит, что означает танцующий дикобраз. Ее резиденцией, или хлут, был Норван Були, гора Норван. Янайское название этой горы - Вахканоп, что означает "сын Вахкалу". Вахкалу - это гора Шаста и холм Вахканопы Лассена.

У Норван, или Хлук Тикимит, танцующего дикобраза, есть еще третье имя - Бастепомас покте, женщина, дающая или производящая пищу. По своему качеству продюсера она занимает положение в мифологии винту, аналогичное положению божественного потомка земли и солнца в религиозной системе алгонкинов. Этот алгонкинский миф - один из самых красивых и значительных, но не среди мифов о творении, а среди мифов о действии. И здесь я позволю себе еще раз привлечь внимание к различию, которое я провожу между двумя классами мифов.

Мифы о сотворении мира всегда связаны с тем, что было сделано среди “первых людей в мире, которые предшествовали этому”, в то время как происходило сотворение мира, или, правильнее сказать, возможно, во время тех трансформаций, в результате которых возник нынешний мир и содержащийся в нем порядок вещей.

Мифы о действии относятся к постоянно повторяющимся процессам в природе, которые начались, как только солнце определило свой путь и физический мир вокруг нас приобрел свою нынешнюю форму; это произошло до того, как все “первые люди” подверглись метаморфозам. Подавляющее большинство получило физические тела, которые у них есть в настоящее время, но немногие остались, и они оставались в разных местах, пока не увидели или не услышали о новой расе, индейцах. Мифы о действии, таким образом, связаны с различными процессами в природе, которые никогда не прекращаются. Для нас наиболее важными являются те, которые связаны с отношениями между солнцем и землей.

Великий алгонкинский миф о солнце и земле, имеющий множество вариантов и огромное количество деталей, описывает эти отношения глубже и шире, чем любой другой индийский миф, посвященный той же теме.

Алгонкинский миф в его наиболее расширенной форме описывает земную деву как становящуюся матерью благодаря тому, что на нее смотрит солнце. Она рождает дочь, которую называют Вакос икве, женщина-лиса; эта дочь становится матерью великого героя, высочайшего благодетеля аборигенов Америки. Он - податель пищи и всякого доброго дара, с помощью которого поддерживается жизнь.

У этого мифа есть более короткая версия, в которой герой рожден непосредственно землей; он ее сын, а не внук.

Этот благодетель и податель пищи - не что иное, как теплый воздух, который мы видим танцующим и трепещущим над землей в хорошую погоду. Этот теплый воздух, исходящий от солнца и земли, поддерживает все, что имеет растительное или животное происхождение.

Этот миф в его более расширенной форме, тот, о котором я упомянул первым, похож на тот, который Скулкрафт собрал по кусочкам и который Лонгфелло взял за основу своей прекрасной поэмы "Гайавата", хотя и не идентичен ей.

Скулкрафт, с его удивительной склонностью совершать ошибки, с его замечательным умением упускать истину и путать все, с чем он соприкасался, дал название Гайавата своему лоскутному одеялу.

Гайавата - ирокезское имя, связанное с центром Нью-Йорка. Ирокезы были смертельными врагами алгонкинов, и вражда между этими двумя племенами была самой закоренелой и далеко идущей из всех в Америке. Фактически, это была единственная племенная ненависть индейцев, которая приобрела историческое значение, и именно благодаря приверженности ирокезов, "Пяти наций" Нью-Йорка, было установлено английское владычество в Северной Америке.

Американские силы алгонкинов были на стороне Франции, но ирокезы удерживали все водные коммуникации между озером Эри и Онтарио, что было величайшей стратегической позицией на континенте в тот период. Они разрезали алгонкинов надвое и помешали Франции получить их безраздельную помощь.

Если бы вся алгонкинская мощь помогла французам, у них были бы большие шансы на победу. Если бы ирокезы были друзьями алгонкинов и действовали заодно с ними, в триумфе Франции на этом этапе можно было бы не сомневаться. Но алгонкины и ирокезы были смертельными врагами; алгонкины были дружелюбны к французам, ирокезы - к англичанам.

Несмотря на все это, Скулкрафт делает Гайавату, который по своей природе ирокез, ведущим персонажем в своем конгломерате алгонкинов; Гайавата является ирокезским персонажем из Центрального Нью-Йорка (он более конкретно связан с регионом около Скенектади), в то время как действия, с которыми Скулкрафт связывает его, относятся к алгонкинам Чиппева возле озера Верхнее.

Это похоже на то, как если бы европейцы некоего будущего века представили им великое эпическое повествование о героических приключениях Франции, в котором принц Бисмарк предстал бы как главная галльская фигура во славу и триумф Франции. Ошибка и абсурд были бы, как говорят немцы, *колоссальны*, но не больше и не возвышеннее, чем в "Гайавате" Скулкрафта. Лонгфелло, конечно, не мог освободиться от ошибки, содержащейся в его материале; но ошибка, которая была не его собственной и которую у него не было средств исправить в то время, не помешала ему придать своей работе то особое очарование, которое неотделимо от всего, что он делал.

В оригинальном алгонкинском мифе герой, к которому был приспособлен Гайавата, был ребенком солнца и земли. Какими бы ни были его имена в многочисленных версиях, встречающихся на двадцати восьми языках этого богатейшего и наиболее разнообразного индейского племени Северной Америки, он всегда остается щедрым благодетелем человека, самой доброй из всех божественных сил, которые когда-либо появлялись на земле. На самом

деле Он всегда является тем теплым светом, который танцует и трепещет перед нами в хорошую погоду и благодаря которому каждый человек, зверь, рептилия, насекомое, рыба, птица и растение живут и процветают.

Этот миф получил на Тихоокеанском побережье, или, точнее, в некоторых его частях, иную трактовку, чем к востоку от Скалистых гор. Там благодетель - женщина, дочь земли. Ничего не говорится о том, кем был ее отец. Знаменательно, что она танцует весь день, что ее называют трепещущим дикобразом и женщиной, производящей еду.

В индийских мифах от Нью-Йорка до Калифорнии дикобраз всегда связан со светом; в некоторых случаях это само солнце. В "Тулчухеррисе" этого тома Сас (солнце) носит колчан из дикобраза, и ему советуют никогда не откладывать его в сторону, поскольку, пока он носит его на плече, он в безопасности от своих детей гризли (облаков), которые хотят его убить.

В Калифорнии Норван, дочь земли, отчасти занимает место алгонкинского героя, дитя солнца и земли. Ее обычная жизнь сводится к ведению домашнего хозяйства; у нее в доме большие запасы еды, и она продолжает танцевать каждый день до вечера. Великое и характерное событие в ее жизни, ее уход с танца со своим партнером, имеет тот же размах и значение, что и последнее путешествие Гайаваты, когда он отплывает на запад и исчезает в областях заката. Герой алгонкинского мифа должен уйти, он не может остаться; он должен исчезнуть в красноватом сиянии вечера, потому что он - теплый танцующий воздух дневного света. Он должен уйти, хочет он того или нет. Однако перед уходом он подбадривает всех, кого оставляет позади, говоря им, что с востока придет другой, чтобы занять его место и утешить их. На следующее утро, конечно, приходит утешитель, ибо жизненный путь алгонкинского героя вписан в рамки одного дня, и преемник обязательно придет так же верно, как и он сам.

Норван танцует, а затем уходит со своим партнером, к отчаянной досаде Норбиса Кимилы, ее будущего мужа, который желает, чтобы она принадлежала исключительно ему. Она танцует, как она говорит, не осознавая этого, и уходит бессознательно. Она танцует с этим партнером, потому что ничего не может с этим поделать, и незаметно уходит в себя.

Кто соперники за ее персону?

Норбис означает "живущий на юге"; он живет на юго-востоке, в стране наибольшей продуктивности, в районе Хлихли Пью Хлуттон, самого красивого из домов на земле, уступающего только божественному особняку в "Центральной Синеве". Он произошел от одного из белых дубов в небесном доме.

Человек, который впоследствии превратился в красную птицу вью (Теде Вью), является его соперником, человеком, с которым Норван покинул танец, вызвав таким образом первую войну в мире. Был ли этот человек вечерним рыжим, который впоследствии стал Теде Вью? Если мы признаем, что он был таким, и если мы готовы признать Норбиса представителем всех народов, живущих к востоку от запада, мы сразу имеем дело с двумя сторонами непримиримого соперничества в самом жизненном вопросе - обладании теплым солнечным светом, и этот самый жизненный вопрос воплощен в личности женщины. Это стало причиной первой в мире войны и междоусобицы. История, по существу аналогичная этой, была, как мы можем думать, конечной основой "Илиады". Мифическое происхождение конкретной истории, на основе которой Гомер создал свой эпос, было забыто, это можно признать, но нет никаких сомнений в том, что в деревенской Греции люди могли найти похожую историю, которая, вне всякого

сомнения, была мифологической; и Елена из этой истории или ее эквивалент была личностью, подобной Норван. Материалов, имеющих в нашем распоряжении даже сейчас, у нас достаточно, чтобы указать на это, ибо разве Елена не была дочерью Леды и божественного лебедя, человеком, за которого нужно было бороться со всей доступной в то время энергии в мире, и за которого нужно было сражаться в войне, которая превзошла по важности все, что когда-либо было после нее?

Елена Троянская, дочь Леды и Зевса, всеохватывающих небес, со всем их светом; Норван, дочь земли, где она проживает в Лассенс-Батте, Калифорния; и алгонкинский герой, чье место занимает Гайавата, - все это разные представители одной и той же личности, разные выражения одного и того же явления; и этим человеком или феноменом является теплый воздух, который танцует над землей в хорошую погоду. Этот воздух, в одном случае, отмеченном здесь, воспринимается как величайший благодетель человека, то существо, которое дарит всем самые отборные и необходимые дары, а в двух других случаях - как бесценное сокровище в виде женщины, за которую нужно бороться со всей доблестью, какую только можно призвать, и таким образом, который в случае с Еленой вдохновил самый благородный эпос, известный миру на сегодняшний день.

Эти три случая ясно демонстрируют методы мифологии и доказывают абсолютную необходимость знания того, что мы должны иметь дело (пользуясь математическим языком) с константами и переменными, взятыми вместе, — при этом четко зная, какие из них являются постоянными, — а не только с переменными, предполагая, что они являются постоянными, или с константами и переменными, смешанными вместе, без возможности различить, которые принадлежат к одному классу, а которые к другому. Если бы какой-нибудь писатель имел дело со способностью к хватанию у одушевленных существ и описал, как она осуществляется, он обнаружил бы разнообразие органов, используемых для хватания предметов, что очень хорошо отражало бы разнообразие методов, используемых первобытным человеком в мифологии для представления одного и того же явления или силы в природе.

Если рассматривать человека как стоящего на задних лапах, то его передние ступни (кисти) являются хватательными инструментами. У слона нос цепкий; у некоторых обезьян хвост выполняет эту функцию, по крайней мере частично. У тигров и львов, собак и кошек рот и зубы являются хватательными инструментами огромной силы и точности. У медведя передние лапы - это почти руки. Две ступни с когтями, которые соответствуют задним лапам у четвероногих, являются хватательными устройствами у хищных птиц, рабочими инструментами у домашней птицы и оружием у некоторых других птиц, как, например, у страуса.

Возьмем другой случай - зубы, одна из функций которых заключается в измельчении пищи до мельчайших частиц; у всех млекопитающих они служат этой цели, а во многих случаях и другим. У птиц нет зубов, но у них есть заменитель в желудке, который они заполняют гравием и другими твердыми частицами; и этот второй желудок, сокращаясь, измельчает в кашу зерно и другую пищу, уже размягченную в зерне или первом желудке. У удава нет зубов и второго желудка; он жует, раздавливая своим телом и деревом зверя, которого ему предстоит проглотить. Жевательная пасть удава состоит из одной челюсти дерева, другой - из его собственного тела; между этими двумя челюстями он превращает в мягкую массу тушу проглатываемого существа.

Рассматривая различных персонажей мифологии, важно прежде всего выяснить, кто они такие, а затем - что они делают. Должность, занимаемая определенным персонажем в группе мифов, принадлежащих к данной расе или племени, может быть занята персонажем совершенно другого типа в аналогичном наборе мифов другого племени. Иногда это является результатом различных географических и климатических условий, а иногда - другого взгляда на явление или процесс природы. В отношении к одному предмету у разных племен существует такое же разнообразие, как в отношении хватательных органов и их использовании у хватательных существ, или насколько различаются способы измельчения пищи у четвероногих, птиц и удавов.

ТУЛЧУХЕРРИС

Тулчухеррис напоминает некоторые европейские сказки больше, чем любые другие в этом сборнике. Помимо других достоинств, ценность такого рассказа в сравнительной мифологии очевидна.

Старуха Номхавена теперь превратилась в дождевого червя; индийский сказитель говорит, что на этот счет нет никаких сомнений. Пом Покайла, ее второе имя (Пом, земля; Покайла, старуха) допускает два перевода: "старая женщина земли" или "старая женщина Земли". В первом случае это относилось бы к Номхавене, которая всегда копает землю, является земной женщиной; во втором - это означало бы саму землю. Земля, по сути, мать Тулчухерриса. Номхавена - его бабушка, по крайней мере, в номинальном смысле. Во многих странах мира бабушка - это титул акушерки; и должность акушерки при рождении Тулчухерриса исполняла Номхавена.

Мы можем представить себе сцены и обстоятельства рождения Тулчухерриса. Рут-Флэт - одно из тех ровных мест, где бесчисленные кучки мелкой почвы поднимаются на поверхность трудом дождевых червей. Над этой долиной, как и над многими другими на тихоокеанском побережье, после восхода солнца стелется туман - туман, который поднимается из земли, вырытой во всех направлениях людьми Номхавены. В этом тумане находится Тулчухеррис, могущественный сын земли; другими словами, молния, электричество, тот сын земли, который так быстро достигает зрелости.

Кулитек Херит, брат Тулчухерриса, по которому Номхавена так глубоко скорбела, теперь превратился в белое перо, которое иногда появляется в черном хвосте черного грифа. Комос Кулит - имя этого грифа в племени винту. У винтусов было три больших пера, превращения трех великих личностей среди первых людей. Первое из них - это только что упомянутое белое перо, которое является метаморфизованным кулитеком; второе - самое длинное черное хвостовое перо черного грифа, который является современной формой Хамама Херита, сражавшегося в норванской борьбе; третье - самое длинное маховое перо того же грифа. Это перо - метаморфозированный Тубалус Херит.

Первые два пера используются в торжественных случаях на войне; третье перо - только врачами или Хлахи.

В индийской мифологии существует тонкая, но тесная и прочная связь между подсолнухом и солнцем, которая поразительно проиллюстрирована в этой истории. Старая женщина с помощью своего магического искусства сжигает огромные кучи больших деревьев за две-три

минуты, в то время как горсть корней подсолнечника ей не под силу, и она поддерживает огонь в течение многих лет. Эта иллюстрация индийцев в материальном мире напоминает тихий голос в духовном мире евреев. Корень подсолнуха в этой сказке о Тулчухеррисе непобедим из-за своей связи с солнцем, единственным источником света и тепла; тихий голос считается всемогущим из-за своей связи со всей нравственной жизнью и светом, которые существуют во вселенной.

Два обсидиановых ножа в доме Саса - интересное напоминание о дамокловом мече.

В случае с Тихелисом, ныне сусликом, и Хоут, нынешней миногой, у нас есть случаи личных столкновений, приводящих к трансформации. В мифологии винту это исключительный случай, и в данном случае односторонний, поскольку побежденные не предпринимают попыток преобразовать Тулчухерриса.

СЕДИТ И ДВА БРАТА ГУС

Седит выступал за смерть для мужчин и приводит свои доводы. Нельзя сказать, что он принес смерть в мир, но он остановил работу, которая могла бы предотвратить ее.

Его беседа с братьями Гус любопытна; она представляет бессмертие и доброту такого слабого и ограниченного существа, как человек, бесплодными и монотонными. Небезынтересно сравнить этот разговор с рассказом об Адаме и Еве до и после Грехопадения.

Критичный, неверующий, непослушный Седит, который так хочет сделать жизнь в мире разнообразной и интересной через смерть, пока этот вопрос стоит отдельно от его собственного бессмертия, и его великая озабоченность и тревожность, когда он думает, что сам должен умереть, получают хорошее облегчение.

Серьезные и честные братья Хус резко контрастируют с насмешливым Седитом. Персонаж Хус является возвышенным в мифологии винту. Это может показаться странным новичку, изучающему индийские идеи, когда он вспомнит, каким мерзким существом является канюк-индюк.

Канюк считается очистителем на земле, и, несомненно, в таких регионах, как Центральная Америка, услуга, оказываемая птицей в этом отношении, незабываема. Канюк повсюду является самой частой и яркой фигурой в Гватемале и Южной Мексике, как в городе, так и в сельской местности. В Калифорнии за убийство канюка полагается штраф в размере пяти долларов.

Первоначальный персонаж Гуса задуман винтус как стремящийся к религиозному очищению так же усердно, как земной канюк работает над очисткой земли от различных видов падали.

Следующие замечания сопровождали этот рассказ при публикации в "The Sun":—

Эта история о Седите и братьях Хус представляет собой великолепный фрагмент философии коренных американцев и затрагивает темы, которые волновали умы многих, помимо жителей первобытной Америки. Тема жизни и смерти рассматривается здесь так просто и в то же время так хорошо, что, я думаю, мало кто из читателей попросит объяснений или комментариев.

Однако, я думаю, некоторые утверждения, касающиеся Седита, уместны. Койот занимает видное место в мифологии каждого региона, где он водится. Основа его характера одна и та же

во всех мифах, которые я собрал. Он огромный обжора, хвастливый, разговорчивый, хитрый, исключительно расположен к другому полу, полон любопытства, лжец, обманщик, обманывает самым искусным образом и временами обманывается сам. Он часто попадает в беду из-за своих страстей и особых качеств. Он искусный плут, у которого есть общие черты с дьяволом европейского фольклора, будучи во многих случаях американским аналогом этого любопытного персонажа.

Из племен Северного побережья Тихого Океана в Соединенных Штатах модоки больше всего внимания уделяли койоту. Среди них главный койот - величайший обманщик, завладевший неразрушимым солнечным диском, благодаря которому он бессмертен или, по крайней мере, обновляется каждый день, чтобы нести это светило. Из-за своего тщеславия и хвастовства койот предпринимает различные предприятия, в которых терпит неудачу из-за своих страстей.

Священные источники и небольшие озера в горах занимают очень важное место в религии модоков. Молодой человек, который надеется стать магом или врачом, отправляется к этим горным источникам до того, как женится или познает женщину. Там он постится и бодрствует неделю или дольше, пока почти не выбьется из сил. Если ему суждено стать магом или врачом, в этот промежуток времени ему являются духи. Койот отправился в эти горы (во времена, конечно, задолго до появления людей на земле), надеясь обрести великую магическую силу, но по дороге он ел различную пищу, ненавистную духам источников. Этим духам был противен запах пищи, исходивший от него, они поразили его чесоткой, прогнали прочь, сделали его голодным, мерзким и несчастным навсегда. Он убежал, воя и причитая, без надежды на помилование. От этого койота произошла особенно плохая порода койотов в Орегоне. Все они грязные и голодные по сей день. Темными ветреными ночами слышно, как шелудивые потомки этого обжоры оплакивают вину своего предка, свое собственное падшее состояние и утраченное счастье.

У индейцев Шаста есть длинная история о койоте, чья любящая бабушка пыталась сделать из него великого колдуна. Когда пришло время, она отправила его на священную гору и дала все необходимые наставления. Он не должен был останавливаться, есть или пить в дороге или разговаривать с кем-либо. Пройдя примерно две трети расстояния, он оказался возле дома; внутри раздавался громкий стук молотка; женщина-лягушка лущила семечки и пела; ее дом был полон еды; койот уловил исходящий от нее запах, остановился, не смог устоять перед искушением зайти внутрь. Он вошел, съел и выпил все, что перед ним поставили. В индийской мифологии женщины-лягушки не весталки; поэтому нарушение поста и обжорство были не единственными его проступками. Он пал без искупления. Покинув дом женщины-лягушки, он пережил серию неприятных приключений, в конце которых не осталось ничего, кроме его головы, которая лежала в луже у дороги и была такой же живой, как всегда.

Две сестры, впоследствии утки, шедшие той дорогой, нашли несчастную и пожалели ее. Нести его было нелегко, но младший пообещал сделать это, если он закроет глаза и не откроет их до тех пор, пока она не поставит его на порог бабушкиного дома. Это условие было сделано для того, чтобы он не видел, как она несла его. На полпути домой любопытство взяло верх. Хотя у него была всего лишь голова, он открыл глаза и упал на землю.

Женщина-утка снова сжалилась и отвела его к бабушке. Громкими были ее рыдания при виде своего потерянного и разоренного внука.

Седит попала в беду из-за особенностей характера.

ХАВТ

Этот миф о Хоуте очень любопытен и утончен; это одна из самых хорошо рассказанных историй, которые я где-либо нашел. В этом есть размах и, в то же время, совершенно твердая хватка со стороны Вайды Дикит, мастера сборки, которые производят грандиозный эффект.

Хотя история длинная, я думаю, она не нуждается в пояснениях сверх того, что указано во введении и в предыдущих примечаниях, за исключением некоторых замечаний, касающихся характера Хоута.

Хоут, великий музыкант, отождествляется с водой; он, так сказать, дух воды, ставший видимым.

В этом мифе демонстрируются только музыкальные способности Хоута; но в Яна Тирукале, что означает то же самое, что и Хоут (минога), мы видим активную сторону того же персонажа, мы видим его как работника. Хоут действительно оригинален — живая флейта, играющая на собственном теле, как на инструменте; вдыхает воздух и выпускает его через отверстия в боках.

У нынешней миноги на боках есть следы, так сказать, отверстий.

НОРВАНЧАКУС И КЕРИХА

В этой сказке есть действия и ряд персонажей, которых трудно идентифицировать, потому что их имена - всего лишь эпитеты. Элтулума означает “он всплывает”, но кто именно всплывает, мы не знаем. Кериха, по-видимому, связан с утками из-за того факта, что он носил утиную шкурку всю свою жизнь на земле, и, когда он сбросил эту шкурку, из нее произошли все утки.

Норванчакус означает южный конец того посоха или палки, к которому была прикреплена сеть, с помощью которой эти два брата тащили Пуи Мем и Богему Мем, и назвал каждое место по предмету, попавшему в сеть перед ним.

Нодал Моноко (маленький человечек, который съел так много лосося и осетрины и унес их с собой в сумке) означает “сладкий” на юге. У него есть другое имя, Нодал Вехлинмук, что означает “соль юга”. Сначала он враждебно относится к медведям гризли, но позже вступает с ними в интимные отношения и женится на одном из них. Его поступки явно указывают на электричество или молнию. Его сумкой, в которую можно было спрятать весь мир, вполне мог быть мешок с облаками.

Норвинтэ означает “замеченный на юге”; но, опять же, мы ничего не знаем о человеке, которого видели. Пони Норванен Питчен, полное имя Норван, также является эпитетом, означающим “дочь земли на южной границе”, и не передавало бы никакой информации, если бы оно стояло отдельно; но поскольку Норван, в дополнение ко многим другим деталям, также является танцующим дикобразом и женщиной, производящей пищу, мы знаем, кто она.

Наиболее интересно существование Пуривы и Санихаса (тьмы и дневного света) до того, как в мире появилось солнце. Это одно из многих доказательств того, что каждое явление считалось независимым. Дневной Свет - персонаж, совершенно отличный от солнца, он просто тот старый Сас, который сражался с Тулчухеррисом и который каждый день путешествует по небу с востока

на запад в полном одиночестве. Он несет тот пылающий факел, который мы видим, когда он движется понебу; но дневной свет - это отдельный персонаж. Аналогичные соображения применимы и к Пуриве, тьме или ночи, которая также является отдельной и независимой сущностью.

Борьба между Керихой и Хубитом очень привлекательна для Винтусов; они от души смеются над ее рассказом.

КЕЛЕ И СЕДИТ

Старый Келе, горный волк, очевидно, один из первых людей, ниспосланных Олелбисом с неба; не частично, а лично. Его сыновья и дочери были не его детьми, а его творением; он сделал их из палочек, точно так же, как Джупка делал яны в Джигульмату.

В примечании к “Кол Тибици” приводится рассказ Винту о характере и действиях сыновей и дочерей Келе. Это очень интересный и ценный отчет; он прекрасно объясняет идею с оборотнем. Человек-волк Северной Европы, *ликантропос* греков, должно быть, был именно таким человеком, как сыновья и дочери Келе, которые, по-видимому, были людьми, когда отправились причинять вред индейцам, но превратились в волков, когда их обнаружили и осудили. Дома, в своей огромной парилке, эти люди - волки; но когда они отправляются в свои путешествия вверх и вниз по миру, они в точности похожи на Винтуса, за исключением разве что волосатой лапы.

КОЛ ТИБИЧИ

В связи с этим рассказом я добавляю следующие замечания об одном из двух способов создания врачей и об определенных духах. Эти замечания приведены, насколько это возможно, в форме оригинального повествования о Винту.

Кроме того, я добавил песни четырех великих существ, или богов. У каждого отдельного существа в индийской мифологии есть своя песня. Эта песня относится к тому, что наиболее примечательно в действиях или характере этого существа. Данная песня поется врачом сразу после того, как в него вселился дух этого существа.

Япайту Кола Тибици (япайту - другое название одного из первых людей), радуга, не покидала его до тех пор, пока он не надел женский красный фартук в качестве повязки на голову, потому что радуга связана с менструальными периодами Санихаса (дневного света).

Япайту докос (ракета япайту), упомянутая далее, является проекцией самого духа япайту. Иногда оно ускользает от пациента; долг врача в таком случае - найти докоса. Если он этого не сделает, болезнь может вернуться к больному после ухода врача; и в этом случае последнее состояние пациента хуже первого. Однако, как правило, он ждет, чтобы его изгнали.

СТАНОВЛЕНИЕ ВРАЧЕЙ СРЕДИ ВИНТУСОВ

Вождь всегда помогает в этой церемонии, потому что врачом можно стать только в парилке. Два вождя могут посоветоваться и согласиться со старыми врачами в этом вопросе, или один вождь может сделать это, если ему это удобно. Если врачи начинают, они должны посоветоваться с

вождем, потому что ему принадлежит парилка. Врачи и вождь или вожди договариваются о времени, а затем объявляют новость о том, что в определенную ночь они собираются создать врачей. Молодые люди, желающие стать врачами, ходят в парилку; большинство стариков остаются дома.

Мужчины топят парилку, плотно закрывают ее и садятся. Пот льется с них дождем. Когда они достаточно вспотеют, все идут к реке и купаются. После этого люди, мужчины и женщины, заходят в парилку. Один или два врача начинают петь. Молодые неженатые мужчины или женщины, являющиеся кандидатами, представляют себя. Врачи высасывают из них все, что в них есть плохого, все нечистое. Они высасывают лоб, грудь, спину, руки. Временами они высасывают кровь; временами выходит что-то острое, похожее на тонкую кость. Они высасывают все, что является злом. Когда они заканчивают сосать, доктор снова поет и вкладывает по желтому перышку молоточка в каждое ухо кандидата. Перо может вонзиться внутрь и исчезнуть из поля зрения, или врач надевает его человеку на голову, и перо может пройти сквозь его череп. Теперь люди танцуют, и особенно кандидаты на звание доктора. Вождь выходит, становится на крыше дома и зовет всех япайту, живущих в скалах, в воде, в Олелпанти, на деревьях, в источниках для купания, прийти. “Мы собираемся сделать врачей, - говорит вождь. - вы должны прийти и помочь моему народу”.

После этого входит шеф, и они закрывают каждое отверстие, каждую щель в парилке; закрывают их все надежно. Внутри нет ни огня, ни света. Когда они начинают беседовать в парилке, один врач призывает прийти всех духов япайту на востоке, западе, севере и юге. Довольно скоро на крыше дома можно услышать духов; духи издают свистящий звук, когда они появляются. В этот момент мужчина или женщина падают, и все знают, что дух вселился в голову этого человека.

Теперь доктор кричит: “Еще один, еще один!”

Через мгновение можно услышать еще один свист, когда дух касается крыши дома и входит внутрь. Падает еще один мужчина или женщина; дух вошел в того. Люди, в которых вселились духи, ничего не знают. Они становятся как бы сумасшедшими, как будто они потеряли рассудок. Они пытаются подняться на крышу дома. Кто-то пытается взобраться на центральный столб; кто-то хочет покинуть парилку; возможно, они ничего не знают в течение получаса.

Один врач продолжает вызывать духов, и они приходят по одному. За одну ночь может быть создано много врачей, или несколько, или ни одного. В парилке всегда много людей, к которым духи не приходят. Духи никогда не входят в людей, если они им не нравятся. Дух смотрит прямо сквозь человека и сразу узнает его.

Люди танцуют всю ночь. В парилке нет света; в помещении очень жарко, хотя там и нет огня. На следующий день те, к кому приходили духи, рассказывают врачам и вождю, какие духи с ними. В противном случае вождь может дать им пищу, оскорбительную для духов, и духи убьют их, если они съедят. Некоторые духи могут оставаться с человеком два или три дня, и тогда он все время будет сидеть внутри. Старые врачи должны были спросить этого духа, чего он желает, и заставить его уйти на время, чтобы одержимый мог что-нибудь съесть. У каждого духа есть свой вид пищи. Если мы дадим человеку то, чего дух никогда не ел, это убьет его сразу же, как только он съест. Старые врачи спрашивали его дух, чего он хочет, и он рассказывал. Дух лосося, например, любит листья или воду; любитель гор съел бы орехи горной сосны, но любителю

долины нужны орехи с сосны диггер. Если духу положить незнакомую пищу, он боится; и если одержимый съест эту пищу, дух убьет его. Некоторым духам не нравится оленья кожа, и мужчина, к которому они пришли, не должен ее носить.

Злых духов много; молокосос - один из них, как и Келе (горный волк). Этот волк опасен; он может причинить вам боль таким образом: вы можете подумать, что видите красивого мужчину или женщину на горе или в лесу. Если вы идете навстречу этому человеку или этот человек подходит к вам, приближается к вам, заговаривает с вами, и вы соглашаетесь с этим, следующее, что вы осознаете, - это то, что этот незнакомый мужчина или женщина превращается в волка, убегает, и ваш разум исчезает; волк забрал его. Присоска делает то же самое, но исчезает у вас на глазах или превращается во что-то уродливое.

Есть три причины болезни. Первый - это когда добрый дух япайту сердится на человека и поражает его своим духовным острием; второй - когда злой дух пускает в человека свой снаряд и делает его больным (дух в данном случае делает это по собственному желанию); третий - когда злой дух посылает свой снаряд в человека по просьбе или молитве врача.

Когда докос, или снаряд, посланный в человека, извлекается духом, который помогает лечащему врачу, врач заставляет докоса сказать, какой япайту послал его и по молитве какого врача. Но докос не всегда говорит правду и иногда обвиняет не того человека. Поэтому очень трудно с уверенностью сказать, какой врач виновен в том, что человек заболел. Врач, если в нем есть дух, когда он приходит навестить больного человека, способен заглянуть прямо сквозь тело пациента и увидеть, где лежит докос. Иногда он не в состоянии вытащить его; он может видеть, где находится докос, вот и все; но если бы его дух был сильнее того, кто поместил его туда, он мог бы вытащить его и вылечить пациента.

Однако существует опасность вытягивания очень мощного докоса путем сосания, поскольку, когда он выходит из тела больного, дух, владеющий им, может направить его через рот врача в его тело, и таким образом врач будет убит.

У врача может быть двадцать или тридцать духов, но он редко призывает больше двух или трех, и редко бывает, чтобы какое-то большое количество подходило для совместной работы в данном случае.

Кабинет врача очень опасен, особенно если врач влиятельный. Если у него много духов, которые помогают ему, каждый должен быть доволен по-своему; у каждого своя пища, он предпочитает определенные виды и не любит другие. Врач не должен есть пищу, ненавистную его духам: если он это сделает, он может быть убит. Следовательно, человек, у которого есть двадцать или тридцать духов, сильно ограничен в своем образе жизни.

Некоторые духи не любят оленину, другие не едят рыбу; врач, который командует этими духами, не должен есть ни оленину, ни рыбу, и то же самое с другими видами пищи в случае других духов.

Человек, который стремится стать врачом, не может выбирать свои духи; они приходят к нему; он не может отказаться от их приема и должен жить так, чтобы доставлять им удовольствие.

Каждый докос может быть извлечен из тела больного человека с помощью духа, более сильного, чем тот, кто его вложил.

Среди других духов, у врачей есть дух солнца, духи звезд и облаков, которые помогают им. Это добрые духи. Дух Седит не может сильно помочь врачам. Они иногда называют это, но это мало что дает; у него нет силы. Суку (собака) очень могущественна и плоха. Если Суку хочет убить человека, он делает это быстро. Врач, у которого на службе дух Суку, великолепен. Если человек заболел от Суку, его будет постоянно рвать кровью или идти кровь из ноздрей. Дух Суку хорош для того, чтобы посылать его убивать людей. Чир (рыба-присоска) тоже злой дух. Когда Чир хочет убить человека, у него сразу кружится голова и он сходит с ума. Он теряет сознание и умирает, если только какой-нибудь врач не вылечит его, а обычно врачи ничего не могут сделать против Чира. Болезнь Чира - худшее, что приносят духи. Это называется чирунтови, болезнь от сосунка. Человек, у которого она есть, умирает; он не может сказать, что его беспокоит; у него кружится голова и он теряет сознание. Никто не может вылечить его, разве что по большой удаче. То, что попробовал какой-нибудь врач, может спасти его — просто случайно, просто потому, что так уж получилось. Келе тоже злой дух. У него есть песня, та самая, которую две его дочери пели на вершине горы (см. сказку “Келе и Седит”), и которую Седит услышала далеко на западе. Это ядовитая песня, и она привлекает людей. Келе сейчас, предположим, здесь, в Коттонвуде или в Техаме, и видит человека в Ирике. Келе поет, и песня тянется к человеку, как струна. Она притягивает его и притягивает; он притягивается, как вода, когда ее качают. Человек должен следовать песне; он должен это делать, он ничего не может с собой поделать, он болен; его болезнь называется lubeluntowi (болезнь от любелиса). Человек будет продолжать идти, идти и идти; он не будет знать, что заставляет его идти. Предположим, я слушаю песню Келе. Я иду, и именно песня привлекает меня. Я слышу это, но больше никто не слышит. Духи девочек Келе привлекли Седита к ним; он ничего не мог с собой поделать, он не мог остановиться; он должен был уйти, и он больше никогда не возвращался домой; он должен был остаться у Келе. Духи Чир и Келе всегда сводят людей с ума.

Многие женщины винту теряют рассудок и погибают от рук сыновей Келе. Многие мужчины винту погибли из-за дочерей Келе. Предположим, я нахожусь здесь, в лесу, и вижу идущую женщину, милую женщину. Она останавливается и разговаривает; я разговариваю с ней. Если у меня есть здравый смысл, я смотрю на ее пальцы ног, чтобы понять, одна ли она из тех женщин-келе. Если да, то у нее есть пучок волос на кончике ноги, и если я это увижу, я тут же скажу: “Ты Келе!” При этих словах она оставит меня и убежит. Когда до нее останется десять футов, она превратится в горного волка, и я увижу, что Келе очень быстро убегает.

Предположим, какая-то женщина находится в лесу. Она думает о каком-то мужчине, который ей нравится, и сразу же видит того самого мужчину, о котором думает. Он идет ей навстречу. Он подходит и спрашивает: “Куда ты идешь?” Женщина рада его видеть. Она рассказывает. Он несет ее на гору, и никогда больше эту женщину не увидят ни ее друзья, ни другие люди. Это был один из сыновей Келе, принявший облик мужчины, о котором она думала, чтобы выманить ее и уничтожить. Если у женщины есть здравый смысл, она посмотрит вниз, на ногу незнакомца, увидит пучок волос и скажет: “Ты Келе, уходи”. Он тут же превращается в волка и убегает в гору. В старые времена все винтусы ходили босиком, и этот пучок можно было увидеть, если у человека хватило ума поискать его. Поскольку сейчас все носят обувь или мокасины, найти их может быть нелегко. Но по сей день Келес вводят людей в заблуждение. Все винтусы знают их и боятся.

Они живут на Венемпуйдале, высокой горе недалеко от левого берега Малого Сакраменто. Декипуйвакуат, небольшой ручей, стекает с горы Келе и впадает в Сакраменто. Белые люди

называют его Хейзел-Крик. Келы живут в верховьях этого ручья. Вся гора - их парилка. Они сейчас наверху, там, и почти каждую ночь вы можете услышать их вой на горе, когда злые братья возвращаются домой.

Следующие четыре песни spirit взяты из моей коллекции Wintu. Две я привожу в оригинале с дословным переводом; две другие - только в переводе. Песня молнии, отсылающая к связи между молнией и присоской, у которой есть один из самых грозных духов, позволяет нам догадаться, почему Винтус так боится присоски. В песне об Олельбисе великий наверху - повелитель облаков, как в классической мифологии. Загар описан в "Олельбисе". В песне Хау небесный Хау описывается путешествующим по Млечному Пути. Это комментарий Винту к тексту. Я думаю, многие читатели согласятся, что четвертая песня "Полярной звезды" написана в поистине огромном масштабе. Песня о молнии удивительно похожа на отрывок из санскритской "Ригведы".

ПЕСНИ ДУХОВ

1. Уолокин цави, Песня Молнии.

Моим тором был верил чирчакум саиа
Дуном веремом винвар дун богемум.
Я несущ факел-присоску к западной древесной гряде.
Посмотри на меня, перворожденного (и) величайшего.

2. Олельбен цави, "Песнь об Олельбисе".

Olél bohéma ni tsulúli káhum síka ni.
Я велик наверху. Я загораю черное облако (там).

3. Песнь Хау (рыжего лиса).

“По каменному хребту на восток я иду.
По белой дороге я, Хау, пригнувшись, иду.
Я, Хау, насвистываю на звездной дороге”.

4. Песня Вайды Веррис ("Полярная звезда").

“Контур земли, который ты видишь,
Россыпь звезд на небе, которую ты видишь,
Все это - место для моих волос”.^[5]

^[5] Волосы в индийской мифологии, как и в других мифологиях, являются эквивалентом лучей света, когда связаны с солнцем и со светилами планет.

ЯНЫ

В качестве предисловия к немногим дошедшим до нас мифам яна я позволю себе привести следующие слова, касающиеся этого злополучного народа:

До августа 1864 года яна насчитывали около трех тысяч человек, как мне сообщили со слов надежных белых людей. Принимая во внимание названия и численность населения деревень, данные мне выжившими индейцами, я должен сказать, что эта оценка не слишком велика.

Во второй половине августа 1864 года яны были вырезаны, за исключением небольшого остатка.

Индейцы Калифорнии, и особенно из долины Сакраменто, были одними из самых безобидных людей. Вместо того чтобы представлять опасность для поселенцев, они работали на них за справедливую плату. Яна отличались от других готовностью зарабатывать деньги. Белые люди, занятые обработкой земли, знали им цену и каждый сезон нанимали их на сенокос и уборку урожая.

В наши дни винтусы и те немногие яны, которые остались, спускаются в долину и в течение сезона трудятся на полях и виноградниках, где выращивают хмель.

Почему были убиты яны?

Ответ таков: определенные индейцы жили или, скорее, скрывались в окрестностях Милл-Крик, в диких местах несколько восточнее Техамы и севернее Чико. Эти индейцы Милл-Крик были беглецами; они были вне закона из разных племен, в том числе из племени яна. Чтобы причинить вред последнему, они отправились в страну Яна примерно в середине августа 1864 года и убили двух белых женщин, миссис Аллен и миссис Джонс. Четверо детей также были оставлены ими умирать, но дети выздоровели. После убийств Милл Крики вернулись домой незамеченными, унося с собой различные награбленные вещи.

Сразу были сформированы два отряда белых мужчин, чтобы отомстить за женщин и четверых детей. Не пытаясь каким-либо образом выяснить, кто виноват, они немедленно напали на яна, не обращая внимания ни на пол, ни на возраст. Они решили истребить весь народ. Следующие несколько деталей покажут характер их работы:—

В Милвилле, в двенадцати милях к востоку от Реддинга, белые люди схватили двух девушек Яна и мужчину. Их они застрелили примерно в пятидесяти ярдах от деревенского отеля. В другом месте они пришли в дом белой женщины, у которой была девочка Яна семи или восьми лет. Они схватили этого ребенка, несмотря на сопротивление женщины, и выстрелили ей в голову. “Мы должны убить их, больших и маленьких, - сказал вожак. - гниды превратятся в вшей”.

В нескольких милях к северу от Милвилла жила девушка из Яны по имени Элиза, трудолюбивая, и ее очень любили те, кто ее знал. В то время она работала на фермера. Группа остановилась перед этим домом, и трое мужчин вошли в него. “Элиза, выходи”, - сказал один из них. “Мы собираемся убить тебя”. Она умоляла сохранить ей жизнь. Представителю, который некоторое время назад работал на ее работодателя, она сказала: “Не убивайте меня; когда вы были здесь, я готовила для вас, я стирала для вас, я была добра к вам; Я никогда не просила у вас платы; не убивайте меня сейчас”.

Ее молитвы были напрасны. Они отвели Элизу вместе с ее тетей и дядей на небольшое расстояние от дома и застрелили всех троих. Мой информатор насчитал одиннадцать пуль в груди Элизы.

После этого убийства компания выпила и тронулась в путь; но главарь, убивая Элизу, сказал: “Я не думаю, что эта маленькая скво еще мертва”. Поэтому он повернулся и размозжил ей череп своим мушкетом. Мужчина, который считал отверстия от пуль в ее груди, сам белый мужчина, видел ее после того, как ей проломили череп. Он хорошо знал девушку и сообщил мне эти подробности.

Другая группа отправилась на ферму на Литл-Кау-Крик, где они обнаружили трех мужчин яны, обмолачивающих сено в амбаре. Фермера не было дома. Они убили трех индейцев и пошли в дом. Три жены мужчин, убитых в сарае, были там и начали кричать. Жена фермера выбежала с одеялом, накинула его на трех женщин и встала перед ними, держа концы одеяла. “Если вы убьете их, вы убьете и меня”, - сказала она, повернувшись лицом к собравшимся. Женщина была неустрашима и, как оказалось, ждала ребенка. Убивать или пытаться убить в таких условиях было бы поступком слишком ужасным даже для таких героев; поэтому они ушли, поклявшись, что убьют “скво” позже. Эти три индианки были спасены и уведены за пределы досягаемости двух белых мужчин.

Итак, “мстители” миссис Аллен и миссис Джонс продолжили. В одном месте они убили индианку и ее младенца, в другом - трех женщин. В городке Коттонвуд они убили двадцать яна обоего пола. Самая ужасная резня в любом месте произошла недалеко от устья Оук-Ран, где триста яна собрались на религиозный танец. Они подверглись сильному нападению, и ни одна душа не спаслась. Резня продолжалась день за днем, пока вся земля яна не была очищена. Спаслись те немногие, кто оказался вдали от дома, за пределами своей страны, и около двенадцати человек, которых спасли мистер Оливер и мистер Дисселхорст, оба из Реддинга. Общее число выживших яна чистой и смешанной крови было недалеко от пятидесяти.

Через некоторое время после кровавой работы было проделано было обнаружено, что Милл-Крик преступников убил Миссис Аллен и Миссис Джонс, а что колесницах, были невиновны. Милл Крики остались безнаказанными.

Мои расспросы о том, как цивилизованные люди могли совершать такие зверства, нашли следующие ответы:—

В 1864 году в Северной Калифорнии существовало многочисленное плавучее и горнодобывающее население, которое “не имело никакого отношения к индейцам” и было готово убить их по малейшему поводу. В отличие от этих людей, небольшое количество поселенцев дружно жили среди яна и нанимали их для работы на земле. Убийство совершили люди, которые не знали яна. Те поселенцы, которые действительно знали Яна, были охвачены благоговейным страхом и не могли спасти их, разве что тайно, как в случае с двумя мужчинами, которые спасли трех женщин на Литл-Кау-Крик, переведя их за пределы опасности. Оливер и Дисселхорст, спасшие двенадцать человек, находились на окраине Реддинга, где была возможна поддержка. Поначалу ярость убийц была безграничной; они поклялись, что белых женщин больше не будут убивать в этой стране и что ни один индеец не должен остаться в ней в живых. Сильное чувство негодования по поводу этого убийства в сочетании с невыразимым презрением к индейцам было движущей силой в сердце большинства белых мужчин. Если бы

они смотрели на яна с обычным чувством справедливости, они бы попытались найти виновных, вместо того чтобы убивать целую нацию. Среди убийц индейцев был еще один элемент — подлый, элемент, который стремится прицепиться к каждому движению, хорошему или плохому, во всех местах, — элемент грабежа. В тот год Яны много работали, и не было ничего необычного в том, что у одиночек из них было от 40 до 60 долларов. Один информатор рассказал мне, что мужчина показал своему другу 400 долларов, которые он забрал у убитых индейцев. Деньги и все ценное, что было у яны, были схвачены этими грабителями.

Почти все люди, убившие Яна, уехали из страны или мертвы. Некоторые из них все еще находятся в Северной Калифорнии, и дети некоторых погибших сейчас живут там. Хотя чье-либо негодование по поводу событий 1864 года велико, нет смысла упоминать имена в этот час. Все, что нам осталось, - это сделать для бедных остатков интересного народа то, что мы сделали для индейцев в других частях света: дать им землю, должным образом обследованную, и средства начать на ней жизнь.

ПОБЕДА ХАЛАИ АУНЫ

Яны любили астрономические мифы или мифы о верхнем мире. В них часто появляются утренняя звезда и луна. Великая парилка солнца - это небесный купол.

Имя таинственного и могущественного старого дяди, Игуа Топа, как мне кажется, происходит от Игуна, главного парильщика, и Туина или Тойна, солнца. Преобладающее произношение - Туина, но также используется Тойна. Игуа - это правильная форма имени сын Игуны, как и Топа из Тойны. Это человек, чья сила хорошо известна the sun, который, очевидно, ясно осознает, насколько он опасен.

Выстрел Вакары в небо - любопытный вариант сгибания деревьев Тулчухеррисом и Сасом в мифе о Винту.

ХАКАСЫ И ТЕННЫ

Этот миф описывает смертельную вражду между людьми, которые были превращены в камень, то есть огонь, предположительно молнию, и гризли, или облачными людьми. После того как я уговорил его рассказать мне эту историю, рассказчик рассказал ее с неподдельным восторгом. Его симпатия к старухе Цувалкаи была велика, а его энтузиазм по отношению к Цаванди Камшупе, который вырос из плевка Цаванди Камшу, очевиден и поразителен. Происхождение Илхатайна в этом мифе и в следующем под названием “Илхатайна”, которое является обычным названием молнии, укрепляет мое мнение о том, что Винту Тулчухеррис, имя, которое является просто эпитетом, означающим “выкопанный”, - это тот же человек, что и Илхатайна из племени Яна. Обычную признанную молнию Винтус зовут Уолокит, она является дочерью Вимы Лоймис, девы медведя гризли, и солнца.

ИЛХАТАЙНА

В этом мифе молния “выкопана”, как и в предыдущем. Электричество - одно из детей земли.

Облачение Ильхатайны в шкуру Говилы - одно из любопытных действий, часто встречающихся в индийской мифологии. В культе ацтеков Мексики, во времена Монтесумы, приносящий жертву жрец надевал кожу жертвы до пояса.

Желание Илхатайны приобрести старую мантию из кроличьей шкуры заслуживает внимания.

АВТОСТОПОМ

У ирокезов циклон представлялся в виде огромной головы, имя которой у Сенеки - Дагва Ноэниент. Эта голова проходила через лес и вырывала с корнем самые большие деревья.

Метод, используемый лживым Метси, чтобы избавить мир от Хитчинны, может напомнить способ приготовления устриц на берегу моря в Вирджинии, недалеко от мест, где их выращивают.

ТИРУКАЛА

Я упоминал о Тирукале в мифе винту “Хавт”. Битва, описанная в этом мифе, и ребенок, который восстает из слюны с Обожженным лицом и достигает зрелости за один день, очень поразительны.

Тирукала олицетворяет активную, действующую сторону воды как персонажа, расширяющего долины, раздвигающего горы, создателя всех ручьев и рек. Тирукала работает не переставая, он поет во время работы и никогда не ест никакой пищи.

Хоут (в мифе о Винту) раскрывает художественную, поэтическую сторону одного и того же человека, чей голос подобен Ниагаре и бушующему океану в самом громком проявлении, голосу мельчайшего ручейка или дождевой капли в самом нежном.

ЖЕНЫ СУКОНИИ И СЕСТРЫ ИЧПУЛ

Примечательно, что в индийских мифах всякий раз, когда двух сестер куда-то отправляют, как в данном случае, и отец или мать предостерегают их от какого-нибудь обманщика, который, вероятно, встретится им на пути, старшая сестра обычно готова стать жертвой, младшая - мудрой и послушной, как в этом мифе.

Мы снова сталкиваемся со случаем надевания кожи убитого человека, чтобы стать похожими на него или на нее.

Проверка с принесением воды была идеальной, поскольку никто, кроме членов семьи, не мог знать, где она находится.

ОБРЕТЕНИЕ ОГНЯ

В этом, как и во всех индийских мифах о принесении огня, он добывается путем воровства. Преследование во всех случаях является наиболее напряженным.

В одном мифе вдоль дороги с небольшими интервалами расставлены ретрансляторы; они передают огонь друг другу в большой спешке. Наконец преследователи оказываются совсем

рядом, когда огонь достается тому, кто впоследствии становится черепахой; он кладет сокровище в рот и скатывается в глубокую реку, где прячется, пока сбитые с толку хозяева огня, опечаленные, не возвращаются домой.

ХАКА КАИНА

Здесь мы находим еще один миф о народе кремня.

У племен хакас и тенна мы наблюдаем борьбу между молнией и облаками. В Хака Каине миф олицетворяет наступление весны в более холодных регионах. Девы-лебеди отправляются на север с ранней молнией года. Следовательно, Хака Каина, военный вождь Вахкалу, великой резиденции Джупки, изображается похищающим их. В другом мифе, о котором, к сожалению, у меня есть лишь фрагмент, тех же самых дев-лебедей Хака Каина уносит на север с большой помпой и обстоятельствами. Вождя сопровождает огромный эскорт, в котором все персонажи являются явлениями весеннего времени. Его регулярные войска, его верные воины не мигрируют; они остаются в Вахкалу круглый год, если только не отправляются в какую-нибудь экспедицию. Самый характерный человек в эскorte - это разновидность тополя, листья которого трепещут, как у осины. Этот герой танцует все время, начиная с того места, откуда он отправился на юг, и заканчивая горой Шаства. Это дает прекрасную картину такого дерева, распускающего листья, которые радостно трепещут при приближении дев-лебедей.

Мобилизация Хакакайной сил, настолько многочисленных, что они окружают огромное основание горы Шаства, огромная пыль, которую они поднимают, пыль, которая поднимается к солнцу, их смерть в огне от рук Мини-аунов, их воскрешение и возвращение домой с девами-лебедями и всей добычей народа Хвипаджуси, задуманы в масштабе поистине грандиозном.

ТИТИНДИ МАУПА И ПАЙОВА, МЛАДШАЯ ДОЧЬ ВАКАРЫ

Пайова - вечерняя звезда. Самыми интересными дочерьми Вакары всегда были Халайя, или Халаи Ауна, и Пайова. Первая - утренняя, вторая - вечерняя звезда.

Сестра Халайи, Паннино, в этом мифе впоследствии стала раковиной, или, скорее, существом, которое живет в раковине, как и ее мать. Я не знаю, что это за ракушка Пахнино; у нее яркие цвета.

Увеличение и уменьшение количества пищи, магическая сила оружия, ревность и враждебность мужей других сестер - обычные явления в мифах яны такого рода.

ДВЕ СЕСТРЫ ХАКА ЛАСИ И ЦОРЕ ДЖОВА

Любовь такого рода, сестры к брату, время от времени встречается в европейских преданиях и, конечно же, является пережитком очень далекого прошлого. В этом мифе речь идет о любви одного из первых людей, женщины, впоследствии превратившейся в гагару, к своему брату, который впоследствии был превращен в дикую кошку.

Оживление - одно из самых известных представлений в американской мифологии, а также в кельтской. В Яне это делается путем пинания или переворачивания трупа ногой; путем отваривания в воде иногда одного волоска, иногда сердца; или путем удара по трупу веточкой куста красной розы. В кельтском языке это чаще всего делается взмахом друидического или магического рубильника, который напоминает метод Яны с розовой веточкой. Несомненно,

красная роза имеет значение. В кельтском языке нам не говорят, из какого дерева был сделан друидический посох.

В мифах Сенеки воскрешение из мертвых было очень впечатляющим событием. Иногда находили сухие, лишенные плоти кости сотен и сот первых людей, лежащие кучей или близко друг к другу. Герой, еще один из первых людей, толкает дерево гикори, как бы собираясь бросить его на них, крича при этом: “Поднимайтесь! или дерево упадет на тебя”. В этот момент все сухие кости выросли, обросли плотью и немедленно приняли свои прежние формы. Индийский юмор иногда проявляется, когда мы видим двух хромых людей из компании *uprisen*. В спешке, пока раскладываются сухие кости, две ноги сбиваются с пути; у двух персонажей по одной ноге, которые принадлежат ему, и одна, которая принадлежит его соседу.

ДЖУВАЙЮ

В этом мифе много и очень ценных элементов: важность снов, остановка или замедление хода солнца, музыка Джувайю при движении, выбор правильной дороги, нашествие паразитов, Юпка как наставник и помощник, призыв послать дочерей Дамхауджи ему навстречу, неистощимая оленина размером не больше грецкого ореха, чудесная музыка Джувайю на горе, возвращение домой бесчисленного количества оленей в теле олененка, гонка с зятьями Дамхауджи закон, встреча с ядовитым пауком, гремучей змеей и медведем гризли, шторм, утопление Дамхауджи и его воскрешение — все это делает эту историю одной из самых богатых историй Яны.

Игра двумя костями была очень похожа на игру в мяч. На обоих концах поля были установлены барьеры, и каждая сторона должна была перекинуть кости через барьер, к которому они были обращены.

Стартовая точка находилась в середине поля, на равном расстоянии от обоих барьеров. В начале игры все игроки собрались в этой средней точке; кости были брошены вверх, и все боролись за них. Тот, кто ловил кости на свою палку, либо швырял их в сторону барьера, за которым он хотел их спрятать, либо бежал к нему, неся их на острие своей палки. Если были бегуны быстрее его, они отбирали у него кости, или, если он бросал их вперед, они бежали и бросали их или несли к тому или иному барьеру. Кости были скреплены веревкой длиной в несколько дюймов.

В сказках Яны Дамхауджа, луна в последней четверти, играет большую роль. Я говорю "играл", поскольку, к сожалению, после событий 1864 года у нас остался лишь фрагмент знаний о Яне лоре. В этой сказке зятьями Дамхауджи на западном берегу реки были различные люди мапчмейна, то есть существа, которые несколько позже стали зверями, птицами, растениями, камнями и насекомыми на земле. Все звезды были его детьми. Его дочери, звезды, были замужем за людьми из племени Мапчмейна, за исключением двух, о которых мечтала Джувайю. Его сыновья, тоже звезды, жили рядом с ним и враждовали с его зятьями.

БЕГСТВО ЦАНУНЕВЫ И ПОРАЖЕНИЕ ХЕХКУ

Не так-то просто решить, кто такой Хеку. Ее самая обычная, если не сказать правильная, форма - это рогатая змея; но она принимает различные формы. Когда злится, или, скорее, когда приходит в ярость, она становится Путокьей, то есть человеком-черепом, как Хитчинна. Эти

Путокьи кажутся циклоном или мощным ветром, который движется по узкой тропинке и сметает все подчистую.

Сцена азартных игр в парилке Джупки хороша. У Хехку легкая работа, пока она не встретит мастера, который к своей несравненной силе добавляет коварство.

В игру, связанную здесь с парилкой Юпки, играют два человека, сидящие друг напротив друга. Один из них держит маленькую косточку “Джупайауна” или палочку в одной из своих сомкнутых рук, а другой угадывает, в какой руке она находится. Процесс игры заключается в следующем:—

В начале игры у каждого игрока есть десять маленьких палочек или жетонов. Человек держит “Джупайону” и начинает действие с того, что кладет руки за спину и решает, в какой руке держать кость в течение этого времени; затем он крепко сжимает руки и подносит их к груди. Он опускает их вниз, при этом мизинцы каждой руки касаются пальцев другой. Человек, сидящий напротив, угадывает, где находится кость; затем другой раскрывает обе руки и показывает свои ладони. Если эта кость находится в руке, указанной угадывающим, он выигрывает; если нет, он проигрывает. Игра считается законченной, когда у одной стороны на руках двадцать фишек; то есть когда одна сторона выиграла десять маленьких палочек, переданных другой в начале игры.

Поскольку Хехку сидела спиной к западу, ее правая рука была обращена на юг, а левая - на север. Когда ее противница угадывала юг, если кость была у нее в правой руке, она перекладывала ее в левую (север), буквально зачаровывая ее на север. Если кость была у нее в левой руке, она позволяла ей оставаться там, и таким образом выигрывала в каждом случае.

Юпка, ограничив игру одним угадыванием и подбирая слова, показал себя более искусным обманщиком, чем Хехку, чье затруднительное положение довольно хорошо описывается русской поговоркой “Коса нашла на камень”, или, как мы могли бы сказать, “кусачий укусил”.

ПЕРВАЯ БИТВА В МИРЕ И СОЗДАНИЕ ЯНЫ

Начало этого мифа чем-то похоже на начало “Оленьбиса”. Отправляется гонец с приглашением Мастера Кремня прийти и показать Мапчемейна, или первым людям, как убивать оленей. Кальцауна, владелец флинта, похож на Каткатчилу из Винтуса; позже он превращается в ящерицу. По характеру он другой, старый и вспыльчивый, хотя и либеральный, в то время как Каткатчила приветлив, но удивительно бережно относится к своему оружию и ценит его так высоко, что, когда кремьен крадут, он, не колеблясь, поджигает весь мир.

Кальцауна поместила различные виды кремня в места, где они встречаются по сей день, и научила первых людей делать наконечники для стрел.

Эти охоты первых людей или богов являются для яна великими прототипами охоты. По сей день все виды дичи находятся под контролем определенных духов первых людей, благосклонность которых необходима для успеха в охоте.

История превращения Ичинаипы в маленькую птичку дает хороший пример вынужденной метаморфозы, а также хорошую картину сурового духа индейской местности, унаследованного от первых людей.

Месть - священный долг, которым они не могли пренебречь ни при каких обстоятельствах. “Отмщение принадлежит мне, говорит Господь, и я получу его”.

Мачперками, крошечная собачка в волосах Туины (солнца), является точной заменой Винишуят из Wintus.

Спуск Туины на нижнюю сторону земли, его ночное путешествие с запада на восток по дороге, проложенной Юпкой, описаны с ясной и точной краткостью. Нет никаких сомнений относительно природы водяных гризли, которые поднимаются из океана и уходят в горы при приближении Туины.

Рассказ о сотворении Ян настолько краток, насколько это возможно, и в то же время полон.

МЕСТА ВИНТУ , УПОМЯНУТЫЕ В МИФАХ

Богема Мум

Бом Бели

Бом Пуук

Бом Тхил

Булибок Пуук

Бели Пуйвекат

Докопайся до Главного Пуритона.

Дау Паки Олел

ЁЛитсараутон

Эль Хакам

Халат Пом

Хан Бели

Хан Пом

Hĩhĩ Puihlut Ton

Гора Ветра Кахи Бели

Кайсанси Харастон

Kawikēn

Kēri Būli

Kĩlĩtsēpĩn Kenharas

Кенвенс Пом

Лазан Холок

Лор-Пом

Дерево Миол Тапа

Мумном Калай

Номкен Кобалус Вайммтон

Грейт-уотер, река Сакраменто.

Великая гора, Лысая гора.

Великий пик, гора Шаста.

Великий Техил.

пик Булибок.

Восточный склон горы.

Верхняя сторона плотины, над плотиной.

Корень чеснока плоский.

В локоть.

Земля виноградной лозы.

Лисья гора.

Совиная земля, ныне Слейт-Крик.

Восточная парилка Acorn.

.

Дорожное место Кайсуса.

в Кави.

Желудь горы.

стрелка выпрямитель вниз-дорога.

Смотрит вниз на землю.

Дом паука (или берлога).

Земля из песчаника.

на острове.

Южный водораздел.

Водное место Северной шелл.

Номлопи
Парильня оленя-
.
южнее, ныне Литтл-Сакраменто.
расположена
южнее.....Nörpuikën
Nörwan Būli
Nörwanbulihlut
Nörwīnte
ОлпўлчїТон,
Пант-Царау
Па-Пуйсоно

Pěněl Kěntě.
Покайтень Мам
Пом Вай Худи Пом
Гигантский Пом
Пуйдал Вуннем
Пуй Мам
Пуитильтон
Восточный хребет Пуй-Торр
Жилище Сасквия
Сонмй
Савал Пом
Суди Савал
Тайам Норел
Танал Пуок
Тёдё Пуок
Гора Техи Бели
Тидек Вайсоно
Торихам Пуи Торр
Токстон
Деревня Царау Хрил
Вертушка из Цокольного дерева
Вайкун Пом Пуи Хумак Пом

Вайхола Пуок

Южный Лопи.
Нофлюта
Река Неркен Мем
Деревня Нрпат Кодихерил
вниз на юго-восток.

Norwan горы.
Norwan горный пот-дом.
видел на юге.
дующий вверх, *то есть* место желаний.
Аппер-сэнд-флэт, ныне Фолл-Ривер.
Нос (мыс), выступающий на восток, сейчас
Реддинг.

воду для женских разговоров.
Земля на севере, грохочущая земля.
высаживается далеко на востоке.
Победил на Дальнем востоке.
Восточная вода, ныне река Пит.
В восточной части (регионе).
.
Саса.
У камней.
Земля для купания.
Купальня Суди.
Ждет на юге, сейчас в Тринити-центре.
Белый пик.
Красный пик.
Техи.
Северный нос (мыс носа).
Место восточного журавля.
Рок-Ридж Плейс.
Песчаная отмель, ныне Стиллуотер.
из белого дуба.
Земля на севере, восточная безмолвная
земля.
Северный трубный завод.

Вайкуди Пом
Вениамин

Северная страна Киди.
Мидл-Уотер, ныне река Макклауд.

МЕСТА ЯНЫ , УПОМЯНУТЫЕ В МИФАХ

Чупското	Красные скалы.
Daḥa	Великая вода, река Сакраменто.
Хакачимату	Сине-белый флинт плейс, Хорьковый источник.
Хакамату	Флинт-плейс, Гнездо канюка.
Хвиталмауна	Местечко для свиста, Маленькая квартирка.
Ивлями	Монтгомери-Крик.
Джамахди.	
Джиджелпа	Сидар-крик.
Джигульмату	Круглое место, Круглая гора.
Джука Мапти.	
Камшумату	Клевер-плейс.
КёТмату	Ядовитое место.
Kurulsa Mauna.	
Мотири Мауна.	
Оаймату	Полая гора к северо-востоку от Круглой горы.
Пауи	Кловер-крик.
Пульшу Айна.	
Вахкалу	Гора Шаста.
Вахканопа	Холм Лассена.
Ваджами.	
Вакарува	Жилище Вакары (луны).
Вамарави	Круглая гора у Болл-Крик.
Вевауна	Круглое место.

ЗНАЧЕНИЕ БУКВ В СПИСКЕ МЕСТ И В ИМЕНАХ ЛЮДЕЙ ПО ВСЕМУ ОБЪЕМУ

Длинный	=	а	в	ненавижу
Короткий	=	о	“	не
ИИ	=	я	“	укус
Аи	=	ой	“	сейчас
Очень долго	=	ИИ	“	приманка

Е короткий	=	е	“	пари
Я тоскую	=	иэ	“	свекла
Мне не хватает	=	я	“	немного
Очень долго	=	о	“	примечание
О короткий	=	о	“	не
Очень долго	=	оо	“	загрузочный
У тебя короткий	=	и	“	бык
J	=	наш J		
H	=	Немецкий		

Все остальные согласные имеют то же значение, что и наши.

Все краткие гласные обозначены знаком ; длинные не обозначены.

Когда индейское значение названий стало известно, я привел его перед нынешним названием места, данным белыми людьми. Когда имя, данное белыми людьми, стоит отдельно, это указывает на то, что индейское значение неопределенно или неизвестно.

Имена, выделенные предпоследним шрифтом, не имеют напечатанных на них ударений; все остальные имеют напечатанные ударения.

МИФЫ И ФОЛЬКЛОР ИРЛАНДИИ.

АВТОР: ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

С гравированным фронтисписом. Корона 8vo. Ткань, позолоченный верх, 2,00 доллара.

Мифы, включенные в этот том, были собраны лично автором в течение 1887 года на западе Ирландии — в Керри, Голуэе и Донеголе - и записаны из уст людей, которые, за одним или двумя исключениями, говорили только по-гэльски или совсем немного по-английски, да и то несовершенно. Этому способствует тот факт, что истории так хорошо сохранились, а не размылись и не стали нечеткими, как это бывает в местах, где древний гэльский язык, на котором они изначально рассказывались, погиб.

Содержание.

Введение.

Сын короля Эрина и Великана с озера Лох-Лейн.

Три дочери короля О'Хары.

Сын ткача и Великан с Белого холма.

Светлый, смуглый и дрожащий.

Король Эрина и королева Одинокого острова.

Ши ан Ганнон и Груагач Гайр.

Три дочери короля Востока и сын короля Эрина.

Сын рыбака и Груагач.

Тринадцатый сын короля Эрина.

Убил Артура.

Качающая головой.
Рождение Финна Маккамхейла.
Фин Маккамайл и фениа Эрина в замке Фир Дабх.
Фин Маккамхейл и Рыцарь Полного топора.
Гилла на Гракин и Фин Маккамхейл.
Фин Маккамхейл, Семь братьев и король Франции.
Черный, коричневый и серый.
Фин Маккамхейл.
Cucúlin.
Ойсин в Тире, штат Нью-Йорк.

УВЕДОМЛЕНИЯ.

Мистер Кертин первым представил публике сборник ирландских популярных сказок, который *по праву может быть поставлен в один ряд с лучшими за последнее время сборниками популярных сказок в Германии, Франции и Италии.... Восхитительная книга как для ученого, так и для широкого читателя.—Нация.*

Теперь я прочитал все ваши “Ирландские мифы”, возможно, за одним исключением, и от всего сердца хвалю вас за эту книгу. *Это удивительно свежо и наводит на размышления, и просто в качестве множества волшебных историй оно должно иметь большой тираж.* Фин Маккул и фениа Эрина в любом случае были отличными ребятами.—*Чарльз А. Дана.*

Вклад в литературу по теме, имеющей первостепенное значение.... Рассказы удивительно свежи и отчетливы, и они пронизаны редчайшим и восхитительным юмором.—*Маяк.*

Более восхитительной книги не попадалось под руку уже много долгих дней. В его рассказах есть, во-первых, подлинное звучание оригинальных мифов, истинное звучание фольклора, та неописуемая наивность, которая столь же очаровательна, сколь и неподражаема.—*Бостонский курьер.*

Более интересного и ценного вклада в литературу на эту тему никогда не было сделано.... Рассказы в этой книге очень очаровательны. Они охватывают широкий спектр, и как для взрослых, так и для детей нежного возраста они просто завораживают.—*Хроника Квебека.*

Работа коллекционера выполняется не только добросовестно, но и с таким умом, что рассказы имеют литературную ценность, достойную того, чтобы быть добавленными к скандинавским сагам и другим рассказам о диких приключениях и мифах.—*Бостонский журнал.*

ИРЛАНДСКИЕ СКАЗКИ О ГЕРОЯХ.

АВТОР: ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

Crown 8vo. Ткань с позолоченным верхом, 2,00 доллара.

Сказки, включенные в этот том, хотя и рассказаны современной речью, относятся к героям и приключениям древних времен и содержат элементы, характерные для ранних эпох повествования. Главные действующие лица в большинстве из них представлены как мужчины;

но мы можем быть совершенно уверены, что эти мужчины заменяют героев, которые не считались людьми, когда истории изначально рассказывались кельтской аудитории.—
Введение.

Содержание.

Элин Гоу, Кузнец-Мечник из Эрина, и Корова Глас Гайнах.
Сыновья Мора и Пастух из-под моря.
Саудан Ог и дочь короля Испании; Юный Конел и дочь Желтого короля.
Черный вор и три лошади короля Конела.
Сын короля из Эрина, Спрайсаун и Темный король.
Амадан Мор и Груагач из Золотого замка.
Сын короля и Белобородый Сколог.
Дайермуд Ульта и король Южного Эрина.
Жвачка, Кад и Микад, Трое сыновей короля Урху.
Кабал, Сын короля Конора, в Эрине, и Цвет Юности, Дочь короля Хатонии.
Колдфит и королева Одинокого острова.
Лоун Дьярриг, Сын короля Эрина и Рыцаря Ужасной долины.
Балор на острове Тори.
Балор Дурного глаза.
Арт, Сын короля, и Балор Бейменах, Два зятя короля Под Волной.
Шон Макбреган и король Белой нации.
Сын дачника и наполовину Стройный Чемпион.
Блейман, сын Эппла, в королевстве Уайт-Стрэнд.
Фин Маккул и дочь короля Белой нации.
Фин Маккул, Три Великана и Маленькие человечки.
Фин Маккул, Чадах Ог и Ведьма-Рыба.
Фин Маккул, Фаолан и Гора Счастья.
Фин Маккул, Суровый Гилла и Верховный король.
Битва при Вентри.

МНЕНИЯ.

Это захватывающие истории о героях. Ни один отрывок не может передать истории должным образом. Любой, кто возьмет в руки этот том, вряд ли отложит его, не прочитав.—
"Коммерческая газета Цинциннати".

Мистер Джеремайя Куртин, чей перевод романов великого польского писателя Сенкевича познакомил его с английскими читателями, продемонстрировал столь же замечательное мастерство в переводе на английский язык многих древних сказок об ирландских героях. Истории полны преувеличений и имеют подлинно ирландский колорит. Чемпионы, великаны, феи и ведьмы творят свои чудеса и заклинания захватывающим образом.—*Перспективы.*

Народ этой страны должен быть благодарен этому выдающемуся американскому ученому Джереми Куртину за переводы с различных и совершенно непохожих иностранных языков, которые он добавил к нашей литературе. Его версия замечательных романов Сенкевича

открывает нам интереснейший раздел истории, о котором англоговорящие люди до сих пор были глубоко несведущи; и его последняя публикация, "Сказки о героях Ирландии", возможно, не менее ценна, но с добавлением очарования дикого, восхитительного, первобытного кельтского воображения.—"Нью-Йорк Сан".

МИФЫ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ, ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН И МАДЬЯР.

АВТОР: ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

Crown 8vo. Ткань с позолоченным верхом, 2,00 доллара.

Содержание.

РУССКИЕ МИФЫ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

Три Королевства — Медное, Серебряное и Золотое.

Иван-царевич, Жар-птица и Серый Волк.

Иван-Крестьянский сын и Сам Маленький Человечек Ростом в Палец, с Усами длиной в Семь верст.

Перо Светлого Сокола Финиста.

Свинья с Золотой щетиной, Олень с Золотыми Рогами и Златогривый Конь с Золотым хвостом.

Вода молодости, Вода Жизни и Вода смерти.

Безногие и Слепые Чемпионы.

Три королевства.

Кощей Без Смерти.

Василисса Золотая Коса, Непокрытая Красавица.

Кольцо с двенадцатью винтами.

Безногий и Слепой.

Кощей Без-Смерти.

Пойди на край Гибели и верни Шмат-Разум.

Марья Моревна.

Елена Премудрая.

Семь Симеонов, родные братья.

Заколдованная принцесса.

Василисса Хитрая и Морской царь.

ЧЕХСКИЕ МИФЫ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

Боислав, Младший из двенадцати.

Стол, Рюкзак и сумка.

Король жаб.

Мышиная нора и Подземное царство.

Кирасир и Рогатая принцесса.

Вероломные братья.

МАДЬЯРСКИЕ МИФЫ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

Бедняк и король ворон.

Бесполезный возница.

Мирко, королевич.

Тростниковая дева.
Поцелуй Миклоша и Зеленую Дочь Зеленого короля.
Ежик, Купец, король и Бедняк.

МНЕНИЯ.

Книга столь же увлекательна, как любая сказочная книга, когда-либо издававшаяся; и просто из-за богатства воображения и редкой простоты изложения эти истории будут широко читаться.... Этот том, взятый в целом, является отличным дополнением к литературе, бесценным подспорьем для научных исследований и заслугой американской науки. Образованные люди этой страны поступят правильно, если купят и прочтут эту поистине замечательную книгу.—*Маяк*.

Будет полезен многим читателям, не только студентам, но и детям, которые проявляют неиссякаемый интерес именно к таким народным сказкам.—*Общественное мнение*.

Одновременно вызывающие восхищение и совершенно восхитительные ... в них чувствуется удивительная свежесть и индивидуальность вкуса.—*Boston Courier*.

Истории уникального характера, полные гротеска и удивительных приключений, рассказанные с прекрасной простотой стиля, которая хорошо говорит о добросовестности работы переводчика.—*Milwaukee Sentinel*.

Профессор. Иеремия Кертин дает нам большое собрание этих историй, многие из которых очень интересны, многие красивы, и все поразительно любопытны.—*Бостонский рекламодатель*.

Мистер Кертин не жалеет сил в своих исследованиях ранней литературы главных примитивных рас земли. Меньше года прошло с момента публикации его замечательной работы “Ирландские фольклорные предания”. В настоящем томе его открытия представлены среди трех других важных народов.—*Циферблат*.

Мифология еще не превратилась в науку. Его рассказы по большей части остаются просто любопытными произведениями литературы, в высшей степени образными и занимательными, но лишь слегка, если вообще связаны с истиной и разумом, насколько мы можем обнаружить. И все же к нам с мифологического неба время от времени проникает луч смысла, который обнадеживающим кажется обещанием того, что история достоверности и фактов в конечном итоге будет распространена далеко назад, возможно, в самые отдаленные эпохи человечества, благодаря освещению из этого источника. Мистер Джереми Кертин написал интереснейшее эссе, посвященное этой идее, во введении к своему новому сборнику “Мифы и народные сказки русских, западных славян и мадьяр” (Бостон: Little, Brown, & Co.). Это эссе, примечательное своим свидетельством научного понимания и исследования., его любопытная и удивительная информация и предложение, его совершенная ясность и редкое литературное очарование.—*New York Sun*.

Никто другой не смог бы так восхитительно передать на английском языке “Мифы и народные сказки русских, западных славян и мадьяр”. Один из самых ярких людей Бостона — поэт,

романист, критик и остро слов в одном лице — сказал мне, что перечитал эту книгу уже три раза и подозревает, что ему суждено перечитать ее еще много раз. В конце концов, есть ли что-нибудь столь же неизменно увлекательное, как фольклор, если только это не старинные баллады, которые превращают фольклор в музыку?... Обратитесь к самой книге и прочтите о “Жар-птице”, и “Сером волке”, и “Кольце с двенадцатью винтиками”, и “Короле жаб”, и “Тростниковой деве”, и вы забудете, читая, медленное течение смертных лет, и во сне перенесетесь в Страну Эльфов, где, я верю, они никогда не стареют. А затем, если вы хотите снова вернуться к активной человеческой жизни, прочтите эту энергичную и захватывающую повесть о любви и войне “Огнем и мечом”. —*Луиза Чандлер Моултон, в "Бостон Геральд"*.

Литературное очарование перевода велико, а тон, заданный при переводе сказок со славянского и мадьярского языков, наивен, но не глуп, естествен, но не монотонен.... Сборник открывается разнообразным сборником русских историй о металлическом и животном царствах; о заколдованных принцессах; о свиньях с золотой щетиной; о водах молодости, жизни и смерти; и о бессмертной юности. Удивительное воображение народов Руси игриво разыгрывается в этих творениях и демонстрирует беспричинное восхищение огромностью, физической силой и красотой, комическими ситуациями своих могущественных мифических царей и странными приключениями своих царских сыновей и цариц.... Взрослые дети, а также охотники за народными преданиями и суевериями, будут в восторге от этих причудливых фактов и фантазий, которые мистер Кертин переводит и соответствующим образом посвящает профессору Ф. Дж. Чайлду.—*Критик*.

СКАЗКИ О ФЕЯХ И МИРЕ ПРИЗРАКОВ.

Собрано по устным преданиям Юго-Западного Мюнстера.

АВТОР: ДЖЕРЕМИ КЕРТИН.

12то. Ткань, 1,25 доллара.

Это привлечет пристальное внимание образованных читателей во всем мире, которым нравится примитивная романтика, выраженная простым, незатронутым языком простых людей.—*Бостонский маяк*.

Издательство "ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ",
Вашингтон-стрит, 254, Бостон, Массачусетс.

Примечание переписчика

Название, означающее "черная лисица", упоминается в разных историях как Ипоку и Ипокос, в то время как растение с красными цветами упоминается и как есою, и как йосою. Они сохранены в печатном виде, поскольку могут указывать на языковые различия между источниками рассказа.

В рассказе "Норванчакус и Кериха" на странице 212 Кериха упоминает о выходе за пределы неба на юго-западе, затем выходит за пределы неба на юго-востоке. Это несоответствие сохранено в печатном виде.

В рассказе "Оленьбис" одного персонажа зовут одновременно Тиличи и Тиличчи. Хотя существует больше примеров тиличи, ссылка на словарь Винту предполагает, что тиличи, вероятно, ближе к правильному написанию. Однако в каждом случае оно сохраняется в напечатанном виде.

Были и некоторые другие несоответствия в написании имен собственных. Для удобства поиска там, где наблюдалось сильное преобладание одной формы над другой, переписчик привел их в соответствие следующим образом:

Страница 234—Ласассва исправил Ласасву — "Старый Ласасва взялся за один конец своей веревки ..."

Страница 276—Тулетот исправил на Тулитот — "Во время танца Тулитот вынул изо рта змею..."

Страница 285—Марима исправила Марими: "... а ты, моя жена, Очул Марими, приготовься; ..."

Страница 367—Марима исправлена на Марими—"... Ахаламила, Метси и старая Шушу Марими".

Страница 377—Wipajusi изменен на Hwipajusi—"... младшая дочь Хвипаджуси..."

Страница 381—Випаджуси исправлено на Хвипаджуси — "... и в сумерках эти двое мальчиков отправились к Хвипаджуси..."

Страница 384—Поправки Wipajusi внесены в Hwipajusi—"... добыча, привезенная из деревни Хвипаджуси; ..." и "три дочери Хвипаджуси тоже были там..."

Страница 408—Хитчина исправил слова Хитчинны: "Хитчинна лежал в углу ..."

Страница 428—Джувайя исправлено на Джувайю — "'Сейчас я спою", - сказал Джувайю..."

Страница 503—Покалия исправлена на Покаила—"... (Пом, земля; Покайла, старуха)..."

Исправлены незначительные пунктуационные ошибки, а расстановка переносов приведена в соответствие.

Исправлены следующие типографские ошибки:

Страница vii—ix с поправками к xi—"Введение xi"

Страница viii—487 исправлено на 485-"Примечания и названия мест 485"

Страница 111—исправлено на "хочу" — "Я хочу послать кого-нибудь посмотреть, сколько там людей ..."

Страница 343—вукпекер исправлен на woodpecker — "... и шкуры выдр и скальпы рыжих дятлов, ..."

Страница 523—ХАЙКА изменена на ХАКА — "ХАКА КАЙНА"

У каждого рассказа в оригинальной книге была страница с половиной названия.

Повторяющиеся названия удалены. Пропущенные номера страниц были этими или пустыми страницами в оригинальной книге.